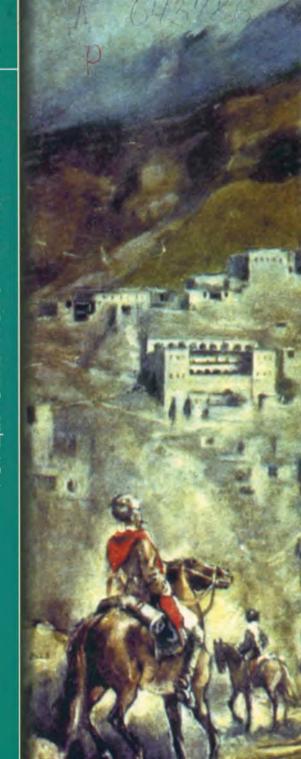
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ Ш. М. Казиев, И. В. Карпеев

lopijeb cebepholo kabka3a b XIX Beke

MOBCEANERNAS

Ш. М. Казиев, И. В. Карпеев

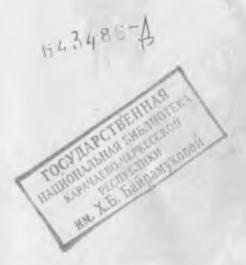
COPLEB CEBEPHORO KABKA3A B XIX BEKE

16.5 15 155.4V

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА «КУЛЬТУРА РОССИИ»

(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

[©] Казиев Ш. М., Карпеев И. В., 2003

Издательство АО «Молодая гнардия», жудожественное оформление, 2003

Народы, населяющие древние горы Кавказа, всегда отличались своей самобытностью. Эта книга откроет читателю колоритную панораму их жизни в XIX веке.

Разнообразные природно-климатические, социально-экономические и политические условия существования горцев накладывали особый отпечаток на их бытие.

По преданиям, на Кавказе был прикован Прометей, подаривший людям огонь и знания. В Библии говорится, что к Арарату пристал Ноев ковчег, а сыновья патриарха стали прародителями множества народов, расселившихся по земле. Немецкий анатом и антрополог И. Блуменбах, создатель классификации рас современного человека, определил кавказскую расу как большую европеоидную.

Волны истории оставляли на Кавказе разнообразные следы, но не смогли серьезно повлиять на традиционный уклад жизни. Лев Гумилев считал Кавказ «этническим заповедником», и горцев вполне можно назвать хранителями первооснов бытия: в горах и сегодня можно встретить проявления самых разных форм эволюции человечества.

Чарующие образы Кавказа оставили на своих полотнах художники Ф. Рубо, И. Айвазовский, Г. Гагарин, Т. Горшельт, М. Врубель, Е. Лансере.

Здесь находили вдохновение классики русской и мировой литературы А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой, А. Дюма и многие другие.

Авторы надеются, что предлагаемая книга поможет читателям лучше узнать народы Кавказа, их культуру и национальный характер.

Авторы приносят извинения за возможные неточности, в том числе — в написании этнических терминов, обусловленные как большим количеством материалов, так и имеющимися в них разночтениями.

Объем книги не позволил представить все стороны жизни всех народов Кавказа. Для более полного ознакомления читатели могут воспользоваться изданиями, приведенными в библиографии.

Поскольку вопросы, касающиеся происхождения и расселения народов Северного Кавказа, еще не до конца изучены и остаются предметом исследований, авторы ограничились их общим обзором.

І. СТРАНА ГОР И ГОРА ЯЗЫКОВ

Кавказское многоголосие

Языки горцев Кавказа (их более сорока) весьма разнообразны, как разнообразны населяющие Кавказ народы. Ученые называют кавказские языки иберийско-кавказскими, включающими группы картвельских, абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Иногда дагестанские и нахские языки рассматривают как две различные группы. Представлены на Кавказе и другие языковые семьи.

На нахско-дагестанских языках говорят чеченцы и ингуши, аварцы (вместе с имеющими самостоятельные, но близкие аварскому языки ахвахцами, каратинцами, андийцами, ботлихцами, годоберинцами, тиндалами, чамалялцами, багулалами, хваршинами, дидойцами, бежтинцами, гунзибцами, гинухцами и арчинцами), даргинцы (включая кубачинцев и кайтагцев), лезгины, лакцы (лаки), табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры.

К абхазо-адыгской группе принадлежат адыги, черкесы, кабардинцы, абхазы и родственные им на-

роды Западного Кавказа.

К тюркской группе алтайской языковой семьи относятся кумыки, карачаевцы, балкарцы, азербайджанцы и ногайцы.

Осетинский и татский (язык горских евреев) язы-

ки принадлежат к иранской группе индоевропейской семьи языков.

Языки горцев во многих отношениях уникальны. Язык табасаранцев, живущих в Дагестане, попал в Книгу рекордов Гиннесса, поскольку он использует самое большое в мире число падежей — 37.

Мало кому удавалось говорить на языках горцев с безупречным произношением. В ряде языков превалируют гортанные звуки, иные напоминают клекот орла. Возможно, высокогорье, разреженный воздух, другие природные особенности способствовали тому, что язык принимал форму наиболее оптимальную для каждой климатической зоны, которых на Кавказе много — от субтропиков до вечных ледников.

В этом смысле они имеют много схожего с языками майя, инков и других высокогорных народов.

Где жили народы

Одной из крупных северокавказских этнических общностей являлись адыги, известные в письменных источниках под общим названием черкесов. По сведениям турецкого путешественника Эвлия Челеби (XVII в.), «страна Черкестан простирается от склонов Анапских и Обурских гор вплоть до берегов реки Кубани». Западную часть Черкесии занимали племена жанеев и шегаков. Первые подразделялись на две группы: Большая Жана располагалась к северо-западу от нынешнего Туапсе; Малая Жана — по рекам Абин, Иль и Хабль — притокам реки Кубани. Шегаки жили вблизи Анапы, у подножия Бешкуйских гор. В прибрежной полосе Черкесии располагалась еще одна группа адыгов — адаме. Но наиболее крупным этническим образованием среди западных адыгов были хатукаевцы, проживавшие по рекам Абин, Абурган и Иль.

На Северо-Западном Кавказе среди адыгов обитали абазины. Э. Челеби называет ряд этнических групп, находившихся между реками Бзыбь и Туапсе, «говоривших и по-абазински, и по-черкесски». Это абазо-

адыгская группа хамыш (кумыш), саднса (садзы), джинеты (джигеты), абхазы, суджа — ватихи (убыхи), ашегали, сууксу и др. Абазины жили между адыгами и северо-западнее Туапсе — у Анапы вплоть до Кубани.

В источниках XVI века северокавказские абазины известны также по названиям правящих феодальных фамилий — Лоо, Биберди, Дудоруко, Клыч и

Джантемир.

Часть адыгов, занимавшихся скотоводством, в поисках обширных пастбищных угодий откочевала на север от реки Кубани, в восточное Приазовье, а также на юго-восток, в бассейн реки Терек. Таким образом здесь появилась самостоятельная народность — ка-

бардинцы.

Русские, утвердившись на правом берегу реки Кубани в конце XVIII века, застали следующую картину. По словам автора записки «Взгляд на местность, обитаемую черкесами», «юго-западная покатость Кавказского хребта от урочища Гагры до крепости Анапы и все Закубанье, или северная покатость Кавказского хребта, от крепости Анапы до истоков Кубани, населены обществом, называемым от нас черкесами; собственно же горцы называют себя адиге и абадзе. К отделу адиге принадлежат общества: бзыдух (бжедух) или хамышей и черчиней, хемкюй или тимгоргой и адымий, гатгокай, мохош, беслиний (беслиней), жане, хегайк и кабардей или кабардинцы. К отделу абадзе принадлежат: абадзех (абадзехи), шапарг (шапсуги), натохадж (натухайцы) и убых (убыхи). Как адиге, так и абадзе — одного происхождения; говорят одним языком, разность в поднаречиях сравнительно как между великорусским, малороссийским и белорусским языками, — все друг друга понимают...».

К середине XIX века этнический состав края стабилизировался. На Северо-Западном Кавказе, как и в XVIII веке, жили крупнейшие адыгские народы — натухайцы, шапсуги, абадзехи; на Черноморском побережье — убыхи и абхазы. Почти ассимилировались более мелкие этнические группы адыгов — шегаки, жанеевцы и др.

На Кубанской равнине расселились бжедухи, те-

миргоевцы, адамиевцы; по Лабе — егерукаевцы, махошевцы, бесленеевцы. В междуречье Кубани и Лабы осели кубанские ногайцы. В верховьях рек Лаба, Белая, Большой и Малый Зеленчук обитали абазинские этнические группы: баговцы, баракаевцы, кызылбековцы, тамовцы, башильбаевцы. Эта группа абазин называлась шакарда (горцы) в отличие от тапантинцев — жителей равнин.

Кабарда в конце XVI века разделилась на Большую (от реки Малки до реки Урух) и Малую (от Уруха до Среднего Терека и по правому берегу Терека). Вплоть до начала XIX века население не вело оседлого образа жизни в силу целого ряда причин: занятия скотоводством, феодальных усобиц, эпидемий, а также в связи с постоянной опасностью, исходившей от со-

перничавших за Кавказ держав.

Соседями кабардинцев были карачаевцы и балкарцы, занимавшие смежную территорию у отрогов Эльбруса. Карачаевцы в 30—40-х годах XVII века прочно обосновались в верховьях Баксана. На карте XVII века А. Ламберти карачаевцы (карачиоли) уже помещены на территории нынешнего Карачая. Согласно русским документам 1639 года, карачаевцы жили по Баксанскому ущелью. В первой половине XVII века часть карачаевцев из-за феодальных распрей выселилась в верховья реки Кубани. Родственные карачаевцам балкарцы населяли Балкарское ущелье вдоль реки Черек.

В XIX веке карачаевцы населяли Приэльбрусье, истоки Кубани и ее верхних притоков; балкарцы — северные склоны центральной части Главного Кавказского хребта и ущелья рек Баксан, Чегем, Черек и Укван; кабардинцы — равнины и предгорья в бассей-

нах Кумы, Малки, Баксана, Черека и Терека.

Этническая территория осетин находилась в центральной части Северного Кавказа, преимущественно в пределах горных ущелий верховьев Терека и его левых притоков: Гизельдона, Фиагдона, Ардона и Уруха. В связи с малоземельем часть осетин мигрировала за Главный Кавказский хребет на территорию Южной Осетии. В XIX веке осетины стали засе-

лять Владикавказскую равнину. В этот период в Северной Осетии оформились общества Алагирское,

Дигорское, Куртатинское и Тагаурское.

От бассейна рек Камбилеевки и Армхи на западе до Аксая на востоке размещались вайнахи: чеченцы (нохчи), ингуши (галгаи), карабулаки (орстхой) и аккинцы (аккхи). Историческую, культурную и языковую общность этих народов отмечал русский филолог-кавказовед П. К. Услар (1816—1875). «Чеченский язык. — писал он, — представляет замечательный характер единства: уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднения могут разговаривать друг с другом, за исключением разве джераховцев (ингушское племя. — Авт.), которые говорят весьма измененным наречием».

Предки вайнахов, как считают некоторые исследователи, упоминаются в «Географии» Страбона (II в. н. э.) под именем гаргареев. Древний географ считал их соседями мифических амазонок, якобы обитавших на реке Термадонт (Терек). В «Армянской географии» VII века Анания Ширакаци значатся прямые предки чеченцев и ингушей — нахчаматьяны (люди, говорящие на нахском языке) и кусты (кисты, кистинцы). В грузинских хрониках XI века Леонтия Мровели, своде летописей «Картлис Цховреба» и капитальном труде историка Вахушти Багратиони «Сакартвелос Цховреба» («Жизнь Грузии») вайнахские племена названы глигвами и дзурдзуками (последний этноним сохранялся вплоть до XVIII в.).

Территорию расселения вайнахов в XIX веке описал исследователь А. Л. Зиссерман в своих воспоминаниях «Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867)»: «Параллельно северному склону Главного Кавказского хребта тянется довольно высокая, покрытая густыми лесами, преимущественно чинарами (бук), цепь гор, известных под именем Черных (покрытые лесом, они, в сравнении с высящимися за ними снеговыми скалистыми громадами, всегда темны, отчего и название Черных). От их границы до другого незначительного безлесного гребня, называемого Сунженским, стелется обширная плодородная долина протяжением более полутораста верст, покрытая густыми лесами, омываемая от юго-запада на северо-восток рекою Сунжею и прорезанная множеством горных речек и ручьев, впадающих в Сунжу... Восточную часть этой долины омывает река Мичик в слиянии с Гумсом; тут чеченцы называют себя мичиковцами. Еще восточнее, в гористой, менее плодородной части, вдаваясь более в уступы Черных гор, по речкам Ахташ, Ямансу и Ярыксу живут самые воинственные из чеченцев, называя себя ичкеринцами и ауховцами. Небольшая часть живет на безлесной плоскости, между Сунжей и Тереком. Река Аргун, протекая из главного хребта с юга на север, прорезывает Черные горы и плоскость на две части, впадая в Сунжу. Лежащая по правому берегу Аргуна часть до Ичкерии и Ауха названа Большою, а по левому — Малою Чечней. Таким образом, чеченское племя занимает бассейн рек Сунжи и Аргуна и северо-западный склон Андийского хребта до его подножия. Есть еще выше, в ущельях главного хребта, по реке Ассе и малым притокам ее, равно и Аргуна, общества, известные под общим названием кисты или кистинцы: галгаевцы, цоринцы, митхо, майсти и др. ... Я полагаю даже, что эти кисты суть собственно родоначальники тех жителей лесистой плоскости, которую мы называли Чечней по имени одного большого аула Чечень, ставшего нам известным еще со времен Персидского похода Петра І, когда нашим войскам пришлось в первый раз встретиться здесь в бою с горцами этой части Кавказа».

Наиболее пестрой была этническая картина в Дагестане. Народности формировались здесь в условиях активного взаимодействия на протяжении ряда столетий оседлого коренного населения и многочисленных пришельцев-завоевателей. В разное время почти все дагестанские племена в той или иной мере оказывались под властью Кавказской Албании, Сасанидского Ирана, Хазарии и Арабского Халифата. По армянским источникам, в IV веке в Дагестане правили 11 царей.

Самой многочисленной дагестанской народностью традиционно являлись аварцы, проживавшие по долинам рек Аварское Койсу, Андийское Койсу, Кара-Койсу и их притоков, а также в верховьях Сулака.

Еще в V веке на их землях возникло первое государство — Серир. Название Авария произошло, вероятно, от имени царя Серира Авара (VI в.), если имя самого Авара не есть обозначение его происхождения от известных в истории аваров.

Самоназвание аварцев — «магІарулал», что значит

«горцы».

Изучая язык кавказских аварцев, П. Услар пришел к выводу, что они не имеют ничего общего с урало-алтайским (финно-тюрко-монгольским) кочевым племенем аваров, игравшим в V—VIII веках заметную роль в истории Европы. Вместе с тем среди современных ученых существуют и другие точки зре-

ния по вопросу о происхождении аварцев.

Область распространения аварского языка в Дагестане XIX века определялась в виде полосы: от Чир-Юрта на севере до Закатал на юге; в длину около 160 верст и в ширину, с запада на восток, до 70 верст (в районе Хунзаха). Язык имел несколько наречий, главными из которых были хунзахское (северное) и анцухское (южное). Согласно Услару, на аварском языке в середине XIX века говорило не менее 100 тысяч человек.

Лакцы (лаки) населяли территорию центральной части Нагорного и ряд районов Приморского Дагестана. П. Услар допускал тождество лаков с легами или леками, упоминавшимися у Страбона и Плутарха. У лакцев существовало множество родственных диалектов; одним из самых распространенных стал кумухский — язык жителей села Кумух. Объясняя местное название народа — «казикумыки» (казикумухи), П. Услар писал в предисловии к грамматике лакского языка: «Главное селение лаков называется Гумуга (Кумух); лаки ранее других горских племен приняли исламизм, через что приобрели право на почетное прозвище «гази» (воюющие за веру). Из соединения прозвища и названия глав-

ного селения произошло этническое название ка-

зикумух...»

Центральную часть Дагестана занимали даргинцы (в русских источниках XIX в. — акушинцы) и родственные им кайтаги, кара-кайтаги и кубачинцы (жители высокогорного села Кубачи). Кайтаги известны с IX века, когда в арабских источниках встречается упоминание о территории их проживания Хайлаке.

Лезгины — население южного и юго-восточного Дагестана, территория которых охватывала земли по реке Гюльгерычай, среднему и верхнему течению реки Самур и южной оконечности Главного Кавказского хребта. С XVI века земли лезгин в источниках именовались «Лезгистаном». В этническом отношении они делились на три большие группы: кюринскую, самурскую и кубинскую.

Близки к лезгинам были табасаранцы, агулы, рутулы и цахуры. Первые занимали бассейн реки Рубас в

юго-восточном Дагестане.

Рутульцы и цахуры проживали в Южном Дагестане в бассейне Самура, на южных склонах Главного Кавказского хребта, а также в приморских районах современного Азербайджана. Документы упоминают эту территорию в начале I тысячелетия как «страну гелов», входившую в состав Кавказской Албании. Рутульцы и цахуры составляли множество этничество в приможения при ких групп со своими диалектами.

Агулы именуются по месту первоначального расселения — ущелью Агулдере. Постепенно они заняли труднодоступные ущелья центральной части юговосточного Дагестана. Почти каждое селение говорило на собственном диалекте. Существование агульских поселений с современными названиями известно уже с XI—XII веков.

Кумыки в XIX веке населяли часть Прикаспийской

низменности (Кумыкскую равнину) от Терека вдоль Каспия до реки Орасай Булак. Они подразделялись на две группы — терскую и аксайско-сулакскую.

Через Кумыкскую равнину некогда пролегал Великий шелковый путь и шло Великое переселение

народов. На месте древних царств и городов Семендер, Беленджер, Таргу, Эндери теперь располагались шамхальство Тарковское, Мехтулинское ханство и другие феодальные образования.

Кумыкский язык схож с тюрским, имеет много общего с балкарским, карачаевским, ногайским, азербайджанским и был основным языком межнацио-

нального общения, особенно в Дагестане.

На Северном Кавказе проживали также ногайцы (нагайцы). Миграция их в предгорья началась еще в XV веке. Особенно она усилилась с середины XVI века, когда Ногайская Орда, в силу внутренних противоречий, разделилась на Большую и Малую. Последняя в начале XVII века с Дона откочевала «с улусными людьми к Теркам в Кумыки», расположившись, по словам современника, «меж Койсы и Аксаю». Часть ногайского населения, по свидетельству Э. Челеби, породнилась с черкесами и кабардинцами и кочевала «в горах и степях, имея 10 тыс. шатров». Еще одна группа ногайцев, найман, обосновалась в низовьях Сулака и Терека.

В приморской части южного Дагестана в районе Дербента обитали азербайджанцы, терекемийцы и горские евреи (в литературе их иногда называют татами), которые проживали и в других районах

Кавказа.

Этнографы В. Миллер и М. Ковалевский в очерке «В горских обществах Кабарды» писали: «В версте от Нальчика раскинулась довольно обширная еврейская колония. Интересуясь горскими евреями, сохранившими свой тип в несравненно большей чистоте, нежели европейские, мы отправились туда. Мужское население было на базаре в Нальчике, и из окон и дверей на нас с любопытством смотрели смуглые библейские лица женщин и детей... Остановившись перед чистеньким домиком рабби, мы вошли к нему, чтобы собрать некоторые сведения».

Составители этнографического очерка «Горские евреи», опубликованного в третьем выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах», считали, что таты — «потомки тех евреев, которые взяты были в

плен Салманасаром Ассирийским еще во времена первого существования храма Иерусалимского, ибо употребляемые у них имена, мужские и женские, употреблялись еще во времена странствования евреев в Аравийской пустыне и во время судей и царей израильских... Имена мужские: Мамфе, Аминодав, Нахшон, Эльдод и др., принадлежащие ко времени Судей; Авнер, Бенологу, Иоав, Цефания и много других, принадлежащих ко времени Израильского царства, при первом храме. Женские имена: Авигаил, Авишаг, Оснат, Билга, Махлас, Серах, Пенина, Керенганух, Шунамит, Иоэл, Исмина, Иска и пр., не существующие вовсе теперь у европейских евреев».

Среди адыгов, в бассейне Терека и почти во всех городах, слободах и штаб-квартирах российских войск на Северном Кавказе жили армяне. Грузины обосновались преимущественно в городах (Кизляр, Моздок и др.). Греки обживали Черноморское побе-

режье Кавказа.

В первой половине XIX века по правой стороне реки Кумы, от урочища Джилан к морю, обитала группа туркмен с Мангышлака (около тысячи кибиток). От реки Маныч до Каспийского моря кочевали 9 улусов калмыков.

История с демографией

Данные о численности народов Северного Кавказа, относящиеся в основном к середине XIX века, весьма приблизительны и противоречивы. Сами горцы такого учета не вели, а попытки властей провести перепись населения встречали противодействие. «Все цифры, которыми обозначали кавказское население, — писал путешественник Ф. Ф. Торнау, — брались приблизительно и, можно сказать, на глаз, так как, по понятиям горцев, считать людей было не только бесполезно, но даже грешно: почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи...» Горцы опасались также, что материалы переписи бу-

643486-1

HALINOMATIBHAR EREJIHOTEMA KAPASAEBU SII MEBUCKOM дут использованы царскими властями для усиления налогового гнета, осуществления рекрутских наборов и введения обязательной воинской повинности. Немалые изменения в численность населения вносили эпидемии, племенные междоусобицы, продажа людей в рабство в Османскую империю, затяжная Кавказская война 1817—1864 годов.

Численность северокавказского населения, приведенная оценочно в «Обзоре политического состояния Кавказа в 1840 г.», такова:

Абхазского племени — свыше 69 тыс. чел.

Племени адыге (черкесы), включая кабардинцев—423 тыс. чел.

Племени татар (ногайцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы) — 115 тыс. чел.

Племени осетин — 61 тыс. чел.

Племени ингушей — свыше 33 тыс. чел.

Племени чеченцев — 64 тыс. чел.

Племени лезгин (включая и другие народности Дагестана) — 340 тыс. чел.

Всего: свыше 1 110 тыс. чел.

В книге «История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г.» мы найдем несколько иные цифры: осетин в 1831 году — 16 тыс., ингушей и чеченцев в 1840 году — 38 и 138 тыс.; адыгов в середине XIX века — более 500 тыс.; балкарцев — около 9 тыс., карачаевцев — около 15 тыс.; население Дагестана в 1860 году — около 0.5 млн. чел.

Этническую карту Северного Кавказа значительно изменило так называемое мухаджирское движение (массовое переселение горцев в Османскую империю) на завершающем этапе Кавказской войны. По далеко не полным данным, в 1858—1865 годах с Кавказа в Турцию выселилось около 1 млн. чел., в том числе: натухайцев — 45 023, абадзехов — 27 337, шапсугов — 165 626, убыхов — 74 567, джигетов — 11 873, бжедухов — 10,5 тыс., абазинцев — 30 тыс., бесленеевцев — 4 тыс., темиргоевцев, мохошевцев, егерукаевцев — 15 тыс., прикубанских но-

гайцев — 30 650, кабардинцев — 17 тыс., чеченцев — 23 193 чел. В это число не входит множество горцев, которые эмигрировали без оформления соответствующих документов, а также небольшие народности, которые в результате этих процессов ассимилировались или вовсе исчезли. По мнению историка Г. А. Дзидзария, всего в Турцию с Северного Кавказа переселилось от 700 до 900 тыс. чел. В результате целые районы, особенно на Западном Кавказе, обезлюдели. В 60—70-х годах XIX века там обосновались переселенцы из южных и центральных губерний России.

По данным на начало 1868 года на Северном Кав-

казе проживали:

В Кубанской области -79459 чел. (адыго-черкесы, карачаевцы).

В Терской области — 285 569 чел. (кабардинцы, балкарцы, осетины, ингуши, чеченцы, кумыки).

В Дагестанской области — 425 457 чел. (все наро-

ды Дагестана).

В Закатальском округе $-52\ 215$ чел. (аварцы, лезгины и родственные им народности).

В Сухумском округе -64933 чел. (абхазы).

Согласно первой всероссийской переписи населения, в 1897 году население Северного Кавказа уже составляло около 4,5 млн. человек, увеличившись за 30 лет более чем в 2 раза.

Население региона выросло главным образом за счет русских переселенцев. К примеру, в Кубанской области, где рост населения был наибольшим, обосновались переселенцы из 18 губерний.

Северные соседи

На Северном Кавказе обитали не только горские народы. Начиная с XVI века предгорья и районы степного Предкавказья осваивают русские переселенцы. Это были казаки — вольные люди, бежавшие

на окраины государства от притеснений помещиков

и царских властей.

Свободолюбивые горцы встретили пришельцев доброжелательно, чему в немалой степени способствовали традиционные кавказские обычаи гостеприимства и взаимопомощи. Горец считал своим священным долгом оказывать при надобности материальную помощь кунаку-казаку. Точно так же относились казаки к своим кунакам-горцам.

Историк Кубанского казачьего войска Ф. А. Щербина писал: «При заселении края черноморцы сразу же вступили в дружественные мирные отношения с черкесами. Часть горцев в это время переселилась в Черноморию... Когда впоследствии были нарушены мирные отношения, черноморцы не переставали поддерживать отношения при посредстве меновых дворов, базарных пунктов и русских «ярмарок».

Несмотря на отдельные столкновения и неурядицы, казаки и горцы не только поддерживали обычаи куначества, но и гордились своей дружбой, переда-

вая ее детям от поколения к поколению.

«Живя между чеченцами, — свидетельствует Л. Н. Толстой, — казаки породнились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни, нравы горцев».

Даже в период Кавказской войны не прекращались связи между горцами и русским населением Се-

верного Кавказа.

Документы свидетельствуют, что когда генерал А. П. Ермолов «приказал дагестанцам выдать всех скрывавшихся у них русских беглецов... один акушинец привел старого русского солдата и, прощаясь с ним со слезами, дал ему две тысячи рублей серебром, прибавляя к этому еще 20 коров и 50 баранов. 18 лет тому назад, — говорил горец, — будучи в крайней бедности, я принял бежавшего в горы русского солдата и выдал за него замуж свою дочь. Труд солдата обогатил его, и поэтому он разделил имущество и его долю вручил ему, но солдат отказался получить все, взял только сто рублей».

«Браки между горцами и казаками, - писала

в 1892 году газета «Терские новости», — составляли в стародавнее время самое заурядное явление, и путем смешения образовался особый тип гребенского казака... Поразительная физическая красота и креность этого типа общеизвестна... Сплошь и рядом средь казаков попадается тип красавца-горца».

Известны целые фамилии, ведущие свои родословные от русских солдат, оставшихся в свое время

в горах.

О хозяйственных заимствованиях и взаимовлиянии культур горских народов и русского населения Северного Кавказа читатель узнает из других глав книги.

Русские писатели о горцах

Лучшие представители русской культуры, оказавшиеся волей судьбы на Кавказе, очень скоро приходили к переосмыслению официальных стереотипов по отношению к горцам, к необходимости поисков путей мирного, братского сосуществования.

Прекрасная, окутанная чарующими легендами страна, ее воинственные жители, смешение языков, рас, религий, политических интересов и человеческих страстей, — все это стало для писателей бурным источником творческого вдохновения, породив в русской литературе новое романтическое направление.

«Я вижу Кавказ, — писал Бестужев-Марлинский, — совсем в другом виде, как воображают его себе власти наши». Сроднившийся с Кавказом, как перелетная птица, обретшая родину вдали от гнезда, он говорил: «Не ищите земного рая на Евфрате, он здесь...»

У Бестужева было много кунаков среди горцев, он узнал их, как никто другой. Видя в горцах братьев по духу, Бестужев восклицал: «Черт меня возьми, какие удальцы, что я готов расцеловать иного!» «Кавказских горцев напрасно обвиняют в жестокости, — писал он. — Очень редко были примеры, чтобы они терзали попавшихся им русских даже в пылу гнева

или мести, на самом поле сражения. У себя дома горец заботливо промочит раны пленнику, попотчует бузой, разделит пополам черный чурек свой...»

Бестужев сам стал похож на горца в своей дорогой бурке и лихой папахе, в манерах и воинской дерзости. Он ввел моду на все кавказское, и мода эта проникла в высшее общество. Уже и самого императора живописцы изображали в черкесском костюме на фоне кавказских гор.

Тот же Л. Н. Толстой в «Набеге» вопрошал: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных?..»

Пушкин, которому горцы поначалу представлялись полудикими детьми природы, в «Путешествии в Арзрум» писал: «Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы... Впредь не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям».

М. Лермонтов, называвший Кавказ «суровым царем земли», писал: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..»

В другом произведении поэт признавался: «Я многому научился у азиатов, и мне хотелось проникнуть в таинства азиатского миросозерцания... Поверьте мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений».

В «Валерике» он восставал против братоубийства:

...Я думал: «Жалкий человек. Чего он хочет!.. небо ясно, Под небом места много всем, Но беспрестанно и напрасно Один враждует он — зачем?» Д. С. Мережковский утверждал, что из «Валерика», как из горчичного зерна, вырос роман Л. Н. Толстого «Война и мир».

События на Кавказе не только вдохновили на великие произведения классиков русской литературы, но и отразились в народной культуре, в частности в жанре солдатской песни. А знаменитый «Хазбулат удалой» стал неотъемлемой частью русского песенного фольклора.

II. И ХАН, И РАБ, И ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦ

Правители и их владения

Как правило, горская знать пользовалась неограниченными правами и привилегиями. Личность правителя была неприкосновенной. Покушение на его жизнь или оскорбление влекло за собой суровое наказание.

В Дагестане правили ханы, шамхалы, уцмии и майсумы. У адыгов — пши (князья), аха и маршани — у абазин, аха и тавад — у абхазов, таубии и бии — у балкарцев и карачаевцев, мурзы и султаны — у ногайцев.

Основой их экономического могущества были земля и скот. Большими богатствами отличались дагестанские владетели, абазинские князья Лоовы, кабардинский князь Бекович-Черкасский, карачаевские бии Крымшамхаловы, ногайские мурзы Тугановы и Мансуровы.

Доходы князей пополнялись также за счет ежегодной дани, собираемой в пределах их владений, всевозможных штрафов, налагаемых на членов сельских обществ за нарушение адатных норм, и т.д.

Княжеские (ханские и др.) звания передавались только от отца — детям, рожденным от равных браков. Дети от неравных браков считались уже не «чистокровными» князьями и не имели тех прав, которые имели дети, рожденные от равного брака. Княжна, в

отличие от князя, не должна была вступать в неравный брак и не могла передавать княжеское звание ни мужу, ни детям.

В Черкесии

В адыгском адате (обычном праве) говорится, что пши (князь) «почитается владельцем покровительствуемых аулов и земель, ему принадлежащих, обязан их оберегать и защищать».

На границе с Кабардой располагалось владение Бесленеевское, разделенное на два удела князей Шолоха и Бекмурзы. Западнее их по рекам Псафр и Ккель находилось владение Махошевское во главе с княжеской фамилией Бехгарсоковых. Далее — владение князей Болотоковых, владение Хатукаевское (по имени княжеской фамилии Хатикоай), Бжедухское. По фамилиям князей назывались также Черченеевское и Хамышеевское владения. К югу от устья Кубани, на Таманском полуострове было владение трех княжеских родов: Бхгезеноко-р, Занекко-р и Шамекко-р. Из рода Бхгезеноко-р вышел, в частности, абхазский владетель Сефер-бей.

Как писал адыгский просветитель Хан-Гирей, самостоятельными были «владения, заключающиеся в одном лишь владетельном княжестве дома Бастоко, который живет с малым числом подвластных на бе-

регу моря в окрестностях реки Венсне».

Близкое к князьям положение занимали высшие слои дворянства: у адыгов — тлекотлеши, у абазин — амиста-ду, у ногайцев — кайбаши и асламбеки. Как и князья, они владели землями по вотчинному праву, аулами, которые могли произвольно переносить из одного места в другое в пределах принадлежащей им земли. Во время войны тлекотлеши во главе ворков (дворян) своего аула подчинялись князю, оказывая ему личные услуги и сопровождая его в дальних поездках. Тлекотлеши пользовались правом раздачи земель воркам и свободному населению. Ворки несли за это определенную службу, выполняя такие же вас-

сальные обязанности, как и по отношению к князьям.

Средним слоем у дворян-адыгов были деженуго, которые обладали несколько меньшей властью, чем тлекотлеши, но владели также на правах собственности землей, имели вассалов-ворков, зависимых крестьян и рабов. У кабардинцев к середине XIX века тлекотлеши и деженуго в основном уравнялись в правах.

К среднему и мелкому дворянству относились: у адыгов — беслан-ворки и ворк-шаутлугусы (ворки 3-й и 4-й степени), у абазин — агмиста. В отличие от крупных феодалов они обладали не земельной собственностью, но правом владения леном (пожалованным земельным угодием), так называемым «ворктыном». Кроме земли, в качестве лена мог быть дан скот. «Ворк-тын» (в русских источниках — «узденская дань») назначался за службу и передавался по наследству. Уходя от своего сюзерена к другому, ворк должен был вернуть данные ему землю и скот.

Адыги в конце XVIII — первой половине XIX века разделились на две группы: «аристократическую» (кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, махошевцы, мамхеговцы, бжедухи, катукаевцы, егерукаевцы, жанеевцы, адамиевцы) и «демократическую» (абадзехи, шапсуги, натухайцы). «Аристократические» племена управлялись князьями, «демократические» — выборными старшинами. Лишившаяся своих привилегий знать обратилась за помощью в Санкт-Петербург. Как говорится в записке «Взгляд на местность, обитаемую черкесами», «императрица Екатерина Великая приказала дать просимую помощь от черноморских казаков, водворенных на берегу реки Кубани (то есть вольнолюбивые запорожцы, переселенные после ликвидации Сечи на Кубань, выступили союзниками горского дворянства. — Авт.); адиге же, удержавшие в повиновении своих крестьян, вооружились поголовно. На равнине Бзиюк — за Кубанью, против Екатеринодара — произошла кровавая битва и, несмотря на совершенное поражение мятежных крестьян, последние еще более возненавидели бывших своих помещиков и ни на каких условиях не согласились возвратить им власти. «После Бзиюкского сражения, — продолжает автор записки, — не было никакой возможности трактовать с абадзе о добровольном их покорении, предстояло переговоры вести с каждою саклею».

«Упраздненная» знать переходила, зачастую вместе со своими крестьянами, в «аристократические общества» или селилась за Кубанью. Шапсугский дворянин Султан-Али Шеретлук, предводитель войска в Бзиюкском сражении, получил разрешение императора Павла I и поселился на земле Войска Черноморского, где основал Гривин-аул.

«С того времени образовались у нас так называемые мирные черкесы, которые и в настоящее время (записка о черкесах составлена около 1850 г. — Авт.), совместно с армянами, служат нам большею частию посредниками для торговых сношений с немирными, или абадзе».

В лице демократически управляемых «немирных» закубанских черкесов (река Кубань до 1830 г. служила границей между Российской империей и Турцией) царские власти получили сильных противников. Постоянные набеги и стычки перешли в прямое противостояние после того, как Россия, получив по Адрианопольскому мирному договору от 2 сентября 1829 года восточное побережье Черного моря от Поти до Анапы, объявила адыго-черкесские племена своими подданными. В борьбу за независимость вступили даже некоторые князья и дворяне. Вот свидетельство знатока Кавказа барона Ф. Ф. Торнау: «Сидов властвовал над башилбаевским обществом в 2 тыс. душ мужского пола. В тридцать пятом году, когда я приехал на Уруп, он находился в числе покорных нам горских владельцев, принимал меня гласно в своем доме и, я уверен, не пощадил бы своей жизни для моей защиты. Несколько лет спустя он отложился и в сорок пятом году заставил много говорить о себе, захватив с шайкою в 12 чел., на дороге между Пятигорском и Георгиевском, жену полковника Махина, которая прожила у него в плену более 8 мес., пока ее не выкупили за дорогие деньги. Подобные переходы от более или менее шаткой покорности к открытой вражде принадлежали в то время к самым обыкновенным явлениям на Кавказе».

Неоднократные попытки объединения черкесских владетельных князей, предпринимавшиеся на протяжении первой половины XIX века, ни к чему не привели. В 1822 году было созвано союзное народное собрание («Хоуо-хясь»), принявшее решение ввести в судопроизводство шариат. Но далее этого дело объединения не продвинулось. В 1827 году посланник турецкого султана Гасан-паша созвал в Анапе съезд князей, дворян и старшин, от которых потребовал объединиться для борьбы с «неверными». В 1834 году британский эмиссар Д. Уркварт пытался создать «правительство Черкесии» под покровительством Англии. Подобные попытки предпринимали позднее английские агенты Белл, Лонгворт и Найт. Однако добиться желаемого они так и не смогли, поскольку заботились не о государственном объединении черкесов, а лишь об организации повстанческого движения на Северо-Западном Кавказе.

В Карачае

Родственные балкарцам карачаевцы также разделялись на общества, в которых политическая власть находилась в руках биев. Привилегии балкарских и карачаевских биев поддерживались царскими властями. С 1852 года они стали титуловаться таубиями, то есть горскими князьями.

В Балкарии

К 1840 году в Балкарии существовало 5 обществ численностью около 7 тыс. чел.: Баксанское (1 аул), Балкарское (4), Безенгиевское (1), Куламское (1) и Чегемское (3). Управление ими осуществляли старшинские фамилии: Урусбиевы — у баксанцев, Сунше-

вы— у безенгиевцев, Балхаровы, Битовы и Келеметовы— у чегемцев, Абаевы, Айдебуловы, Жанхотовы и Мисаковы— у балкарцев и куламцев.

В Кабарде

В Большой Кабарде имелось три княжеских удела — Атажукиных, Жанбулатовых и Мисостовых, в Малой — два: Мударовых (Келяхстановых) и Толостановых. Во главе княжества стоял старший по годам князь из владельческой фамилии. При нем имелись «малый и большой советы», состоявшие из ближайших родственников князя и вассалов. Власть князя на территории его владения была абсолютной. «Народ обязан, — говорилось в кабардинских адатах, — сносить терпеливо все, что князь сделает правильно или неправильно, и не может выходить из повиновения».

Стремясь ограничить власть и произвол кабардинских князей, Кавказская администрация в 1807 году взамен родовых судов и расправ учредила суд мехкеме, состоявший из председателя — валия, 2-3 человека от княжеской фамилии, 8 дворян, секретаря и главы духовенства — кадия. В Большой Кабарде было создано три суда — по одному на каждый удел. Дела решались по шариату. Если подсудимые принадлежали к разным уделам, то созывалось совместное заседание мехкеме. В 1822 году администрация сформировала в Кабарде Временный суд, состоявший «из трех удельных князей и трех младших князей, двух старшин из дворян, одного из вольных земледельцев, секретаря и глашатая». Заседания суда проходили в крепости Нальчик, при решении духовных дел присутствовали кадии. Временный кабардинский суд исполнял и административные функции, превратившись в орган внутреннего управления Кабардой.

Недовольные ограничением своей власти, кабардинские князья неоднократно обращались к царскому правительству и наместнику Кавказа с просьбами об упразднении Временного суда или его реорганизации. Недовольство решениями суда нередко выражали и простые кабардинцы, оказавшиеся под гнетом как своих феодалов, так и царских чиновников.

Авторы «Обзора политического состояния Кавказа в 1840 г.» насчитывали в Малой Кабарде 8400 жителей, в Большой — 20 тыс. Утверждалось, что все они управляются начальником Центра Кавказской линии. При этом в Большой Кабарде «дела решаются временным Кабардинским судом, в коем члены и секретарь кабардинцы, а председатель — начальник Кабардинской кордонной линии; в Малой Кабарде — приставом».

В апреле 1846 года Шамиль во главе большого отряда предпринял поход в Кабарду с целью перерезать Военно-Грузинскую дорогу и соединиться с закубанскими адыгами. Царским властям удалось предотвратить восстание в Кабарде и присоединение ее к Имамату Шамиля (об Имамате будет рассказано в отдельной главе. — Aвт.). Тем не менее при отступлении мюридов в Чечню с ними ушло некоторое число кабардинских крестьян, а также 37 князей и дворян, из которых Магомед-Мирза Анзоров был назначен Шамилем наибом. В отместку царские войска объявили беглецов абреками, а их крестьянам даровали вольность. В 1847 году была создана специальная военно-судная комиссия для «осуждения кабардинцев за связи с абреками и Шамилем». Репрессиям подверглись и оппозиционные муллы и эфенди. Феодалы же, боровшиеся с восставшими горцами, были награждены орденами, медалями, денежными окладами и почетными знаменами.

B Ocemuu

Осетия в начале XIX века была разделена на ряд самостоятельных обществ, каждое из которых имело особую организацию.

На востоке, в бассейне рек Терека, Гизельдона и Генольдона, располагалось Тагаурское общество, состоявшее, по данным на 1812 год, из 20 аулов (1150 дворов). Вся власть в этих селениях принадлежала феодальным фамилиям: Алдаровым, Джантиевым, Дуда-

ровым, Есеновым, Кануковым, Кундуховым, Мансуровым, Тугановым, Тулаповым, Тхостоевым, Шанаевым.

По соседству, в долине Флагдона и его притока Уредона, находилось Куртатинское общество. В 1812 году в нем имелось 780 дворов, а к 1826 году, в результате массового переселения с гор на равнину, осталось всего 300. Внутреннее управление в Куртатинском обществе было сосредоточено в руках феодалов-таубиев: Арслановых, Богоевых, Борсиевых, Гумицаевых и др.

Территорию по реке Ардон и его притокам Масшсон, Нардон, Адаекомдон и Цимидон занимало Алагирское общество. В первой четверти XIX века оно объединяло свыше 30 аулов, около 700 дворов или 8600 чел. Политическая власть в Алагире находилась в руках «сильных», то есть феодальных фамилий («стыр» или «тыхджын мыггаг»).

В ущельях западной части Северной Осетии, в верховьях Урупа, располагалось Дигорское общество, разделявшееся на три отдела: Донифарский, Стыр-Дигорский и Топан-Дигорский. Экономическая и политическая власть здесь принадлежала феодальным бадилятским фамилиям: Абисаловым, Бетлевым, Кабановым, Караджаевым, Кубатиевым, Тугановым, Чегемовым.

В первой половине XIX века часть осетинского населения переселилась на равнину центральной части Северного Кавказа. По данным авторов «Обзора политического состояния Кавказа в 1840 г.», дигорцев насчитывалось 8 тыс. чел., алагирцев — 5881, куртатинцев — 3878 и тагаурцев — 9640. Все они «имеют приставов, которые состоят в ведении Владикавказского коменданта», а дигорцы — начальника Центра Кавказской линии.

В Чечне и Ингушетии

В чеченском и ингушском обществах классовое деление было выражено менее четко. По свидетельству ингушского просветителя и этнографа Ч. Э. Ах-

риева, «в прежнее время, когда члены одного рода жили вместе в жилых родовых башнях, каждый род имел своего старейшину, который играл большую роль в жизни тейпы. Кровь старейшего члена общества ценилась вдвое дороже крови обыкновенного галгаевца». Чеченский этнограф У. Лаудаев писал: «Старший в роде уважался своею фамилией. Он решал домашние несогласия и споры, он был и отцом фамилии, и наставником, и начальником. В случае спора двух фамилий старшие в роде советовались, как бы уладить дело; уславливались, и никто не противоречил».

О демократизме общественного строя вайнахов свидетельствует предание об Ивизды Газде:

«Испокон века жили ингуши в Галгайском ущелье. Поперек ущелья была сделана каменная стена, и стояла их стража у единственного входа. Без разрешения часового никто не мог ни войти, ни выйти. Начальником у входа был некий Пхягал Бярий (герой эпоса). Стража и вся страна находились под управлением «отца» (старшего в роду) трех селений, отца Беркинхоевых, отца Евлоевых и Ферти Шауль, устанавливавших законы. Однажды пришла им в голову мысль: «Сколько ни живет на свете людей — у всех есть князья. Не лучше ли нам над собой поставить князя?» И каждый из четверых в сердце своем возмечтал сделаться князем. Тогда собрали они всех галгаев. Три дня и три ночи продолжалось их совещание на лугах Соу.

Один лишь ингуш по имени Ивизды Газд не явился на всенародное собрание, несмотря на то, что за ним послали вестника. Когда же он узнал, что собравшиеся готовятся метать жребий, кому быть князем на Ингушетии, то решил поехать на выборы. На себя надел он шелковый халат, оседлал лучшего коня, взял отделанную золотом шашку. Свою роскошную шелковую одежду он опоясал вьючным ремнем, которым увязывается груз на спине осла. В таком виде явился он на собрание, где сошлась вся страна галгаев.

Здесь его спросили:

— Скажи, почему не являлся ты эти три дня на собрание? Ведь мы несколько раз посылали за тобой.

А что я мог сделать, если бы пришел? — отвечал

Газд.

- Почему ты на коне, почему надел шелковые одежды, почему повесил к поясу отделанную золотом шашку и опоясался грязным ослиным ремнем?

Не идет разве мне этот грязный ремень? — спро-

сил Газд.

- Как может идти ослиный ремень к шелковым

одеждам? — ответили собравшиеся.

 Клянусь моим отцом! — воскликнул Газд. — Как ослиный ремень к шелковым одеждам, так князь и

раб не идут ингушам!

Тогда все собравшиеся единодушно постановили: «Пусть вырастет негодное потомство у того, кто ныне предложит поставить над нами князя». И разошлись собравшиеся со словами: «У кого есть рабы, пусть сейчас же отпустит их на волю».

Лишь после переселения значительной части ингушей и чеченцев на равнины, когда появились селения, основанные крупными владетелями (Ногаймирзой, Чермоевыми, Чуликовыми и др.), возникли условия для формирования феодальной верхушки. Тем не менее, по утверждению М. Л. Тусикова, «несмотря на влияние соседних осетин и кабардинцев, имеющих сословные деления, несмотря на соседство с феодальной Грузией и влияние царской России, ингуши и чеченцы оставались такими же «борздасанна» (вольными, как волки), не признающими сословных привилегий...».

ВДагестане

Наиболее сложной была феодальная структура в Дагестане, отличавшемся этнической пестротой населения, многообразием географических и климатических условий. Во владениях равнинного и предгорного Дагестана высшее место в феодальной иерархии занимали шамхалы, уцмии и майсумы, а в

нагорной части — ханы. В своих владениях они пользовались неограниченными правами и привилегиями, их воля являлась законом. Схожими правами пользовались также бии — старшие князья. На звание шамхала, уцмия, майсума могли претендовать только самые старшие представители княжеского рода по прямой линии.

Например, шамхальство Тарковское составляло одну из дагестанских провинций, владетели которой титуловались шамхалами и, кроме того, имели еще титул владетеля Буйнакского, валия Дагестанского, а некоторое время и хана Дербентского. Происхождение Шамхальского и ряда других дагестанских владений хроника «Дербенд-намэ» («Сказание о Дербен-

те») описывает следующим образом:

«Его высочество Мюслиме (арабский завоеватель Абу-Муслим. — Авт.), устроив дела города Дербента, предпринял поход против кумыков. Кумыки вышли навстречу ему, но после нескольких сражений покорились и приняли исламизм. Его высочество соорудил джума-мечети (главные или пятничные мечети) в городе кумыков (Тарки. - Авт.) для вновь обращенных мусульман, назначил Шахбала, сына Абдуллы, сына Абаса, правителем и начальником страны и дал ему кадия для сообщения народу правил ислама, после чего он сам обратился против каракайтагов. Племена каракайтагов изготовились к войне, но после многих сражений, происшедших в различных местах, большая часть каракайтагов искала спасения своего в покорности и обращении в исламизм... При его высочестве находился один из его родственников, по имени Эмир Хемзе; его высочество назначил его начальником над каракайтагами, и от него происходят нынешние уцмии (так называются государи) каракайтагов.

Большую часть жителей Табасарани вначале составляли евреи и неверные. Сначала они тоже не хотели покориться, но после того, как его высочество истребил и взял в плен значительное число их, остальные обратились в мусульманскую веру. В войске его высочества находился добродетельный и набожный человек по имени Мехмед-Масум; его он назначил правителем над обитателями Табасарани и дал ему двух кадиев затем, чтобы они обучали правилам ислама. Отдал он строгое приказание, чтобы с тех пор во всех важных случаях жители Табасарани следовали наставлениям Масума и двух кадиев, и чтобы Масум (Майсум), кадии, Эмир-Хемзе и все племена Дагестана, от Грузии до Дешти-Кипчак, находились в повиновении у Шахбала, правителя кумыков. От этого Шахбала происходят нынешние шамхалы».

Происхождение титула шамхалов приписывают тому, что преемников Шахбала стали величать этим же именем, и впоследствии оно трансформировалось в слово «шамхал». Другие исследователи полагают, что слово «шамхал» происходит от названий провинции Шам и местечка Хал в Сирии, откуда был родом Шахбал. Мирза Казембек, ученый-востоковед, в примечании к «Дербенд-намэ» писал, что Шам — древнее название Сирии, откуда арабские халифы посылали правителей в Дагестан, а слово «хал» означает «князь».

Шамхальство Тарковское с конца XVIII века находилось под российским протекторатом. В 1806 году Мехти-шамхал (1794—1830) получил во владение Улусский магал (9 деревень), принадлежавший мятежному Ших-Али-хану Дербентскому. В 1818 году командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии А. П. Ермолов отстранил от власти участника противостоявшей ему коалиции дагестанских владетелей Гасан-хана Мехтулинского и его земли присоединил к шамхальству Тарковскому. С этой целью был издан соответствующий акт: «Господину генерал-лейтенанту, высокостепенному и высокопочетному Мехти-Шамхалу Тарковскому, Вали Дагестанскому.

Ваше превосходительство, сохраняя верность в службе великого Государя нашего, и паче при последнем возмущении Дагестана (в котором, кроме г. Тарки, все владения Ваши приняли участие), оставаясь твердым в преданности к Его величеству и на-

ходясь при войсках Его, заслужили справедливое вознаграждение.

Именем великого Государя моего, по власти, высочайше мне дарованной, присоединяю к владениям Вашим, в полное Ваше управление, имение изгнанных мною изменников: Султан-Ахмед-хана Аварского, брата его Дженгутайского бека Гасан-хана и Гирея, состоящее в селениях: Параул, Кака-Шура, Дургели и Казанище с окрестными деревнями. Надеюсь, что сия милость Государя Императора умножит усердие Ваше к его службе.

Селения сии отдаются Вашему превосходительству за верность, собственно лицом Вами оказанную, а потом наследникам Вашим могут принадлежать не иначе, разве Государь Император соизволит дать на то подтверждение».

Однако 11 февраля 1820 года А. П. Ермолов восстановил Мехтулинское ханство, лежавшее к западу от Тарковского шамхальства, в прежних границах, с центром в селе Дженгутай. Владетелем был утвержден Ахмед-хан — сын отстраненного Гасан-хана.

Для защиты своего союзника царское правительство заняло постоянными гарнизонами важнейшие стратегические пункты шамхальства. В 1820 году рядом с резиденцией шамхалов, городом Тарки, была построена крепость Бурная; в 1834 году в селе Темир-Хан-Шура — базовое укрепление. Предосторожность оказалась не лишней: в мае 1831 года новый шамхал, Сулейман-паша (1830-1836), бежал от своих восставших подданных в Бурную под защиту российских войск. После смерти в начале 1836 года Сулейман-паши шамхалом был провозглашен третий сын покойного Мехти-шамхала, Абу-Муслим-хан (второй сын, Зубаир, умер еще раньше). За верную службу Абу-Муслим был произведен в полковники, затем в генерал-майоры, а в августе 1856 года, в честь коронации императора Александра II, — в генерал-лейтенанты и генераладъютанты царской свиты. Еще ранее, 21 декабря 1834 года, будущему шамхалу был пожалован титул князя Тарковского, который должен был наследовать старший из потомков мужского пола по пря-

мой линии и праву первородства.

Последним владетельным шамхалом Тарковским был старший сын Абу-Муслима, князь Шамсудин-хан (1860—1867). З декабря 1863 года кавказский наместник и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич Романов пожаловал Шамсудин-хану грамоту об утверждении его шамхалом Тарковским, с соизволением носить перо на шапке в знак шамхальского достоинства. При этом из его титулов были исключены звания валия Дагестанского (шамхалы уже не являлись главными феодальными владетелями в Стране гор) и владетеля Буйнакского (эта старинная резиденция шамхалов давно стала их семейной вотчиной).

Шамхалы имели свой аппарат власти, состоявший из нескольких визирей, исполнявших обязанности советников и министров, назира (казначея), кадия, секретаря, военачальника и дворецкого. При шамхале состояла дружина профессиональных воинов-нукеров. В бекствах (бейликствах) система управления была проще. Однако уже в 30-х годах XIX века ко двору шамхала был приставлен русский офицер, следивший за отбыванием жителями шамхальства нарядов и повинностей в пользу войск, расположенных в Северном Дагестане. Со временем эти офицеры получили статус помощника шамхала по управлению владением.

Согласно исторической записке о шамхалах Тарковских, составленной чиновниками Временной комиссии, «наряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темирханшуринского округа», в 1867 году отношения шамхала к населению, которое отбывало известные повинности, обусловливались: а) в одних селениях правом землевладельца; б) в других — правом правителя; в) в третьих — тем и другим.

Вот какие виды повинностей зафиксированы в записке: «1) кент-ясак (подать с имеющихся баранов); 2) арба-агач (доставка дров); 3) бильха (предоставление плугов, жнецов, косцов) и некоторые другие, ко-

ими исключительно обязаны были ногайцы, чагары (бывшие холопы, получившие от шамхала вольную и живущие своим хозяйством) и др. Отбывание их обыкновенно производилось не по полному числу дворов, а за исключением из оного сельских должностных лиц, нукеров, емчиков (молочных братьев) и бедных; так что на самом деле только 3/4 каждого селения отбывали обычные повинности. Размер же их простирался вообще от 2 до 4 рабочих дней в году от дыма, за исключением халим-бек-аульцев, ногайцев и чагаров, кои отбывали большее число дней. Сверх сего, шамхал получал особый доход от обычных штрафов, налагаемых на провинившихся в преступлениях и проступках, и от введенного при покойном отце нынешнего шамхала косвенного налога с отдачи на откуп права продажи напитков и красных товаров».

Другой дагестанский владетель — Ахмед-хан Мехтулинский — дослужился до генерал-майора, а в 1836—1843 годах даже был регентом-правителем Аварии. После его смерти руководство ханством до совершеннолетия сыновей было поручено вдове Нух-бике, в помощь которой назначен русский офи-

цер, фактически управлявший владением.

Старший сын Ахмед-хана, Гасан, умер в Петербурге, где он учился в Пажеском корпусе. В 1856 году правителем был провозглашен средний сын, Ибрагим-хан. 4 августа 1859 года приказом наместника и главнокомандующего Кавказской армией генерала от инфантерии князя А. И. Барятинского он был назначен ханом Аварии, а его младший брат, Решид, ханом Мехтулинским. Оба брата состояли на императорской военной службе: Ибрагим-хан числился флигель-адъютантом царской свиты и ротмистром лейб-гвардии Казачьего полка, Решид-хан — поручиком лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Полновластным хозяином Мехтулы Решид-хан был меньше года. С образованием в июне 1860 года Дагестанской области при нем было учреждено управление, состоявшее из русского офицера-помощника, военной канцелярии и суда.

Дербентским правителем в начале XIX века был Ших-Али-хан, занимавший проперсидскую позицию. В 1806 году, в период войны 1804—1813 годов с Персией, русские войска вступили в город. Ших-Али бежал в горы. В Дербенте была создана новая администрация во главе с наибом Аслан-беком, подчиненным русскому коменданту. В 1812 году учреждено главное управление Дербентской и Кубинской провинциями.

В начале XIX века Табасарань управлялась майсумом Сухраб-беком и Рустам-кадием (последний сочетал в одном лице светскую и духовную власть). Стремясь привлечь их на свою сторону, царское правительство возвело обоих владетелей в чин генерал-майора (4-й класс Табели о рангах) с годовым жалованьем 1,5 тыс. руб. в год. Однако Сухраб-бек и Рустам-кадий дали приют беглому Ших-Али-хану Дербентскому и участвовали в его вооруженных выступлениях, за что в 1815 году были отстранены от власти. Управление Табасаранью было возложено сначала на русского коменданта, а затем — на лояльно настроенных беков.

Правитель соседнего Каракайтага уцмий Адиль-Гирей также входил в состав мятежной коалиции дагестанских владетелей. В октябре 1818 года в столице Каракайтага, городе Башлы, едва не был уничтожен двухтысячный отряд генерал-майора А. Б. Пестеля. В ответ А. П. Ермолов сместил уцмия, передав его владения в управление Дербентскому коменданту. В результате внутренних распрей в октябре 1822 года Адиль-Гирей был убит; погибли и многие видные представители уцмийского рода. В конце 20-х годов XIX века управление Каракайтагом и его магалами (провинциями) было передано местным бекам, находившимся под контролем Кавказской администрации.

Крупнейшим феодальным владением в Центральном Дагестане являлось Аварское ханство. Кроме бекств, в него входило четыре военных округа (Кувал, Кид, Киль и Каралал), жители которых служили аварским нуцалам «за награды». Ближайшими по-

мощниками владетеля Аварии были визирь и кадий, именовавшийся, подобно главе мусульманского духовенства, шейх уль исламом. Публичную власть на местах осуществляли старшины — чухби, адилзаби (блюстители порядка, «справедливые люди»); военную — нукеры; полицейские функции исполняли мангуши и чауши.

В апреле 1803 года в столице Аварии Хунзахе Султан-Ахмед-хан торжественно присягнул на верность России, обязался не делать набегов на Грузию, а в случае вторжения войск шахской Персии - отражать их вместе с русскими войсками. Этот акт произвел большое впечатление в Дагестане и способствовал укреплению царских позиций на Кавказе. Однако колонизаторская политика, перенос линии царских военных укреплений с Терека на Сунжу и Сулак вызвали недовольство горцев. Генерал-майор Султан-Ахмед-хан возглавил в 1818 году коалицию дагестанских владетелей, боровшихся против царских властей, за что в 1821 году был отстранен от управления ханством. Владетелем Аварии Ермолов назначил его племянника Сурхай-хана. Однако Сурхай не пользовался уважением и влиянием в народе. К тому же он являлся чанка-беком, поскольку его мать была незнатного происхождения.

После смерти в 1826 году Султан-Ахмед-хана правительницей Аварии фактически стала его вдова Баху-бика (Паху-бике). Умная, энергичная и честолюбивая ханша добилась от Петербурга признания своего старшего сына, Абу-Султан Нуцал-хана (1813—1834 гг.) наследным владетелем.

Однако осторожный Николай I предпочел оставить у власти и Сурхай-хана. 18 января 1829 года оба аварских владетеля были пожалованы чином полковника российской службы с назначением каждому по 2 тыс. руб. серебром в год. 8 марта 1829 года министр императорского двора князь П. М. Волконский писал министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде: «Во исполнение высочайшего повеления... имею честь препроводить при сем к Вам, милостивый государь мой, укупоренные в 4 ящиках вещи, из-

готовленные в Кабинете для подарков, всемилостивейше пожалованных высочайше утвержденным владетельным ханам в области Аварской: Сурхаю и Абу-Султан Нуцал-хану два знамени с императорским гербом, обшитые золотым гасом и бахромою и с золотыми кистями (знамена ныне хранятся в Дагестанском историческом музее в Махачкале. - Авт.); две сабли золотые, в азиатском вкусе, украшенные цветными каменьями, с золотыми поясами, серебряными темляками и с булатными клинками с надписями на российском языке, на первой: «Его величество государь император всероссийский Николай I всемилостивейше пожаловал сию саблю Сурхай-хану Аварскому в 1829 г.», а на второй — то же самое, только вместо слов «Сурхай-хану» — «Абу-Султан Нуцалхану». Ханше Гихили и ханше Паху, ее падчерице, каждой на 3 полные одежды глазету по 12 аршин, парчи по синему атласу с серебряными цветами по 12 аршин и по белому атласу с золотыми полосами по 12 аршин, и по одному собольему камчатскому меху; малолетнему брату Нуцалханову (Ума-хан, р. 1815. - Aвт.) — часы золотые с турецким циферблатом с золотой цепочкой, печатью и ключиком с аметистами и пару пистолетов с прибором, прося покорнейше о получении этих вещей меня уведомить». Все подарки были благополучно доставлены в Хунзах.

После того как в феврале 1830 года Абу-Султан при поддержке своей матери Баху-бика отразил нападение мюридов имама Гази-Магомеда на Хунзах, в Петербурге стали рассматривать его в качестве главного правителя Аварии. Однако в августе 1834 года мюриды второго имама Дагестана, Гамзат-бека, при поддержке восставших горцев овладели резиденцией аварских ханов. При этом погибли Баху-бика, трое ее сыновей (Абу-Султан, Ума и малолетний Булач-хан) и Сурхай-хан. В сентябре 1834 года Гамзат-бек был убит в главной мечети Хунзаха в результате кровной мести. Среди мстивших был и знаменитый Хаджи-Мурат. Русские войска заняли Аварию; правителем был провозглашен новорожденный сын Абу-

Султана, Султан-Ахмед-хан (1834—1843), а регентом при нем — давний союзник России на Северном Кавказе генерал-майор Аслан-хан Казикумухский (Казикумыкский) и Кюринский. После смерти его в начале 1836 года Аварией правил уже известный нам Ахмед-хан Мехтулинский. С кончиной малолетнего Султан-Ахмед-хана род аварских ханов по мужской линии окончательно пресекся. Осенью того же года жители ханства восстали и присоединились к Имамату Шамиля. Аварское ханство было восстановлено только 4 августа 1859 года во главе с Ибрагим-ханом Мехтулинским.

Не менее драматические коллизии пережили в первой половине XIX века феодальные владения в Южном Дагестане. Большую часть этого региона занимало в то время Кюра-Казикумухское ханство, правителем которого с 1789 года был Сурхай-хан. Пытаясь сохранить свою власть, он постоянно лавировал между Россией и Персией. В 1812 году Кавказская администрация образовала в Южном Дагестане Кюринское ханство, объединявшее территорию Кюринской плоскости, Агульского, Кошанского, Курахского и Ричинского сельских обществ. Во главе был поставлен Аслан-хан, племянник Сурхая, тут же произведенный в полковники. Обвиненный в антиправительственной деятельности, 19 января 1820 года Сурхай-хан был объявлен низложенным. 12 июня 1820 года у селения Хозрек он потерпел решающее поражение и бежал в Персию. 14 июня царские войска вступили в Кумух - столицу Казикумухского ханства, управлять которым было поручено Асланхану.

С новым правителем был заключен договор, согласно которому он обязался: 1) охранять границы ханства и идти с войсками, куда прикажут российские власти; 2) не препятствовать строительству укреплений и прокладке дорог через его владения; 3) назначить для управления Кюринским ханством особого наиба.

Командовавший русским отрядом сподвижник А. П. Ермолова В. Г. Мадатов объявил о пожаловании Аслан-хану чина генерал-майора, вручил ему императорскую грамоту, знамя с российским гербом, драгоценную саблю и орден Святого Георгия 4-й степени (специального, установленного для нехристиан образца) «За отличия при покорении Табасарани, Кайтага и Казикумыка».

В период Русско-персидской войны 1826—1828 годов Сурхай-хан попытался вернуть себе власть, однако успеха не имел. Бывший правитель вновь бежал

в Персию, где и умер в 1827 году.

После кончины в 1836 году Аслан-хана Кавказская администрация передала бразды правления в Казикумухе его сыну Магомеду Мирза-хану, а в Кюринском ханстве — штабс-капитану российской службы Гарун-беку. В 1838 году Магомед Мирза умер, и правительницей стала вдова Аслан-хана Уму-Кусум (Гюльсум)-бике, в помощь которой был создан совещательный орган в составе кадия и двух старшин знатного происхождения.

Весной 1842 года Гарун-бек и племянник ханщи Махмуд-бек перешли на сторону имама Шамиля, а восставшие горцы захватили Кумух. По вытеснении отрядов Шамиля из Казикумуха ханский престол занимали прямые ставленники Кавказской администрации: Абдул-Рахман-бек (1842—1847) и его брат, ротмистр гвардии Агалар-бек (1847—1858). После смерти последнего управление ханством было поручено русскому штаб-офицеру. Еще через несколько лет на его территории был образован Казикумухский округ Дагестанской области. Назначенный правителем соседнего Кюринского ханства подполковник Юсуф-бек за свое усердие был произведен в генерал-майоры свиты его величества, а затем и в ханское достоинство.

На стыке границ Дагестана, Грузии и Азербайджана располагалось еще одно феодальное владение — Элисуйский султанат. После присоединения к России в 1830 году земель джарских лезгин элисуйские султаны поступили на службу к «белому царю». Этот альянс был нарушен весной 1844 года требованиями генерал-майора Даниял-султана о присвоении ему очередного воинского звания, увеличении денежного содержания и возведении в княжеское достоинство (что якобы было обещано императором еще его отцу). До удовлетворения своих претензий честолюбивый элисуйский владетель отказывался предоставить своих нукеров в распоряжение Кавказской администрации. Конфликт завершился присоединением Элису к российским владениям — Джаро-Белоканской области (с 1860 г. – Закатальский округ). Мятежный султан бежал к Шамилю, став его мудиром (наместником над несколькими наибствами) и даже выдал дочь за сына имама. Однако, когда в 1859 году Имамат стал распадаться под ударами 200-тысячной царской армии, Даниял-бек предал своего родственника и покровителя, заслужив за это «высочайшее прощение». Ему было возвращено генералмайорское звание и назначена солидная пенсия (владение, правда, не вернули). Через несколько лет бывший султан отправился совершать хадж в Мекку. Умер он в Турции в 1870 году.

Следующий разряд класса феодалов в Дагестане представляли беки. Они несли вассальную службу, собирали по требованию феодальных владельцев ополчение, командовали им, состояли в свите владетеля. На своих землях беки вольны были взимать всевозможные штрафы, разбирать спорные дела между

крестьянами, наказывать преступников.

У кумыков беки подразделялись на две категории: «потомственные» (сюда относились потомки шамхалов и карачи-беки) и «пожалованные», получившие звание беков в награду за военные и иные заслуги. Беками считались только дети ханов и беков от равного брака. Они могли претендовать на шамхальство, уцмийство, ханство, а также на наследство родителей. Сыновья, рожденные от бека и женщины простого происхождения, назывались чанками (чанка-беками) и не имели всех тех прав, какими пользовались их отцы. Тем не менее они могли нести вассальную службу у ханов, шамхалов и уцмиев, владеть землями, полученными по наследству в виде «чанка-пая» еще при жизни отца.

Отдельную группу феодального сословия составляли так называемые сала-уздени, именуемые в русских источниках первостепенными узденями. Они находились в вассальных отношениях к владетелям, сохраняя, однако, свои экономические и общественные права (владение землей, крестьянами, рабами). Ряды этого узденства пополнялись пожалованными дружинниками из числа крестьян. Салауздени (а порой беки и чанки) считались членами общины того селения, в котором жили. При переделах общинных земель или угодий, используемых совместно с другими общинами, феодалы, реализуя свое сословное преимущество, получали от 2 до 8 паев земли, в то время как все остальные члены общины — по одному.

В Аварии к феодальной иерархии относились также нуцалы. Они происходили из нуцальского дома, глава которого являлся аварским ханом. Ханы Аварии, в свою очередь, вели свой род от легендарного нуцала Сураката, повелевавшего многими народами и оказавшего упорное сопротивление арабским завоевателям. Нуцалчи — представители дальних ветвей нуцальского рода или потомки от неравных браков нуцалов, вассалы аварского хана, выполнявшие различные военные и государственные поручения.

В Абхазии

Крупное княжество Абхазия располагалось на бе-

регу Черного моря.

«Народ абхазский управляется владетельным князем (ах) из рода Шарвашидзевых, утвержденным русским правительством... — говорилось в записке обер-квартирмейстера штаба Отдельного Кавказского корпуса полковника барона фон дер Ховена, составленной в 1835 году. — Власть владетеля весьма ограничена. Не имея ни силы, ни средств, ни доходов, кроме собственно ему принадлежащего имения, он в зависимости от сильных князей и дворян, кото-

рых ему весьма трудно заставить себе повиноваться. Имеет он право раз или два в год посетить дом каждого из них, который тогда по обычаю обязан его угостить и сделать ему подарок. Платится ему также за убийство, воровство или всякий другой беспорядок, совершенный близ дому его (ахтыны) или на земле, ему принадлежащей.

Князья обязаны повиноваться одному владетелю; не платят никакой подати и не подлежат другому наказанию, кроме пени. Они вправе владеть землею и иметь крестьян и рабов. Обязаны они собираться для защиты владетеля и в посещении дома их его угощать и ему делать подарок по состоянию. Угощение, делаемое владетелю, не есть прямая к нему обязанность; существующее здесь, как и между другими горцами, гостеприимство ее сделало таковою. Обычай делать подарок введен тщеславием принимающих его хозяев, и они ценою его хвалятся друг перед другом. Впрочем, то же соблюдается и в отношении других гостей, которые обыкновенно привозят подарок и хозяину...

Княжеских фамилий в собственной Абхазии немного. Они следующие: в Бзыбском округе — Иналипа, Чабалурхуа и Шарвашидзе, есть и Анчабадзе; в Сухумском — Дзапшипа (настоящая фамилия их Инали; Дзапши и «па», прибавляемое на конец, значит сын, прибавленное на конце «ипха» — дочь) и Маршании; в Абживском — Эмха, Шарвашидзе и Анчабадзе. Фамилия Шарвашидзе, которая одного происхождения с владетельскою, по сему обстоятельству занимает в Абхазии первое место; она рассеяна по всем округам, не исключая и Самурзакани, и крайне бедна. Дзапшипы после нее считаются старшими. Анчабадзе и Чабалурхуа — древнейшие фамилии Абхазии; отрасли первой находятся в Самурзакани, в Псу, Ачипсу и между джегетами. Иналипы — богаче других...»

Дворянское сословие в Абхазии состояло всего из двух категорий: амиста и ашнахмуа. Барон фон дер Ховен сообщал: «Дворяне (амиста) пользуются правами князей и несут с ними одинаковые обязанности; также должны владетеля, их посещающего, угощать и одарить. Важнейшие дворянские фамилии в

Абхазии: Лакербаевы, Маргании, Микамбаи и Зумбаи; из них Хыбриты Маргании, предки Коци Маргания, всегда славились приверженностью к владетельному роду.

Кроме того, есть в Абхазии фамилии незначительных дворян, называемых лесными (акуаца амисцуа) —

Цимбал, Баргба и Акыртал.

Ашнахмуа — собственно телохранители владетеля, который один вправе их иметь, пользуются правами дворян, могут иметь крестьян, рабов и обладать землею. Вместо подати они обязаны находиться при владетеле во время его поездок и служить ему на посылках. Сословие это составилось частию из крестьян владетеля абхазцев, получивших за оказанные ими услуги разные льготы, частию из выходцев чер-

кес и других горцев».

Об истории присоединения княжества к России находим сведения все у того же полковника фон дер Ховена: «В 1808 г. Сефер-бей, тогдашний владетель Абхазии, добровольно отдал себя в подданство России. Первый пункт, которым завладели русские, был Сухум, взятый в 1810 г. силою оружия у турок, господствовавших до того времени в Абхазии. Турки, озлобленные потерею лучшей пристани на берегу Черного моря от Поти до Геленджика, рассыпались повсюду, возбуждая народ противу власти, им самим над собою признанной... Отцеубийца Аслан-бей (ставленник Турции Аслан-бей убил Сефер-бея и провозгласил себя владетельным князем Абхазии, но не был признан правительством России. — A6m.), домогаясь княжества, которого владетели были утверждаемы и поддерживаемы русским правительством, со своей стороны волновал умы абхазцев. Незначительный гарнизон, который по обстоятельствам того времени мог быть оставлен в Сухуме, только успевал в нем держаться... Экспедиции в Абхазию 1821 и 1824 гг. для водворения в ней владетелей, сперва Дмитрия, а по смерти его Михаила Шервашидзевых, сыновей Сефер-бея, хотя и достигли сполна своего назначения, но, быв сопряжены с большими потерями, не могли послужить к утверждению в сем крае владычества России.

В 1830 г., когда по последнему мирному договору России с Оттоманскою Портою весь восточный берег Черного моря от крепости Поти до крепости Анапы поступил во владение Российской империи, отряд, состоявший из 10 рот пехоты, 8 орудий и команды казаков, прибыл на судах в Абхазию, занял урочище Бамборы и монастыри Пицунду и Гагры... С занятием этих мест русские утвердились в Абхазии и приобрели возможность действовать на народ»...

Вскоре между Россией и Абхазией установились самые тесные отношения. «Самый народ, хотя взволнованный сначала князьями своими, увидя в войсках наших защитников, а не нарушителей прав его собственности, перестал тревожиться их присутствием... Князья, обласканные и одаренные, передались мало-помалу...» — писал фон дер Ховен.

Составители «Обзора политического состояния

Составители «Оозора политического состояния Кавказа в 1840 г.» свидетельствуют: «Абхазия состоит в ведении начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии... Податью не обложена; владетель ее имеет доходы от косвенных повинностей — откупов и штрафов. Он получил через содействие российского правительства большую силу в народе»...

Абхазия представляла собой по сути феодальную федерацию из трех округов: Абжуа, Абхазского (Сухумского) и Бзыбского, с населением 31 тыс. чел. (1840 г.). Власть в округах находилась в руках местных князей, подчинявшихся М. Шервашидзе лишь номинально. Высокогорный Цебельдинский округ управлялся специальным приставом. Территория Самурзакани (по берегу Черного моря) находилась в прямом управлении российской Кавказской администрации.

В 1855 году Абхазия была занята турецкими войсками под командованием Омер-паши. Отклонив предложение последнего о сотрудничестве, владетель М. Шервашидзе, имевший на тот период чин генерал-лейтенанта российской службы и генераладъютанта царской свиты, перебрался в Россию. На родину он вернулся только по окончании Крымской (Восточной) войны 1853—1856 годов.

Княжеские люди

Крепостных крестьян-горцев русские источники называли «правыми» или «обрядовыми холопами», так как их права и обязанности были зафиксированы адатом. В категорию крепостных крестьян входили: оги и пшигли (тшигли) в «аристократических» адыгских обществах (термин «пшигль» буквально означал «княжеский человек»); лагунахыты у кабардинцев; лыги — у абазин; джоллукулы — у ногайцев; чагары и раяты — у народов Дагестана; ясакчи — у балкарцев; альгюлюкулы — у карачаевцев; кумаяги и кавдасары — у осетин.

Крепостные крестьяне находились в полной личной и поземельной зависимости от феодалов, выполняли многочисленные повинности (барщину, натуральный и денежный оброк). Они не имели никаких прав на отведенную им землю, могли сохранить за собой только то имущество, которое было приобретено ими лично. В адыгских адатах говорилось: «Крепостные люди хотя пользуются приобретенным ими скотом и другим имуществом, но владелец их вправе оное от них отобрать и употребить в свою пользу».

Наиболее тяжелым было положение крепостных в Черкессии и Кабарде. По адату крепостные крестьяне считались наследственной и вечной собственностью владельца, который мог их продать, отдать в качестве платы за кровь или калым. Ни заслуги, ни побег не освобождали крепостного от власти владельца.

В Осетии феодал не имел права продавать крепостного крестьянина. Более того, кавдасар в случае смерти владельца мог отделиться от его потомков.

Дагестанские раяты и балкарские ясакчи формально считались лично свободными и продаже не подлежали.

Рабы патриархальные и трофейные

Наиболее зависимым и угнетенным сословием в горском обществе были патриархальные рабы. У дагестанцев они назывались кулы, у адыгов и абазин —

унауты, у абхазов — агруа, у балкарцев — караваши, у карачаевцев — башсызкулы, у ногайцев — джолосызкулы, у осетин — кусаги, у чеченцев и ингушей — лай (лей), в русских документах — «безобрядные» или «бесправные холопы» (то есть стоящие вне адата). Раб был полной собственностью хозяина, который мог его продать, разлучить с семьей, даже убить. Рабы не имели права на брак, не могли владеть имуществом.

Число рабов в горских обществах было сравнительно невелико. Обычно их использовали в качестве дворовой прислуги или заставляли работать на землях владельца.

Главным источником пополнения контингента рабов были войны и набеги, а также покупка рабов у других народов.

До присоединения Северного Кавказа к России главными центрами работорговли были кумыкское село Эндерей (в русских источниках — «Андреев аул») и порт Анапа в Черкесии. Через него вывозилось в Турцию немалое число представителей местного населения. Например, для продажи в султанские гаремы за женщину платили от 500 до 800 руб. серебром, за девушку от 800 до 1500 руб., за мальчиков — от 200 до 500 руб.

Работорговля разоряла хозяйство горцев, являлась одной из причин феодальных набегов и усобиц, способствовала политической ориентации части горских феодалов на Османскую империю.

В рабство попадали не только военнопленные или специально для этой цели похищенные люди, но и бедняки-сородичи, особенно в неурожайные годы. Чтобы не умереть с голоду, некоторые семьи продавали в рабство или меняли на хлеб кого-то из своих. Такого рода раб назывался ясакчи и мог быть выкуплен своими родичами.

Вот как описывает положение рабов в Абхазии фон дер Ховен: «Рабы бывают двух родов: коренные агруа (абхазы) и авода, приобретенные грабежом или на войне. Раб, составляя неотъемлемую собственность господина своего и находясь в полной его

власти, по обычаю работает на него только 3 дня в неделю, остальные же дни на себя. Кроме того, исполняет и все домашние его работы и после этого не платит более никакой подати. Дочери раба, сколько бы он таковых ни имел, находятся все в доме господина, который вправе их отдать или променять другому; а обязанность жен из сего сословия есть поочередно варить гоми своему господину и за столом раздавать оный».

К середине XIX века работорговля на Северном Кавказе была прекращена, сильно сократилось и рабство. Феодалы были лишены права суда над своими рабами, а убийство раба приравнивалось к уголовному преступлению.

Духовенство

В Дагестане духовенство составляло привилегированное сословие, освобожденное от налогов и повинностей. Высшее духовенство, кроме доходов от своих мюльков и вакуфных земель (вакуф, вакф — земли и имущество, переданное или завещанное мечетям на религиозные и благотворительные цели. — Авт.), распоряжалось значительной частью «закята» (закят — очистительный налог с имущества в пользу нуждающихся, вдов, сирот и т. д. — Авт.).

Весьма значительную прослойку населения со-

ставляло духовенство в Чечне и Кабарде.

В духовное звание шли дворяне, свободные крестьяне и даже крепостные. В последнем случае они получали свободу. «Все лица духовного сословия пользуются совершенною свободою, — говорилось в адатах. — Никто из них не обязан никому данью».

Доходы духовенства складывались в основном из приношений и платы за религиозные требы (обрезание, совершение свадебных и похоронных обрядов и т. д.). Согласно одному из адатов, «из всего избытка хлеба и скота ежегодно отделяется десятая часть по закону Магомета и разделяется на три части: одна — аульному эфенди, другая — всем муллам,

а третья — нищим». Часть средств шла на содержание школ (мектебов, медресе) и другие общественные нужды.

Кабардинские крестьяне обязаны были также ежегодно выплачивать по 50 коп. серебром главному кадию. Кроме того, с каждого дома отдавалось зимою эфенди по барану и по одному стогу сена, дров по одному вьюку на ишака и летом — снова по барану. Штраф за проступки по законам шариата (мусульманского права) шел в пользу духовных судей — кадиев.

Уздень — значит свободный

Крестьяне у горских народов отличались друг от друга имущественным и правовым положением, степенью зависимости от господствующего класса, а также своими натуральными и трудовыми повинностями. Основную массу горского населения составляли феодально-зависимые, но лично свободные крестьяне: уздени — в Дагестане, у карачаевцев, кабардинцев и ногайцев; тфокотли — у адыгов; анхаю, анхао — у абазин и абхазов; каракши — у балкарцев; адамихаты и фарсаглаги — у осетин.

Адыгские тфокотли (вольные земледельцы) отличались степенью зависимости от феодалов. У абадзехов, шапсугов и натухайцев она была наименьшей; здесь тфокотли считались равными между собой свободными крестьянами.

Согласно адатам князья и дворяне имели право «для пахания земли, жатвы хлеба и сенокошения, а иногда для рубки и вывозки леса» использовать (наряду с крепостными) свободное население покровительствуемых ими аулов. Продолжительность этой повинности в адатах определялась 3 днями в год, однако на самом деле тфокотли привлекались к работам всякий раз, когда это было необходимо владельцу. После уборки хлеба тфокотли передавали ему по «восемь и более мерок проса», а также по одному ягненку от 100 голов овец и по улью от 10 пчелосемей. За обмен товаров на меновых дворах владельцев так-

же взималась плата. При выдаче замуж дочери тфокотль отдавал владельцу пару волов, а при разделе имущества между братьями — столько волов, сколько дворов или «дымов» числилось в одном семействе.

По свидетельству фон дер Ховена, «крестьяне вправе владеть землею и иметь рабов, но вместе с тем составляют сами собственность своего господина. Они обязаны платить владельцу своему летом арбу кукурузы или козленка, барана или рогатую скотину; в зимнее время также рогатую скотину или барана и кувшин вина; помогать ему в полевых работах. В случае недостатка каких-либо припасов у господина крестьянин, сверх установленного обычаем, по просьбе такового снабжает его оными.

Побои не в обычае; обыкновенное наказание крестьянина — заключение и цепи. За нанесенную обиду крестьянин вправе судиться с владельцем своим, и часто переходит под защиту другого какого-либо сильного князя или дворянина, который его селит на своей земле. В случае, если прежний господин захочет потребовать крестьянина своего обратно, приютивший его обязан возвратить по приговору суда, который заботится уже об обеспечении обиженного от беззаконного мщения господина».

К категории лично свободных крестьян у адыгочеркесов относились азаты — лица, выкупившие себе свободу или отпущенные на волю хозяином, желавшим, как это было принято, «заслужить спасение души освобождением раба». Азат получал для обработки участок земли на определенных условиях, «состоявших в том, чтобы жить там, где господин будет находиться, с различными маловажными обязанностями», — сообщает адыгский просветитель Хан-Гирей в своих «Записках о Черкессии». Располагая имуществом свободно, адыгский азат не имел права завещать его по своему усмотрению, и оно переходило по наследству бывшему владельцу.

Чем дальше на восток, тем больше было юридически свободных крестьян. Так, в Карачае уздени составляли более 60% населения. Примерно таким же было соотношение узденей у ногайцев, анхаю — у

абазин, каракши — у балкарцев, адамихатов и фарсаглагов — у осетин.

Степень зависимости осетинских крестьян от местных феодалов была более высокой. Так, дигорские адамихаты обязаны были нести натуральную, а в предгорьях также и отработочную повинности своему господину. При переходе от одного владельца к другому адамихаты оставляли свое имущество прежнему хозяину. Если у умершего адамихата не было наследников по мужской линии, его хозяйство переходило к феодалу, а жена и дочери поступали к нему в услужение. Тагаурские фарсаглаги («живущие сбоку»), не имея собственной земли, селились на землях феодалов, неся за пользование ими некоторые повинности. Во время праздников, свадеб, похорон и т. п. они делали подарки натурой, а также сопровождали своих хозяев во время поездок в гости. При переселении фарсаглага в другой аул жилые и хозяйственные постройки его переходили в собственность феодала. Последний мог прогнать фарсаглага со своей земли, если тот не выполнял своих обязанностей. Добросовестным же фарсаглагам феодал по адату должен был оказывать покровительство и защиту.

Аналогичным фарсаглагам было положение узденей в Кумыкии и других частях плоскостного Дагестана. Кумыкские догерек-уздени («круглые уздени»), не имея собственной земли, работали на землях феодалов, платя им за это подати и неся в их пользу повинности. При переходе от одного владетеля к другому такой уздень терял свое недвижимое имущество дом, хозяйственные постройки и т. д. Феодалы не имели права наказывать узденей, но могли изгнать их со своей земли, лишив ранее предоставленного имущества. Прослойка феодально-зависимых узденей пополнялась за счет азатов (вольноотпущенников). Они, как правило, жили на землях, принадлежащих князьям или первостепенным узденям. Лишь через 3-4 поколения, приобретя земельную собственность, азаты переходили в сословие простых узденей.

Особенно велика была доля равноправных свободных узденей в нагорной части Ингушетии, Чечни

и Дагестана. Поддержкой и защитой свободных общин пользовались не только «крепкие уздени», но также горская беднота, «пришлые» сельчане (горцы, бежавшие от междоусобицы, кровной мести и др.) и лаги (военнопленные и их потомки, жившие на положении вольноотпущенников). Для отстаивания своих прав они объединялись в тухумы и получали кое-какие средства на поддержание жизни (участок земли, инвентарь).

Вольные общества

В начале XIX века в Дагестане существовало несколько десятков независимых союзов сельских общин, которые в русских документах за свое демократическое устройство именовались республиками. Самым крупным из них был Акуша-Дарго. Акушинцы отказались добровольно стать подданными Российской империи и 19 декабря 1819 года потерпели поражение от А. П. Ермолова при селении Леваши. 21 декабря российские войска заняли Акушу. По приказанию «проконсула Кавказа» в городе соблюдался строгий порядок. Были разрушены только дома беглого Ших-Али-хана Дербентского и его сподвижников. Те события Ермолов описал в своих воспоминаниях следующим образом: «Собравшиеся жители и главнейшие из старейшин приведены были к присяге на подданство императору в великолепной городской мечети; войска были под ружьем и сделан 101 выстрел из пушек. Я назначил главным кадием бывшего в сем звании незадолго прежде и добровольно сложившего оное старика Зухума, известного кроткими свойствами и благонамеренностью, и выбор мой был принят акушинцами с удовольствием. От знатнейших фамилий приказал я взять 24 аманата (заложника. - Авт.) и назначил им пребывание в Дербенте. Наложена дань ежегодная, совершенно ничтожная, единственно в доказательство их зависимости. Они обязались никого не терпеть у себя из людей, правительству вредных, были признательны

за пощаду и видели, что от меня зависело нанести им величайшие бедствия. Мне при выражениях весьма лестных поднесена жителями сабля в знак особенного уважения». Однако вскоре, недовольный самостоятельностью Зухума, Ермолов вернул к власти прежнего кадия, Магомеда.

Даргинцы оставались в подданстве России свыше 20 лет. В 1826—1827 годах они не откликнулись на призывы эмиссаров шахской Персии восстать против «неверных». Однако они не смогли остаться в стороне от освободительного движения горских народов под руководством имама Шамиля и осенью 1843 года ополчение Акушинского союза приняло участие в походе на Аварию.

В 1844 году кавказское командование организовало против восставших даргинцев карательную экспедицию. Из их обществ (Акушинского, Мекегинского, Урахинского, Усишинского и Цудахарского) был образован округ, начальником которого назначили майора Оленича. Однако в том же году даргинцы вновь восстали. Союз сельских общин был восстановлен как составная часть Имамата Шамиля. Лишь к 1854 году царскому правительству удалось установить окончательный контроль над территорией Даргинского округа, поочередно входившего в состав Дербентской губернии, Прикаспийского края, а с 1860 года — Дагестанской области.

В 1812 году союзы сельских общин Самурской долины (Алты-пара, Ахты-пара, Докуз-пара и др.) были поставлены под контроль коменданта города Кубы. В 1839 году на их территории возник Самурский округ, включенный через год в Кубинский уезд.

В то же время аварские союзы сельских общин вошли в государство восставших горцев — Имамат.

В Чечне и Ингушетии к началу XIX века существовал ряд независимых друг от друга политических образований, близких по структуре и принципам управления к союзам сельских общин Дагестана. Это общества мичиковцев, ичкеринцев, качкалыковцев,

ауховцев и других в Чечне, галашевцев, карабулаков, цоринцев, назрановцев в Ингушетии.

Стремясь установить надежную связь со своими закавказскими провинциями по Военно-Грузинской дороге, взять под контроль районы Восточного Кавказа, царское правительство перенесло к подножию гор линию военных постов и укреплений, обложило податями и повинностями горское население.

Такая политика встретила резкое сопротивление горцев и привела к ряду вооруженных восстаний.

Сплотить горцев для организованного сопротивления сумел популярный в народе старшина Бейбулат Таймиев. Став одним из самых значительных деятелей в истории Кавказа, он почти 30 лет руководил борьбой чеченцев и ингушей за независимость. Авторитет Бейбулата был столь высок, что Ермолов был вынужден вступать с ним в переговоры. Если бы эти переговоры увенчались удовлетворительными для обеих сторон соглашениями, история Кавказа могла бы иметь совсем иной вид. Однако этого не произошло.

Бейбулат организовал широкую партизанскую войну. Его отряды появлялись в самых неожиданных местах. Экспедиции Ермолова не принесли желаемых результатов. В борьбе с Бейбулатом Ермолов впервые применил новую тактику — вырубку лесов, открывая доступ к аулам восставших. Но военные действия по-прежнему шли с переменным успехом.

Бейбулат был человеком государственного ума, старавшимся ввести в горах закон и порядок, справедливое и равноправное пользование землей, призывавшим соплеменников жить по правде и совести. Вместе с тем он достиг значительных успехов в политике и дипломатии, заключив договоры с соседними народами. О его миротворческих усилиях свидетельствует и А. С. Пушкин в своем «Путешествие в Арзрум»: «...Славный Бейбулат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений».

Погиб Бейбулат в 1832 году. Был ли причиной его гибели заговор или это была кровная месть, так и ос-

талось тайной.

В 1839 году, согласно обнародованным правилам «для управления покоренными аулами», Чечня была разделена на приставства. Этими административными единицами руководили, как правило, офицеры Отдельного Кавказского корпуса. Аульные старшины оказались в их подчинении. Координацию деятельности приставов осуществляло Главное чеченское приставство, в свою очередь находившееся в ведении начальника левого фланга Кавказской линии.

Деятельность этой структуры, а также попытка частичного изъятия оружия у населения вызвали всеобщее возмущение. Весной 1840 года жители Чечни и горной части Ингушетии восстали и присоединились к Имамату. Многие из назначенных приставами старшин приходили к Шамилю и разбивали перед ним старшинские значки. В конце концов система приставств была отменена.

Независимыми от власти князей были крупные территориальные союзы натухайцев, абадзехов, шапсугов и убыхов, в которых, вместе с вольными земледельцами, проживали дворяне. Управление здесь находилось в руках родовых старейшин и демократически избранных старшин.

Имамат

В период народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа под руководством имамов Гази-Магомеда, Гамзат-бека и Шамиля (30—50-е гг. XIX в.) было создано независимое государство свободных горцев — Имамат.

Имамат включал в себя общества Нагорного Дагестана, земли ликвидированного Аварского ханства, почти всю Чечню, ряд обществ Ингушетии, отдельные аулы Тушетии и Хевсуретии. Мощное влияние его сказывалось и на Западном Кавказе. Численность населения Имамата составляла около 400 тыс. чел., территория — 900 км в окружности. Границы госу-

дарства менялись в зависимости от военных успехов или неудач.

Имам Шамиль, избранный главой государства, обладал духовной и светской властью.

Население Имамата было разноязычным и поликонфессиональным, насчитывая до 50 народов и народностей. В этом многонациональном государстве Шамиль проводил демократическую политику, которая признавала всех людей, независимо от расовых или религиозных различий, равноправными гражданами. Национализм считался тяжким государственным преступлением. Русских, переходивших на сторону горцев, называли «наши русские».

На территории Имамата были уничтожены все феодальные привилегии и установлено всеобщее равенство. Только личные качества — отвага, ум, преданность общему делу — могли поднять человека на более высокую ступень социальной лестницы. Корнем всех зол Шамиль считал горскую знать и беспошадно с ней боролся. Он конфисковал в государственную казну земли и имущество беков, а их самих поселил в далеких аулах как ссыльных, оставив лишь необходимый для ведения хозяйства минимум. Феодалов преследовали и за пределами Имамата во время походов армии Шамиля. Дома их разрушали, ханства ликвидировали.

После поражения Имамата правительство вначале восстановило феодальные владения, хотя и значительно смягчив отношения зависимости, однако в конце концов ханская власть в Дагестане была упразднена.

В Имамате существовала четкая организация административно-территориального управления от высших государственных звеньев к низшим. Для решения важнейших дел, относящихся к управлению государством, в 1841 году был учрежден Государственный совет (Диван-хана). Членами его, кроме самого имама Шамиля, были духовные руководители, ученые, заслуженные наибы и просто уважаемые в народе люди. При решении военных вопросов голос Шамиля был решающим; прочие дела решались большинством голосов.

Абдурахман, современник Шамиля, так описывал работу Государственного совета: «Понедельник, вторник, среда и четверг посвящались общим вопросам управления. В эти же дни выслушивались письменные донесения наибов и устные доклады, если они по вызову имама являлись лично. По обсуждавшимся вопросам совет не только принимал решения, но и указывал сейчас же, кем и как это решение должно быть немедленно исполнено. Суббота и воскресенье были предназначены для приема отдельных посетителей и разбора их жалоб и претензий. Пятница назначалась исключительно для молитв и отдохновения».

Госсовет был одновременно и верховным судом. Здесь, в присутствии секретаря и приглашенных лиц, разбирались самые сложные дела, спорные вопросы и жалобы. В чрезвычайных случаях Шамиль созывал съезды народных представителей.

Имамат делился на мудирства и наибства — округа. В мудирство, которым управлял мудир, входило несколько наибств. За время правления Шамиля было организовано в общей сложности свыше 40 наибств. Наибами назначались наиболее способные, преданные и испытанные в боях горцы. В обязанности наиба входили: организация войск и военных походов, охрана границ, постройка оборонительных сооружений, гражданское устройство. В отдельных случаях наиб также осуществлял судебную власть. Утверждению имамом подлежали лишь смертные приговоры. Население содержало наибов за свой счет.

В «Положении о наибах», в частности, говорилось: «Наибом должно быть исполняемо приказание имама, все равно, будет ли оно выражено словесно или письменно, или другими какими-либо знаками, будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание или не согласно, или даже в том случае, если исполнитель считал бы себя умнее, воздержаннее и религиознее имама». В то же время Шамиль так наставлял своих наибов: «Ты не склоняйся ни в сторону насилия, ни в сторону насильников. Гляди на своих

людей глазами милосердия и заботы. Смотри за ними, как жалостливый к своим детям отец, управляй ими на основе справедливости и совести, не приближай к себе никого из-за дружбы и приятельства и не отдаляй никого из-за вражды. Будь для старшего сыном, для равного — братом, а для младшего — отцом. Тогда ты не найдешь в своем округе врага. Если ты будешь вести себя противно тому, что я говорю, если будешь вести себя несправедливо к народу, то вызовешь на себя прежде всего гнев Всевышнего, а затем гнев мой и народа. Твое дело тогда обернется плохо».

Каждое наибство делилось на районы или участки, которые управлялись мазунами (пятисотенными начальниками). В обязанности мазуна входили заготовка провианта и сбор вооруженных горцев. По первому зову он со своим отрядом должен был являться к наибу. Власть на местах находилась в руках выборных старшин, которые исполняли распоряжения наибов и мазунов, созывали народный сход, организовывали сбор податей, мобилизацию населения и т. п. Подобная система управления была чрезвычайно гибкой и эффективной, просуществовав во многих регионах Дагестана и Чечни до 1859 года.

Столицей государства горцев были аулы Ашильта и Ахульго в Дагестане, а после их разрушения царскими войсками — Дарго и Ведено в Чечне. Вот свидетельство одного из очевидцев: «Дарго, жилище Шамиля, заключало в себе дворец и много других больших зданий, в коих помещались приверженцы его и разные заведения; кроме того, с западной стороны аула, за широким рукавом Аксая, устроены были с большими удобствами избы, служившие жилищем русским, бежавшим к Шамилю в разное время».

Наиб Шамиля Магомед-Амин, посланный в 1848 году на Западный Кавказ, сумел завоевать доверие значительной части абадзехов, натухайцев и шапсугов. В попытке установить среди адыго-черкесов политическое управление, сходное с Имаматом в Дагестане и Чечне, он разделил их земли на участки и округа. Участки создавались на основе сельских общин (примерно по 100 дворов в каждой) с выборными

старшинами во главе. Несколько участков составляли округ. Центром округа являлось мехкеме — укрепленный горский аул, в котором находились окружное управление, суд, тюрьма, провиантский магазин, мечеть и духовное училище. Округом управляли муфтий и советы из трех кадиев с правами административной и судебной власти. В распоряжении окружного управления находились отряды ополченцев и муртазикатов (муртазагеты, муртазеки) — ядро постоянной армии адыгов. Высшая светская и духовная власть была сосредоточена в руках самого Магомед-Амина. Всего было создано семь округов: четыре — в землях абадзехов, два — у натухайцев и один — у шапсугов.

Сопротивление на Западном Кавказе продолжалось даже после завершения войны в Дагестане в августе 1859 года, когда, после штурма высокогорного Гуниба, окруженный имам Шамиль принял условия почетного пленения.

Противоборство длилось до середины 60-х годов и завершилось массовым переселением черкесов (особенно из числа «демократических» племен), а также части чеченцев и дагестанцев в Турцию.

Если на ход Кавказской войны значительно повлияли духовные наставники горцев шейхи Магомед Ярагинский и Джамалуддин Казикумухский, то после ее окончания большое влияние приобрел шейх Кунта-Хаджи Кишиев из чеченского аула Илсханюрт. Кунта-Хаджи проповедовал учение тариката кадирийа, которое позже стали называть «зикризмом». Как отмечал В. Х. Акаев, автор книги «Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение»: «...В своих проповедях и наставлениях он осуждал кровопролитие как богопротивное дело, призывал горцев к ненасилию, милосердию, братской помощи, мирному укладу жизни».

В послевоенной атмосфере неопределенности и тревожного ожидания перемен народ нуждался в духовной опоре и воспринял учение миротворца. Последователями шейха становились не только про-

стые горцы, но и бывшие сподвижники Шамиля. Царские власти поначалу не увидели в учении Кунта-Хаджи ничего опасного. Но когда число последователей шейха стало стремительно увеличиваться, приобретая очертания объединяющей силы, администрация забеспокоилась. Шейх и множество его последователей были арестованы. Сторонники шейха подняли восстание, требуя освободить арестованных. На усмирение восставших были брошены войска. У села Шали произошел бой, стоивший обеим сторонам больших жертв.

Кунта-Хаджи с ближайшими сподвижниками был отправлен в ссылку, откуда уже не вернулся. Но в народе он приобрел значение «эвлии» — святого и у него по-прежнему много последователей. О Кунта-Хад-

жи сложены народные песни.

Послевоенное управление на Кавказе

С начала 1850-х годов князь А. И. Барятинский, тогда еще не наместник, а начальник левого фланга Кавказской линии, стал вводить для управления подконтрольной частью Чечни наибства и словесные суды, к которым горцы привыкли в Имамате. Восстановлено было и сельское самоуправление, но под контролем военных или царских чиновников. Подобная система впоследствии получила название военно-народного управления.

После завершения Кавказской войны 1817—1864 годов началась постепенная замена военного управления Северным Кавказом на гражданское. В 1860 году вместо правого и левого флангов Кавказской линии были созданы Кубанская и Терская области; Черноморское казачье войско стало называться Ку-

банским, а Кавказское линейное — Терским.

Горское население Кубанской области в 1865 году было распределено по пяти военно-народным округам: Псекупскому (сюда вошли аулы западных черкесов по среднему течению Кубани и нижнему течению реки Псекупс), Лабинскому (объединял черке-

сов, живших по рекам Лабе и Белой), Урупскому (черкесы, ногайцы и армяне, жившие по Урупу и его притокам), Зеленчукскому (черкесы, абазины и ногайцы по рекам Большой и Малый Зеленчук) и Эльбрусскому (карачаевские и абазинские аулы по Куме и ее притокам). Прежние феодальные владения упразднялись. Функции и штаты военно-окружных управлений были определены в специальном «Положении», утвержденном наместником и главнокомандующим Кавказской армией великим князем Михаилом Романовым 20 января 1866 года.

На Западном Кавказе, ввиду небольшого количества горского населения (к концу 60-х гг. XIX в. его оставалось около 87 тыс. чел. — 6% от прежнего состава), а также в связи с наплывом переселенцев из южных и центральных губерний России, военно-народные округа уже в 1871 году были упразднены и введено традиционное гражданское управление. Кубанская область подразделялась на 5 уездов: Ейский, Темрюкский, Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский. Основная масса горского населения проживала в трех последних уездах. Южные районы области, ранее населенные черкесскими племенами убыхов, шапсугов, джигетов, саше и другими, вошли во вновь образованную Черноморскую губернию.

Терская область была разделена на 8 округов: Кабардинский (кабардинское и балкарское население), Осетинский, Ингушский, Кумыкский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский и Нагорный (последние 4 округа были населены чеченцами). Административная, военная и судебная власть в округах принадлежала их начальникам. Округа делились на участки во главе с участковыми начальниками — царскими офицерами. Существовавшие ранее в Кабарде княжеские владения ликвидировались. Устанавливалось раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. В 1871 году Кабардинский округ был переименован в Георгиевский, Кумыкский в Хасавюртовский; Осетинский и Ингушский объединены в один Владикавказский; созданы новые округа: Грозненский, Веденский и Кизлярский.

Наиболее пестрой оставалась картина управления в Дагестане. По «Положению об управлении Дагестанской областью», 5 апреля 1860 года утвержденному наместником А. И. Барятинским, во главе Страны гор был поставлен начальник из царских генералов, облеченный огромной властью. В области гражданского управления он пользовался правами генерал-губернатора, в области военного — командира корпуса. Он мог применять оружие против горцев, предавать их военному суду и высылать в административном порядке.

Область состояла из четырех отделов: Северный Дагестан (Даргинский округ, Мехтулинское ханство, шамхальство Тарковское и Присулакское наибство), Средний Дагестан (Аварское ханство, Гунибский и Казикумухский округа), Верхний Дагестан (остальные высокогорные селения, ранее входившие в Имамат Шамиля) и Южный Дагестан (Кюринское ханство, Самурский и Кайтаго-Табасаранский округ). Округа в свою очередь делились на более мелкие административные единицы — наибства. Первые возглавляли русские офицеры, вторые — лояльные царским властям горские феодалы и старшины. Кроме того, в Дагестанскую область вошли Дербентское градоначальство (город Дербент и Улусский магал) и управление портовым городом Петровском (ныне Махачкала) с прилегающими к нему землями. Граница между Дагестанской и Терской областями была проведена по Андийскому хребту.

Освобождение зависимых сословий

Манифест 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права на горских крестьян не распространялся. Лишь в 1864 году феодально-зависимые крестьяне «азиатского происхождения, находящиеся во владении у разных лиц, приписанных к Терскому войску», были освобождены, а продажу холопов за пределы Терской области запретили.

Летом 1866 года в Тифлисе был создан Особый ко-

митет по крестьянским делам. Намерение правительства освободить зависимые сословия вызвало недовольство феодалов. Некоторые кабардинские князья даже предъявили ультиматум: оставить у них холопов или разрешить переселиться в Турцию. 8 августа 1866 года группа кабардинских и балкарских феодалов подала в Комитет записку, в которой говорилось: «Лишить нас внезапно услуг холопов, а в особенности домашних прислужниц, - значит повергнуть в крайнее положение и непременную нищету». Они соглашались освободить своих крепостных только за выкуп. Поскольку у большинства крестьян не было требуемых сумм, они должны были вместо уплаты выкупа работать на господ в течение 6-8 лет. 8 декабря 1866 года аналогичную записку подали дигорские феодалы Осетии, которые предлагали освободить крестьян на условиях выкупа в размере 180— 240 руб. или шестилетней отработки.

Особый комитет по крестьянским делам выработал проект освобождения, устроивший феодалов. Выкупная сумма для трудоспособного крестьянина (от 15 до 45 лет) устанавливалась в размере 180—200 руб. Подростки до 15 лет освобождались с уплатой предельного выкупа в 150 руб. (из расчета 10 руб. за каждый год возраста). Осетинские феодалы согласились освободить несовершеннолетних крепостных бесплатно.

При освобождении владелец получал от половины до 2/3 крестьянского имущества; сакля и домашняя утварь оставались за крестьянами. Так как освобождаемые крестьяне не могли сразу выкупить себя, то они оставались временнообязанными в течение 6 лет. За это время крестьянин должен был отработать свой выкуп в хозяйстве бывшего господина. Годовой труд мужчин-горцев оценивался от 35 до 70 руб., женщин от 25 до 40 руб.

В 1867 году в Терской области было освобождено 23 976 чел.

В Дагестане освобождение рабов проходило с 1860 по 1868 год. Всего было освобождено около 5 тыс. чел., большая часть (75%) — бесплатно. Рабы были

снабжены свидетельствами об освобождении, приписаны к сельским обществам и на 8 лет освобождены от налогов. Правительство выделило 15,5 тыс. руб. для оказания помощи освобожденным рабам. В 1867—1868 годах были освобождены без выкупа и наделены землей наравне с другими крестьянами чагары (2 тыс. чел.). Однако раяты оставались в зависимости от беков до 1913 года.

В Кубанской области освобождение крестьян от личной зависимости началось только 1 мая 1868 гола. За полгода было освобождено 11 403 чел.: в Лабинском округе — 5585, Зеленчукском — 3345, Эльбрусском — 1278, Псекупском — 1178, Урупском — 17. 1 ноября 1868 года правительство утвердило специальные «Правила», по которым свободу получали женщины — оги, унауты старше 50 и пшигли старше 55 лет, а также дети до 7 лет. Прочие крестьяне-адыги должны были заплатить за свое освобождение выкуп или отработать его в течение 4-6 лет. К началу 1869 года в горских округах Кубанской области было освобождено еще 5070 чел., а всего — 16473. «Освобожление» стоило крестьянам очень дорого: в результате осуществления выкупных сделок они потеряли половину своего имущества — скота и сельхозугодий.

Упразднение феодальных владений

После Кавказской войны, как мы уже говорили, царское правительство России восстановило феодальные владения в Дагестане. Однако феодальная зависимость была значительно ограничена. В конце концов правительство, по примеру Шамиля, и вовсе упразднило в Дагестане ханскую власть, ставшую явным анахронизмом. Ликвидации феодальных владений способствовало и усиление антиханского крестьянского движения, которое приняло повсеместный характер. Отстраняя ханов от власти, царское правительство вместе с тем оставило у них лучшие земли, наградило чинами, орденами, большими пожизненными пенсиями. Вот как описывал ликвида-

цию феодальных владений в Дагестане наместник великий князь Михаил Николаевич в отчете о своих действиях на Кавказе в 1863—1870 годах:

«Оставляя за туземными правителями местное управление народом, в то же время имелось в виду согласовать по возможности действия их с правительственными взглядами, и с этой целью к некоторым из туземных правителей были назначены наши офицеры в качестве помощников... Вскоре за окончательным покорением Кавказа помощники эти обратились в наши обыкновенные органы исполнительной власти, и затем окончательное упразднение туземных управлений сделалось уже вопросом времени. Оставалось только выждать заявлений народа... Когда цель и образ действий наших учреждений сделались уже достаточно известными в населении, управлявшемся туземными правителями, население это не могло не заметить превосходства первых над последними. В то время как действия туземных правителей носили характер личного произвола и отягощали народ чрезмерными повинностями, наши учреждения руководствовались известными правилами, согласованными с понятиями и обычаями народов, и оберегали его от всякого излишнего отягощения. Тогда и начались заявления и жалобы со стороны населения на притеснения и произвольные действия, а нередко и на совершенное бездействие туземных правителей. Ввиду таких заявлений нельзя было уже сомневаться в своевременности замены туземных управлений нашими, придерживаясь, конечно, и тут постепенности и выжидательности, то есть упразднения вначале тех из ханских управлений, на которые населением раньше и сильнее заявлялись жалобы. Держась этой системы, мы уже не могли опасаться возбудить ропот в населении на преждевременное уничтожение выработанного исторической жизнью порядка управления...>

Первым лишился ханства генерал-майор императорской свиты Юсуф-хан Кюринский (1806—1878). В 1861 году «жители Кюринского ханства стали выражать недовольство на хана за излишние поборы и

притеснения и приносить местному начальству частные жалобы на Юсуф-хана». Последний «смутился» и подал прошение об отставке, после чего в сентябре 1862 года отправился в хадж в Мекку. Отъезд Юсуф-хана «послужил приличным поводом образовать в Кюринском ханстве временное военно-народное управление». Бывший хан, однако, внакладе не остался. Он получил из ханских земель поместье в размере 4 тыс. десятин, пенсию 5 тыс. руб. в год и пожизненный титул хана Кюринского.

За Юсуф-ханом последовал флигель-адъютант свиты, полковник лейб-гвардии Казачьего полка Ибрагим-хан Мехтулинский (1836—1869), с августа 1859 года управлявший Аварским ханством. За чрезмерную самостоятельность он был обвинен в «расстройстве умственных способностей» и в 1863 году отправлен на жительство в Ставрополь, а вместо ханства учрежден «на общих основаниях» Аварский округ Дагестанской области. Действия наместника по изменению формы управления Аварией были утверждены императором Александром II 31 января 1864 года.

Младший брат Ибрагима, гвардии полковник Решид-хан Мехтулинский, вел себя более осторожно. Но и он вынужден был в ноябре 1866 года подать в отставку. За проявленное «благоразумие» Решид-хан сохранил за собой пожизненно (ум. 1876) титул хана Мехтулинского, свои поместья, жалованье по чину и 4-тысячную пенсию. Сверх того, он получил из казны единовременное пособие в размере 10 тыс. руб. «на вознаграждение его за отходившие от него права и доходы». В мае 1867 года Мехтулинское ханство было включено в состав Темирханшуринского округа.

Образованный в 1860 году Кайтаго-Табасаранский округ не был разделен на наибства, но оставлен в управлении потомков феодальных владетельных фамилий: Кайтаг — гвардии штабс-ротмистра Ахмед-хана из рода уцмиев Кайтагских; Северная Табасарань — капитана милиции Эльдар-кади Айдибек-оглы — потомка табасаранских владетельных кадиев; Южная Табасарань — майора милиции Сул-

тан-Ахмед-бека Карахан-бек-оглы, происходившего из рода майсумов. В мае 1866 года они были отстранены от власти под предлогом обращения населения в «местное окружное управление помимо туземных правителей». Это распоряжение кавказского наместника было утверждено Александром II 15 сентября 1866 года. В ноябре того же года из казенных земель Южного Дагестана было выделено в поместье: Ахмед-хану — 1800 десятин, Эльдар-кади и Султан-Ахмед-беку — по 500 десятин. Сверх того, им назначалась пожизненная пенсия, соответственно в 500 руб. Ахмед-хану и по 400 руб. двум остальным.

Последним из дагестанских владетелей стал «тяготиться» исполнением своих обязанностей шамхал Тарковский Шамсудин-хан. Узнав о предстоящем 1 августа 1867 года образовании Темирханшуринского округа, в который должно было войти и бывшее шамхальство, Шамсудин накануне, 31 июля, выступил с заявлением о том, «что он, князь Тарковский, движимый желанием подать пример всемерного стремления к ускорению и облегчению приведения в исполнение видов правительства относительно установления свободных отношений между всеми туземцами Дагестана, добровольно и навсегда освобождает всех жителей шамхальства от всяких обязательных отношений к нему по праву его как шамхала, так и землевладельца». В качестве компенсации 18 июня 1868 года Шамсудин-хану была назначена пожизненная пенсия в размере 7 тыс. руб. в год. 30 августа 1868 года он был произведен в генерал-майоры свиты его императорского величества. Умер последний владетельный шамхал Тарковский в 1874 году.

Перемены коснулись и жителей Даргинского округа, которые «составляли 6 вольных обществ, соединившихся в один союз и управлявшихся по народным обычаям своими родовыми кадиями и избиравшимися ежегодно старейшинами, зависевшими от главного Акушинского кадия». В 1867 году кадии были отстранены от власти и Даргинский округ разделен на наибства на общем основании.

К концу 60-х годов XIX века военно-народное управление Дагестанской области состояло из 8 округов: Андийского, Аварского, Гунибского, Даргинского, Казикумухского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского, Самурского и Темирханшуринского.

Подобный же переворот был произведен и в Абхазии. 8 февраля 1865 года князя М. Г. Шервашидзе, обвиненного в «изменнических действиях» в период Крымской войны 1853—1856 годов, уволили со службы, и в 1866 году отстранили от власти. Вместо Абхазского владения был образован Сухумский отдел с традиционным российским управлением. Михаила Шервашидзе, не желавшего покидать свою резиденцию, выслали в Воронеж, где он вскоре умер.

Однако система военно-народного управления не смогла предотвратить волнений и восстаний горских народов: в 1865—1867 годах в Кубанской, в 1864 и 1877-м в Терской, в 1862—1863-м, 1866, 1871 и 1877 годах в Дагестанской областях, в 1863-м в Закатальском округе, в 1866 и 1877-м — в Абхазии. В связи с этим в 1883 году система была окончательно упразднена.

ІІІ. СЕМЬЯ ГОРЦА

Семейный уклад

К началу XIX века у многих народов Северного Кавказа крупные патриархальные семьи уступают место небольшим, компактным. Горцы начинают расселяться, вести самостоятельное хозяйство, не утрачивая при этом родственных связей. Старые родовые башни и большие зальные дома используются уже не столько для постоянного проживания, сколько в общественных, представительских целях. В этих фамильных гнездах справляются свадьбы и иные родовые и общественные празднества и ритуалы. Переход к малосемейному укладу был вызван как совершенствованием средств производства, так и особенностями аграрного строя в горах, сформировавшегося на базе террасного земледелия.

Образование новой семьи начиналось с создания материальной базы для ее существования. Отец, прежде чем женить старшего сына, строил ему дом в черте аула. Если такой возможности не было, он выделял комнату в своем доме или сооружал пристройку. Если площади не хватало, то, по заявлению отца, за плату или безвозмездно, с разрешения джамаата (здесь — совет общины, народное собрание, в более широком смысле — совет старшин и старейшин) выделялась земля из общественных фондов (обыч-

но в новых поселках, возводившихся на границе общества).

Строить дом помогали родственники, а то и все общество. Древняя, характерная для всех горцев, традиция взаимопомощи (гвай — у аварцев, белхи — у чеченцев) собирала людей как на помощь отдельному человеку, так и для выполнения общественных работ. Эта традиция существует и поныне. Горец не может пройти мимо, если кто-то выполняет работу, в которой ему можно помочь. Как не останется он равнодушным, если помощь требуется другому народу.

Поэт Гамзат Цадаса в очерке о семье и браке писал, что «после женитьбы, спустя немного времени, молодоженов отделяли для самостоятельной жизни. Им давали все, что необходимо для ведения самостоятельного хозяйства. Если же родители нетрудоспособны — по старости или по болезни, раздел хозяй-

ства не производили».

Особым уважением пользовались семьи, в которых было много сыновей. Аварская пословица: «Если родится сын — выстроится дом, если дочь — дом разрушится» («Вас гьавуни рукъ гьабула, яс гьаюни рукъ биххула») имела в виду не только продолжение или угасание рода, но и обычай горцев строить дома сыновьям. Эта традиция, как и большинство других, сохранилась до наших дней.

Помимо строительства дома, глава семьи отчуждал в пользу женившегося сына на правах полной собственности долю пахотной земли, покоса, хуторских строений, леса и скота. То же самое выделялось дочери, выходящей замуж, в качестве приданого, за исключением жилых и хуторских помещений. Обеспечение новой семьи всем необходимым контролировалось общественным мнением. После отделения старшие сыновья, уже получившие свою долю, не претендовали на наследство родителей, с которыми оставался младший сын, наследуя их имущество.

Слабым и разорившимся семьям оказывалась общественная поддержка. Если новообразовавшаяся семья не могла быть обеспечена землей из собственности родителей, приходил на помощь джамаат: мо-

лодым дарилась земля из общественного фонда. В Андии были даже общественные табуны, из которых молодым женатым мужчинам-воинам выделяли лошадей, если они не получили их от родителей.

Свадебные обычаи

Горянки всегда славились красотой и грациозностью. Не случайно понятие «черкешенка» стало общепризнанным эталоном красоты. Описание прекрасных черкешенок мы находим даже у Вольтера. О черкешенках говорили: «Капля ее крови очищает целое поколение». На черкешенках женились самые важные особы, не избежал этого искушения и Иван Грозный. Множество черкешенок стали женами восточных владык, они были непременным украшением богатых гаремов.

Любовь, встреча молодых, сватовство, подвиги во имя избранницы — важная часть фольклора горцев.

В ингушском приветствии любимой поется:

Ты, что, словно гора, высока
И чиста, как зимой гора,
Ты, что ко мне добра и щедра,
Как грудь, что полна молока,
Ты, что чиста, как в долине река
Иль звезда на небе ночном,
Ты, что сама так же легка,
Как рубашка на теле твоем,
Ты, что, как сок винограда, сладка,
Ты, что, как синее море, гладка,
Ты, которой прекраснее нет,
— Прими мой поклон, мой сердечный привет!

Свадебный обряд у народов Северного Кавказа был одним из самых торжественных и красочных.

Свадьбы играли круглый год, но большинство из них приходилось на осень, после сбора урожая.

Обычно юноши и девушки присматривались друг к другу на праздниках, свадьбах, посещая родственников и кунаков, в ходе сельских работ. Делалось это осторожно, пристальные взгляды и слишком явный интерес считались неприличными. Классическая

сцена выглядела так: девушка с кувшином идет за водой к роднику, навстречу ей едет джигит на лихом скакуне и просит напиться воды. В жизни случалось по-разному, но традиции при этом никогда не нарушались.

Примером может служить одна из самых известных романтических историй, которая произошла с наибом Шамиля Ахвердилавом. Однажды в Чечне он увидел девушку необычайной красоты и грации. Ахвердилав решил, что это его судьба, и попросил своего друга — чеченского наиба сосватать ему прекрасную чеченку. Друг Ахвердилава тут же отправился к родителям девушки и вернулся с их согласием. Увозя в Дагестан невесту, Ахвердилав был счастлив, как никогда. По горским обычаям невесте полагалось грустить, но скупые слезы невесты показались Ахвердилаву особенно горькими. Он осторожно, мизинцем, снял слезинку с глаз девушки и попросил открыть причину ее печали. Девушка молчала. Настойчивый Ахвердилав добился от нее неожиданного признания, ранившего его в самое сердце. Девушка любила его друга — того самого чеченского наиба, которого Ахвердилав посылал сватом. Верный мужской дружбе и своему обыкновению решать трудные дела посредством кинжала, Ахвердилав тут же отрубил себе мизинец, коснувшийся девушки. На свадьбе друга Ахвердилав был самым почетным гостем.

Подобные истории случались в горах не так уж редко.

И. Алироев и Д. Межидов в книге «Чеченцы: обычаи, традиции, нравы» описывают свадебный церемониал, включающий в себя свадебный поезд, скачки, ввод невесты в дом, знакомство с невестой, вывод невесты к реке, посещение зятем родителей невесты и другие красочные обряды, которые сопровождались пением, танцами, музыкой, пантомимами. Гостей на свадьбе веселили «джугаргаш» — клоуны в масках.

Как пишут авторы: «На свадьбу приходят и приезжают с подарками. Женщины приносят, как правило, отрезы материи, коврики, кур, сладости, иногда деньги; мужчины — деньги или баранов... Причем мужчины часто передают свой подарок непосредственно невесте: «мотт баститар» («развязать язык»). Суть этого ритуала в следующем: к пришедшим на свадьбу гостям, после того как они поели, выводится невеста, у которой старший застолья просит воды с таким намерением, чтобы она с ним заговорила, пожелав выпить воду на здоровье. При этом с невестой шутят, говоря о положительных и отрицательных сторонах ее внешности, характера и ее жениха. Наконец она произносит одну-две фразы, предлагая выпить воду на здоровье. Присутствующие благодарят ее и желают ей всего наилучшего, счастья будущей семье, детям, родственникам...

В этот вечер совершается регистрация брака — «махбар», в которой участвуют доверенный отца (братья, дяди) невесты и жених. Обычно представителем от родственников жены бывает мулла, который от имени отца (а в случае его отсутствия — брата, дяди) дает согласие на вступление в брак дочери (сестры, племянницы). На следующее утро невеста становится молодой хозяйкой дома. Во время свадьбы и церемонии вывода невесты к воде жених отсутствует, часто проводит это время с друзьями в веселье.

Через месяц, а иногда и через 2—3 месяца (а у ингушей — и через год) невестка отправляется домой («деціа яхар») с подарками для своих родителей и родственников в сопровождении близкой родственницы жениха, которая преподносит подарок — приношение родителям. Сопровождающая невестку женщина сразу же возвращается с подаренным ей обычно отрезом или ковром. Дома невестка бывает, как правило, месяц, но может быть и меньше, в зависимости от ее желания. Дома она готовит постельные принадлежности и другое свое приданое, затем возвращается к мужу с подарками для свекрови, свекра, деверя и золовок. Для свекра, как правило, она привозит из дому постель («мотт-гіайба»), а для остальных — различные подарки».

А вот как описывал свадебный обряд вайнахов в

1868 году в «Этнографических очерках Аргунского округа» А. П. Ипполитов: «Задумавши сватовство и получивши на это согласие родственников невесты, жених делает уже предложение формальное: выбираются два или три почетных человека, обыкновенно родственники жениха, и едут к отцу девушки. Если он согласен, -- ему отдают калым или часть калыма, и дело считается оконченным. На мусульманские калымы европейцы вообще смотрят чрезвычайно ошибочно. Их обыкновенно считают платою, даваемой женихом отцу или родственникам девушки за саму невесту, как за какую-нибудь вещь. Между тем это мнение не верно. Калым есть приданое, даваемое невесте самим же женихом: он составляет обеспечение всей ее будущей жизни и есть исключительно ее собственность. Цифра калыма различна и зависит от богатства народа, равно как и от общественного положения девушки. Между теми племенами горцев, где есть сословные различия, калымы были значительны. У кабардинцев, например, даже в последнее время они доходили до 1500 руб. серебром за дочь князя; за дочь узденя от 100 до 400 руб. Из числа этой суммы половина отдается тотчас же, а другая половина остается обыкновенно за мужем. В случае, если бы муж дал развод своей жене или умер, она сполна весь калым (накях) и получает. Лет сто тому назад, когда монет в обращении между горцами было весьма мало, калымы выплачивались панцирями, шашками, оружием и холопами, в особенности холопками... У племен чеченского происхождения, где народ не богат и где сословных классов, так резко очерченных, как, например, в Кабарде, никогда не было, калымы (урдау) не превышали никогда цифры 250 руб. серебром, обыкновенно же были всегда и менее. Меньшая цифра их -28 руб. за девушку и 14 руб. за вдову. Взять назад свое слово жених имеет право; но ни невеста, ни ее родственники по получении калыма не имеют уже права отказаться от своего обещания, не нанося этим обиды жениху. Если же девушка, засватанная за одного, выйдет замуж за другого, то это навлекает месть на ее

родственников и такое происшествие редко не оканчивается кровью.

Засватавши девушку, жених делает подарки ее отцу, деду или дяде — кому-либо из главных и ближайших ее родственников; дарится обыкновенно оружие, лошадь, кусок шелковой материи и прочее. Время свадьбы зависит от согласия обеих сторон и может быть отложено на неопределенный срок... Во все это время жених имеет право свою невесту посещать, стараясь только не встречаться с ее отцом и матерью. За четыре дня до свадьбы невесту везут в дом родственников жениха. Обыкновенно посылают за ней на арбе какую-нибуь старую женщину с бойким и острым языком, и с ней вместе человек 20-30 молодежи, любителей всякого рода скандалов и бурных сцен. Вся эта толпа недалеко от дома невесты встречается криком и бранью мальчишек, камнями и выстрелами; но несмотря на это, отшучиваясь и защищаясь каждый как сумеет, посланные подъезжают к ее дому. У дверей ее комнаты они, обыкновенно, встречают одного из родственников девушки, который при их приближении запирает дверь и требует подарка. Ему дается кинжал — и заветная дверь отворяется. Но там их встречает другое препятствие: вместо цербера мужского пола в комнате невесты ожидает их множество церберов-женщин; это родственницы и подруги невесты, собирающиеся к ней за несколько дней до свадьбы, чтобы заготовлять вместе с ней приданое и свадебные подарки, как то: тесьмы, галун, пистолетные чехлы и прочие недорогие вещицы. Женщины встречают посланных за невестою истинно по-женски - иглами, булавками, ножницами, рвут на них черкески и бешметы, отнимают шапки, так что половина из них выходит из комнаты без рукавов и без одной или обеих пол платья. Когда достаточно пошумели, посланные за невестою угощены и поезд вместе с нею тронулся в обратный путь, его провожают снова камни мальчишек и ружейные залпы взрослых.

Три дня празднуют свадьбу в доме одного из родственников жениха...

По прошествии пяти-шести дней после свадьбы новобрачная, взявши большую чашку блинов и кувшин, в сопровождении целой толпы женщин с песнями и музыкой отправляется на реку и там бросает, один по одному, несколько блинов в воду, проколовши предварительно каждый из них иглою или булавкой. После этого, зачерпнувши в кувшин воды, она снова провожается обратно домой. С того же времени она становится вполне женщиною-хозяйкой и получает право, наравне с другими женщинами, ходить на реку за водой; до этого же дня она из комнаты не выходит и никому не показывается...»

Любопытное описание свадебных обрядов горского населения Кабардинского округа Терской области оставил этнограф Н. Грабовский. В 1868 году он был приглашен на свадьбу одного из балкарских таубиев — горских князей — с представительницей знатного сословия родственного кара-

чаевского народа.

«Прискакал гонец и объявил, что свадебный поезд находится от аула в 2-3 часах езды, - писал в своем очерке Н. Грабовский. — Так как в брак вступал таубий и, по принятому обыкновению, невесту его должно было встретить со всевозможным почетом, то привезенное известие подняло в ауле большие хлопоты: молодежь принялась ловить и седлать лошадей, девушки то и дело перебегали из одной сакли в другую, люди солидные отдавали приказания и непривычно суетились, а юное население с криком и гиком спешило карабкаться на плоские крыши сакль и занимать там наиболее удобные места для наблюдений. Через полчаса суета угомонилась и из аула медленно двинулась целая толпа разряженных в шелк и галуны девушек, направляясь к реке, где был назначен пункт для встречи и приема невесты; туда же поехала и арба, запряженная двумя добрыми волами и накрытая сверху, в виде кибитки, персидскими коврами, предназначенная служить экипажем для почетной семьи. Молодежь забралась на коней и также отправилась на встречу; к ним присоединился и я.

Проехав версты три от аула, мы встретили несколько лошадей, навьюченных сундуками с приданым невесты — коврами, тюфяками, подушками и т. п.; караван этот служил авангардом свадебной процессии и извещал о скором приближении ее. И действительно, взъехав на один небольшой гребень, внизу его, на площадке, обнесенной кругом сосновым кустарничком, мы заметили довольно густую кучу людей, садившихся на коней. Через минуту люди эти, затянув оридада (свадебная песня), двинулись в путь по дороге к нам. Заметив нас, некоторые из них начали джигитовать; поравнявшись же с нами, этот маленький отряд остановился, и встретившиеся начали приветствовать друг друга. Оказалось, что люди эти были киедженгеры (то же, что у нас поезжане), ездившие за невестою и составлявшие в дороге конвой ее. Один из них держал в руках длинную хворостину, на верхушке которой развевался тонкий гарусный шарф и малинового цвета шерстяная перчатка. Это импровизированное знамя... служит знаком соединения молодых людей для одной общей цели защиты вверенной им девушки.

Сзади, саженях в 30 от конвоя, показалась другая небольшая кучка людей... Когда эта кучка поровнялась со мною, я увидел, что в середине ее на лошади сидит женская фигура — невеста, с ног до головы покрытая шалью; помещалась она на широкой подушке, положенной на обыкновенное мужское седло, придерживаемая сзади мужчиною, который правил и лошадью. Этот мужчина бывает обыкновенно или родной брат невесты, или самый ближайший родственник ее; окружающая свита состоит также из родственников...

Переправившись через реку, отряд киедженгеров и присоединившаяся к ним аульная молодежь тотчас же удалились в сторону, чтобы не присутствовать при том, как невеста будет слезать с лошади и садиться в арбу. Я же остался посмотреть на церемонию приема приезжей вышедшими навстречу девушка-

ми. Как только поезд приблизился к тому месту, где стояла арба, мужчины, сопровождавшие невесту, слезли с коней, а ожидавшие прибытия ее девушки тотчас же стали в кружок около нее. Один из мужчин достал откуда-то ходули (напоминающие японскую обувь «гета». — Авт.), издали казавшиеся серебряными, на которые стала снятая с лошади невеста. Поддерживаемая с обеих сторон девушками, она дошла до арбы и с несколькими знатными из вышедших к ней навстречу села в этот экипаж; остальные девушки остались вокруг арбы. В таком порядке поезд тронулся с места, а с ними одновременно двинулись вперед и стоявшие в стороне киедженгеры; большая часть из них затянула опять оридада, а некоторые зрители пустились скакать, стреляя в бросаемые по дороге папахи.

За несколько десятков саженей пути до аула поднялась вдруг непонятная для меня тревога... Вся толпа киедженгеров преследовала одного человека... Преследуемый лихо скакал, направляясь к одному из крайних дворов, обнесенному высокою каменною стеною, и в свою очередь тоже громко кричал и махал рукою. В то время как он приближался к воротам означенного двора, несколько человек из аула подбежали туда и, быстро сняв загораживавшие ворота жерди, пропустили во двор переднего всадника, а затем тотчас же снова заложили ворота. Между преследовавшими... поднялся шум с еще большим неистовством. Некоторые из них, успевшие подскакать к воротам, торопились сбросить ненавистные жерди. Эта маленькая задержка дала возможность убегавшему скрыться с глаз. Преследование прекратилось, но толпа не унималась и продолжала страшно кричать... Я встретил там своего хозяина, который не замедлил объяснить мне причину суматохи. Оказалось, что один из аульных стариков, протиснувшись к знаменосцу, сорвал с древка шарф и ускакал. Потерять это импровизированное знамя считается между горцами величайшим позором, способным вызвать серьезную драку и неприятные последствия ее. По мнению солидных людей, молодежь, позволившая каким бы то ни было путем овладеть знаменем, может допустить это и по отношению к невесте. Несмотря, однако ж, на дурные последствия, вызываемые подчас смелым нападением на святыню киедженгеров, нападения эти делаются все-таки почти при каждой свадьбе. Обычай этот остался напоминанием о прошлом горцев, когда, при неприязненных отношениях с соседями, подобные нападения имели нешуточное значение, и обязывает молодежь не дремать даже и при нынешних, «мирных» условиях жизни.

В это время уже близко к аулу приближался торжественный поезд невесты, молодежь приумолкла и соединилась с поездом для того, чтобы сопровождать невесту при вступлении ее в аул и потом в дом жениха. Едва эта толпа, увеличившаяся еще аульными зеваками, вступила во двор жениха, как раздалась сильная ружейная трескотня. Гул выстрелов, крики людей и страшная давка продолжались до тех пор, пока невесту, закрытую по-прежнему с ног до головы, не увели в приготовленную для нее саклю...

К вечеру шум немного приутих и к нам в кунацкую ввалилось несколько человек из бывших киедженгеров. Едва эти молодые люди ступили за порог, как были встречены насмешками бывших в кунацкой; за оплошность — главную причину потери знамени — их величали «бабами», — эпитетом в высшей степени укоризненным для мужчины и особенно джигита... В это время вошел в кунацкую и мой хозячин с предложением идти попировать и повеселиться на свадьбе.

Вышедши из кунацкой, я увидел в той стороне, где находился двор жениха, яркое освещение. Пробираясь по узким и темным закоулкам аула, мы через несколько минут вступили в этот двор, наполненный, как три часа тому назад, большою толпою, на этот раз пешею. Пробравшись сквозь толпу, мы очутились на небольшой площадке, оставленной посреди двора для танцующей публики. Здесь на середине был разложен большой, ярко пылавший костер из сосновых дров, а полукругом около него пар двадцать девушек вперемешку с мужчинами тихо и мед-

ленно, с отсутствием даже малейших порывистых движений, отплясывали свой местный танец.

...Во все время танцев между танцующими и особенно около любопытной толпы суетился один молодой человек, имевший в руках довольно большую и длинную палку; он то и дело отгонял наступавшую толпу, прикрикивал на танцующих, пускался сам плясать, словом — поспевал всюду. Иногда в два-три прыжка он оказывался посредине площадки и, остановившись перед танцующею парою, заграждал ей дальнейший путь своим посохом. Парочка останавливалась и кавалер... доставал кошелек или портмоне и платил за свадебный пропуск. Получив «выкуп», молодой человек быстро удалялся, поднимал вверх руку, показывая всем достоинство полученной им монеты или кредитного билета, прятал эти деньги и, очутившись вновь около толпы, успевшей в его отсутствие нахлынуть за указанную черту, без милосердия бил по ногам переступивших границу. Задержки танцующих и требование «выкупа» повторялись довольно часто, причем не имевшие денег давали какую-нибудь мелкую вещицу... Молодой человек этот имеет значение распорядителя танцев и по-горски называется «бегеул» (бегаул); обыкновенно в это звание выбирается расторопный и бойкий человек мастер на все руки. Собираемый им выкуп идет в пользу музыкантов...

Вскоре появилась перед нами и полуведерная деревянная чаша с пивом; осущаемая и вновь наполняемая, она не уставала ходить из рук в руки и самым наглядным образом давала чувствовать свое присутствие: некоторые почетные люди, сидевшие или стоявшие до того весьма солидно, начинали уже выражать свое участие в свадьбе сперва тихим, а потом и довольно шумным хлопаньем в ладоши, а некоторые, помоложе, пустились танцевать и сами. Всякий раз, как кто-нибудь из почетных пускался в танцы, музыка тотчас же оживлялась и каждое па танцующего сопровождалось громкими рукоплесканиями и другими одобрительными приемами в виде неистовых взвизгиваний и стрельбы...

Возвратившись в гостеприимную кунацкую, я попросил хозяина рассказать мне обычай сватовства и вообще женитьбы в горах. Родственники человека, желающего вступить в брак, если они принадлежали к высшему сословию, прежде всего начинают наводить справки о семействе, из которого предполагают взять невесту; и если это семейство удовлетворяет всем условиям обычая, то есть хорошего происхождения, равного с желающими свататься, и имеет достаточное материальное состояние, то приступают к сватовству. Для этого выбирают одного из племянников или вообще близкого родственника (родной брат или посторонний может быть в качестве свата, когда нет родственников) и, снабдив его необходимыми инструкциями, отправляют туда, где живут родные выбранной девушки. Доверенный, смотря по обстоятельствам, или прямо объявляет о своем намерении, или же дает знать о нем намеками. Когда нет причин без всяких объяснений отказать сватающему, собираются все родственники девушки и общим собранием решают: принять ли предложение доверенного жениха или отказать ему? Если жених, в свою очередь, удовлетворяет всем требованиям обычая, родственники соглашаются принять предложение, но, не давая решительного ответа, зовут девушку из семейства аталыка невесты (аталыками вообще в Кабарде называются члены семейства, в котором воспитываются малолетние дети лиц высшего сословия) и вместе с нею посылают доверенного жениха к самой невесте узнать лично от нее, желает ли она вступить в предлагаемый ей брак. Доверенный жениха, после троекратного вопроса о согласии девушки на брак получивши удовлетворительный ответ, возвращается к родным девушки и объявляет им об этом. Тогда призывают аульного эфендия (муллу), который пишет «накях» — брачное условие. Вызвав доверенных со стороны жениха и невесты, он сажает их перед собою на корточки и соединяет большие пальцы их правых рук; обхватив эти пальцы своею правою рукою, он спрашивает о согласии их доверителей вступить в брак; получив необходимый ответ, эфендий читает молитву и тем завершает

обряд венчания.

Согласие девушки на выход в замужество требуется непременно, но оно не всегда служит выражением ее собственного желания. Девушка, заключив из разговора присланной к ней депутации, что родственники на предварительном совещании уже решили выдать ее замуж, изъявляет на то и свое согласие, руководствуясь в этом случае искони заведенным порядком и боязнью скомпрометировать отказом родную семью... Впрочем, бывают случаи, что девушки пренебрегают своим сословным происхождением и положением в обществе и бросаются в объятия своего любезного – простого, незнатного человека. Но так как вообще немного охотниц следовать подобным героическим примерам, то почти все горские барышни выходят замуж по желанию родных, не имея понятия не только о наружности своего будущего супруга, но часто и никогда не слышавши о нем. Это последнее случается потому, что в горах претендентом на руку девушки является обыкновенно не только не одноаулец, но даже и не житель одного общества; главная причина тому - родственные узы высшего класса, который в целом обществе нередко составляет одну фамилию. Более счастливая доля выпала на сторону горянок простого класса: они не стеснены тяжелыми правилами этикета, не ведут замкнутой жизни, не избегают встреч с аульною молодежью и потому имеют возможность выбирать себе мужей по сердцу.

Говоря, каким образом выходят замуж девушки, нелишним будет сказать несколько слов и о том, как смотрят на это мужчины. Здесь главную роль также играет не личное расположение к девушке, которую молодой человек, может быть случайно, проездом, видел один раз, — чаще же совсем не видит, — а сословное ее положение и расчет. Мужчинам, впрочем, обычай позволяет делать некоторые уступки сословным их взглядам и брать жен себе из сословия, не равного им, в том предположении, что муж жене дает и имя, и права; обратного же условия обычай не допускает.

По совершении накяха со стороны жениха должна быть внесена третья часть калыма, следуемого за жену. Этот последний в горских обществах Кабарды распределяется следующим образом: лица, приналлежащие к сословию таубиев, платят от 700 до 1000 руб. серебром, а фамилия Урусбиевых — 1500 руб.; лица простого сословия — не свыше 300 руб. Спустя некоторое время после уплаты первой трети калыма вносится вторая, а затем, обыкновенно через год, жених может взять невесту в свой дом и после этого уже заплатить остальную часть калыма... При совершении накяха, кроме части калыма, со стороны жениха следует сделать подарок отцу или брату невесты одну лошадь и пару быков; а эфендию, писавшему условие, - одну лошадь или, если жених не особенно состоятельный, - 10 руб.

Когда настает время взять невесту в дом жениха, последний собирает в своем ауле молодежь и вместе с нею сам, или ближайший родственник его, отправляется туда, где живет невеста. Родственники невесты, предуведомленные заранее о прибытии киелженгеров и жениха, делают приготовления к отъезду ее, а между тем приглашают девушек и молодежь, которые до отъезда невесты веселятся в доме у ней; веселье это, как и на свадьбе, заключается в пляске. Жених, если он сам приехал за невестою, во все это время скрывается у кого-нибудь из своих знакомых и никуда не показывается; точно так же он скрывается и в своем ауле, пока празднуется свадьба; здесь для своего пребывания он выбирает дом кого-нибудь из своих коротких знакомых, который с этого времени становится уже для него родственником, вроде аталыка, и называется «болушьюй». Жених в поезде невесты также не бывает и следует сзади; в свой аул въезжают ночью и так, чтобы никто не видел.

Обыкновенно при отправлении партии жениха за невестою участвующие в ней одеваются самым лучшим образом. Приехавши в аул невесты, они щеголяют перед тамошней молодежью своим нарядом, оружием и лошадьми; все это делается с целью сколь возможно возвысить достоинство жениха. Местная

молодежь как нельзя лучше пользуется хвастовством приезжих и обирает их, в силу обычая, с ног до головы. Таким образом, к отъезду киедженгеры обращаются в толпу оборванцев, а местная молодежь начинает щеголять их костюмами и оружием... По приезде в дом жениха свадебное веселье, если жених таубий, продолжается дней 10—15; простой же народ веселится дней семь.

В супружеские права жених вступает или в день привода невесты в его дом, или на другой день. К молодой супруге он отправляется не иначе как тайком и ночью; в первое посещение молодого мужа сопровождает в дом жены кто-нибудь из близких и друзей его. Войдя в саклю, муж садится на кровать, а жена в это время стоит в углу около кровати, с головы до ног покрытая шалью; пришедший вместе с мужем снимает последнему чувяки и затем удаляется из сакли. Муж обязан снять с жены покрывало и вообще раздеть ее. Так как горские девушки для сбережения стройной тонкой талии и вообще грациозности еще с малолетства зашиваются в сафьяновый корсет, то молодому мужу представляется немало трудов и хлопот снять этот корсет, развязав аккуратно все узелки, с умыслом хитро запутанные подругами невесты перед увозом ее в замужество; разорвать же или разрезать эти узелки считается большим стыдом для молодого человека. Но, несмотря на это, нередко все узелки разрываются, уступая силе или кинжалу молодого человека.

Через несколько дней после окончания свадебного пира новобрачный делает угощение для мужчин, то есть кормит и поит их, а на другой день после этого угощает всех аульских женщин и девушек (жены таубиев не бывают здесь, так как они вообще никуда не показываются). Каждая состоятельная женщина, идя на это угощение, должна принести с собою одного барана, котел пива и котел бузы (буза приготовляется из проса; это довольно хмельной напиток, напоминает русскую брагу), а кто победнее — курицу, кувшин пива или бузы, или, наконец, что в состоянии. Этот назначаемый для угощения женщин день назы-

вается «аувалгангюн» и играет весьма важную роль в свадебной процедуре: в этот день снимают с новобрачной покрывало и с этого времени она остается навсегда с открытым лицом; а если случается, что закрывает его иногда после, то это делается лишь при посещении ее какими-нибудь особенно важными гостями. Когда нужно приступить к этой церемонии — «открытию» лица новобрачной, муж заранее выбирает кого-нибудь из своих ближайших приятелей и поручает это дело ему; последний отправляется в саклю новобрачной и там палкою, обмотанной с конца шелковою материею, сбрасывает покрывало. Исполнивший этот обряд становится родственником новобрачных — также аталыком. Кроме этого, в тот же самый день показывается народу все привезенное молодою приданое. Тут же молодая обязана подарить матери своего мужа, а за неимением ее сестре его шелковый полный женский костюм; такой же подарок она должна сделать и аталычке, то есть воспитательнице мужа.

Молодой супруг живет в доме своего приятеля — болушьюй — не только свадебное время, но часто, по обычаю, остается в этом доме несколько месяцев и даже год, посещая в это время свой дом и жену только по ночам. Когда же, наконец, он оставляет дом болушьюй, этот последний обязан сделать, по средствам, угощение аулу. В благодарность за гостеприимство новобрачный дарит при этом случае лошадь, а потом, от времени до времени, семейство болушьюй получает и другие подарки, более или менее ценные. Благодарность за гостеприимство вообще не ограничивается только материальным вознаграждением, но выражается также и покровительством семейству болушьюй, если проживавший у них человек влиятельный и сильный в обществе.

Когда новобрачная раздает, по принятому обыкновению, привезенное с собою приданое родственникам и близким знакомым своего мужа, она отправляется снова в дом своих родителей... Перед отъездом своим вновь к мужу она делает угощение своим одноаульцам; родственники и остальные жители аула обязаны сделать ей подарки, каждый сообразно со своим состоянием. Забрав все подаренное ей, она отправляется к мужу. Вот это-то благоприобретение, в сущности, и составляет действительное приданое жены. При вступлении в брак таубия с каждого двора в ауле должны дать ему по одной штуке рогатого скота, стоящей не менее 10 руб.; подарок этот известен у горцев под названием «берне».

Всех описанных выше порядков придерживаются строго только люди привилегированного класса; у простонародья же принято делать все это гораздо проще. Мужчина этого последнего сословия, приобретя возможность жениться (собравши калым), выбирает знакомую и нравящуюся ему девушку и, встретившись с нею после принятого им решения, говорит ей о своем намерении. Если девушка согласна, он для соблюдения принятой формальности посылает сватать ее. Присутствовать на своей свадьбе жениху-простолюдину обычай не воспрещает, но он должен стоять где-нибудь в сторонке и не принимать участия в веселье. Не возбраняется также мужу видеть свою жену во всякое время, лишь бы только не при старших...

Молодые люди — холостяки и товарищи вступившего в брак, выпивши на свадьбе достаточное количество бузы или пива и дождавшись окончания пляски во дворе новобрачного, забираются куда-нибудь поблизости в засаду и там терпеливо подкарауливают секретное шествие молодого мужа на подвиги «первой ночи». Давши ему возможность, как будто незамеченному, пробраться в саклю своей жены, шаловливая молодежь покидает засаду и отправляется также к этой сакле, захватив с собою заранее припасенные воду, курей, кошек и даже собак. Так как подобные нашествия предвидятся тоже заранее, то молодой человек, сопровождавший в первый раз мужа к жене, и «джемхагаса» (слуга из приближенной к дому невесты семьи) принимают на себя обязанность стражей чертога новобрачных. Но, несмотря на бдительность этих аргусов, злонамеренная молодежь, пользуясь преимущественно силою, успевает завла-

деть этими стражами и крышею сакли новобрачных. Достигнувши этого последнего пункта, посылают в трубу камина весь запас животных и пернатых, льют туда воду, бросают папахи и стреляют, пока, наконец, истощатся и материал для беспокойства молодого супруга, и собственная охота к подобному занятию. По принятому обыкновению, новобрачный обязан все эти «подарки» шутников-товарищей выкинуть вон из своей сакли тотчас же; но так как эти шутки иногда переходят границы терпения супруга, то он принимается бранить беспокоящих его и дальше не обращает внимания на посылки их; таким образом молодой чете иногда приходится довольно долго оставаться в сообществе мяукающих кошек, визжащих собак и кудахтающих кур; только по уходе беспокойной толпы взволнованный муж освобождает несчастных пленных. Подобные развлечения, впрочем, позволительны только в отношении супругов — молодых людей, но отнюдь не пожилых и пользующихся исключительным положением в обществе.

Как вообще у магометан, у горцев Кабардинского округа допускаются многоженство и развод. Первое почти не встречается в горах, принято иметь лишь одну жену: такое обыкновение вытекает... из простого недостатка материальных средств. Если обратить внимание на ту плату за жену, которая существует даже и у простого народа, то станет понятным, что немногие в состоянии заплатить два-три калыма».

До освобождения феодально-зависимых сословий в Кабарде с невестой в дом жениха отправлялись в качестве приданого и слуги: женщина — «каравашка» и упоминавшийся выше джемхагаса. При невесте находилась также «дигиза» — воспитательница (аталычка) или гувернантка и компаньонка новобрачной. Дигиза и джемхагаса должны были прожить в доме будущего мужа девушки, с которою они посланы, от одного до трех лет: первая — в качестве экономки, второй — слуги. При отъезде дигиза, прежде чем передать своей подопечной права хозяйки, должна была устроить угощение обществу того аула, где прожила это время. Впрочем, ни дигиза, ни джем-

хагаса в итоге не оставались внакладе. По свидетельству Н. Грабовского, каждый из присутствовавших на подобном празднике должен был «сделать дигизе подарок: сам таубий, при жене которого она жила, если он человек вполне состоятельный, дает от 10 до 30 коров, 100-200 баранов и полную женскую шелковую одежду; прочие таубии — по одной лошади, а простой народ — по одной корове. Кроме этих подарков таубий, у которого жила дигиза, предоставляет в пользу ее всю шерсть с баранов и шкуры зарезанного скота за все время пребывания ее у него в доме. Джемхагаса отправляется домой вместе с дигизою и при этом получает от мужа той, которой он служил, всю одежду, полное оружие и лошадь с седлом». Бесправной пожизненной рабой при хозяйке оставалась лишь служанка.

В связи с подобным обычаем даже после отмены крепостного права немало бедняков в Кабарде стремились занять место дигизы и джемхагаса по добровольному соглашению, заслужив чем-нибудь доверие и уважение семей феодалов и зажиточных горцев. Тем не менее Грабовский был уверен, что «освобождение холопов разрушительно повлияет на некоторые горские обычаи, создавшиеся под условиями барства, как и везде пользовавшегося роскошными удобствами жизни за счет меньшей братии. Не в далеком будущем, по всей вероятности, и свадебный обычай горцев также подвергнется сильному изменению: исчезнут все гомерические обеды, уменьшится плата калыма, выйдут из моды значительные подарки, делавшиеся ради поддержания таубиевского достоинства, и, наоборот, бедному и бывшему задавленному классу горцев представится возможность в свою очередь делать свадебный сюрприз родным невесты чем-нибудь получше куска в 5-6 аршин миткаля или бязи».

Не менее любопытными были свадебные обычаи в Осетии. Изучавший жизнь и быт осетин в начале 70-х годов XIX века В. Пфаф писал: «По достижении

сыном 16—17-летнего возраста отец выбирает ему невесту, и после уплаты калыма 12—13-летняя девушка, не спрошенная о согласии, выходит замуж...»

Обряды осетин описала в своей статье «Свадебная обрядовая поэзия Осетин» исследователь Т. Хамицаева: «Основным ритуальным моментом осетинского свадебного обряда в его традиционной форме являлось прощание невесты с родным очагом и приобщение ее к очагу супруга, или, как говорят осетины, ее «постоянного дома», в отличие от «отцовского дома». ...В осетинской мифологии важное место занимал дух домашнего очага — «уалартон Сафа» (надочажный Сафа). По поверьям осетин, он «дал первый образец для существующих на земле цепей». Олицетворением его на земле являлась железная цепь, висящая над очагом. У очага и цепи происходили многие семейные обряды осетин.

Именно Сафа, покровитель очага, должен был благословить невесту и в ее родном доме, и в доме жениха. По Д. Шанаеву, этот обряд заключался в следующем: «Когда все вещи невесты приведены в порядок и уложены в арбе, крытой сверху ковром, со стороны невесты остается исполнить одно требование обычая: получить напутственное благословление от домашнего очага и надочажной цепи, имеющих, по представлению сего народа, большую святость и силу напутственного благословения. ...Шафер является проводником невесты в место нахождения домашнего очага. Он берет невесту под руку и в сопровождении всех девиц вводит ее с опущенною на лицо шалью в отделение, служащее для стряпни, где, следовательно, находятся очаг и надочажная цепь. Шафер подходит с невестою к очагу, и в это время дружки и гости встают со своих мест в ожидании молитвы, которую должен произнести старший и почетнейший из них. А между тем во время этой молитвы шафер с невестой делает три полных оборота вокруг очага; в конце третьего оборота он приглашает невесту прикоснуться к надочажной цепи рукой, что, разумеется, исполняется ею немедленно».

Девушки, следующие за невестой, играют на гармони и поют традиционную свадебную песню «Алай».

В Нарской котловине шафер вел к очагу невесту с обнаженной шашкой и, обойдя с невестой вокруг очага, трижды ударял шашкой по цепи. После этого «все присутствующие, не исключая старух и стариков, становятся в круг, берутся под руки и начинают танец вокруг очага с песней и припевом «ой, алай», хлопаньем в ладоши и в доску».

В Дигории данный обряд, совпадая в общих чертах с описанным выше, имел свои особенности; невеста, прикоснувшись к надочажной цепи, сама обращалась с просьбой к Сафа:

Сафа, небесный Сафа, Благослови меня в путь, Надели меня большим счастьем.

В доме жениха этот обряд повторялся. Невеста, которую под руку вводил в дом шафер, трижды касалась надочажной цепи и отходила от нее, не поворачиваясь спиной и кланяясь; взявшиеся под руки гости и домочадцы танцевали в такт исполняемой ими же песни «Алай». Важно отметить, что обряд хождения вокруг очага у осетин сохранился в своем подлинно обрядовом оформлении, в теснейшем сочетании действия, танца, песни, молитвословия и дает возможность предположить, что смысл его заключается в следующем: хор поющих вокруг очага и невесты просил у огня (духа огня) дать всяческие блага невесте, благословить брак.

Образцовая невеста должна была быть красивой и обходительной, внимательной не только к родным

жениха, но и к соседям, односельчанам.

В песне «Алай» воспевались черты именно такой невесты: «Дружную с людьми ласточку мы ведем в дом. Старшего от младшего отличающая — она будет такой. Для семьи — обилие, мед, среди соседей — ангел».

Т. Хамицаева пишет: «Отдельным жанром, самостоятельной частью общего действа можно считать молитвословия. Наиболее устойчивыми из них оказались те, которые произносились во время отправления невесты из родительского дома, ввода невесты в дом жениха и в момент снятия платка с невесты. В день свадьбы может быть не спета та или иная песня, если среди товарищей жениха нет хорошего запевалы, но молитвословие будет произнесено обязательно.

Молитвословие произносится старшим, чаще мужчиной, иногда пожилой женщиной. В руке произносящего — чаша с пивом. Перед ним невеста, которую берет под руку шафер, за ними стоят родственники невесты, старшие женщины. После каждой фразы они произносят: «оммен» — истинно, да будет так.

Молитвословия имеют определенный канон, их можно разделить на три вида: обращение к богу, пожелание двум роднящимся фамилиям, пожелания невесте.

На современной свадьбе произнесение молитвословий осталось обязательным. Молитвословие превратилось в напутствие, в котором кто-то из родственников невесты при всех собравшихся гостях наставляет ее, как вести себя в новом доме, старается напомнить ей, что она должна полюбить свою новую семью так, как любит свою, и даже больше».

Описание свадебных обрядов дагестанцев в 60-х годах XIX века оставил ученый-этнограф Н. Львов в своем очерке «Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени», изданном в Тифлисе в 1870 году. Имея в виду прежде всего аварцев, Львов писал: «Брачный союз (ригьин) горцы предпочитают заключать между близкими родственниками и однофамильцами, если условия для этого благоприятствуют. ...Браки по любви случаются между горцами не так часто. Нельзя, однако, сказать, чтобы любовь была чужда чувству горца. (Любовь у горцев считается священным чувством. Они говорят, что если мусульманин умрет от чистой любви к женщине, то наследует царство небесное.) Напротив, очень часто слышишь, что такой-то влюбился в такую-то, та-

кая-то влюбилась в такого-то (рокьи ккун), и если чувство не сильнее, то, по крайней мере, настолько же развито у горцев, как и у других народов...

Многоженство между горцами мало распространено. Это более зависит от бедности их. Немногие же, имеющие двух-трех жен, стараются помещать их отдельно, по возможности подальше друг от друга, чтобы не произошло между соперницами столкновения...

Обычай похищения женщин, бывший в большом ходу в дошариатное время, если не совсем забыт был при дагестанских имамах, то, по крайней мере, был весьма редко в употреблении... Если родственники похищенной девушки или вдовы не согласятся выдать ее замуж за похитителя, тогда с него взыскивают штраф: 1) называемый «ца-хис» (зуб меняющий), то есть скотину в том периоде возраста, когда первые зубы начинают заменяться другими; штрафом этим пользуется джамаат; 2) в пользу хана (ныне казны) 100 овец или вместо них 30 руб. серебром; 3) разламывают один угол дома похитителя (в настоящее время такой адат более не исполняется) и изгоняют его из аула на трехмесячный срок, по истечении коего изгнанный, возвратившись домой, должен угостить всех родственников похищенной. За похищение замужней женщины или за неблагонамеренное прикосновение к ней (то и другое очень редко случается) виновник наказуется как за убийство, с небольшим изменением в определении срока для изгнания.

Сватовство производится через мужчину, посылаемого женихом вместо свахи к родным невесты. Цель такого посещения объясняется намеками; прямое же предложение родным о выдаче дочери их замуж считается неприличным. Просьбу эту сват излагает как можно деликатнее. Началом разговора о таком важном предмете служит следующая общепринятая фраза, объясняющая дело вкратце, не конфузя никого: «Просим вас сделаться отцом и матерью, или братом и сестрою», если первых невеста не имеет, «такому-то человеку». Если предлагаемый жених им не по вкусу, тогда они прямо отказывают; в противном случае говорят: «инша-Аллах» (если Богу будет угодно). Этот ответ означает полное согласие родителей на брак дочери их с предлагаемым женихом.

Если невеста не имеет родных или когда родственник, без согласия которого она не имеет права выходить замуж, находится от нее в отдалении, на расстоянии двух дней пути, тогда место их при заключении брачного союза заступает местный дибир (мулла)...

Уполномоченный от жениха, получив согласие родных невесты, тут же поздравив их, приступает к составлению условий, состоящих в определении приданого невесты, свадебного подарка, делаемого ей женихом до свадьбы, и кебина, или, как мы называем, калыма, которым женщины пользуются после смерти мужей или после развода с ними.

Совершают брачный обряд и играют свадьбу не всегда вскоре по окончании сватовства: то и другое откладывают на несколько месяцев, на год, на два, на десять и более лет. Иногда совершают обряд немедленно по окончании сватовства, а свадьбу откладывают на некоторое время, и в промежуток этого времени молодые, оставаясь в домах своих родителей, не должны ни сближаться, ни даже встречаться друг с другом...

Сосватанные молодые люди пользуются большим почетом от своих родственников. За месяц или недели за три до дня вступления новобрачной в дом мужа они ежедневно приглашаются своими родственниками, которые утощают их самыми вкусными яствами и питиями. Каждый из молодых, отдельно отправляясь в гости, ведет за собою почетную свиту мужчин и женщин, на долю коих, благодаря их патронам, достается немалая часть их вкусных яств. Во время нахождения жениха или невесты у пригласивших их родственников дома последних наполнены гостями, принимающими непритворное участие в радости виновников пирушки. Каждый старается быть веселым, развязным и многие острят самым забавным и приятным для самолюбия жениха образом. Там поются веселые песни, аккомпанируемые стуком бубна (жирхен); поются вприпляску импровизированные песни любви или происходит между женщиной и мужчиной шуточная брань, импровизированная

стихами, также нараспев и вприпляску. Рог, наполненный бузою или чабою, сопровождаемый криком обносчика «воре-шораб» (берегись, дошла очередь!), беспрерывно обходит гостей, составляющих собою тесный кружок, посредине которого красуется большое медное блюдо или деревянный лоток, наполненный чурсками, сыром, колбасой, вяленой бараниной, курдючьим жиром, луком, медом, виноградом и другими фруктами. Угощаемая своими родственниками, невеста имеет удовольствие, так же как и жених, слышать от женщин множество приятных замечаний и намеков относительно положения, в каком она будет находиться в день вступления ее в дом молодого мужа, для чего советуют ей, не стесняясь, кушать больше, чтобы до того времени укрепиться в теле. Вместе с тем они, как опытные, считают необходимым сообщить ей обо всем, что каждая из них испытала во время первой уединенной встречи с мужем...

В назначенный для бракосочетания день жених уходит из своего дома к товарищу или родственнику, который назначается на свадьбе исполнять обязанность дружка (гьудул). Пред сумерками жених возвращается к себе в дом, куда приходит дибир в сопровождении отца невесты или другого какого-нибудь родственника, в качестве доверенного от нее лица (векиль, вакиль), и двух посторонних свидетелей. Жених при входе гостей соскакивает со своего места и предлагает его дибиру, а остальных гостей хозяин усаживает на разостланные впереди камина ковры и подушки. После обычных приветствий дибир, вставая со своего места, дает знак присутствующим последовать его примеру; благословясь, берет правые руки жениха и векиля невесты и соединяет их ладонями так, чтобы пальцы были протянуты и не касались тыльной поверхности кисти руки, причем большой палец жениха должен находиться несколько выше пальца векиля невесты (вероятно, в знак власти мужа над женою). Соединив таким образом руки, дибир кладет свой указательный палец на большие пальцы заключающих брачный союз и, обращаясь к векилю невесты, произносит следующую установленную Кораном формулу: «С помощью и с соизволения Бога и по пути, указанному пророком, за столько-то денег кебина (называет условленную сумму), отдаешь ли ты свою дочь этому человеку (указывает на жениха)?» По окончании этой формулы тот, к кому он обращается с нею, повторяет слова дибира с ответом: «Отдаю». То же самое повторяет дибир, обращаясь к жениху с вопросом: «Берешь ли?» Последний, произнося в свою очередь эти слова, отвечает: «Беру». Эти слова троекратно повторяются дибиром и заключающими брачный союз. По окончании обряда дибир читает молитву, благословляющую новобрачных...

Горцы верят, что между ними есть злые люди, которые во время совершения брачного обряда, желая испортить новобрачного, подслушивают чтение брачной формулы и шепотом опровергают ее со словами: «Гьеб — гьерсси, гьеб — мекъса» («Это ложь, это неправильно»). При этом злоумышленник завязывает на нитке столько узлов, сколько заключается в формуле слов, или вытягивает пальца на три кинжал из ножен и вкладывает его снова туда, повторяя это движение после каждого слова, произносимого дибиром. Это своего рода заклинание, обессиливающее, по мнению горцев, новобрачного, известно у них под словом «бухьин» (завязывание). Для пользования от этой неприятной для новобрачных болезни обращаются к грамотным людям, которые лечат ее молитвою (сабаб). Эта молитва пишется на трех круто сваренных и очищенных от скорлупы куриных яйцах, которые дают есть: сначала одно целое новобрачному; потом, когда он проглотит последний кусок, дают другое яйцо новобрачной и, пока последняя ест, разрезают пополам третье, и новобрачные съедают еще по половине. Этим лечением занимаются иногда учащиеся в мечетях молодые люди (муталимы), большей же частию они снабжают желающих приворотными молитвами (рокьул сабаб).

До начала брачного обряда дибир посылает к невесте двух человек, которым поручает спросить ее, согласна ли она добровольно выйти замуж за такой-

то кебин и доверяет ли она действительно своему векилю совершить обряд бракосочетания. Люди эти (они же присутствуют свидетелями при бракосочетании), получив согласие невесты, передают таковое дибиру, который тогда начинает обряд бракосочетания. Неисполнение этой формальности относительно совершеннолетней невесты делает брак недействительным.

...Брачный пир не отличается особенно интересными событиями; он во всем похож на пирушки, устраиваемые родственниками в честь жениха и невесты за несколько времени до свадьбы их. В день, назначенный для брачного пира (тот же день назначается и для вступления новобрачной в дом мужа), в доме новобрачного собираются гости. Более почетные из них приглашаются первыми в саклю, где их угощают на славу; гости средней руки остаются во дворе, ожидая очереди быть приглашенными и занять за столом места откушавших уже гостей... Таким образом, партию за партией, угощают множество гостей.

...Некоторые, большею частию незнатная молодежь, вовсе остаются забытыми хлопотливыми хозяевами: но они уже довольны и тем, что им позволяют плясать с девицами и молодыми женщинами под звуки зурны, аккомпанируемой неистовым стуком глухого барабана. В стороне от пляшущих, окруженных зрителями, поочередно принимающими участие в лезгинке, видна группа девушек и молодых женщин, столпившихся вокруг двух молодиц, поющих песни...

Вступление новобрачной в дом мужа сопровождается следующим церемониальным обрядом. В назначенный день она с утра оставляет дом родителей и отправляется к близкому родственнику, чтобы там приготовиться к торжественной встрече с молодым супругом. Удостоившиеся чести принимать у себя новобрачную оказывают дорогой гостье радушное гостеприимство; ее потчуют всем, что скудное состояние горца может предложить лучшего...

В сумерках новобрачный посылает к новобрачной почетную свиту, состоящую из близких родственников и родственниц, под предводительством

младшего дружка, носящего не совсем красивое название «хІама» (ишак). Подойдя к двери дома, где находится новобрачная, посланные спрашивают позволения хозяев войти в дом; получив таковое, с молитвою переступают порог и, отдав салям (салам) всем находящимся в этом доме, садятся по приглашению хозяев возле молодой. Гости, отдав должную честь кушаньям, приготовленным для новобрачной, и поблагодарив хозяев за угощение, обращаются к ним с просьбою, чтобы их не задерживали и отпустили молодую к своему мужу; хозяева не соглашаются на просьбу посланных иначе, как просьба эта не повторится три раза. Тогда посланные просят молодую следовать за ними и отправляются, напутствуемые благословениями хозяев. Встреченная во дворе мужа родственниками и родственницами его, новобрачная останавливается, ожидая приглашения войти в дом. В это время к ней подходит мать новобрачного, держа в руках тарелку с медом, и, обмакнув в него палец, мажет губы новобрачной, прося ее войти в дом. Новобрачная, не обращая внимания на приглашение, остается на прежнем месте, облизывая губы, намазанные медом; это означает, что она желает получить какой-нибудь подарок, прежде чем переступить за порог дома мужа своего. Тогда к ней подводят какую-нибудь крупную скотину и надрезают последней ухо в знак того, что скотина поступает в собственность новобрачной. Последняя, увидя кровь, просачивающуюся из уха подаренной ей скотины, соглашается на вторичное приглашение и, приветствуемая поздравлениями, песнями и выстрелами, входит в саклю, один угол которой занавешен ковром; туда помещают новобрачную со свашками и подружками. Молодые остаются до полуночи на своих местах. После полуночи свашки уводят молодую в приготовленную для новобрачных комнату, куда, спустя немного времени, приходит новобрачный в сопровождении дружков. Последние, повалявшись на приготовленной для новобрачных постели, чтобы убедиться, удобно ли будет молодым провести на ней ночь, и простившись с ними, оставляют их наедине. Кроме обязанности дружков и свашек услуживать новобрачным и потчевать гостей, они еще должны стеречь молодых от нескромного любопытства посторонних...

У горцев Нагорного Дагестана нет обыкновения, как у нас в простонародьи, наутро после свадебной ночи выносить на показ пирующим на свадьбе гостям ночное белье новобрачной, сохранившей до выхода замуж доказательство целомудрия... Нет у них также обычая, принятого у некоторых кавказских мусульман, как, например, в бывших шамхальстве Тарковском и ханстве Мехтулинском, где новобрачный стреляет в окно из ружья или пистолета, и тем оповестив публику о своем разочаровании, изъявляет неудовольствие родным новобрачной за небдительный надзор за дочерью их; или, как в некоторых местах Закатальского округа, новобрачный стреляет с целью сообщить радостную весть пирующей публике и выстрелом же изъявляет свою признательность тестю и теще...»

Приведем еще несколько любопытных свадебных обычаев, собранных дагестанскими исследователями.

У даргинцев, в селении Ванаша-махи по обычаю родственники жениха на площади выпекали большое чуду (пирог) и относили родственникам невесты. Иногда размер его достигал в диаметре двух метров. У урахинцев в такое чуду помещали семь бараньих грудинок. В Ванаша-махи перед приходом невесты жених обычно заранее находился за дверью спальни. Когда невеста входила, он три раза ударял ее по спине в знак своей власти над ней с этого момента.

По гапшиминскому обычаю на третий день свадьбы устраивался танец невесты. Все присутствующие мужчины должны были с ней танцевать. После танца невесты начинался традиционный коллективный танец одиннадцати женщин и одиннадцати мужчин. Рисунок танца очерчивали водящие — пожилые женщина и мужчина. Этот старинный танец еще и теперь исполняется на свадьбах.

В ауле Мекеги невесту, живущую по соседству, вели в дом жениха в течение многих часов. Этот обы-

чай существует и сегодня. Свадебный кортеж вечером из дома жениха направляется за невестой. Невесту не сразу отпускают. Начинается торг, который длится часа три. Наконец, когда уже получено согласие родителей невесты, невесту из дома ни за что не выпускают раньше 12 часов ночи. К часу ночи свадебный кортеж направляется в сторону дома жениха. Движется он настолько медленно, что требуется 4—5 часов, чтобы пройти небольшое расстояние до дома жениха. Двигаются примерно так: невеста и все следующие за нею делают шаг вперед и образуют круг для танцев. Кончаются танцы, начинается движение уже не вперед, а назад. И так продолжается до самых петухов, то есть до утра.

По буркиханскому обычаю нареченная, когда едет или идет к будущему мужу, должна всю дорогу

громко рыдать.

Р. Магомедов описывает, как выбирали невесту в ауле Мокок: «Мать парня с хурджином в руках идет в дом девушки, которая по сердцу ее сыну. В хурджине находится специально испеченный сдобный хлеб. В доме невесты мать парня ведет разные посторонние разговоры, в которых никаким образом не касается истинной цели своего прихода. Уходя, она вешает свой хурджин на видное место. Через 2-3 дня она вновь приходит в дом родителей девушки, опять ведет обычный житейский разговор, ни слова не говоря о цели своего посещения. Спустя некоторое время мать парня прощается с родителями девушки, забирает свой хурджин и идет к себе домой. Дома она осматривает хурджин. Если родители девушки взяли принесенный им хлеб и взамен положили свой, значит, они согласны породниться с приходившей к ним матерью парня. Если же хлеб оказался нетронутым, это означало отказ. Разговор на этом должен был кончиться, никто о нем, кроме родителей, не должен был знать. Бывало и так, что хлеб в хурджинах оказывался надломленным. Это надо понимать так, что родители еще подумают, посовещаются».

Был и другой обычай: женихи бросали свои папахи в окно девушки, и женихом считался тот, чью па-

паху девушка не выбрасывала обратно. Горцы говорят: «В девушку влюбляются многие, а женится один».

Папаха, по преданиям, использовалась и для того, чтобы определить, пора ли выдавать девушку замуж. В нее изо всех сил бросали папаху, и, если она не падала, считалось, что она уже может стать невестой.

Интересное описание венчального обряда у горских евреев приводит И. Анисимов: «На дворе синагоги стоит балдахин, под которым должны венчаться новобрачные. Балдахин состоит из куска шелковой материи, натянутой на четыре жерди. Жерди эти держатся четырьмя родственниками невесты и жениха. Во время венчания раввин читает молитвы, а жених со своим нареченным братом и невеста с посаженой матерью стоят поникши головами под балдахином и слушают раввина... Потом раввин берет полный стакан вина, произносит молитву и передает его жениху. Последний, так же как и невеста, постится с восьми часов вечера предыдущего дня и только теперь впервые отпивает немного вина и подает невесте. Невеста, сделав то же, подает его раввину. Затем жених надевает невесте на палец кольцо или кладет ей в руку серебряную монету и повторяет за раввином слова Священного Писания. После этого раввин читает вслух брачное условие «кетибо», в котором упоминается, какое приданое приносит с собою невеста и сколько, в случае развода, жених обязывается уплатить ей наличными деньгами. После чтения раввин снова наполняет стакан вином, опять читает над ним молитву, но на этот раз подает его не жениху, а невесте. Та отдает его жениху, а последний, отпив немного, со всей силы разбивает стакан о камень, с этой целью лежащий здесь же под балдахином. Наконец балдахин снимается, и раздается дружное «ура» при-СУТСТВУЮЩИХ».

Как пишет С. Нахшунова: «Когда жених со своими родственниками идет к невесте, несут специальные подарки — «табаг». ...Специально готовят «ликах» — большой сладкий пирог (чтоб жизнь у молодых была

такой же сладкой), «халиво» (орехи в меде). Все это вместе с вещами красиво укладывается на большие подносы и к дому невесты идет целая процессия. Когда невесту приводят в дом жениха, у порога ее встречает близкая родственница жениха с пиалой меда. И невеста своей рукой кормит всех родственников жениха».

«У горцев, как вообще у магометан, — пишет Н. Грабовский, — допускается многоженство. И этим правом описываемые горцы пользуются очень часто: многие из них имеют по две, а случается и по три жены. Нельзя сказать, чтобы эту роскошь позволяли себе одни состоятельные люди; нередко можно встретить двух жен и у бедняка. Результатом подобных супружеств, само собою разумеется, является почтенная цифра детей, доходящая очень часто до 17 душ одних живых...

Независимо от описанного законного пути вступления в супружество, горцы придерживаются и другого — похищают жен. Делается это часто из желания избегнуть лишних трат, необходимых при нормальном бракосочетании, а иногда и просто из удальства. Но люди, поступающие так будто из экономии, всегда жестоко ошибаются, потому что, кроме установленного калыма, они обязаны платить и за бесчестие, нанесенное семейству, из которого была похищена девушка, если на то не было ее согласия... Потом, несмотря на предпринятые меры к устранению всяких случайностей, зачастую бывает, что родные догадываются или узнают о похищении и начинают преследование. Если отважным молодцам не удастся скрыться, то происходит драка, последствием которой бывают убийства и поранения...»

Как уже говорилось, имам Шамиль уделял серьезное внимание регулированию семейно-брачных отношений. По его инициативе на территории Имамата размер калыма был снижен до символических сумм: 20 руб. за девушку и 10 руб. за вдову или разведенную. При этом стороны могли еще уменьшить калым по обоюдному согласию.

Иметь несколько жен могли те, кто в состоянии был содержать их и потомство. В ситуации многолетней войны, когда погибал цвет мужского населения, многоженство играло важную социальную роль, способствуя воспроизводству населения. Имам Шамиль даже издал указ, по которому вдовы имели право сами выбрать себе мужа, хотя бы и уже имевшего семью. Когда одна молодая вдова выбрала самого Шамиля, он на ней женился, демонстрируя, что исключений не будет ни для кого.

Добавим здесь, что у горцев существовал и обычай «люлечного обручения», когда отцы договаривались о будущем брачном союзе своих детей, которые были еще младенцами. Со временем многое могло измениться, но было немало семей, ставших результатом такого уговора родителей.

Рождение детей

Большим событием для молодых супругов, их родителей и родственников было рождение детей. Дети — продолжение рода, отрада в жизни, опора и утешение в старости.

Как пел даргинский поэт Батырай:

Пусть у храброго отца Не родится робкий сын, Ибо должен будет он Дать отпор врагам отца.

Пусть у робкого отца Не родится храбрый сын, Ибо должен будет он Разделить позор отца.

Рождение ребенка праздновали у всех народов Северного Кавказа. Хорошо знавший обычаи и обряды горского населения Н. Грабовский писал: «Рождение младенца мужского пола встречается всегда с большим торжеством. Появление на свет такого ребенка возвещается выстрелами. Как только с новорожден-

ным окончат все акушерские приемы, в кунацкую или в другую отдельную саклю собираются приносить поздравления соседи и вообще одноаульцы. Счастливый хозяин, считающий рождение мальчика благодатью, посланною свыше на его семью, радушно встречает гостей, и, если он человек состоятельный, режет быка или несколько баранов. Сюда же собираются девушки. Веселье и танцы продолжаются три дня».

Здоровье матери и младенца

Обычно женщины рожали лежа на спине, но существовали и другие способы — стоя на коленях или на ногах, в зависимости от течения родов.

Лакский филолог и этнограф А. Омаров в своих «Воспоминаниях муталима» (муталим — ученик при мечетской школе. — Авт.) писал: «...Наконец прибежала в мечеть старуха и сказала кунаку, что Ханум родила благополучно сына. Кунак возрадовался и подарил ей за весть теленка; я тоже поспешил поздравить кунака своего обычною фразою: «Да будет младенец благочестивым».

Вечером я был приглашен кунаком покушать у него «курч». Это кушанье готовят обыкновенно для родильниц и оно называется женским блюдом. Курч приготовляется таким образом: всыпают муку в кипящую в котле воду, пока образуется густое тесто; потом снимают с очага котел и делают посредине теста углубление ложкою, куда наливают топленого масла с медом; затем едят кушанье ложками. После ужина хозяин просил меня достать Коран из мечети, чтобы положить около больной жены для отогнания от нее нечистого духа, что я и исполнил.

Я ходил часто к кунаку и всегда находил там какую-нибудь родственницу, пришедшую с курчем или с топленым маслом и медом. Почти целую неделю больную кормили этим кушаньем. Родильница поправлялась быстро. Несмотря на претерпенные ею страдания, она встала с постели на 8-й день после родов. Ребенок был здоров и спокоен; но иногда, когда он по ночам плакал много, сейчас же прибегали в мечеть за кадием или мною с просьбою, чтобы написать молитву усыпляющую...»

Таты перед рождением ребенка готовили «хашиль». Считалось, что это блюдо быстро восстанавливает силы молодой матери, необходимые для кормления ребенка. Для его приготовления муку жарили в масле до розового цвета, затем разводили водой или молоком до густоты сметаны, а полученную массу заливали медом.

В Дагестане и у других народов Северного Кавказа младенцев укладывали в люльки (колыбели). Эти детские кроватки, которые используются по сей день и передаются по наследству, делали из дерева и красиво украшали. У люльки было две округлые опоры, на которых она раскачивалась, округлым был и верх с продольной перекладиной. Ребенка укладывали на мягкую подстилку (матрац), в которой была проделана дырочка, куда пропускали специальную трубку — «свенек» (разные для мальчиков и девочек), чтобы постелька была сухой. Для сбора урины под трубочкой укреплялся специальный сосуд. Вместо привычных теперь сосок ребенок сосал кусочек мягкого курдюка, завернутый в тонкую ткань. Сама люлька накрывалась пологом, чтобы свет не мешал спать. Качать люльки и ухаживать за детьми помогали все члены семьи женского пола.

Абдурахман Казикумухский вспоминал: «...Детей они растят в люльках, так же, как и во всем Дагестане. Если, к примеру, мать пожелает весной выйти на посевной участок, то привязывает к люльке бычий или коровий рог, надев на конец его вырезанный сосок овцы. Затем наполняет рог коровьим или овечьим молоком и покидает ребенка; он сосет соску целый день и не плачет. Однако если есть дед или баха (бабушка), либо кто-то другой, им подобный, то они остаются с ребенком».

В первые дни и месяцы ребенка оберегали от

«сглаза», злых духов и прочих опасностей, которые могли повредить здоровью младенца (подробнее об этом будет рассказано позже. — Aвт.).

Наречение имени

О том, как давали имя младенцу, Н. Грабовский писал: «Чтобы дать имя новорожденному, выбираются несколько молодых людей, которые берут себе каждый по одной лодыжке от зарезанных баранов; затем они усаживаются кружком в сторонке и начинают по очереди кидать на землю лодыжки. Чья из этих лодыжек прежде станет на землю ребром, имя того и дают младенцу. Рождение девочки не сопровождается так торжественно: поздравлять приходят одни женщины и особого празднества не устраивается. Имя новорожденной дается таким же порядком, как и мальчику, но с той разницей, что в этом случае лодыжки бросают девушки».

В. Пфаф писал о наречении имени у осетин: «Обряд наречения детей именем весьма древний: каждое дитя получает свое имя от того лица, который шьет

ему первую рубашку».

В воспоминаниях А. Омарова находим: «...Через неделю кунак мой собирался устроить пир: купил барана, сделал целую кадушку бузы, приказал напечь пшеничных хлебов и прочее. Все это готовилось к тому дню, в который нужно было дать младенцу имя. О последнем, однако, шел спор между родителями; отец хотел дать имя в честь своего отца, для сохранения имени рода, так как и прадед его также назывался этим именем; а мать хотела дать младенцу имя убитого своего брата, потому что вдова брата просила ее об этом неотвязчиво. (У горцев, обыкновенно, стараются сохранить имя любимого умершего человека, если не в прямом потомстве, то в ближайшей боковой линии: младенец, названный в честь коголибо умершего, получает от его семейства в праздничные дни какие-нибудь подарки, например шелковую рубашку, архалук и др.) Но так как ребенок

был мужеского пола, то предпочли дать ему имя деда (при наречении имени младенцу мужского пола первенствуют желания отца, и, наоборот, при наречении имени девочке первенствуют желания матери). Вечером собрались к кунаку многие родственники обоих супругов. Само собой, был, как необходимое лицо, приглашен кадий, а также и я, как хороший знакомый.

После веселого ужина кадий велел принести младенца, которого сейчас же и принесла женщина, укутавши его в кусок материи. Кадий взял младенца на руки, произнес: «Во имя Бога» — и начал читать молитву в правое ухо дитяти. Молитва была короткая, и прочитав ее скоро в каждое ухо по три раза, кадий воскликнул: «Да будет он Ахмед!» Тогда присутствовавшие воскликнули почти сразу: «Ахмед, Ахмед! Да благословит его Аллах!» В этом состояла вся церемония наречения имени младенцу. А когда гости прощались с хозяином, каждый отдельно пожелал младенцу доброго здоровья и долгой жизни».

О значении имени для ребенка говорится в рассказе о первых годах жизни имама Шамиля, родившегося в аварском ауле Гимры Койсубулинского общества Дагестана в 1-й день месяца мухаррама 1212

года Хиджры (то есть 26 июня 1797 года):

«Однажды ночью гимринцев разбудили громкие выстрелы. Вооружаясь на ходу, горцы выбегали из домов, полагая, что на село напал враг. Но оказалось, что это пьяный от счастья кузнец Денгав Магомед палил в небо с плоской крыши своей сакли. Рождение сына — большое событие для горца. На мавлид — благодарственную молитву — собралась вся аульная община. Дед Шамиля по обычаю нашептал младенцу особую молитву, а затем нарек его именем Али. Но счастье Денгава и его жены Баху-Меседу было

Но счастье Денгава и его жены Баху-Меседу было недолгим. Ребенок оказался слабым и болезненным. Сверх того он заразился оспой, от которой тогда умирали даже взрослые. Родители младенца потеряли всякую надежду.

...Аксакалы посоветовали дать ребенку новое имя. По горским поверьям лишь это радикальное средст-

во могло сбить с толку шайтанов, когда те явятся за душой Али. Родители так старались спасти сына, что имя ему выбрали редкое, о котором здесь никто и не слышал, — Шамиль. Ко всеобщему изумлению, средство оказалось столь действенным, что мальчик стал быстро поправляться и скоро обогнал в развитии своих сверстников».

Там, где ислам имел глубокие традиции, имена у горцев большей частью имели арабское происхождение: Магомед (Мухаммад — имя Пророка), Расул (Посланник), Гази (Воитель за веру), Али, Абакар, Абдула, Гаджи, Омар, Рамазан и др. Некоторые имена имели аналоги не только в исламской культуре, но и в Библии: Нух (Ной), Муса (Моисей), Ибрагим (Авраам), Иса (Иисус), Юсуп (Иосиф), Якуб (Иаков), Сулейман (Соломон).

Многие имена восходят к 99 именам Аллаха. Эта традиция узнаваема в именах и фамилиях современных горцев.

Приведем некоторые из этих имен, которые часто

давали горским детям:

Ар-Рахман Милостивый Ар-Рахим Милосердный Аль-Малик Владетель Ас-Салям Мирный Аль-Азиз Могущественный Аль-Халик Творец

Аль-Алим Всезнающий Аль-Басыр Всевидящий Аль-Латыф Добрый Аль-Хабир Сведущий Аль-Халим Терпеливый Аль-Хафиз Оберегающий Аль-Махим Велиместреми

Аль-Хафиз Оберегающий Аль-Джалиль Величественный Аль-Карим Великодушный

Аль-Хаким Мудрый Аль-Маджид Славный Аль-Вакил Покровитель Аль-Хамид Славный Аз-Захир Видимый

Аль-Вали Правитель Аль-Мутаали Высочайший

Ар-Рауф Сострадательный

Малик Аль-мульк Обладатель могущества

Аль-Гани Богатый Ан-Нур Свет Аль-Варис Наследник

Ар-Рашид Правильный Ас-Сабур Терпеливый

Некоторые из таких мужских имен имели производные для женщин: Малик — Маликат, Хафиз — Хафизат (Хаписат), Карим — Каримат, Халим — Халимат и др.

Сохранилась и традиция давать новорожденным имена умерших предков, а также дополнения к именам самого разного происхождения. Приведем некоторые мужские и женские имена у аварцев: ГалбацІ (Волк), Месед (Золото), Чакар (Сахар), Батыр (Герой), Гюльжанат (Райский цветок).

Фамилий в современном понимании у горцев не было. Зато имелось множество дополнений к именам, которые помогали отличить одного Али от другого. Для этого к имени добавлялись название рода или его основателя, имя отца или матери, обозначение особых качеств, рода занятий и др. К примеру, у аварцев — Камалил Башир (Башир — сын Камала), КІудияв (Большой), Оц (Бык), ГьитІинав (Маленький), ЧІегІерав (Черный) и др.

К именам знаменитых горцев добавлялись назва-

ния аулов или целых народов.

Отца имама Шамиля звали Денгав (Доного), и поначалу Шамиля звали Шамиль — сын Доного. Затем Шамиль стал Шамилем Гимринским, так как он происходил из аула Гимры, еще позже — Шамилем Аварским, потом — Дагестанским, Кавказским... Став всемирно известной личностью, Шамиль вновь стал Шамилем, не нуждающимся в каких-либо уточнениях или дополнениях.

Широко известно имя народного поэта Дагестана Расула Гамзатова. Отца его, тоже народного поэта, звали Гамзат Цадаса, то есть Гамзат из (аула) Цада. Имя отца стало фамилией, когда, уже в XX веке, в документах стало необходимо указывать фамилии. Эту же фамилию, Гамзатовы, носят теперь и дети Расула Гамзатова.

Схожие традиции сложились и у многих других народов.

Многие современные фамилии у горцев — сохранившиеся издревле названия родов.

Обрезание

«Одним из значительных обрядов детского цикла для мальчиков, — пишет исследователь Б. Рагимова, — был обряд обрезания — сюннет (суннат). Обрезание, встречавшееся у многих народов с глубокой древности, являлось частью обряда инициации. У лезгин, как и у других народов Дагестана, сюннет появился с принятием ислама. Определенных возрастных границ для сюннета не было: были случаи, когда обрезание ребенку делали еще в колыбели. Однако чаще это был возраст от двух до четырех лет. Благоприятным временем для сюннета считались весна и осень, когда раны заживали быстрее и с меньшими осложнениями. В народе же говорили, что лучшее время для сюннета — когда кизил поспевал.

Как событие жизненного цикла, сюннет у лезгин не проходил незамеченным. По случаю сюннета устраивалось небольшое угощение, родственники приносили мальчику подарки. Особый размах это событие приобретало в том случае, когда нескольким мальчикам в семье делали обрезание одновременно».

У горских евреев, как писал И. Анисимов, «обряд обрезания совершался, как правило, в синагоге: новорожденного держал на подушке «отец по обрезанию»... Раввин производил операцию обрезания, а настоящий отец читал в это время молитву. После совершения обряда здесь же в синагоге устраивался торжественный обед».

О том, что обрезание (усечение крайней плоти) имеет очень давнее происхождение, свидетельствуют и изображения на древнеегипетских папирусах, где эта процедура представлена со всеми хирургическими и гигиеническими подробностями.

Когда у ребенка появлялись первые зубы, таты готовили «гем-дюм-дюшь» — кашу из пяти компонентов: кукурузы, фасоли, чечевицы, гороха и пшеницы — и разносили по домам всех родственников. Когда мальчику исполнялось тринадцать лет, отмечали праздник «Тефилим мени». Ребенка вели в синагогу и освящали. Затем накрывали праздничные столы и приглашали гостей.

Аталычество

Своеобразной формой семейных отношений, особенно у феодалов и зажиточных слоев населения, являлось аталычество (от слова «ата» — отец) — передача детей для воспитания в другие семьи. Особенно распространено оно было у адыгов, осетин,

балкарцев, карачаевцев и кумыков.

Горцы считали аталычество делом богоугодным: ведь сам пророк Мухаммед провел несколько лет в семье арабов-кочевников в качестве воспитанника. По свидетельству Ф. Ф. Торнау, «у черкесов существует давний обычай не воспитывать дома детей знатного происхождения. Вскоре после рождения мальчика отдают обыкновенно на прокормление и воспитание в чужую семью, до тех пор пока он не подрастет и не научится владеть оружием. Весьма часто выбирают для этого совершенно другое племя. Принявший ребенка на воспитание называется аталык и приобретает все права кровного родства с семейством своего питомца. Этот обычай много способствует к примирению и к сближению между собою разноплеменных горских семей и обществ, а дети научаются говорить на чужих наречиях, что для них бывает весьма полезно при существующем на Кавказе разноязычии. Женщины заботятся с особенною нежностью о своих питомцах, которые тем сильнее привязываются к посторонним кормильцам, чем менее знают своих родных матерей...

Бедные дворяне, крестьяне и рабы в Абхазии нашли хороший способ ограждать себя от притеснения сильных обычаем, существующим у князей и богатых дворян, воспитывать своих детей вдали от родительского дома. Принимая на себя эту обязанность, они вступают как бы в родство с родителями воспитываемых ими детей и пользуются их покровительством».

У кумыков правители отдавали детей на воспитание первостепенным узденям. В свою очередь эти уздени определяли своих детей в семьи простых узденей, имевших высокий престиж в обществе. У адыгов князья отдавали детей на воспитание своим вассалам. Встречалась практика передачи на воспитание детей в семьи других народов. Ребенка отдавали с малых лет, иногда даже через несколько месяцев после рождения. Срок пребывания в доме аталыка (воспитателя) определялся для мальчика 8-13 годами (иногда до 17-18 лет), для девочки - до 12-13 лет. Аталык учил своего питомца всему, что должен был знать и уметь каждый молодой дворянин и князь: правилам поведения, верховой езде, стрельбе, физическим упражнениям, хозяйственным и другим навыкам. Воспитание девочки входило в обязанность жены аталыка: она учила ее рукоделию, различным женским работам и обязанностям будущей хозяйки, тонкостям этикета. При завершении срока воспитания аталык дарил воспитаннику парадную одежду, коня, вооружение и торжественно, в присутствии родственников, возвращал его в родной дом. С той же торжественностью возвращали и девушку. Семья воспитанника устраивала по этому случаю большие торжества, преподносила аталыку и его семье дорогие подарки (оружие, коня, скот, земельный участок и т. д.).

В. Пфаф писал: «Получив имя, дитя отдается на воспитание в дом постороннего лица и не видит своей матери до 6-летнего возраста... Поэтому осетин-

ское дитя любит свою няньку больше, чем мать, а отца своего боится, но не любит вовсе, воспитатель (аталык) гораздо ближе его сердцу. Воспитатель по окончании 6-летнего срока возвращает ребенка в дом его родителей. В этот день в семье совершается праздник и воспитатель с нянею получают от отца воспитанника своего подарок в несколько сот рублей. По этой причине в настоящее время древний этот обычай сохранился только в богатых и достаточных слоях населения. Воспитание дитяти в доме аталыка во многих отношениях напоминает воспитание детей у лакедемонян (спартанцев. — Авт.): оно обращено исключительно только на физическую сторону. По возвращении дитяти в родительский дом оно поступает сначала в пастухи и почти все время проводит в поле и на пастбище, практически изучая под надзором отца земледелие, скотоводство, обхождение с оружием и другие искусства...

Кроме аталычества существует еще другой род приемного родства, хранить который обычай повелевает так же свято, как и настоящее аталычество. Если два человека согласились составить между собою союз на жизнь и на смерть, жена или мать одного из них дает другу мужа или сына коснуться губами три раза груди своей, после чего он считается родственником семьи и пользуется покровительством, какое принадлежит действительному питомцу. При этом делаются подарки аталыку и кормилице».

На протяжении XIX века наиболее архаичные черты института аталычества утрачиваются, срок воспитания сокращается до 3—7 лет, церемония возвращения воспитанника домой принимает более простые формы. Одновременно обычай аталычества развивается между горцами и казачьим населением Северного Кавказа, способствуя укреплению их взаимоотношений. По свидетельствам современников, «бывало, что в семье казака воспитывался какой-нибудь сирота-ногаец, калмык или горец. Повзрослев, такие лица получали все казачьи права, становились настоящими казаками и за них могли выйти замуж девушки-казачки».

Удивительна судьба выдающегося художника Петра Захарова-Чеченца. Ребенком его нашли на развалинах разрушенного Дады-Юрта. Мальчика взял к себе казак Захар. Позже Петр, как назвали мальчика, оказался в семье А. П. Ермолова, который заботился о мальчике и дал ему хорошее образование. Мальчик проявил способности к живописи, окончил Академию художеств и вырос в талантливого портретиста. Он стал популярен и заслуженно получил звание академика.

Разводы

По шариату, чтобы развестись с женой, мужчине было достаточно заявить при свидетелях, что он ее «отпускает», и сказать: «Талак» (развод). При этом он мог не объяснять причины, побудившие его к расторжению брака. Если в течение трех месяцев муж не решал возобновить супружеские отношения и не возвращал жену в свой дом, брак считался окончательно расторгнутым и женщина имела право выйти замуж за другого мужчину.

Если мужчина произносил формулу развода трижды, он мог жениться на своей бывшей жене, только если она выйдет замуж за другого и снова получит развод. Если же «Талак» был произнесен 9 раз, то возобновление супружества уже не было возможно ни при каких условиях и эта женщина становилась для бывшего мужа запретной.

Однако, при видимой простоте, разводы в горах были делом редким. Как гласит аварская пословица: «Прежде чем жениться, десять раз подумай, а прежде чем разводиться, подумай 100 раз».

Развод по инициативе женщины был почти невозможен, но женщина имела право его инициировать, если мужчина нарушал условия брачного договора, оскорблял ее подозрениями в неверности и т.п. Как правило, подобные случаи кончались примирением при помощи родственников.

В адатах Келебского общества Дагестана говори-

лось: «Только муж имеет право развести жену, то есть дать ей развод, о чем он должен предварительно объявить суду. Если после ухода жены муж пошлет за ней двух почетных людей с просьбой, чтобы она вернулась к нему, и если она откажется вернуться и не помирится с мужем, он имеет право жениться на другой».

Однако все же случалось, что жена уходила от мужа. Это подтверждается постановлением о положении детей в семье: «Если замужняя женщина, поссорившись с мужем, уйдет от него и в связи с этим возникает спор о содержании ребенка, мать должна оставить его у себя, пока он не достигнет брачного возраста. ...Если мать откажется оставить у себя ребенка, с нее каждую неделю взыскивается бык, оцененный в 8 голов овец».

При разводе приданое — земля, скот и прочее — оставалось собственностью жены, а муж был обязан

определенное время содержать детей.

Практически во всех обществах адаты запрещали убийство жены за супружескую неверность, если, конечно, любовники не были застигнуты на месте. Расправы по доносам и подозрению сурово осуждались общественным мнением. На этом, в частности, основан сюжет трагической баллады «Али с гор», популярной в Дагестане и известной в русском переводе под названием «Али и Айша». Недоброжелатели оклеветали молодую жену Али, заявив, что у нее есть любовники, которым она передала подаренные мужем драгоценности. Вернувшись с горных пастбищ домой, ревнивый муж не нашел украшений на жене и смертельно ранил ее. Но, узнав от умирающей, что украшения спрятаны («Жемчуг и яхонт не посмела носить, где нет тебя, и, чтоб не поблекли, положила в сундук»), Али в отчаянии от содеянного кончает с собой ударом кинжала.

Фон дер Ховен писал о абхазах: «За доказанное нарушение прав супружеских во всяких случаях мстится смертью, как и вообще за обесчещение девушки. Женщину обличенную муж, как и ближайший родственник, вправе продать. Случаи эти весьма редки в Абхазии и их помнят здесь только два...»

Н. Грабовский сообщал о кабардинцах: «...Правом развода пользуются также весьма редко, потому что и здесь все невыгоды на стороне мужчины: он теряет жену и ему не возвращают заплаченного за нее калыма. Исключение из этого правила допускается только в том случае, когда сама жена безотступно требует развода, не имея к тому законных поводов; но и тут возвращение калыма служит, так сказать, платою за согласие на развод. Если случается, что жених умрет еще до свадьбы, то, по шариату, родные девушки вправе требовать от родных умершего уплаты полного калыма; но местный обычай предоставляет девушке пользоваться только половиною калыма. Точно такою же частью она пользуется, если жених, по каким бы то ни было обстоятельствам, отказался от нее».

Траурные обряды

Жизнь в горах Кавказа была нелегкой. Радостные и торжественные события перемежались повседневным напряженным трудом, постоянной борьбой за существование. Многие горцы гибли от несчастных случаев, болезней, войн и междоусобиц, даже не достигнув среднего возраста. Складывавшаяся веками привычка быть вместе и в радости, и в горе способствовала появлению не только праздничных, но и печальных — похоронных обрядов. Описание таких обрядов у горцев Западного Кавказа оставил Ф. Ф. Торнау, потрясенный трагической гибелью своего постоянного спутника и проводника абхаза Эмина Шакрилова:

«Через три недели после несчастной кончины Шакрилова (Эмин утонул в реке Бзыбь во время весеннего паводка, а тело его вынесло в море) было положено его семейством совершить поминки по нем, тем же самым порядком, который описывал несколько веков тому назад генуэзец Интериана. Отец покойного Эмина приехал в Бамборы звать меня на эти поминки, на которых должен был присутствовать сам владетель (князь Абхазии Михаил Шервашидзе. — Авт.). Каждый гость обязан сделать при этом случае какой-нибудь подарок вдове, без чего подобные поминки, продолжающиеся трое суток, в течение которых поминающие обязаны кормить всех посетителей, могут совершенно разорить небогатое семейство. Гости приносят в подарок, кто чем богат — оружие, сукно, холст, материи, лошадей, скотину, баранов, даже домашнюю птицу и зерно.

Взяв с собою для подарка кусок шелковой материи и десятка два целковых, я поехал на место собрания, назначенного около домов, принадлежавших семейству Шакриловых, между Бамборами и владетельским домом. Вся поляна была покрыта людьми и лошадьми... Народу собралось более двух тысяч. В открытом поле стояли подмостки с кроватью, убранною по-прежнему коврами, материями и платьем, принадлежавшим покойнику. Возле подмостков сидела вдова под черным покрывалом, окруженная множеством молодых и очень хорошеньких женщин в самых ярких нарядах. Недалеко от нее братья покойника держали под уздцы трех лошадей, оседланных разными седлами: детским, щегольским с серебряными украшениями и боевым. Когда я приехал, все еще заняты были утренним угощением. Груды вареного мяса и баранины истреблялись с неимоверною скоростью; котлы с просом кипели во всех местах; вино, разносимое в глиняных узкогорлых кувшинах, лилось ручьем. Когда все насытились, народ собрался в одно место и образовал круг, в середину которого ввели первую лошадь с детским седлом. Возле нее шел импровизатор, рассказывавший рифмованным напевом, как рос Эмин в детстве на радость отца и матери. Когда привели лошадь с седлом из яркого сафьяна, украшенного серебряным галуном, тот же человек пел народу о красоте и ловкости покойного и рассказывал, как на него заглядывались и как вздыхали о нем абхазские красавицы. При появлении лошади с боевою сбруею он привел на память его военные достоинства, храбрость, хитрость и рассказал его несчастный конец. Под конец каждой фразы народ отвечал на его слова, громко вскрикивая и ударяя себя по лицу, в знак скорби и сожаления. Это прославление покойника повторялось в течение трех дней каждое утро, между тем как жена его сидела неподвижно под своим покрывалом. После того стреляли в цель из ружей разными способами, с присошек и с руки, в неподвижную и в подвижную мишени, в кружок, поднятый на высоком шесте, и в живого орла, привязанного к вершине его на длинной веревке. За удачные выстрелы раздавались призы разного достоинства, начиная от огнива и поясного ремня, до пистолета в серебряной оправе. Выстрелы гремели весь день до позднего вечера, пока народ не принялся опять пировать при свете многочисленных огней. Женшины отправились потом ночевать в Лехне (Лыхны), а мужчины заснули на месте, укутавшись в бурки по кавказскому обыкновению.

На третий день была назначена скачка, которою всегда кончается тризна по умершему. Эта скачка представляла самый оживленный и самый любопытный эпизод празднества. Скакали на 30 лошадях мальчики лет двенадцати и четырнадцати, имея под собою черкесские седла без подушек, для того чтоб не сидеть, а стоять в стременах, с места поминок к Пицундскому монастырю и обратно, через горы по чрезвычайно тесной и каменистой дороге. Расстояние, которое они должны были проскакать, составляло около 48 верст. Хозяева скаковых лошадей следовали за ними на переменных лошадях, расставленных по дороге, имея право возбуждать их голосом и хлопаньем, не касаясь только плетью. Вся эта ватага. состоявшая более чем из сотни ездоков, неслась, подобно вихрю, с криком, гиком и хлопаньем нагаек, через бугры и рытвины, по полям и по лесу, на гору, под гору, нигде не сдерживая лошадей, с одной мыслью перегнать один другого и взять призы, состоявшие в прекрасной кабардинской лошади с седлом и в богатом ружье, пожертвованных владетелем на поминки Шакрилова. Я ничего не видал в Абхазии увлекательнее этой скачки. Владетель и я вмешались в толпу, когда она пронеслась мимо нас, и скакали с

нею, пока наши лошади не выбились из сил и мы не были принуждены остановиться поневоле. Редкая скачка подобного рода обходится без несчастья. Мальчики очень часто падают с лошадей, убиваются, и за одними поминками следуют другие, кончаясь теми же головоломными скачками. На этот раз, к великой радости участников скачки, все скакавшие дети остались в целости; тризна совершилась, как следует по закону праотцев, и дух бедного Эмина мог наконец успокоиться...»

Похоронно-поминальные обряды у горцев Восточного Кавказа были описаны ингушским просветителем и этнографом Ч. Ахриевым:

«Похороны составляют важное событие в горах, и потому быстро разносится слух о смерти кого-либо. Весь народ из окрестностей стекается в аул, где совершают похороны. В числе других спешат в такой аул и женщины, так как только на похоронах им позволяет обычай собираться из других аулов и составлять свой женский круг. На похороны они идут отдельно от мужчин; по дороге ведут между собой оживленные житейские беседы, но как скоро приближаются к аулу, тотчас начинают плакать. При этом одна из них плачет вроде запевалы, приговаривая слова, относящиеся до умершего, и ударяя себя в лицо то одним, то другим кулаком. Как только она перестанет плакать, остальные женщины, которые шли и слушали ее молча, начинали рыдать все сразу, в один голос... Потом опять первая солистка начинает свой плач, и таким образом они входят во двор, где находится тазет (так называется место, на котором собирается народ, чтобы изъявить свое сожаление о покойном). Здесь, посреди двора, лежит постель и на ней платье покойника. Кругом постели сидят аульные женщины; когда они увидят, что приближаются женщины из других аулов, то поспешно встают и сами начинают плакать. При этом они соблюдают следующий порядок: четыре из дальних родственниц покойника стоят посреди, а их окружают остальные

женщины. Одна из этих стоящих посредине исчисляет при плаче все те доблести, какими отличился покойник, называя его по имени: какие он мудрые планы задумывал, но увы! ранняя смерть помешала ему выполнить их, и прочее... Уже поздно вечером они возвращаются домой, а те, которые пришли из дальних аулов, остаются ночевать у семейства покойного. Таким образом, собирается в доме каждый день около двухсот женщин, и этот сбор продолжается три дня, а иногда целую неделю. Число посетителей зависит от большего или меньшего числа родных и знакомых умершего: чем больше он имеет родных и знакомых, тем больше народа собирается на его похороны. Что касается до мужчин, то они преимущественно собираются в день похорон, когда их бывает нередко человек до пятисот, считая в том числе и мальчиков, приходящих с торбочками, чтобы класть в них мясо, которое достанется на их долю на похоронах.

...Прежде у горцев хоронили покойника через три или четыре дня после смерти, а теперь стали хоронить тотчас же после смерти (влияние ислама. — Авт.), похоронный же пир устраивают на другой день. Для этого пира режут много скотины и баранов. Родственники покойного рассаживают весь народ, собравшийся на похороны, во дворе, группами по 5 человек каждая, и подают столько говядины и баранины, что каждому человеку может достаться по большой порции.

...Если покойник был женат, то вдова его должна носить по нем траур по крайней мере три года, после чего может снять траур и выйти замуж за брата покойного мужа или за его родственника. Но прежде чем снять траур, она должна сделать новые поминки по своему мужу и устроить в честь его скачку...»

А. П. Ипполитов в своем этнографическом очерке об обычаях и обрядах чеченцев Аргунского округа писал: «Когда родственники больного видят, что наступает последний час его, посылают за муллою, который и начинает читать над ним молитву. Женщины в изъявлении своего горя громко плачут, бьют

себя в грудь, царапают лицо ногтями и рвут волосы. Как только больной скончался — их тотчас же удаляют или заставляют молчать, так как подобное выражение печали совершенно противно духу мусульманской религии. Все удаляются из комнаты умершего и мулла со своими муталимами начинает приготовлять тело для погребения. Он кладет его на чистую дубовую доску или скамью, нарочно для этой цели сберегаемую в больших мечетях, берет кувшин воды и омывает тело. Потом берет кусок полотна или белой бумажной материи и завертывает в него труп; после этого он завертывает его в другой кусок такой же материи и потом в третий. Оторвавши от этого савана две неширокие полосы, он ими завязывает саван над головою умершего, и ниже ног его. В рот, глаза и уши умершего кладется, обыкновенно, вата. Приготовленное таким образом к погребению, тело оставляется в постели, а родственники и знакомые покойного тихо его оплакивают. Тогда, обыкновенно, одна из присутствующих женщин встает и начинает петь надгробную песнь. Впрочем, это не есть собственно песнь, а скорее причитание, которое и у нас в большом употреблении в низшем классе народа. Плакалышица высчитывает достоинства умершего, его качества и сетует, зачем он оставил свое семейство и детей: «Ты оставил нас, а мы все так тебя любили! Ты ушел от нас в лучший мир, где нет ни печали, ни горя, а одни только радости. Но кто же позаботится о твоем семействе и детях? Кто их накормит, кто защитит их от злого человека?..» Когда одна женщина окончит, начинает другая, потом третья и т. д.

Во время этой надгробной речи присутствующие хранят глубокое молчание, прерываемое лишь стонами и рыданием их. Но так как мусульмане погребают своих мертвых в самый же день их смерти, то эта печальная сцена продолжается, обыкновенно, недолго. Тело кладут на арбу и везут на кладбище. Многие чеченские фамилии имеют свои родовые кладбища, а потому умершего везут иногда за несколько десятков верст. Если встретится на пути другое ка-

кое-либо кладбище, мулла и все присутствующие останавливаются и читают молитву за всех вообще умерших, причем все поднимают в это время руки и держат их несколько секунд обращенными ладонью к лицу. Подъезжают, наконец, к родовому кладбищу покойного; там могила уже готова и два или три человека осторожно, вместе с одеялом, на которое положено тело, поднимают его и тихо опускают в могилу, где его принимает мулла; он развязывает тесьмы савана и кладет умершего на правый бок, обращая головою по направлении к западу (лицом к Мекке. — Авт.). Тело покрывается дубовой доской, которая утверждается над ним наклонно к ногам мертвого. После этого, засыпавши могилу землею, мулла и присутствующие молятся и потом, за исключением муллы, все от нее удаляются на довольно большое расстояние, так что около нее остается один только мулла. Тогда он берет приготовленный заранее кувшин с водою, снова читает молитву (заам) и три раза поливает из кувшина могилу в головах умершего. Исполнивши это, он тотчас же быстро от нее отходит.

По поверью мусульман, или, как уверяют муллы, по сведению их священных книг, в то время когда налитая на могилу вода касается тела умершего, он оживает и спрашивает присутствующих: «Зачем они оставляют его одного?» Горцы верят, что тот, кто услышит этот голос, становится навсегда глухим. Вследствие подобного убеждения они отходят от могилы на такое расстояние, чтобы нельзя было слышать ни слов, ни голоса мертвеца.

Когда похороны кончены и все удалились, мулла присылает на могилу одного из своих муталимов, и тот три дня и три ночи читает там Коран. Иногда же чтение вместо могилы совершается в доме умершего... Каждую пятницу сколько-нибудь зажиточное семейство приготовляет блины и относит их в мечеть для раздачи там присутствующим в память всех своих умерших.

Обычай горцев требует, чтобы все родственники, друзья умершего или его знакомые приезжали к нему в дом для заявления своих сожалений пред члена-

ми его семейства. Обычай этот исполняется весьма строго, — и по смерти человека уважаемого к его семейству приезжают с утешениями и сетованьем люди, часто даже и незнакомые».

У аварцев и ряда других народов омытое тело усопшего, обернутое в белую ткань и накрытое ковром, кладут на специальные носилки (лестницу), приносят в мечеть, где совершают погребальную молитву, а затем несут на кладбище, причем все стараются почаще сменять друг друга у носилок.

Женщины собираются в «доме слез», оплакивая покойного. А мужчины — в мечети или дома, сидя исполняют совместный зикр (аварцы говорят — «лаилла бачине»). Дибир (духовное лицо) читает молитвы, перемежая чтение совместным с собравшимися многократным повторением: «Ла-илагьа-иллаллагь» («Нет божества, кроме Аллаха»), «Астагьфируллагь» и др. Считается, что чем больше людей соберется на этот обряд, тем более облегчится участь усопшего в другом мире.

По поводу похоронных обрядов у кумыков ученый-исследователь С. Гаджиева пишет: «...Наряду с мусульманскими регламентациями (особенно в процессе захоронения), представлениями о загробной жизни, сохранились и элементы языческих верований, а также некоторые обряды и песни: шагъадай — своеобразные причитания и ритуальный танец вокруг покойника; обряд посвящения умершему коня и др.».

В статье И. Черного, опубликованной в очерке «Горские евреи» в «Сборнике сведений о кавказских горцах» в 1870 году, приводится описание траурного обряда у татов: «...Во время болезни обязаны все односельцы навещать больного почти каждый день. Когда же больной умрет, тотчас же собирается целое общество в доме умершего. Раввин, его ученики и некоторые грамотные из поселян садятся около мертвеца. Мертвец лежит на полу, покрыт черным покры-

валом, и вокруг него горят свечи — все читают псалмы Давида, а раввин с учениками читают мишну в честь души, находящейся тогда в доме возле тела ее. Усопший лежит на земле до тех пор, пока приготовляют для него одежду, называемую по-библейски тахрихим. Целое общество сидит возле дома умершего или на дворе его и шьет этот тахрихим; в то же время женщины-плакальщицы собираются на дворе, садятся группой в большой круг и оглашают воздух протяжным плачевным напевом. Одна из них стоит на коленях и расхваливает достоинства умершего; в это время она бьет себя кулаками в лицо, в голову и в обнаженные груди так сильно, что другие женщины, сидящие возле нее, удерживают руки ее с обеих сторон. Когда она кончает одну фразу, все женщины отвечают ей словами: huja-алла! huja-алла! (о Боже! о Боже!), бьют себя между тем в голову и делают такие странные гримасы и движения, что страшно смотреть на них. Все они сидят с растрепанными волосами, одеты в весьма старые оборванные платья, а некоторые покрыты белыми покрывалами. Когда стоящая в средине женщина кончает свою речь, то за ней из группы выходит по очереди другая и т. д. Чем более они при этом выразят свои чувствования красноречивыми словами, тем больше заслуживают славу у других женщин. Оттого иная плакальщица в разгар своего вдохновения совершенно теряется, забывает себя... В то время подходят к ним некоторые мужчины, по два и по три человека, слушают их речи, кивают головами и рыдают, как дети. Несколько минут они так участвуют в плаче женщин, потом удаляются, другие на место их подходят и т. д.

Мужчины также бьют себя кулаками в грудь, в голову и лицо, когда участвуют в плаче с женщинами. Это продолжается до тех пор, пока приготовляется одежда тахрихим для умершего. Потом ставят палатку на пол и переносят труп в нее. На пол раскладывают огонь и на нем согревают воду для обмывания тела умершего. Потом одевают его в одежды из белого коленкора — сперва в рубашку, сшитую с башлыком, а рукава вместе с перчатками, так что лицо и голова

закрываются башлыком, а пальцы рук перчатками рукавов, потом в штаны с чулками, вместе сшитые, для закрывания ног. Далее заворачивают труп в талет, то есть в покрывало, которым евреи покрывают себя в синагогах, во время молитвы, и надевают на него белый саван; наконец, кладут труп на носилки, покрывают его или черным сукном, или красным персидским шелковым большим платком. Носилки бывают временные и постоянные. Временные делают из двух длинных толстых деревянных палок, переплетенных короткими ветвями дерева, наподобие лестницы, а постоянные делаются столяром и укреплены железом в виде решетчатого ящика, с ножками и ручками: таковые стоят постоянно в передних синагоги. В тех местах, где в обычае временные носилки, евреи считают грехом иметь постоянные, ибо они живут с надеждою, что настанет день, в который прекратится смерть, и, во-вторых, они веруют, что если носилки стоят готовыми, а равно если могила вырыта без надобности, то непременно должен еще кто-нибудь умереть; поэтому скоро после похорон носилки разламывают и бросают в огонь. Женщины провожают мертвого с воплями и рыданиями, с ужасным криком и плачем, причем бьют и колотят себя руками в голову, лицо и груди, — только со двора, потом они или возвращаются назад, в дом умершего, или расходятся по своим домам и начинают расхваливать тех женщин, которые отличились своими речами и движениями. Мужчины же отправляются с трупом на кладбище, порою останавливаясь на несколько минут, причем читают или одну главу из псалтыря Давида, или молитву за усопшего. Подходя к кладбищу, они останавливаются на некоторое время на поле и становятся в полукруг: раввины читают молитвы, а народ в это время бросает в воздух кусочки разломленной старой азиатской серебряной монеты, думая этим задобрить злых духов. По окончании этого обряда направляются к могиле. Могила вырывается глубиною около 2,5 аршина и более; покойника кладут лицом вверх, покрывают, в вышину одного аршина над ним, досками, чтоб он

мог свободно лежать, и доски засыпают землею. На могиле ставят надгробный камень с надписью; большею частью кроме имени умершего пишется следующая фраза из Книги пророков: «И много из спящих в земле пробудятся и встанут к вечной жизни». Кроме того, обозначают день, в который потребован (такой-то) сын (такого-то) в верховный небесный суд, число, месяц и год по еврейскому летоисчислению от сотворения мира. На некоторых памятниках описывают добродеяния и достоинства покойника, например то, что он делал добро всякому, помогал бедным, не обидел ближнего, был гостеприимен, не был горд и т. п.

Возвращаясь с могилы, срывают три раза траву, растущую на кладбище, и бросают ее через плечо, говоря: «Да прекратится смерть на веки веков, аминь!» Когда выходят с кладбища, все обмывают руки, становятся в большой круг, в средину которого входит сын, или наследник покойника, или же ближайшие родственники его, если сыновей нет; раввин читает молитву за покойника, а потом все утешают родного или родных его и оттуда отправляются в дом покойника. Там приготовляется обед или ужин (если поздно бывают похороны); раввины читают там молитвы, мишну, Талмуд и Книгу Иова в честь души покойника. Целый месяц, а иногда целый год горит лампа с маслом на том самом месте, где душа вышла из тела, по причине вышеописанной; целый месяц читают там молитвы по три раза в день и по целым дням до глубокой ночи женщины-плакальщицы просиживают там и плачут; другие женщины деревни и девушки приходят туда также ежедневно участвовать в общем рыдании. Обед и ужин обязаны кушать в том же доме, и сюда каждый хозяин приносит свои кушанья. Мужчины кушают отдельно в комнате покойника, а женщины тоже отдельно; такие общие обеды и ужины продолжаются тоже целый месяц. По окончании же месяца наследник покойника или вдова приготовляют обед и ужин для целого селения; если они бедные, то общество помогает им в этом. Тогда опять раввины читают молитвы ради успокоения души покойни-

ка и скорого вхождения ее в рай. Такие поминки возобновляют по окончании года, в тот самый день, в который покойник умер; тогда делается еще раз всеобщий обед и ужин для целого общества. Траур по усопшему исполняют по установлению религии, разрывают верхний кусок платья под воротником, возле груди, и так ходят в разорванном платье целый год. В Кубе мне рассказывали евреи, но я сам не видел, что в течение первого года от смерти какого-нибудь молодого, храброго человека женщины не раз берут его лошадь, надевают на нее сбрую, на коня садится верхом молодая женщина, ростом с умершего, причем она одета в его костюм, с его пистолетами, кинжалом и шашкою. Все женщины и девушки собираются и окружают коня, начинают при этом плакать, кричать и рыдать, бьют себя в груди, зовут эту женщину его именем и оглашают воздух воплями. Этим они себе воображают, что покойник сам сидит верхом на коне и одет как живой пред ними. Представление такого рода доводит их до экстаза. Вообще, женщины горских евреев очень склонны к плачу и ищут случая, для того чтобы было о чем поплакать. Так, когда я объезжал Прикаспийский край и Терскую область, я везде встречал женщин, оплакивающих покойников. Они говорят: «У нас такой адат, — когда мы выплачемся, то на сердце легче делается». Помню, например, что по приезде моем в селение Янги-кент, лежащее недалеко от селений Маджалиса в Кайтаго-Табасаранском округе, я услыхал издали пение женщин; с тамошним раввином я отправился по тому направлению, откуда оно слышалось, и спросил раввина, что это за пение. Он мне ответил, что это не пение, а плач женщин. И действительно, когда мы подошли поближе, то увидели, что почти все женщины деревни сидят в живописной группе и плачут с такой странной мелодией, что издали казалось, будто они пели; их глаза уже опухли от рыдания, и все они были избиты страшным образом. Я спросил их, давно ли умер тот, которого они оплакивают. Представьте мое удивление, когда я услышал, что уже 25 лет прошло после смерти оплакиваемого!»

В Дагестане, как и у некоторых других народов, мужчины в знак траура несколько месяцев не бреются, родственники покойного не посещают свадьбы и праздники.

Бывает, что могилы особо выдающихся людей со временем превращаются в зияраты (места особого почитания). Над могилами таких святых и праведников строят особые помещения, украшают флагами. Их поминают в молитвах. В Хунзахе особым почтением пользуются могилы Абу-Муслима (теперь она является частью мечети), который, как считается, принес в Дагестан ислам, и могила 2-го имама Гамзат-бека.

Наследование

Знаток родового быта горцев Б. Далгат писал: «Родительский дом, все, что осталось, наследовал младший сын, который с ними и проживал. И ему, вместе с непосредственными заботами о стареющих родителях, перепадало из имущества больше». На этой почве между братьями порой возникали конфликты, нашедшие свое отражение в народном фольклоре. Например, в горской драматической балладе «Али, оставленный в ущелье» говорится о двух старших братьях, заманивших младшего на ловлю птенцов сокола в пещеру недоступной скалы и бросивших его там. Младший брат просил его спасти, обещая отдать за это полученное от родителей наследство. Но старшие ушли, заявив, что разделят наследство без него.

Однако раздел имущества после смерти родителей был у горцев явлением крайне редким и осуждался общественным мнением. Еще при жизни родители обязаны были снабдить взрослых детей всем необходимым.

Женщина как наследница получала треть доли мужчины. Если умирала жена, оставив после себя детей, половина ее имущества переходила к мужу. Если же умирал муж, то имущество жены и земля сохраня-

лись за ней. Особенно жестко этот порядок соблюдался в Дагестане, где муж, в отличие от европейского права, не мог распоряжаться имуществом жены без ее согласия. Более того, в случае смерти жены бездетного мужа участок земли, полученный в качестве приданого, возвращался ее сородичам. Таким образом, имущественное положение горской женщины на Кавказе было прочным. Ограничение прав горянок сводилось лишь к получению меньшей по сравнению с мужчиной доли наследства и неучастию в политической жизни общины.

О наследовании у адыго-черкесских племен Западного Кавказа уже знакомый нам фон дер Ховен пишет так: «Имение, оставшееся после смерти родителя, движимое и недвижимое, делится на равные части между детьми мужеского пола, в выборе которых они имеют право по старшинству. Дети женского пола не имеют участия в сем разделе, но до замужества должны быть содержимы братьями и по состоянию получают приданое из рабов и движимого имения. Вдова, когда ее покойным мужем ничего не было ей отказано, не имеет участия в наследстве, но по смерти должна иметь пропитание у детей своих. Часто, когда братья живут согласно, имение остается неразделенным, но каждый из них вправе потребовать такового раздела. В случае бездетства имение умершего делится на равные части между ближайшими его родственниками мужеского пола в боковой, восходящей и нисходящей линии. В фамилию же жены имение не переходит. Когда бы не нашелся никто из родственников мужеского пола, то владетель Абхазии делается наследником умершего; когда бы остались одни дочери, он обязан их содержать до замужества и поделить приданое...»

IV. ИЗ КАКОГО ТЫ РОДА?

Родовая община

Большая семья, известная у горских народов Северного Кавказа под разными наименованиями, объединяла до пяти и более поколений ближайших родственников, преимущественно по прямой нисходящей линии (родители, их женатые сыновья, внуки и т. д.). Численность ее достигала 40-60, а иногда 100 и более человек. В ряде случаев в больших семьях, особенно феодальных, проживали и рабы, являвшиеся собственностью владельцев. На протяжении столетия рост числа членов семьи приводил к дроблению семейной общины. Выделившиеся семьи по мере возможности селились рядом, поблизости от отцовской семьи. В высокогорных альпийских районах ландшафт и форма хозяйства делали рациональными расселение малыми деревнями (по 15-30 дворов); в долинах и на равнине вырастали крупные «урбанизированные» аулы (от 100 до 1000 домов), где настоящие и бывшие родственники селились «концами» или кварталами в Дагестане они назывались «мехле» или «авал»).

Родовые группы или объединения (хотя в XIX веке их кровнородственная суть была во многом утрачена) назывались жинсы, тлибили (у народов Западного Кавказа), авриды или эвледы и мыггаг (у осетин), тайпы или тейпы (у чеченцев и ингушей), туху-

мы или тохумы (у народов Дагестана).

В книге Э. Исаева «Вайнахская этика» говорится: «...Чеченский тайп объединял семьи, связанные между собой кровным родством по отцовской линии. По мере разрастания тайпы распадались на две или более части — гары (ветви тайпа), каждый из которых со временем образовывал самостоятельный тайп. Все члены гара могли назвать имя своего реального предка. Кроме того, каждый чеченец должен был знать и помнить имена не менее 20 лиц из числа своих предков.

В истории Чечни насчитывалось свыше 135 тайпов. Более 20 из них были образованы представителями некоренных народов, которые ассимилировались в разное время и в разных условиях и прочно вошли в состав чеченского общества. Каждый тайп имел юридические нормы и этические правила, обязательные для соблюдения всеми. И чем больше человек был популярен в обществе, тем строже он был обязан блюсти нравственные устои тайпа. В основе организации тайпа лежали нормы, подразумевавшие то, что в современном обществе формулируется как «свобода, равенство и братство». Отношения между людьми регулировали такие этические нормы, как уважение к старшим, почтительное отношение к женщине, оказание помощи тем, кто оказался в беде, и др. Эти нормы постепенно переходили в обычаи, ритуалы. Антиобщественное поведение открыто порицалось. И был даже такой обычай — устраивать на обочине дороги т.н. «кучу всенародного проклятия». Каждый, проходя мимо, бросал в эту кучу камень или ком земли со словами проклятия в адрес того, кто совершил безнравственный поступок. По неписаному житейскому кодексу тайпа, любой человек, невзирая на положение, мог за проступок стать объектом осуждения».

3. Шахбиев в своей книге «Судьба чечено-ингушского народа» пишет: «Тайп возглавлял тайпанан хьалханча — предводитель тайпа, или как принято говорить, тхьамда (тхьамда, вернее, тамада — по-турецки означает «старший, старейший»).

Предводитель (хьалханча) руководил советом старейшин и участвовал во всех делах тайпа, указывая, как вести себя во всех обстоятельствах жизни.

Все свои поступки и действия каждый член тайповой общины обязан был согласовывать с предводителем. Решающую роль в управлении родом играл не предводитель, а совет старейшин рода — демократическое собрание».

Слово «тухум» на санскрите и фарси означает «семья», «деревенская община». У аварцев наряду с иранским «тухум» был распространен собственный термин — «кьибил» (буквально «корень»), у даргинцев — «джинс», у лакцев — «сака», у лезгин — «сихил», «миресар».

Каждая такая группа возглавлялась одним или несколькими старшинами (чухби, карт, гьилатаб, адилал, аксеккал, мыггыджи, хистар и др.). Старшины вели текущие дела общины, разрешали споры между ее членами. Они же выполняли функции судей по адату. Старшины, как правило, были выборными, о чем свидетельствуют и термины, которыми они обозначались в народе: «иргадулав» (по-аварски — «очередной»), «гьилатав» (по-андийски — «допущенный к верховодству») и др. По словам посетившего Дагестан путешественника-кавказоведа И. Гербера, горцы «имеют в каждом уезде своих старшин, которых сами между собой выбирают, и как оные им не полюбятся, то сами опять отставляют, притом кадиев из духовных, которые их ссоры судят». Ученый-миссионер Хрисанф указывал: «Чиркей управляется стариками своими, тяжбы решаются кадиями». Автор составленного в 1830 году описания Чечни и Дагестана Р. Ф. Розен свидетельствовал, что в Салатавском обществе избранные старшины «более одного года не остаются» и что в каждом селении по нескольку «вроде наших выборных».

Суд осуществляли старейшины, старшины и кадий. В распоряжении старшин были сельские и войсковые исполнители (у аварцев — «гlелал», в русских документах «есаулы») и глашатаи («мангуши»). Община избирала также военного предводителя («цевехъан»), которому подчинялись караульные и рассыльные для срочных военных приготовлений.

Народное собрание

Высшим органом власти сельской общины являлось народное собрание. Здесь решались важнейшие вопросы жизни общества: войны и мира, заключения союза с соседними обществами или феодальными владениями, утверждения адатных норм или внесения в них изменений и дополнений, выбора должностных лиц. На собрание, которое созывали мангуши, должны были являться все взрослые мужчины общины. Сначала высказывались старики, потом мужчины среднего возраста и лишь затем молодые, которые без особого разрешения говорить не могли. Голосование по обсуждаемым вопросам было открытым, о чем свидетельствует сохранившееся у аварцев выражение «Разияс килиш борхи!» («Пусть согласный поднимет палец!»).

На собраниях царили порядок и дисциплина, отмеченные кавказоведом Н. И. Вороновым в записках «Из путешествия по Дагестану» (1870): «Но вот состоялся джамаат. Все члены его держат себя весьма дисциплинированно: у места молчат, у места говорят, и некоторые весьма бойко, плавно и дипломатично, у места слушают. Интерес каждого — предмет сходки, совещания, и если джамаат собрался в ауле, подле строений, то крыши их переполнены любопытными наблюдателями и слушателями, которым нет места в среде самого джамаата — несовершеннолетними, а иногда и женщинами. Это не стадо, это строго дисциплинированная толпа; импровизированным поведением ее на сходке может остаться доволен любой поклонник порядка...

Кто успел и сумел таким образом вышколить дагестанцев? Будто Шамиль? Едва ли. Дисциплина в Дагестане заявляет себя не чем-то привитым, заказным: она, так сказать, вытекает из существа дагестанца, она замечается даже в тех обществах, на которые власть Шамиля распространялась весьма слабо, как, например, в обществах Верхнего Дагестана. Вернее, эта дисциплина есть плод стародавности дагестанского склада жизни, который для поддержания себя,

для самозащиты обусловливал присутствие в каждой общине строгости, четкости, порядка в действиях...»

Представительности народных собраний придавалось большое значение. В адатах была даже специальная норма, гласившая: «Если сельские исполнители не соберут старейшин или целое селение, с них взыскивается одна овца». Однако постепенно ведущая роль народных собраний была утрачена. Их функции перешли представительным органам власти: совету старейшин, совету старшин или сходам представителей тухумов.

Старейшины

Обычно представителем народного собрания являлся совет старейшин. Его члены носили звание «джамаатчи» (человек джамаата); они не должны были быть моложе 40 лет. Это были люди авторитетные в своем роду, склонные к общественной деятельности, как правило — зажиточные. В число старейшин не допускались умственно отсталые, лица, скомпрометировавшие себя каким-либо неблаговидным проступком, представители чужаков-подселенцев, лагов (бывших военнопленных) — до уравнения их в правах с другими общинниками.

Совет на один год назначал группу старшинправителей («чухби» у аварцев), судей («диванчи»), военачальника и казначея. Важнейшие решения джамаата документировались. Например, в преамбуле Гидатлинских адатов говорилось: «Старейшины Гидатлинского общества согласились ради торжества справедливости принять следующее...»

В Кубачинском обществе в Дагестане самое лучшее из общественных зданий — «Халахъулбо», стены которого были украшены барельефами с сюжетами из мифов и общественного быта, принадлежало старейшинам и правителям, а также особым мужским организациям («Чинне», «Батирте», «Союз неженатых»).

Совещания старейшин вел наиболее авторитетный член совета, следивший за порядком обсуждения. При принятии решений, не подлежавших огласке, собирались в чьем-либо доме. Мешать работе джамаата запрещалось. Адаты Келебского общества содержали, например, такую норму: «Если кто, не считаясь с авторитетом старейшин, ради забавы бросит камушки в помещение, где они собрались, с него взыскивается штраф в размере одной овцы».

Круг разбираемых советом старейшин дел был самым широким: от принятия законов и постановлений, распоряжения земельными и водными ресурсами общины, заключения договоров, рассмотрения военных вопросов и т. д. до самых маловажных. Но, несмотря на большие полномочия джамаата, его члены, особенно в «вольных обществах», находились под контролем общины. За неправомерные действия (например, продажу части территории другому обществу и т. п.) старейшины могли быть отстранены от должности и наказаны. Выбытие из состава джамаата происходило естественным путем: по возрасту, состоянию здоровья, религиозным причинам (отказ от «мирских дел»).

Совет старшин

Исполнительным органом власти общины являлся совет старшин, избираемых ежегодно народным собранием или джамаатом. Полномочия старшин были обширны и им обеспечивалась неприкосновенность. В адатах говорилось: «Если кто ударит сельского старшину, с него взыскивается 3 овцы; если кто подрался с сельскими исполнителями, с того взыскивается штраф в размере одного быка, который стоит 6 голов овец». Старшины освобождались от общественных работ, им выделялись специальные сенокосы, они имели внеочередное право на воду. В некоторых регионах Северного Кавказа в пользу старшин поступали и штрафы. В свою очередь община, опасаясь слишком рьяной деятельности и произвола сельских исполнителей, требовала от них присяги правильно взимать штрафы.

Старшины из своей среды выбирали управителя, который у тюркских народов Северного Кавказа (кумыки, ногайцы и др.) назывался «бегавул», а в Дагестане, к примеру, у аварцев — «росдал бетІер» («голова села») или, для небольших аулов, «нусил бетІер» («голова сотни»). В адатах говорилось: «Запрещается назначать на одно место правителем отца и сына или двух родных братьев».

Хроника Анди сообщает, что каждое андийское селение имело управителя, который избирался ежегодно. В Гергебиле правители общества всегда выбирались из тухума Пумарчилал. Очередь быть избранным делилась между несколькими лицами этого тухума. Один из них, не пожелавший уступить правление другим, был убит за узурпацию власти. В Салатавии «выбранный старшина остается в этой же должности, пока пожелает сам или общество само заменит его другим, если он окажется неспособным, исключая Чиркея и Чир-Юрта, в которых старшины избираются ежегодно, по одному из каждого тухума, и приводятся к присяге в том, что они беспристрастно будут исполнять свои обязанности. И хотя большая часть их остается в этой обязанности в продолжение нескольких лет сряду, но не иначе как по ежегодным выборам общества».

Количество старшин зависело от численности общины, величины тухумов, кварталов, «концов» и т. п. Например, в Кубачинской общине было 12 старшин, в Джарской — 30, в Уркарахе — 12 и т. д. В Чохе насчитывалось 6 переизбираемых ежегодно старшин, по количеству кварталов. Сохранилось письмо чохцев 1810 года в Тифлис главнокомандующему в Грузии и войсками на Кавказской линии генералу от кавалерии А. П. Тормасову: «Этот Мухаммед-кази, который прибудет к Вашему двору с намерением оказать Вам услуги, есть один из шести наших почетных старшин».

Союзы сельских общин

Управление союзами сельских общин («вольными обществами») строилось по аналогичному принципу. Высшим органом власти союза являлось собрание всего взрослого мужского населения. В Чечне оно называлось Мекх Кхел — Совет страны. Существовали даже постоянные пункты подобных сборов. Например, в Осетии в Алагирском ущелье это было село Дегом, в Дигорском — село Мадзаска, и др. Со временем общие собрания были заменены собраниями представителей джамаатов.

Большую роль в руководстве союзами общин играли старейшины и особенно предводители — кадии. Кроме светской, они сосредоточивали у себя духовную, а порой и военную власть. Однако кадии не имели права распоряжаться землями джамаатов, творить суд внутри джамаата (они могли только решать споры между джамаатами либо дела, выходящие за пределы союза), объявлять войну или заключать мир без согласия джамаатов. За свою деятельность кадии получали часть закята, военной добычи и определенные пошлины.

Классическим типом союза сельских общин был союз Акуша-Дарго в Дагестане. В записке неустановленного автора начала XIX века об его устройстве говорилось следующее: «В Акуше было 4 карта (старшины. — Авт.), составлявшие сельское управление (из каждого магала по одному); и кроме них выбирались еще 4 карта-инспектора, они же и администраторы («джамаатла-холоте», то есть старейшины. — Авт.), народные судьи, которые лично не разбирали дел, но проверяли разобранные картами дела, и если находили дела, неправильно решенные, то собирали джамаат, объявляли ему о неправильных действиях картов («шила-холоте») и сменяли недостойных по согласию народа, предварительно зарезав быка у провинившегося карта». Подобного вышесказанному контрольного органа в большинстве союзов сельских общин не было.

Особняком стояло управление союзом Ахты-пара.

Здесь 40 аксакалов, выдвинутых 40 тухумами, управляли не только селением Ахты, но и общинами еще 11 сел, входивших в союз. Тенденция к выделению центров «вольных обществ» была повсеместной на Северном Кавказе. Но такого значительного политического, социально-экономического и культурного влияния, какое имело Ахты на остальные селения союза, в других союзах не наблюдалось.

В первой половине XIX века на Северном Кавказе почти повсюду (за исключением демократически управляемых адыгейских племен на Западном Кавказе, горных районов Ингушетии, Чечни и Дагестана, входивших в состав Имамата) происходит процесс феодализации сельских общин. В общинах, попавших под контроль феодалов, должности сельского самоуправления теряли свой выборный характер. Руководители (бегаул, кади, предводитель ополчения) и старшины назначались феодалом или его представителем из числа приближенных или угодных ему общинников. Совет старейшин имел чисто совещательные функции. Окончательное решение по судебным делам также переходило к феодалу или его представителю. Народное собрание из высшего органа власти превращалось в сход для оповещения общинников о воле или решении феодала.

Феодализация затронула и высокогорные скотоводческие общины Балкарии и Карачая. Здесь общинная верхушка сделала свое главенствующее положение наследственным, оформившись в замкнутое сословие таубиев (горских князей). Рядовой общинник, даже разбогатев, не мог стать таубием. Он имел право лишь откупиться от несения повинностей, которые большинство населения выполняло в пользу таубиев. В руках таубиев сосредоточились все права и функции, которые раньше выполняли выборные люди общины (старшины и другие должностные лица). Теперь они стали наследственной привилегией таубиев.

Во второй половине XIX века общинное управление у горцев постепенно заменялось государствен-

но-административным. Назначаемым властями сельским старшинам вменялось в обязанность «законодательным путем» регулировать права сельских сходов (общинных собраний). Сходы фактически созывались для оповещения горцев о решениях царских чиновников и военных властей, проводниками которых в жизнь являлись старшины. Тем не менее общинные правила оставались основой народной жизни.

V. ЗАКОН И СУД

Адаты

Общество, как известно, не может существовать без определенных норм и правил. Выше мы уже упоминали ряд норм, именуемых адатами, которыми руководствовались горцы в своей повседневной жизни. Адат — слово арабское, означающее «обычай», «привычка». Так называют издревле сложившееся обычное право. На Кавказе этим термином обозначали законы и обычаи, существовавшие до шариата или действовавшие параллельно с ним.

В Дагестане имелись и частные определения закона: в аварском языке «бал» (второе значение этого слова — «борозда»), в кумыкском — «олгу» (буквально —

«выкройка», «образец») и т. д.

В статье А. В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним», помещенной в первом томе «Сборника сведений о кавказских горцах», об истории обычного права говорится: «В VIII веке аравитяне, появившись в Дагестане и утвердившись в Дербенте, начали проповедовать новую религию, которая хотя и быстро распространилась между дагестанскими племенами, тем не менее не была ими принята во всей ее полноте. Несмотря на жестокий фанатизм аравитян, не терпевших никакого противоречия Корану, весь Дагестан сохранил суд по адатам, то есть обычаям, существовавшим еще до прихода аравитян...

Но как только с принятием магометанства явились во многом новые понятия и новые отношения в союзе семейном, для которых старые адаты оказались уже несостоятельными, судопроизводство по необходимости распалось на суд по шариату и на суд по адату. По шариату стали решать все дела, касающиеся религии, семейных отношений, завещаний, наследства (за исключением дел по наследству между потомками владетельных фамилий, решаемых по особым адатам) и некоторых гражданских исков. Дела же уголовные, по нарушению права собственности, общественных постановлений и т. п., продолжали решаться по прежним адатам, к которым прибавились и адаты, определяющие наказания за некоторые преступления и поступки против правил религии. Средину между судом по адату и шариату заняло решение некоторых гражданских дел по маслагату, то есть мировою сделкою при пособии посредников, избранных тяжущимися».

В одном из документов 1741 года говорится: «Жители села Асса согласились... передавать в шариатский суд все тяжбы, за исключением тяжб за убийство, кражу; согласились также на взыскание одного котла с того, кто не пошел в шариатский суд от обеих сторон. Свидетельствуют это Хадис Мачадинский и

Абдурахман Ородинский».

Адаты включали в себя нормы бытового характера, юридические обычаи и сами нормы права. Свои сборники адатов имели как феодальные владения (Кодекс Умма-хана Аварского, Свод заповедных законов Кайтага-Дарго, составленный во времена уцмия Рустем-хана и др.), так и сельские общины и союзы общин. Приведем в качестве примера отрывки из свода законов Рустем-хана, принятых в начале XVII века:

«Если рот держать закрытым, будет голова цела. Кто не поступает так, тот слабоумный.

Раздел I

1. С того, кто нарушит пост или не помолится в рамазан месяц, взыскать 1000 танка (сосуд для измере-

ния сыпучих тел, включавший в себя от 8 до 12 фунтов. — Aвm.) штрафа.

2. Если обкрадут мечеть, взыскать в десятикратном размере, конфисковать дом: в случае подозрения привести к ответу 40 человек.

3. Если огнем будет нанесен убыток снопам или дому, привести к ответу 40 человек. С уличенного во

лжи взыскать в десятикратном размере.

4. Если кто-либо отнесет что-то свое, а другой это утаит, утаивший добровольно должен возвратить и

заплатить 100 танка штрафа.

- 5. Если человеку во время отлучки без всякой его вины в результате ссоры, грабежа, засады его аулу, ему самому, его стаду или имуществу, главе села, талкану (правителю. Авт.) или узденю с целью или по ошибке будет причинен убыток, то убыток этот должны возместить Дарго и жители селения в семикратном размере (Дарго на момент принятия свода еще не отделилось от Кайтага и не вошло в союз вольных обществ Акуша-Дарго. Авт.).
- 6. В случае, если мужчина убъет, а потом скроет, с него трехтысячный штраф и семеро кровников. На того, кто не подчинится этому решению, падает двойная кровь, двойной бук (расходы по ранению или смерти. Aвm.) с того.

7. За убийство женщины следует 1000 танка штрафа...

Если рот держать закрытым, будет голова цела.

Этим сводом должны руководствоваться и талкан, и Даргинское общество.

Раздел II

1. С того, кто по зову Даргинского общества не отзовется, взыскивать 100 танка штрафа.

2. По зову талкана должны явиться. Кто не явится, с того взыскивать 1000 танка штрафа.

3. Талкан должен совершить суд. Пусть не будет талкана, не совершающего суд.

4. Если талкан призовет на ежегодный суд, и кто не явится, с тех брать штраф по 100 танка с каждого. Государству без талкана, Дарго без суда, стаду без

пастуха, войску без разумного, селу без головы — не быть.

Разумный пусть поразмыслит над этим... Если рот держать закрытым, будет голова цела.

Раздел III

1. Если талкан хочет учинить над каким-нибудь селением насилие, надо предупредить его, чтобы он не делал этого. Надо оказывать помощь пострадавшим, сельчане должны быть единодушны, а если кто отделится, разрушить его дом, а самого выселить.

2. Талкан пусть наказывает насильников. Он не может заступаться за нарушителей. Талкан не дол-

жен быть на поводу у таких.

3. Пусть талкан ежегодно собирает у себя разумных, разъясняет им содержание этого свода, справедливо вершит суд.

4. В Дарго талкан не должен терпеть ни грабите-

лей, ни воров....

Если рот держать закрытым, будет голова цела. Кто не поступает так, тот слабоумный.

Раздел IV

1. Без совета с умными людьми талкан не должен поднимать в поход ополчение, а если поднимет, наложить на него 30 туманов штрафа. Если поход будет предпринят после совета и не выйдут все как один, с каждого, кто не явится, по 100 танка штрафа.

2. Если отделится селение от Уцмии-Дарго, в пользу талкана взыскать 30 туманов штрафа серебром. Если один отделится, взыскать с того 10 туманов

штрафа.

Пусть в нашем Дарго не будет человека, который будет говорить, что он не согласен с тем, что записано в этой заповеди...

Если рот держать закрытым, будет голова цела.

Составлено во время правления уцмия Рустем-хана. Смотри, талкан, следи за порядком. Ценен тот, кто соблюдает порядок — у того приумножатся богатства. Землей не будет съедено тело того, кого прославит Аллах.

Смотрите, даргинцы, примите порядок. Даргинцы, соблюдающие порядок, священны, возрастет их вес, не раскаются.

Если рот держать закрытым, будет голова цела.

Конец. Слава Аллаху».

На основе прецедентов в нормы дагестанских адатов периодически вносили изменения, уточнения и дополнения. Вот ряд примеров из Цекобских адатов: «Цекобцы согласились взыскивать стоимость скота, убитого во время драки из-за общинных земель. Впервые такое взыскание было произведено с Хелекилава Абдулагьа. Цекобцы решили приводить к присяге не только вора, но и его соприсягателей, заступившихся за него в сельском суде. Эти присяги впервые были приведены в исполнение тухумом Раджабилал».

Некоторые нормы имели силу строго определенный срок, о чем делалась оговорка в принимаемом постановлении. Таков один из адатов Хунзахского общества: «Жители селения Хунзах согласились взимать быка стоимостью в 8 овец с того, кто нанес удар другому рукой с кольцом на пальце, камнем, плеткой, посохом или глиной. Для справедливого исполнения настоящего постановления выделяют 40 человек с присягой о разводе жен. Если возникает спор, то дело решается присягой двух справедливых лиц, но не родственников. Срок действия настоящего постановления два года...»

Дело по адату рассматривалось только в случае предъявления конкретного иска потерпевшей стороной (самим обиженным или его ближайшими родственниками, заинтересованными в разборе жалобы). Доносы к рассмотрению не принимались, за исключением деяний, от которых страдало все общество (порча дорог, мостов, общинных земель и т. п.). При разборе дела дозволялось предъявлять

претензии: мужу за жену, отцу или опекуну — за малолетних детей, владельцам — за своих рабов.

По всякой жалобе проводилось судебное следствие, затем выносилось решение. Доказательствами обвинения считались:

- 1) Собственное признание, данное без принуждения (признания малолетних и сумасшедших в совершении преступления в расчет не принимались).
- 2) Поличное (например, пятна крови на одежде и оружии при убийстве или ранении; вещи потерпевшего, найденные в доме обвиняемого, и т. п.).
- 3) Письменные документы, если подлинность их несомненна.
- 4) Показания умирающего или раненого пострадавшего. В случаях, когда был повод усомниться в этом показании, судьи требовали от обвиняемого очистительной присяги.
- 5) Показания свидетелей, подтвержденные присягой. Свидетелей должно было быть не менее двух, а по сложным делам еще больше. Так, в Кюринском ханстве по делам об убийстве от истца требовалось представить или указать от 4 до 6 свидетелей. Порой, как, например, в Кайтаге, в подкрепление показаний свидетелей требовалась присяга семи родственников или односельчан. Свидетельские показания односельчан истца имели преимущество против таких же показаний жителей других селений или обществ.

В свидетели обычно не допускались малолетние (до 7 лет), женщины (за исключением вольного общества Акуша-Дарго; в ряде обществ за женщин могли свидетельствовать под присягой мужья или братья), сумасшедшие, родственники истца, имеющие интерес в разбираемом деле; лица, имеющие тяжбу с ответчиком или кровную вражду к нему, должники ответчика (пока не заплатят долга), давшие обет никогда не присягать и должностные лица сельского самоуправления (в некоторых обществах, наоборот, показания старшины, даже данные без присяги, считались равными показаниям двоих свидетелей).

Иск по подозрению, без прямых доказательств, принимался только в делах об убийстве, ранении, во-

ровстве, грабеже, утоне скота, поджоге, потраве полей и других подобных убытках истца. В прочих случаях всегда требовалось хотя бы одно свидетельское показание. Обиженный, принося жалобу, обязан был указать, кого подозревает, и объяснить причины этого подозрения. При очевидной невиновности подозреваемого иск не принимался. Не принимались также обвинения против кадиев, лиц духовного звания, ученых-богословов и должностных лиц сельского самоуправления, за исключением тех случаев, когда речь шла об убийстве. Единственным средством к обвинению подозреваемого служила присяга истца с определенным числом родственников и лучших людей в селении, выбранных им самим. Если хотя бы один из них отказывался утвердить под присягой виновность подозреваемого, он считался оправданным. Отказ подозреваемого в принятии очистительной присяги или неподтверждение его невиновности кем-либо из числа присягающих с ним считались доказательством его вины. В случае недостатка у подозреваемого требуемого числа присягающих ему разрешалось самому присягать столько раз, сколько человек недостает.

Обвиненный под присягой подвергался определенному адатом наказанию. Однако, в отличие от обвиненного по доказательствам и свидетельским показаниям, он освобождался от уплаты штрафа, возвращал истцу только стоимость пропавшего у него добра и т. п.

В каждом обществе адатами было установлено разное число лиц, присяга которых служила для оправдания или обвинения подозреваемого. Оно зависело от важности дела и суммы иска. Самое большое число присягателей, от 12 до 60 (последнее число присягателей требовали только адаты андийских селений Годобери и Зиберхули), назначалось по делам об убийстве и кровомщении. При разборе дела по подозрению о нанесении ран количество присягающих уменьшалось вдвое. По делам о воровстве, поджогах, потравах и т. п. число присягателей колебалось, в зависимости от размеров убытка, от 1 до 12 чел.

(в Цудахаре до 40 чел.). При воровстве лошади назначалось наибольшее число присягающих, при краже баранов — по числу похищенных баранов, но не свыше количества, положенного вообще по делам о воровстве. Если находился действительный виновник, обвиненный по подозрению освобождался от взыскания.

Присяга употреблялась двух видов: именем Аллаха (по шариату) и Хатун-Таллах или Кебин-Таллах, когда присягающий клялся, что, если скажет неправду, брак его будет считаться незаконным. Если у присягателя имелось несколько жен, он должен был указать, на которую из них присягает. В случае ложной присяги жена могла уйти от мужа, получив все ей причитающееся, как при добровольном разводе. На уличенного в ложной присяге налагался штраф и он не допускался более ни в свидетели, ни в присягатели.

За преступления и проступки адаты определяли следующие наказания:

1) Выход в канлы (кровная вражда, от тюркского «канг» — кровь, у аварцев — «бидулав» — кровник) — изгнание из селения с предоставлением обиженному и ближайшим его родственникам права безнаказанно убить изгоняемого или простить его на определенных условиях.

2) Изгнание из селения на определенный срок, но без предоставления обиженному права убить изгоняемого. По истечении срока изгнанному вменялось в обязанность, прежде чем вернуться, примириться с обиженным и устроить для него и его родственников угощение. Кроме изгнания виновный подвергался денежному взысканию в пользу пострадавшего.

3) Взыскание деньгами или имуществом с виновного в пользу истца за бесчестье, раны, увечье и во-

ровство.

4) Штраф деньгами или имуществом: в общественную казну селения, к которому принадлежал виновный или где совершено преступление; в пользу членов сельского управления, феодального владетеля. Штраф взимался не только при совершении преступлений, но и за нарушения общественного по-

рядка или постановлений, не причинившие личного вреда.

Если тяжущиеся объявляли о недоверии к судьям, то прибегали к такому способу: каждая сторона называла человека, которому вполне доверяла, а затем двое этих доверенных выбирали судью, которому обоюдно доверяли сами.

За некоторые преступления или при наличии «смягчающих обстоятельств» могли вымазать смолой, вывалять в перьях, посадить на осла задом наперед и с позором выдворить из аула.

Схожий порядок судопроизводства был в соседней с Дагестаном Чечне. По этому поводу имеется любопытное свидетельство А. Л. Зиссермана, прослужившего 25 лет на Кавказе в офицерских чинах: «В первое время чеченцы составляли без различия один класс вольных людей, подчинявшихся освященным временем обычаям. Каждая фамилия (тухум) избирала старшину, который и ведал общественные дела, разбирал мелкие споры и прочее. Если же случались более важные споры, фамильные, то обращались к старшинам других тухумов. Одно время представители от всех фамилий собрались в Ичкерии близ аула Цонтери, и на урочище Кетш-Корт произошло нечто вроде веча, на котором и состоялось положение об адате (обычном праве), которым должно было руководствоваться во всех делах, за исключением дел о браках, наследствах и разделах имущества, предоставленных суду шариата (религиозному)...

В числе особых обычаев у чеченцев много сходного со всеми другими кавказскими горцами: то же кровомщение, тот же счет на коров, определенная цена на разные случаи и т. д.».

У адыго-черкесских народов Западного Кавказа, особенно там, где ислам не пустил глубоких корней, законодательство и судопроизводство по адату и ша-

риату почти не отличались. В так называемых «аристократических племенах» главными законодателями и судьями были феодалы (влиятельные князья, богатые и знатные дворяне), в «демократических» — сельские старейшины и старшины.

Вот свидетельство фон дер Ховена, относящееся к 30-м годам XIX века: «Спорные дела всякого рода с согласия владетеля решаются шариатом, носящим в Абхазии только одно название духовного суда, ибо при собрании оного судят не по Корану, а по обычаю (адату). Шариат обыкновенно составляется из почетных князей и дворян, сильных и уважаемых в народе; избираются они каждою из тяжущихся сторон в равном числе. Собравшись в важном случае близ стен монастыря или под сенью священных деревьев, судьи, после данной ими клятвы, разбирают дело по правде, выслушивают тяжущихся, их удаляют и совещаются наедине. Согласившись между собою, они до оглашения еще приговора берут поруку в исполнении его, потом уже объявляют оный. Обязанность судей есть печься о приведении в действие решения суда.

Зовут к шариату: по спорным делам об исполнении и неисполнении всякого рода договоров; по подозрению или по улике в воровстве; по подозрению в нарушении прав супружеских; по делам об убийстве и кровомщении.

Смертная казнь не в обычае в Абхазии; единственным наказанием преступника, особенно когда он князь или дворянин, есть денежная пеня или плата людьми. Когда осужденный не в состоянии оплатить возложенной на него пени, то по оценке отнимается у него дом, земля или другое имущество; когда он крестьянин или раб и не имеет ничего, то сам делается собственностью обиженного, который тогда вправе его продать.

За воровство, когда оно учинено на земле владетеля, ему платит укравший двумя мальчиками от 4 до 6 мер руки (меряют, кому следует плата людьми, своею рукою) и, кроме того, возвращает украденное вдвойне».

Кровная месть

Кровной местью обычно наказывалось убийство, некоторые другие тяжкие преступления, а также изнасилование и прелюбодеяние с замужней женщиной (прелюбодеев сажали в яму, привязав руки к ногам, после чего мужчины побивали камнями мужчин, женщины — женщин).

Выход в канлы сопровождался определенным взысканием деньгами или имуществом (алым, дият) в пользу обиженного или его наследников. Наказание это усиливалось тем, что в некоторых случаях вместе с виновным изгонялось несколько его ближайших родственников или все семейство, живущее в одном с ним доме, а порой разрушался и сам дом.

Общины горцев старались регулировать наиболее архаичные правовые нормы. Особенно это касалось кровной мести, могущей привести к взаимному

уничтожению враждующих тухумов.

У чеченцев, как пишет 3. Шахбиев: «...При убийстве кого-либо из членов тайповой общины сразу же собирался совет старейшин тайпа погибшего, в котором принимали участие и близкие родственники пострадавшего. После установления подробных обстоятельств и причин убийства совет старейшин принимал решение об отомщении за убитого.

Тайн преступника также собирал свой совет старейшин, который искал пути для срочного примирения с тайпом убитого. В таких случаях противоположные стороны очень часто не уступали друг другу. И поэтому для их примирения вмешивались представители нейтральных тайпов, и тогда уже собирался совет племени, который и вырабатывал условия примирения».

В Дагестане и у других народов адаты запрещали убийство кровника в мечети, в присутствии суда, начальства и на общественной сходке. В Аварии и Унк-

ратле с лиц, совершивших убийство по неосторожности (случайно), детей и сумасшедших брался штраф.

Нередко община давала шанс на спасение изгоняемому убийце. Свод решений Цекобского сельского общества Дагестана гласил: «Родственников убийцы из селения не изгоняют; наследники убитого не вправе убить кровника своего до тех пор, пока общество через своих исполнителей не доставит его до надежного места выселения». В противовес изгнанию «своего кровника» общество заботилось о невыдаче других кровников, ищущих у него покровительства. Вопрос этот считался делом чести. В рассматриваемый нами период канлы были рассеяны по всему Дагестану и надежно укрыты до примирения. Нередко они так и оставались на жительство в приютивших их селениях.

А. В. Комаров, обстоятельно изучивший адаты народов Дагестана, свидетельствует: «В народе считается добрым и богоугодным делом помогать убийце в примирении не только словами, но и делом. Часто, в случае несостоятельности канлы и его родственников, средства на расходы по примирению дают односельцы. Общее уважение и похвалу заслуживают родственники убитого, согласившись простить раскаявшегося неумышленного убийцу без всякого воз-

награждения.

Обряд примирения совершается различно. У кюринцев он состоит в следующем. Когда получится согласие родственников убитого на примирение и выкуп будет выдан им сполна, тогда на убийцу надевают саван и опоясывают его шашкой. В этом наряде старики и почетные люди ведут его в дом ближайшего родственника убитого в знак того, что он сам является с повинною головою, принося с собою оружие для отміщения за кровь убитого им и саван для погребения. На подходе к воротам дома убийцу останавливают, из дома выходит выбранный из числа родственников убитого, снимает с канлы шашку, саван и папаху и гладит его по голове. Мулла читает фатихе («Открывающая» — первая сура Корана. — Авт.) и затем всякая вражда считается совершенно оконченною.

У кумыков родственники убитого собираются все вместе в назначенный день. Старики и кадий приводят убийцу и ставят его вдали от родственников убитого, так, чтобы только можно было рассмотреть его лицо. Кадий становится посредине и молится о примирении враждующих, оканчивая свою молитву чтением фатихе, которую повторяют за ним и примиряющиеся. По окончании молитвы кадий отирает лицо руками в знак благодарности Богу за ниспосланный мир. После этого прощенный приглашает всех родственников убитого на угощение; как только они подойдут к дверям дома, где делается угощение, он с обнаженною головою падает на землю и не встает до тех пор, пока ближайший родственник убитого не скажет ему: «Встань, мы прощаем тебя», и прочие присутствующие должны поднять его. Во время угощения прощенный канлы стоит без папахи и пьет из одной чашки с родственниками убитого. По окончании угощения родственники убитого возвращаются домой. У ворот становится заранее приготовленная лошадь, оседланная и обвешанная оружием. Ближайший родственник убитого берет лошадь и раздает оружие остальным своим родственникам. Женщины семейства убитого получают в подарок шелковой материи на платье.

Подобные обряды, с некоторыми изменениями, совершаются при примирении и в остальных частях Дагестана. Примирившийся убийца считается кровным братом (кан-кардаш), то есть заменяет собою убитого им в его семействе. Ему вменяется в обязанность как можно чаще посещать могилу убитого и вообще оказывать всевозможные услуги его родственникам...

С естественною смертию канлы прекращается кровомщение за сделанное им убийство. Взысканный с него алым или дият обращается в полную собственность родственников убитого, которые, кроме того, получают вознаграждение за позволение похоронить умершего на кладбище его селения...»

По словам А. В. Комарова, «везде убийство наказывается кровомщением или примирением на известных условиях; везде дозволяется безнаказанно уби-

вать вора, пойманного на месте преступления, грабителя, ближайшую родственницу, замеченную в любовной связи; везде раненый лечится за счет ранившего, уличенный вор возвращает краденое и т. п.».

Отмечая преимущественно экономический, фискальный характер наказаний, налагавшихся горским судом на правонарушителей, А. В. Комаров писал: «К безусловной смертной казни по адату никто не присуждается; но есть случаи, в которых предоставляется право убивать виновного безнаказанно всякому, кто захочет и может это сделать. Так, например, в Цудахарском обществе виновный в воровстве из мечети, кроме уплаты в 12 раз более стоимости украденного, изгоняется из общества и считается канлы всех жителей того селения, где им сделано преступление.

В Гидатле за умышленный поджог моста виновный подвергается штрафу в 100 котлов, изгоняется из общества и считается кровным врагом всех и каж-

дого, как убийца.

В магале Терекеме Кайтаго-Табасаранского округа, если женщина бежит от мужа и по получении развода не захочет выйти замуж за того, к которому бежала, считается канлы всему обществу.

У кумыков владения Тарковского и ханства Мехтулинского виновные в убийстве своего бывшего врага после примирения с ним, в разрытии могил и похищении саванов с покойников, — могут быть убиты каждым.

За разврат, отцеубийство и некоторые другие преступления, наносящие, по мнению народа, бесчестье для целого семейства, не только дозволяется, но как бы вменяется в обязанность самому ближайшему родственнику убить виновного без всякого суда или разбора дела...

Домашний арест употребляется лишь в виде предохранительной меры. Так, например, родственники убийцы не должны выходить из дома до известного срока, иначе могут быть ранены и даже убиты безнаказанно родственниками убитого. В тех селениях, где по адату убийце дозволяется оставаться в

своем доме, он, до примирения с родственниками убитого, не выпускается из дома».

Вполне обоснованным представляется вывод, сделанный историком права М. М. Ковалевским в его труде «Закон и обычай на Кавказе»: «Несмотря на пестроту племенного состава и разнообразие языков, жители Дагестана придерживаются более или менее одинаковых начал права».

В Осетии долгое время судопроизводство по адату вообще не осуществлялось. Были общины, где роды мирно уживались друг с другом в течение столетий. Но так было не везде. Составители «Сборника сведений о Кавказе» писали: «Во многих местах Осетии никогда не доходило до организации народных судов... Каждое, даже самое ничтожное, нарушение права могло довести до самоуправия и даже до самой кровавой мести, потому что обиженный оказывал сопротивление и словесный спор обыкновенно переходил в ссору, которая оканчивалась убийством. Таким образом, очень часто из-за самых ничтожных пустяков доходило до ужасных кровопролитий, от которых погибали сотни людей. Так было в Осетии еще в начале нынешнего столетия, и мы могли бы даже привести примеры кровавых родовых споров из 20-х и 30-х годов...

Кровавая месть не только дозволена, но и даже вменяется в обязанность свободному человеку. Это считалось необходимою обязанностью при убийстве, все равно, с намерением или без намерения совершенном, ранении, тяжких оскорблениях и нарушении важных личных прав. В подобных случаях скоро мириться с противником, брать выкуп или удовлетворение считалось слабостью или малодушием».

Вражда между сильными родами порой тянулась десятки и сотни лег; захватывались и уничтожались целые аулы; людей убивали или продавали в рабство. Лишь в конце XVIII— начале XIX века общинному самоуправлению в Осетии удалось в какой-то мере взять под контроль кровавые распри. Авторы этно-

графического очерка об осетинах свидетельствуют: «Старикам, которые при вспышках споров принимали на себя роль посредников, удавалось часто, по крайней мере в лучших аулах, водворить между враждебными сторонами примирение. Примирение это состояло вначале большею частью только в заключении перемирия. В подкрепление этого перемирия между обоими враждующими дворами или родами сторона преступника посылала противной стороне, как бы в знак особенного почета, в подарок быка, корову или известную сумму денег... По заключении перемирия враждующие стороны могли свободно ходить по аулу, но они не имели права говорить между собою до окончательного примирения. Только виновника не выпускали из дому, дабы не возбудить ярости мщения противной стороны.

Старики между тем всячески старались или заключить непосредственно прочный мир, или, по крайней мере, привести в исполнение выбор третейских судей. Большею частью прибегали к последнему... Дело передавалось в руки этих судей и враждебные стороны торжественно давали обещание перед стариками подчиниться беспрекословно приговору судей. Если ответчик не признавал за собою вины, то де-

Если ответчик не признавал за собою вины, то дело решалось присягою с присяжными. Если ответчик пропускал срок присяги, то тогда судейский приговор вступал в законную силу. В последнем случае дело de facto оканчивалось; в первом же случае род ответчика должен был удовлетворить противную сторону по приговору. Это удовлетворение состояло преимущественно в уплате признанного выкупа, который, смотря по роду преступления, был весьма различен.

Стоимость выкупа, определенного судьями при совещании, оставалась их тайной, то есть приговоренной стороне не объявляли размера выкупа. Уплата его распределялась судьями на сроки. Приговоренной стороне сообщали только: «Вы должны к такому-то и такому сроку дать истцу часть земли, которая бы равнялась стоимости стольких-то коров». По истечении этого срока и по уплате следуемого с приговоренных им снова и уже в последний раз объявлялось: «Дать

медной и железной посуды по стоимости столькихто коров» (наибольший выкуп за преднамеренное убийство по осетинскому обычному праву равняется 324 коровам или, по меньшей мере, 3240 рублям, — сумма, которую частное лицо не могло выплатить).

Если виновная сторона пропускала тот или другой срок оплаты, то с этим de jure являлась возможность тотчас же возобновить кровомщение. Если кровомщение снова начиналось, то в таком случае уже заплаченное тотчас же возвращали; но до этого доходило очень редко, потому что предпочитали

лучше ждать и требовать судебным порядком.

По уплате всего выкупа приговоренных обыкновенно обязывали для закрепления мира задать обиженным торжественный пир к известному сроку, и для этого пиршества должно быть заколото столькото баранов и сварено столько-то котлов пива или же водки. Такой пир сопровождался многими церемониями. Смысл этих церемоний очень прост: преступник просит у обиженного или у наследников его прощения, которое обыкновенно и получает. После этого начинается сильная попойка: едят, шумят, поют и по окончании всего расходятся совершенно удовлетворенные по домам, если только торжество обходилось без нового убийства... Прощенный убийца с этого времени считается «кровным братом», родственником убитого, он отправлялся нередко на могилы убитого и родственников его, приносил в честь их яства и делал возлияние. Так мирится осетин со своими кровными врагами!»

Тем не менее феодальные распри в Осетии продолжались. С целью их прекращения и разбора взаимных претензий Кавказская администрация учредила в 1830 году во Владикавказе специальную комиссию, функции которой во многом совпадали с деятельностью Временного кабардинского суда в Нальчике.

В Абхазии, как писал фон дер Ховен: «За убийство зовут обыкновенно на суд, когда родственники убитого слабее и не в состоянии отомстить убийце,

или когда кровомщение делается бесконечным. Судьи налагают на виновного пеню по званию убитого, что и служит главным различием состояний и точною оценкою силы и звания фамилий кровомстителей...»

Ф. Ф. Торнау, по поводу судебных дел о кровомщении у соседних с абхазами черкесских племен, пишет в «Воспоминаниях кавказского офицера»: «Канла переходит по наследству от отца к сыну и распространяется на всю родню убийцы и убитого. Самые дальние родственники убитого обязаны мстить за его кровь; даже сила и значение какого-нибудь рода много зависят от числа кровомстителей, которых он может выставить. Канла прекращается не иначе как по суду, с уплатою кровавой пени, когда враждующие стороны того пожелают. Они могут судиться духовным судом, по шариату или по адату, произносящему свои решения на основании обычая. По силе шариата все мусульмане равны перед Кораном, и кровь каждого из них, князя или простого землевладельца, ценится одинаково. Адат признает постепенное значение различных сословий, и жизнь князя стоит дороже жизни дворянина, имеющего, в свою очередь, преимущество над простым вольным человеком. По этой причине люди высшего звания предпочитают адат, а низшие стараются подвести дело под шариат. Одно соглашение враждующих сторон передать дело канлы решению шариата или адата порождает столько споров и ссор, что горцы прибегают к суду только в крайнем случае, когда канла угрожает принять слишком большие размеры, или когда весь народ заставляет семейство кончить свою распрю этим способом».

Евреи-горцы тоже руководствовались адатами, в основе которых лежали общепринятые в горах обычаи и нормы поведения.

Этнограф И. Анисимов в своей книге «Кавказские евреи-горцы», вышедшей в 1888 году, пишет: «Каждая капля крови, по мнению еврея-горца, должна

быть отомщена, и покойник до тех пор не успокоится, кровь его не перестанет кипеть и он не будет принят к престолу Всевышнего, пока не будет взята кровь за кровь. Долг мести переходит от одного близкого родственника к другому, и мстить могут родственники убитого не только убийце, но и всякому, попавшему им на пути из его родственников. В последнее время, однако, благодаря увеличению полицейского надзора в селах и городах, убийцы находят защиту и избегают мести, заплатив за кровь убитого назначенную «адатом» (обычным правом) сумму».

Кодекс Шамиля

На территории Имамата действовала особая система права. Она базировалась на низамах имама Шамиля, представлявших собой кодекс законодательных актов, регулировавших различные стороны жизни горцев и деятельность государства в военных условиях. Низамы были основаны на шариате, а также учитывали лучшие обычаи горцев.

Низамы Шамиля преобразили большинство отраслей права: государственного, уголовного, гражданского, административного, земельного, финансового, семейного. Демократизм установленных низамами норм превосходил все известные до той

поры правовые системы мира.

Низамы способствовали укреплению правопорядка и уменьшению числа правонарушений, удовлетворению материальных и духовных потребностей, нормализации семейно-брачных отношений, обеспечению защиты прав и интересов граждан Имамата. Низамы Шамиля сыграли огромную положительную роль в истории народов Северного Кавказа.

Судопроизводство в селах, входивших в состав Имамата, осуществляли муллы и кадии; на территории наибств — муфтии. В ведении последних находились как гражданские, так и религиозные дела. Решения указанных должностных лиц исполнялись

Коррадини. Наибы Шамиля.

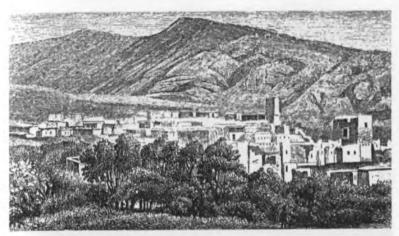

Горцы.

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет.

Г. Гагарин. Сотник Гребенского казачьего полка и его жена.

Хунзах — столица Аварского ханства. Дагестан.

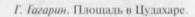

Г. Гагарин. Шамхал Тарковский.

Г. Гагарин. Чтение шариата в Хосреке.

Н. Сверчков. Шамиль.

Печать Шамиля. Надпись на ордене: «Это один из выдающихся наибов Шамиля, Великого Султана, прославленного покровителя, эмира правоверных. Да продлит Всевышний Аллах его государство».

Знамя Хаджи-Мурада.

Горшельт. Мюрид со знаменем.

Ф. Рубо. Штурм Салты.

Свадебный кортеж.

Х.-Б. Мусаяссул. Прощание.

Свадебный танец.

В. Тимм. Дочь Эфенди Ахтынского.

П. Руссель. Черкесы.

Е. Лансере. Улочка в ауле.

Ф. Рубо. Горцы.

Г. Гагарин. Убыхский князь и его аталык.

У старейшины рода.

Кабардинская сакля.

Неизвестный художник. Возвращение с набега.

Е. Лансере. Суд Шамиля.

М. Юнусилау. Дорога в горах.

Н. Чернецов.Кавказский пейзаж.

На летнем пастбище.

К. Филиппов.Арба с сеном.

Горные туры и куропатки.

Охотник с соколом.

А. Самарская. Впервые под седлом.

Мастерская оружейника.

Кувшин и блюдо.

Балхарские мастерицы.

Табасаранский ковер.

добровольно. В случае несогласия или отказа одной из тяжущихся сторон уголовное или гражданское дело разбиралось наибом, на решения которого можно было подавать апелляции имаму.

Ближайшими помощниками наибов были дибиры. Они разбирали и решали самые незначительные дела, а более важные передавали на рассмотрение муфтиев и наибов. В ведении наибов находились татели, которые следили за исполнением горцами норм шариата и низамов, а также приводили в исполнение приговоры о телесных наказаниях.

В Имамате существовал институт мухтасибов. В их компетенцию входил тайный контроль за деятельностью названных выше должностных лиц. Мухтасибы сообщали имаму о результатах своих на-

блюдений для принятия надлежащих мер.

Низамы определяли состав различных преступлений и устанавливали систему наказаний. Наиболее распространенными видами наказаний были: денежный штраф, высылка, общественное осуждение, телесные наказания, содержание под арестом, смертная казнь.

Самым тяжким и позорным преступлением считалась измена — за нее полагалась высшая мера наказания. «Изменникам, — говорил Шамиль, — лучше

находиться под землей, чем на земле».

Низамы предусматривали наказания и за другие проступки и преступления, наносившие ущерб безопасности государства.

Проявившим в бою трусость пришивали на одежду кусок войлока. Избавиться от позорной отметины и общественного порицания можно было лишь до-

казав свою храбрость.

Большое внимание уделялось защите населения Имамата в период военных действий, неурожая, стихийных бедствий, эпидемии и т. п. В 3-й главе низама о наибах говорилось: «Когда в чьем-либо наибстве произойдет несчастие, прочие наибы должны спешить на помощь, как только узнают о том, без замедления, и оказать должную помощь... Не исполнивший сего наиб низводится на должность начальника сотни».

Многие нормы низамов были установлены в целях борьбы с коррупцией и злоупотреблениями властей. Например, в низаме «Положение о наибах» в главе 8-й говорилось, что они «должны удерживать себя и сослуживцев своих от взяточничества, потому что взяточничество есть причина разрушения государства и порядка. Взятка отбирается, поступок оглашается и виновный арестовывается на 10 дней и 10 ночей». Глава 11-я трактовала: «Когда остановятся в городе, селении или в провинции, то не должны грабить или другим изменническим образом завладевать какою бы то ни было вещью, - без позволения имама или его векиля. Виновный наиб низводится на должность начальника сотни». Наконец, 14-я глава того же низама запрещала «вручать одному лицу две должности, для того чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наиба и пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем. Виновный наказывается выговором при народе».

Ряд низамов был принят для исключения или сокращения числа убийств на почве кровной мести. По адату за убийство полагалась кровная месть или разорительный выкуп. В то же время действовала норма шариата, гласившая: «Человека, пришедшего в чужой дом, в чужой сад, на чужое поле для драки с хозячном или членами его семейства, можно убить как собаку». Этими нормами злоупотребляла горская знать, выбирая то, что было более выгодно: если убивал богатый, то он ссылался на шариат, а если убивал бедный — его неминуемо ждала кровная месть.

Имам установил для всех равные права: «В случае смерти, причиненной во время драки человеку, пришедшему для этого в чужой дом (вообще в чужое владение), хозяин его освобождается от всякой ответственности. И если родственники убитого начнут мстить за его кровь, то сами они обратятся в убийц, подлежащих преследованию закона и мщению за убитого ими человека. Равным образом, если в драке будет убит хозяин дома или кто-либо из его домашних, тогда убийца должен подвергнуться мщению родственников убитого, даже при содействии правительства, если в этом будет надобность».

Реализация этого низама привела к значительному сокращению числа убийств на почве кровной мести, спасла от гибели множество горцев.

Для борьбы с фальшивомонетничеством, подрывавшим основы экономики Имамата и хозяйства горцев, низамы вначале предусматривали конфискацию и уничтожение найденных у виновных орудий изготовления фальшивых денег. Эта мера не давала желаемых результатов, и наказание было ужесточено: у виновных изымали не только неправедно нажитое, но и личное имущество. К наиболее отъявленным фальшивомонетчикам могла быть применена смертная казнь. В результате на территории Имамата этот вид преступления был почти истреблен.

Воровство по низамам Шамиля наказывалось штрафом и трехмесячным заключением в яму. Нормы шариата, предусматривавшие за кражу отсечение конечностей, применялись крайне редко. Этим нововведением имам старался сохранить жизнь и здоровье горцев, давая виновным возможность искупить свой грех на поле боя, что было вполне оправданно в условиях непрерывной войны. Для воров-рецидивистов и разбойников предусматривались более длительные сроки заключения и даже смертная казнь. Генерал-лейтенант Ф. К. Клюки фон Клюгенау, 30 лет прослуживший и провоевавший на Кавказе и лично знавший имама, писал: «Справедливость требует сказать, что строгие меры Шамиля приносят пользу: они уменьшили убийства, грабежи и воровство».

Целый ряд низамов посвящался вопросам семьи и брака. Их нормы были направлены на то, чтобы укрепить семью, не допустить необоснованных разводов, облегчить положение женщины, обеспечить воспроизводство населения, создать нормальные ус-

ловия для воспитания детей.

Так, по адату от жениха требовался большой калым — выкуп за невесту. В связи с этим некоторые горцы до старости оставались холостыми. Другие вынуждены были похищать своих невест, на почве чего нередко совершались убийства, которые, в свою

очередь, вызывали кровную месть и вражду между родами.

Чтобы положить всему этому конец, Шамиль резко уменьшил размеры калыма: до 20 руб. за девушку и до 10 руб. за вдову и разведенную женщину, а сторонам предоставил право еще сокращать калым по взаимному согласию.

Была усложнена процедура развода. Низамы предусматривали, что за женщиной при разводе сохраняется не только калым, но и родительское приданое.

Похищения невест были запрещены, а виновные

и соучастники строго наказывались.

Рядовой 10-го Грузинского линейного батальона И. Загорский, побывавший в плену у горцев, писал о низамах Шамиля: «Перед лицом Бога, Пророка и его имама (наместника) все сохраняют равенство, из пределов которого ни богатство, ни высшие дарования не в состоянии никого вывести. ...Теперь за малейшую вину, за всякое нарушение общественного порядка определены взыскания: штраф, темница и телесное наказание, от которого никто не избавляется, от последнего поденщика до знатнейшего наиба. Все сии наказания приводятся в исполнение с величайшей точностью, и нужно сказать правду, что преступления становятся очень редки. Теперь через всю страну, над которой распространяется власть Шамиля, можно смело одному человеку провозить вьюки золота, не опасаясь лишиться их».

Новые законы

После окончания Кавказской войны правительство Российской империи восстановило судопроизводство по адату и шариату. В положении об управлении Дагестанской областью от 5 апреля 1860 года было записано: «Судопроизводство отправляется по адату и шариату и по особым правилам, постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности». При этом начальникам округов вменялось в обязанность «не приводить в исполнение решений по

шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов и исключениям, допущенным для магометан, или не соответствуют видам правительства, а представлять такие дела на усмотрение начальства».

Для рассмотрения дел в каждом округе области создавались суды, в которые входили кадий (для разбора дел по шариату) и депутаты (для решения дел по адату). Депугаты избирались по одному от каждого наибства, входившего в состав округа. Председательствовал в суде окружной начальник, чье мнение в случае равенства голосов было решающим.

По адату допускалось решать дела об убийстве и кровомщении, нанесении ран и увечий, по ссорам, дракам, похищению и изнасилованию женщин, разврату, воровству и грабежу (если они не были связаны с угрозой для жизни и здоровья пострадавшего), поджогам, потравам и порчам чужого имущества, земельным спорам и др.

Дела по несогласию между мужем и женою, родителями и детьми, по завещаниям, спорам об имуществе, принадлежащем мечетям, и т. п. разбирались и решались по шариату.

За измену, восстание или «явное неповиновение начальству», разбой и хищение казенного имущества жители Дагестанской области предавались суду

по военно-уголовным законам.

Аналогичное положение существовало в Терской и Кубанской областях, Закатальском округе до упразднения в 70-80-х годах XIX века системы военно-народного управления. В конце века большинство дел на Северном Кавказе уже рассматривалось в обычных уголовных и гражданских судах. Мелкие дела (о ссорах, драках без поранения, потравах полей, нарушении общественных постановлений и др.) были оставлены в ведении сельских старшин и старейшин. Но решения по ним не считались окончательными. В 60-80-х годах XIX века они поверялись и утверждались, если недовольная сторона приносила жалобу, в окружных (так называемых «гор-Ских словесных») судах, а впоследствии — в уездных и окружных уголовно-гражданских судах.

Абреки

Понятие «абрек» («абыраег» — у осетин, «хеджрет» — у адыгов) в разное время имело на Кавказе разное значение.

К примеру, абреками называли себя ватаги разбойников, пытавшихся захватить власть в столице Аварского ханства в период безвластия, когда в результате кровной мести был убит 2-й имам Гамзат-бек, уничтоживший перед этим ханскую власть. Однако Шамиль быстро положил конец их бесчинствам.

Абреками называли и горских «Робин Гудов», заступников простого народа, боровшихся против горской знати.

Многие уходили в абреки по трагическому стечению обстоятельств.

В песне поется:

Он был обычный человек, Теперь кричат ему: — Абрек! Любимую спасая, Убил он негодяя.

Исполнил он мужчины долг, Теперь скитается, как волк. Поступок был прекрасен. Но стал он всем опасен.

Нет ничего — осталась честь. А след взяла слепая месть. И нет нигде покоя, Как вечному изгою...

Тема абречества нашла отражение не только в народном творчестве, в былинных песнях и сказаниях, но и в произведениях русских классиков. Вспомним хотя бы «Хаджи-Абрека» М. Ю. Лермонтова.

Л. Н. Толстой в начале 1850-х годов писал: «Слово абрек так употребительно на Кавказе, что почти получило право народности в русском языке; но мы употребляем его совсем не в том значении, какое имеет оно между туземцами. Таким образом довольно трудно объяснить настоящее значение этого слова. Русские называют абреками всех горцев, в осо-

бенности тех, которые ходят на разбой в наши границы. Понятие абрек у нас часто тождественно со словами: молодец, джигит; иногда абреком называют бобыля, бездомного человека, готового решиться на все. Но между туземцами на Кавказе слово абрек имеет более тесное, более определенное значение. Мирный татарин никогда не назовет абреком горца: по его понятию, абрек только тот, кто бежал в горы из мирного аула, - и, обратно, горцы, и даже мирные, называют абреками всех тех, которые переселяются из гор в мирные аулы. Если татарин сделал в своем ауле какое-нибудь преступление — убийство или воровство, за которое боится преследования, он бежит из своего аула в другой и скрывается там: тогда его называют абреком, и прозвище это остается при нем до тех пор, пока, какими бы то ни было средствами, не помирится он со своими преследователями и не воротится на родимое место. Часто князья держат таких абреков у себя, защищая их от преследования, а зато абрек усердно служит князю. Обыкновенно это бывают самые верные люди, готовые исполнять все, что прикажет князь. Такого рода сделка не имеет ничего предосудительного; напротив, чем более при князе абреков — а они большею частию канлы, то есть убийцы, — тем большим уважением пользуется он, как человек сильный».

Царское командование величало абреками немирных горцев, совершавших набеги в период Кавказской войны. Имелись в виду горцы, не входившие в Имамат, но иногда в абреки записывали и Хаджи-Мурата за его дерзкие походы, и других отчаянных горских удальцов.

Генерал Граббе, который после штурма Ахульго в 1939 году пытался ввести в горах новую систему управления, требовал «не давать убежище абрекам и мюридам».

Как говорилось выше, после похода Шамиля в Кабарду в 1846 году абреками были объявлены ушедшие с ним в Чечню кабардинские князья и дворяне.

Совсем другое значение приобрело понятие «абрек» после Кавказской войны. Племена Западного

Кавказа, не желавшие покидать родину и переселяться с гор на равнины или даже в Турцию, пытались отстоять свою свободу с оружием в руках. Но, теснимые явно превосходящими силами, вынуждены были прекратить сопротивление. Горцы, не желавшие смиряться с такой участью, уходили в абреки. Они скрывались в горах и лесах, вели партизанский образ жизни и доставляли много неприятностей новым властям. Их дерзкие налеты на комендатуры, обозы, почты, угоны скота и другие акции находили поддержку у местного населения, считавшего их народными заступниками.

Против абреков посылались целые экспедиции, но абреческое движение не утихало. К нему присоединялись даже ущемленные новыми властями дворяне, бежавшие из заключения мюриды и многие другие. Движение пополнялось и отчаявшимися добиться справедливости от новых властей. В абреки уходили целыми семьями и даже аулами. Когда карательные экспедиции не помогали, новые власти шли на переговоры с абреками.

В результате абречество стало не только партизанским, но и политическим движением, олицетворявшим народный протест против новых порядков, бесчинств царской администрации и ее союзников из местной аристократии.

Особенный размах абреческое движение приобрело в Чечне, где оно развивалось с 20-х годов XIX века.

3. Шахбиев пишет в своей книге: «Начало горному абречеству положил Бейбулат Таймиев. Абреков всегда отличали беззаветный героизм и решительность в действиях, а также поразительная конспирация. Почти все абреки были защитниками простых людей: они помогали им в беде, наказывали их обидчиков — богачей.

Самыми выдающимися абреками в середине XIX века были Атабай и Вара, сверхотважные и сверхрешительные люди, навсегда оставшиеся в истории освободительной борьбы чеченского народа...»

В других источниках упоминаются также известные абреки Наба, Геха, Мехти, Успан, Эска и др.

VI. ДАРЫ КАВКАЗСКОЙ ПРИРОДЫ

Земли горцев

В описываемое время у всех народов Северного Кавказа значительная часть земель находилась в собственности феодалов. На равнинах это были в основном пахотная земля и отчасти зимние пастбища. В 40-х годах XIX века в Кабарде из 660 тыс, десятин земли более половины принадлежало княжеским и дворянским фамилиям; в Балкарии 13 феодальных семейств имели в своей собственности 1/3 всех пахотных и сенокосных земель. 54 фамилии карачаевских биев владели 26 тыс. десятин лучшей земли; 10 князей Засулакской Кумыкии — более 400 тыс. десятин. Крупным владельцем недвижимости был шамхал Тарковский: он имел не только пахотные и пастбищные земли, но и рыбные промыслы, соляные озера, нефтяные колодцы, приносившие немалый доход. Уцмии Кайтага владели большим количеством пашни (Терекемийский и другие участки) и 13 зимними пастбищами – кутанами. В собственности аварских ханов было 8 тыс. десятин земли, в том числе 2,5 тыс. десятин пастбищ и сенокосов. Хан Казикумухский кроме пахотных участков владел 41 пастбищной горой.

Крупная феодальная собственность на землю существовала в двух видах — коллективно-родственной (фамильной) и индивидуальной. На протяже-

нии XIX века шел процесс перехода от первой ко второй, в результате чего уже к середине века индивидуальная собственность стала преобладающей. Царское правительство делало значительные земельные пожалования местным князьям и дворянам, что укрепляло крупное феодальное землевладение на Северном Кавказе. Так, князья Бековичи-Черкасские получили в 1824 году грамоту, узаконившую их наследственные права на землю в Малой Кабарде в размере 100 тыс. десятин. Осетинские владельцы Тугановы и Дударовы получили в 1837 году 25,5 тыс. десятин земли. В Кюринском ханстве с 1812 по 1860-е годы бекам было роздано 15 селений, жители которых до этого не отбывали повинностей и ничего не платили, кроме закята.

Феодалы «сажали» на землю своих крепостных, сдавали пахотные и пастбищные угодья в аренду крестьянам-общинникам, взимая за это денежную, продуктовую или отработочную ренту. Последняя часто маскировалась под общинную взаимопомощь, особенно если феодал был номинально членом общины данного селения. В первой половине XIX века, например, ежегодный доход шамхала Тарковского только с пастбищ составлял 43,5 тыс. руб., а Казикумухского хана — 2,5 тыс. овец.

Особой формой феодального землевладения была вакуфная собственность на землю, то есть пожертвования со стороны верующих, которые передавали в собственность мечетей пахотные, сенокосные и пастбищные земли. Вакуфная собственность могла быть как полной, так и частичной. В первом случае духовенство само хозяйствовало на земле или сдавало ее в аренду; во втором землей распоряжался наследник дарителя, внося в мечеть определенную завещателем долю урожая или продуктов животноводства.

Рядом с крупными феодальными землевладениями соседствовали так называемые мюльки — земельные участки, находившиеся в собственности крестьян. Крестьянская индивидуальная и семейная собственность преобладала в предгорных и горных районах Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Ка-

рачая и Черкессии. Согласно адату, тот, кто привел никому ранее не принадлежавший участок земли в хозяйственное состояние (очистил от кустарника, леса, камней, выровнял, террасировал и т. д.), становился его владельцем. Поэтому индивидуально-семейная собственность в первую очередь распространялась на пахотные и покосные участки. За владельцами признавалось право продажи, передачи и дарения мюлька. Преимуществом в приобретении участка пользовались родственники, соседи и односельчане.

Большую роль в экономической жизни горцев играла общинная собственность. Ее предметом могли быть все категории хозяйственно используемых земель: пахотные участки, сенокосы, пастбища, леса, иногда — озера для ловли рыбы и добычи соли. В ряде мест пахотные и сенокосные земли подлежали периодическому переделу между общинниками, находясь в их индивидуальном пользовании. Иногда участки использовались совместно несколькими об-. щинами и даже феодальными владетелями. Так, равнина у села Бургимак-Махи считалась собственностью 8 даргинских общин. Пастбищной горой шамхала Тарковского 3 месяца в году пользовалась Губденская сельская община, а остальное время — Акушинский, Цудахарский, Мекегинский и другие союзы сельских обществ.

В горных районах Дагестана, где каждый клочок земли был на учете, общинное регулирование землепользования было особенно жестким. Вокруг селений располагался так называемый «мегъ» — единый комплекс пашен, садов, сенокосов, ирригационных сетей и летних времянок. Территория «мегъ» делилась на части естественными (обрывы, ручьи) или искусственными (дороги, ирригационные каналы, рощи и т. п.) рубежами. Каждая часть имела свою природно-ландшафтную топонимику. Например, в аварском селе Араканы было свыше 10 таких частей с весьма характерными названиями: «ТІаса къварилъи» (Верхние теснины), «Салда гохІохъ» (У песчаных горок), «Гъоркьа лъарахъ» (У нижней речки), «Этенил гьабихъ» (У мельницы Этена), «Квещал

гlаразда» (У скверных кочек), «ХъахІаб нухтІа» (У белой дороги) и др.

Земельные участки находились в частной собственности с правом полного распоряжения в пределах джамаата. Однако самовольное расширение пахотных угодий за счет общинных земель пресекалось, о чем свидетельствует следующее постановление: «Кто распахал хотя бы одну дорогу или борозду общественной земли на солнечной стороне, с того взыскивается в пользу джамаата 2 овцы, а кто вспашет с теневой стороны на полсаха (мера веса, примерно 1,5 кг. — Aвт.) посева зерна, с того взыскивается в пользу общества одна овца». В адатах Гидатлинского общества говорилось: «Если кто-нибудь вспахал землю на пустыре, который не подлежит раздаче людям в качестве пахотной земли, присвоил ее в качестве сенокоса или луга или частично прирезал к своей земле, то с него взыскивается штраф в размере двух котлов весом в 4 ратала натурой, но не стоимостью». Дополнительный участок общинной земли можно было получить только по решению джамаата за заслуги перед обществом, при создании семьи и т. п.

Историк М. Шигабудинов в книге «Аул Обода» приводит предание о том, как хан сумел отнять у ободинского общества спорные земли. Решено было разобрать дело по шариату. От каждой стороны были выбраны присягатели. Но хитрый представитель хана явился в обуви, в которую заранее, еще в Хунзахе, была насыпана земля. Он присягнул на Коране и заявил, что земля, на которой он стоит, принадлежит хану. Формально он стоял на хунзахской земле, которая была у него в чарыках. Судьи не могли не поверить такой клятве и, не зная, в чем заключается подвох, присудили спорную землю хану.

Необходимость сообща противостоять силам природы приводила к тому, что даже сидевшие на феодальных землях крестьяне порой пользовались ими на общинном праве. Феодал, формально являвшийся членом общины, выбирал себе лучший участок. Остальные земли распределялись по жребию, причем преимущество получали зажиточные крес-

тьяне, способные выставить так называемый «полный плуг» (8 пар быков с необходимой прислугой). Они селились рядом с владельцем деревни. Прочие получали участки вскладчину (хозяин двух быков — один пай, четырех быков — два пая и т. д.). Такая система была распространена в Кабарде, Адыго-Черкесии и равнинных районах Восточного Кавказа.

В горах Ингушетии и Чечни, по свидетельству А. Л. Зиссермана, «земля не считалась частной собственностью, она принадлежала всякому, кто хотел ею пользоваться. С течением времени только явились некоторые разграничения между аулами, но владение осталось и поныне общинным. Каждый год, когда настает время пахать, все однотохумцы собираются на свои поля и делят их на столько равных дач, сколько в тохуме семей, и затем жребий решает, кому какой участок пахать, и в течение года он уже считался собственностью. Леса же составляли общую народную собственность; каждый пришелец, новый поселенец имел право вырубить участок леса, поселиться на нем и тем самым становился собственником».

Освоение новых земель, террасирование полей, строительство дорог и ирригационных сооружений было делом всей общины. Так, в селе Аракани в начале XIX века по решению джамаата был отведен под террасные поля склон протяженностью около 3 км и высотой до 100 м. Ниже дороги и главного оросительного канала на всю длину склона было проложено до 70 ровных горизонтальных террасных лент. Их строили по заранее продуманному плану при полной кооперации труда. После жеребьевки началось освоение наделов под сады, пашни и сенокосы. Около села Игали был расчищен конусообразный вынос ближайшего ущелья, именуемый «Буцрахъ»; камни собраны и уложены в стены высотой 2-3 м (так называемые укрепленные поля); территория распланирована под пашни и сады.

Прогон скота и провоз товаров разрешался только по общинным дорогам. Перемещение на конкретное поле происходило по бровкам соседних террасных полей так, чтобы не образовывались тропы. Едино-

временный выход населения на полевые работы и сбор урожая позволяли экономить драгоценную землю, которая в противном случае была бы поглощена частными дорогами. В селе Араканы, например, за 5 дней до сбора винограда глашатай объявлял: «Те, по чьему саду проходит дорога, пусть уберут кукурузу!» («Чияс нух бугеб ахикьа цІоросаролъ нахъе босе!») Не убравшие вовремя свой урожай не могли предъявлять претензий за возможную потраву посевов.

Общинной считалась и вода; частное водовладение в горах не было известно. Сооружение, очистка и ремонт каналов проводились сообща по решению старейшин. Возведение стен и акведуков, их ремонт поручались специальным мастерам. Горцыземледельцы, несмотря на пересеченный ландшафт, умели перебрасывать воду на любые участки, даже находившиеся ниже точки отвода. Этнограф П. П. Надеждин в своей работе «Кавказский край: Природа и люди» писал: «Нередко туземцы ведут воду с одной высоты на другую, даже через ущелья, в деревянных желобах, почти висящих в воздухе». Не вышедших на ремонт и прокладку ирригационных сооружений штрафовали. Если кому-то из жителей необходимо было в этот период покинуть селение. он должен был оставить за себя человека, который выполнил бы его работу.

От борозды до урожая

На Западном Кавказе наличие плодородных земель и благоприятные климатические условия позволяли заниматься земледелием в широких масштабах. Земледелие было развито в Сочинской, Цемесской, Суджукской и Адагумской долинах, в бассейнах рек Псекупса и Пшиша, на левобережьях Кубани и Лабы. Даже у кубанских ногайцев в первой половине XIX века шел интенсивный процесс перехода от кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому скотоводческо-земледельческому. В земледелии использовались одно-, двух- и трехпольная, а также залежно-

переложная системы. При последней, после нескольких лет обработки, землю оставляли отдыхать, перенося пахоту на новые целинные или залежные земли.

Преобладающими сельскохозяйственными культурами на Западном Кавказе были озимая пшеница, кукуруза, ячмень и просо. Выращивали много табака и чая.

Большим подспорьем в хозяйстве были огородничество и садоводство. Особенно славились фруктами и ягодами сады в ущельях рек Аше, Кудепсты, Хосты, Шахе, в урочище Гостагакей, округе Вардане и др. У адыгов широко применялся способ разведения плодовых пород путем прививки дикорастущих деревьев черенками культурных плодовых растений.

Жители Черноморского побережья занимались виноградарством. Виноград выращивали в Абхазии, в долине Псезуапсе, округах Вардане, Сочи и других

местах.

«Хлебопашество, — писал Ф. Ф. Торнау, — находится в Абхазии, как и во всех горах, в самом первобытном состоянии и ограничивается небольшим посевом гомми (проса), кукурузы, ячменя, фасоли и табаку. Пшеницы сеют очень мало. Русские научили абхазцев разводить капусту, картофель и некоторые другие овощи. Абхазия чрезвычайно богата виноградом и разными фруктами, в особенности грушами, сливами и персиками, растущими без всякого ухода...»

В статье «Абхазское виноделие» С. Бигуаа пишет: «В национальном нартском эпосе... имеется сказание «Великий кувшин», повествующее о том, что виноградники нартов — предков сегодняшних абхазов, были обширны, славились обильными урожаями. Виноделием занимался человек по имени Сит, знавший свое дело как никто другой и хранивший вино в глиняных кувшинах. По обе стороны Кавказского хребта, пожалуй, нет места, где бы люди не находили в земле остатки нартских кувшинов, очень удобных для хранения вина: со временем оно становилось ароматным, точно земляника, долго сохраняло свежесть и вкус винограда. Кувшины были разной величины... Самым крупным, «великим» кувшином счи-

тался Вадзамакят, вмещавший содержимое шестисот обычных нартских кувшинов, употребляемых для воды... Как гласит далее эпос, Вадзамакят обладал особыми свойствами. В нем, например, постоянно содержались мелко нарезанные куски красной змеи, помогавшие вину делать еще более могучим любого нарта. Кроме того, вино в кувшине Вадзамакят никогда не кончалось. И когда нарты стали делить имущество между собой, Вадзамакят оказался причиной горячих споров — все хотели обладать этим священным кувшином. Наконец Сасрыква (сотый брат нартов, рожденный всемогущей матерью Сатаней-Гуащой неестественным образом — высеканием из скалы) предложил: «Пусть каждый из нас расскажет о своих подвигах. Самый удивительный подвиг заставит заклокотать вино в Вадзамакяте. Тому и достанется кувшин». Победил работник нартов Бжейкуа-Бжашла (Получерный-Полуседой), ибо не успел он закончить свою речь, как заклокотало вино в кувшине. Тогда разгневанный Сасрыква вытащил из земли Вадзамакят и, сказав, что кувшин повинен в раздорах нартов, бросил его на землю. И «великий кувшин» разбился вдребезги. «На дне Вадзамакята оставались виноградные косточки. Эти косточки рассыпались по земле Апсны, и выросли из них виноградные лозы. И назывались они нартскими... Не было в мире вина лучшего, чем вино, добываемое из нартских лоз, но — увы! — выродился этот виноград».

До сих пор известны десятки (до 60) названий абхазских сортов винограда. Среди них — черные,

красные, темно-фиолетовые и белые сорта.

...С древних времен виноградники занимают основную часть усадьбы абхаза. Саженцы винограда сажают у подножия деревьев, они растут, поднимаясь по стволу все выше и выше. Как пишет Ш. Инал-Ипа, «состоятельные жители специально выращивали огороженные ольховые рощицы на своих участках для виноградников под названием «акуаца». Тот виноград, который вызрел на дереве, как правило, обладает высокими вкусовыми качествами и необычайным ароматом, ибо на той высоте практически

нет тени, свободен доступ солнечным лучам и потому созревание идет гораздо эффективнее. Однако нелегко ухаживать за такими виноградниками. Еще задолго до наступления весны, или, как говорят абхазы, до наполнения ствола и ветвей лозы водой (адзахуа адзы алалаандза) освобождают виноградную лозу и само дерево от сухих и лишних веток. Одновременно корень лозы удобряют навозом.

...Виноград обычно собирают в октябре-ноябре, иногда и в декабре. «По словам стариков, наилучшие вина получались от винограда, собиравшегося с наступлением холодов, уже после выпадения первого снега», — указывает Ш. Инал-Ипа. ...Сбором винограда на деревьях занимаются мужчины всех возрастов

и в том числе старики.

...Кисти винограда срывают и укладывают в конусообразную с острым концом корзину (амцышв), сплетенную из прутьев орешника или других твердых древесных пород. К ручке прикреплен крючок, который позволяет вешать корзину на ветку; имеется также длинная веревка, по которой спускается и поднимается корзина.

...Второй человек подхватывает внизу и пересыпает виноград в более крупную цилиндрическую и сплетенную из тех же материалов корзину. Собранный виноград доставляют в специальное помещение с необходимыми средствами виноделия. В помещении приступают к выжиманию виноградного сока.

...Наиболее древний и примитивный способ получения сока, сохранившийся до второй половины XIX века в Абхазии, впервые описал Ф. Ф. Торнау в своих воспоминаниях, вышедших в 1864 году: «Жители делают яму в земле, обкладывают ее глиною и потом обжигают, сколько нужно, разложив в ней огонь. Вытоптав виноград ногами в этой яме, из нее вычерпывают вино, когда сок перебродил, и хранят его в глиняных кувшинах, зарытых в земле».

...Абхазы, не разделяя вина на десертные, сухие, полусухие, сладкие, полусладкие и крепленые, обычно различают лишь два его вида: «мужское» («ахацаиюы») и «женское» («ахвса риюы») вино. Первое бо-

лее крепкое и горьковатое на вкус, о нем говорят «имеет силу» («амч амоуп»), второе — напоминает сладкое или полусладкое вино».

На Центральном Кавказе производство сельскохозяйственных культур получило наибольшее развитие в Кабарде и равнинных регионах Осетии. В горных же районах Осетии, Балкарии и Карачае, где процент пахотной земли был ничтожен, земледелие носило подсобный характер. Горцы отвоевывали у природы каждый клочок земли, вырубая лес, очищая участки от кустарников и камней, удобряя и орошая свои небольшие поля-сабаны.

В середине XIX века в Кабарде насчитывалось несколько десятков крупных садов. В Осетии садоводство было развито в районе Алагира. В соседней Ингушетии пахотных земель было также немного — около 12%. Многие участки в горах были созданы из наносной плодородной почвы, и их приходилось ежегодно поддерживать. Даже в урожайные годы своего хлеба хватало максимум на полгода. В Ингушетии развитие получили садоводство и огородничество, в том числе разведение бахчевых: арбузов, дынь, тыкв.

Прогрессировало, несмотря на военные действия, сельское хозяйство в Чечне и предгорьях Дагестана. На равнине и на высотах до 1000 м над уровнем моря сеяли озимую пшеницу, кукурузу и просо; выше — рожь и ячмень. Горцы выводили скороспелые, засухо- и морозоустойчивые сорта пшеницы. «Повсюду, — писал в 1839 году начальник войск левого фланга Кавказской линии генерал-майор А. П. Пулло, — расчищались леса, и на огромных протяжениях были лишь засеянные поля, орошаемые искусными каналами». Чеченский хлеб шел не только на внутреннее потребление, но и вывозился на продажу в Нагорный Дагестан, Кизляр и другие регионы.

В долине реки Терек разводили бахчевые культуры. Выращивали и рис. Его посевы неуклонно расширялись, чему способствовала сеть оросительных каналов. Так, если в 1811 году было засеяно 501 и со-

брано 4840 пудов риса, то в 1835-м, соответственно, 14 850 и 40 тыс. пудов.

В горных районах земледелие носило вспомогательный характер. Князь И. Орбелиани, проведший в 1842 году восемь месяцев в плену у горцев, писал: «Земледелие в Чечне довольно в хорошем, но в горах — в жалком положении... Есть важные тому причины: в горах мало земли, удобной к возделыванию, и та дурного свойства; в ней мало растительных частей, в основном она состоит из извести и песку, а потому должна быть унавоживаема; ограниченность же скотоводства ограничивает земледелие».

Сходной была картина в горных районах Дагестана. В повести «Кавказские богатыри» В. И. Немирович-Данченко писал: «...Тут каждую пядень земли, годную для посева, надо отвоевать у камня. В горах не только у койсубулинцев, но и везде, даже под сравнительно богатыми Салтами, можно видеть, как лезгины с торбою, привязанною к поясу, с двулапым крючком, насажденным на длинную палку, ищут трещины, чтобы вонзить туда железные когти. И найдя, они подымаются на полшеста, вбивают гвоздь между камнями над бездной, становятся на него и забрасывают дальше когти, пока не доцарапаются до нескольких шагов земли на уступе, где можно посеять горсточку пшеницы... Пользовались карнизами гор, и, нарочно изрыв их террасами, горцы свозили туда из долин плодоносную землю на ослах. Сколько раз нужно было повторять эту экскурсию, чтобы образовать узкие полоски земли под посев! Потом сверху, пользуясь каким-нибудь ручьем, проводилась вода по всем террасам, так что ни одна пядень земли не оставалась неорошенной. Затем уже сеялся хлеб, сверху вниз. Так же сверху вниз производилась и уборка жатвы. Такие обработанные террасы и теперь часто встречаются там, где горцы остались на своих местах; остальные представляют мерзость запустения, от которой делается тяжело на душе».

И. Орбелиани отмечал: «В некоторых только местах, на более отлогих покатостях, встречаются пастбища, сенокосы или засеянные ячменем, полбою, ку-

курузою и просом поля; но и те без напускной воды не принесли бы земледельцу никаких плодов. Пропорция урожайной земли к бесплодной весьма незначительная... Одни бедствия могли заставить людей поселиться в горах Нагорного Дагестана. Каких долголетних трудов стоит обрабатывание куска скалы или полумертвой почвы, чтобы обеспечить себя только от голода! И самый богатый горец не в состоянии прокормить всем запасом своим одного русского человека».

Привыкший к богатой природе и мягкому климату Грузии князь несколько сгустил краски, но в целом верно подметил трудности сельскохозяйственного производства в Дагестане.

Несмотря на огромный труд, затрачиваемый горцами, урожаи зерновых были невелики: собирали лишь в два-три раза больше, чем тратили на посев. Бывали и вовсе неурожайные годы, когда не собирали даже посевных семян. Недород конца 30-х годов XIX века вызвал голод и массовые восстания в Черкессии.

Пахотным работам, закладывавшим основу будущего урожая, придавалось особенно большое значение.

А. Омаров описывал, как происходил сев: «Отмерили две сабы пшеницы и всыпали их в мешок; накормили быков, а потом пахарь надел через плечо махнику (сумку из невыделанной кожи, с ремнем, в эту сумку кладут разные мелочи, необходимые для пахаря), положил плуг на плечо, привязал мешок на спину осла и погнал быков и осла в поле. Отец и я тоже пошли на пашню. По дороге мы встречали жителей, также гнавших быков и несших свои плуги; встречные приветствовали отца обычными словами: «Да будет благополучие над вами, да благословит Бог ваши семена!» — на что получали в ответ то же самое. По прибытии на означенную пашню, пока пахарь запрягал быков в плуг, отец насыпал в подол своей чохи пшеницу и начал читать молитву; пахарь же, подняв обе руки к небу, говорил: «Аминь». По окончании молитвы отец начал бросать пшеницу правою рукою вдоль пашни, а пахарь исполнял свое дело по засеянному месту. Пашня была порядочно большая, около 320 кв. саж., то есть на ней засевали две сабы пшеницы (1,5 пуда). Спереди она отделялась от чужих земель маленькою покатостью в 1,5 сажени шириною, которая пролегала вдоль пашни и сберегалась для травы; по бокам и сзади — полосою невспаханной земли шириною в поларшина. По этой полосе местами торчали острые камни, составляющие в горах межи...»

Пахотные орудия народов Северного Кавказа были в общем похожи. Население равнинной части обрабатывало землю тяжелым передковым плугом, в который впрягали 3-4 пары волов. В горной части орудием вспашки служил легкий горский плуг, сделанный из дерева, но с железным лемехом. Вспашка получалась неглубокой, плуг рыхлил только верхний слой почвы, что было рационально в условиях тонкого плодородного слоя. Бороной служила волокуша, состоявшая из куста терновника или хвороста, зажатого между двумя досками. Чтобы хворост прижать к земле, на доску клали тяжелые камни или усаживали ребятишек, для которых это было веселым развлечением. Волокуша, как и плуг, прикреплялась к ярму, в которое впрягали быков. Пропалывали посевы особой лопаткообразной мотыгой или выдергивали сорняки вручную.

Характерную зарисовку полевых работ в горах находим у того же А. Омарова: «На третий месяц весны, когда хлеба и травы поднимались довольно высоко, наступало время для первых полевых работ, принадлежащих исключительно женскому полу. Прежде всего начиналась очистка хлеба от сорных трав. Каждая хозяйка по окончании домашнего утреннего распорядка выходила в поле и брала с собою шерстяной мешочек, в который клала для своего обеда полчурека с сыром или горсть толокна... В эту страдную пору, если посмотреть с возвышенного места, то всюду на зеленых нивах заметны медленно движущиеся фигуры женщин, точно пасущиеся стада; только по временам фигуры эти поднимаются и вытягиваются во весь рост, чтобы дать отдых усталой

пояснице или же положить в сторону собранную в руках траву. В этот период весенних работ еще позволительно приносить зеленую траву домой для скотины; но когда наступает время второй очистки хлебов в последний месяц весны, — тогда строго запрещается это. Тогда все, что выщипывается на ниве, собирается в кучу и оставляется сохнуть на несколько дней, а потом женщины же перевозят это сено на своих спинах домой и здесь окончательно оно высущивается на зиму для коров...»

Жали серпами, которые, как и другой инвентарь, изготовляли местные кузнецы. Косили косами, скирдовали деревянными вилами. Молотили зерно на утрамбованном току, на который складывались колосья. Двигаясь по току, волы при помощи двух привязанных к ярму досок, на которые клали груз, выколачивали зерна из колосьев. Просо рушили толчеями. Зерно сгребали деревянными лопатами.

Мололи зерно следующим образом: «Около нашего аула, который считался главною деревнею в Вицхинском обществе и состоял из 200 дворов, протекает горная речка, - вспоминал А. Омаров. - Речка образует несколько маленьких водопадов, у которых были выстроены каменные мельницы, счетом больше полутора десятков. Каждая мельница принадлежала нескольким хозяевам, которые пользовались доходами с нее по очереди, то есть известное число суток доход с мельницы поступал в пользу каждого из хозяев ее, а один из них, более других обладавший способностями механика, исполнял должность собственника мельника и за это получал излишнюю, условленную часть дохода. Такие мельницы называются мелкими мельницами. Они действуют только в теплое время года; с наступлением же зимы... вода в речке убавлялась и замерзала, а потому мелкие мельницы зимою отдыхали. Зато большие мельницы, устроенные на реке Казикумухское Койсу, где в воде не было недостатка, действовали в это время усердно. Таким образом, в описываемый мною период года наши мелкие мельницы пробуждались от зимнего отдыха, и на крыше какой-нибудь из них, бывало,

кричал мельник громким голосом: «Несите зерно на мельницу!»

Но прежде чем идти на зов мельника, хозяйки... сначала высыпали зерно на крышу своей сакли, на палас, чтобы просушить его на солнце, и назначали из своей семьи караульщика для охранения зерна от воробьев... Просушив зерно, хозяйки очищают его от земли посредством особого сита, а потом, ссыпав его в мешок, несут на своей спине на мельницу. Некоторые из них относили на мельницу заблаговременно чашку или маленький мешочек зерна в виде задатка, чтобы после долго не дожидаться очереди; другие давали мельникам подачку, как то: пучок табаку или кувшинчик бузы; третьи упрашивали тех, за кем бывала очередь, уступить ее им. Таким образом, мелкие мельницы наполнялись мешками с пшеницею, ячменем (большею частию жареным для толокна) и кукурузою. Последнюю не любили мельники мелких мельниц, потому что кукуруза портит жернов и вообще тяжесть жернова не соответствует твердости кукурузного зерна. Днем на мельницах находились женщины, а по ночам — караульщики с оружием; хозяин хлеба и мельник тоже должны были всегда иметь при себе оружие. Около некоторых, более отдаленных от деревни мельниц, были построены охранительные башни, и в них находился по ночам караул...»

Об итогах хозяйственного года мы можем судить по запискам Н. Воронова, путешествовавшего по Дагестану в конце 60-х годов XIX века: «Самый богатый из гидатлинских аулов — Орода — состоит из 272 дворов, с населением с лишком в 1000 душ. На это тысячное население приходится пахоты всего такое пространство, на котором можно засеять 2600 саб или же 285 четвертей зерна. При среднем здешнем урожае (сам-5) с полей собирается до 12 тыс. саб, то есть более чем по 40 саб на двор или семейство, или же по 12 саб на душу. Вот годовая пропорция продовольствия собственно хлебом. Так как среднедагестанская саба заключает в себе около 5 гарнцев, а весом около 30 фунтов, то, следовательно, на каждого

жителя приходится средним числом в год 360 фунтов зерна, или же около 1 фунта в день. Такая дневная пропорция может показаться весьма недостаточною, — но не для горца, постоянного и притом добровольного постника, довольствующегося в день несколькими комками толокна. По официальным же сведениям эта пропорция оказывается еще скуднее, а именно: во всем Гидатлинском наибстве считается годового урожая около 40 тыс. саб зерна, что на каждую душу дает несколько менее, чем по полфунта в день».

Самой распространенной отраслью по обработке сельскохозяйственной продукции на Северном Кавказе была мукомольная. Наряду с водяными появились крупные паровые мельницы в Дагестане и Новороссийске — по 1, на Ставрополье — 18, в Терской области — 36, в Кубанской области — 56. Составляя чуть более 10% всех мельниц в крае, они перерабатывали более половины поступающего зерна.

Добавкой к хлебу служили огородные культуры: лук, чеснок, морковь, редька, фасоль и др. «У лаков, как и везде в горах, - писал А. Омаров, - чрезвычайно мало огородов и овощи считаются почти излишним лакомством. Только в одном Вицхинском магале жители некоторых деревень занимаются ежегодно засеванием маленьких огородов или садиков (как сами жители их называют) зеленью. Как я сказал выше, аул наш отличался во всем ханстве изобилием воды; с южной стороны он примыкал к маленькой роще. шириною не больше 10 саженей, которая была разделена на несколько четырехугольников; каждый из них составлял собственность отдельного хозяина, а иногда и нескольких. Поэтому случалось, что в садах наших одно или два дерева принадлежали одному хозяину, а другие три или четыре дерева — другому. Сады эти состояли из грушевых и алычевых деревьев, из яблонь, которые давали наимельчайшие дикие плоды, и редко кое-где стояло старое ореховое дерево. Никто не заботился об улучшении пород или насаждении новых деревьев, и земля в садах не подвергалась никакой обработке: кроме того, в эти сады пускали мелкий скот на корм или же косили в них траву. На смежном с садами пространстве были такие же маленькие четырехугольники, составлявшие сельские огороды, которые были загорожены, как и сады, каменными невысокими стенами, сложенными без пемента. Весною их копали кирками или железными лопатами, а потом делали маленькие гряды, чтобы засевать на них овощи. Большею частию сеяли лук и чеснок, потом — огурцы, тыквы, стручковый перец и немного петрушки. Кругом огорода засевали кукурузу, кое-где подсолнечник и коноплю. Последние разводились больше для украшения огорода, чем для пользования ими. Были и такие хозяйки, которые не имели своих огородов, а потому, чтобы не остаться, глядя на других (не завидовать), приносили на плечах своих мешки с землею и, насыпав ее на окраинах крыш, на плоские камни или же в горшки, разводили на ней перец, лук и чеснок. Все вообще огороды тщательно поливали и очищали от сорных трав».

Несмотря на недостаток плодородных земель в горных районах Дагестана, по берегам Андийского, Аварского и Казикумухского койсу цвели великолепные сады, а ущелья были превращены в парники, в которых произрастали персики, абрикосы, хурма, тутовник, груши, сливы и другие фрукты. Заметное развитие, особенно в Северном и Приморском Даге-

стане, получило виноградарство.

Кавказская администрация прилагала определенные усилия по развитию в Дагестане садоводства, виноградарства и посевов технических культур. В районе Дербента было высажено множество садов, в которых произрастали деревья, выписанные из Крыма и Южной Европы. В первой половине XIX века Кизляр превратился в центр виноделия: с 1800 по 1818 год число виноградных садов здесь выросло в 3 раза В 1846 году в Кизляре насчитывалось свыше 11,5 млн. виноградных лоз.

Л. Н. Толстой в «Кизлярских садах» писал: «Вы или идете по прекрасной, чисто выметенной и усыпанной песком дорожке, или стоите в тени огромных

фруктовых дерев. Превосходные спелые плоды: груши, персики, абрикосы, бергамоты, сливы качаются на ветках, и вам стоит только протянуть руку, чтобы сорвать их. Кругом вас, справа, слева, спереди — целое море винограда, - и ничего больше, кроме винограда. Зелени не видать. Редко где-нибудь по высокой торкалине вьется лоза, на которой осталось несколько листов яркого кровавого цвета: остальные листы, запыленные, почерневшие, съежившиеся от солнца, прячутся между черными и темно-синими гроздьями, только кое-где прозрачными. Янтарные кисти белого и розового винограда нарушают это однообразие... Беспрестанно самые разнообразные звуки заглушают их (казачек. — Aвт.) голоса: то скрип арбы, нагруженной виноградом и тихо подвигающейся по дорожке; то однообразная песнь ногайца, который, где-нибудь на заводе, стоит в каюке, держится обеими руками за перекладину и лениво топчет мешки с виноградом голыми ногами, по колено выпачканными в красную, как кровь, чепру; то повелительный голос томады, который по-армянски или по-татарски отдает приказания своим разноплеменным работникам; то веселый женский смех или звонкое, несколько визгливое пение казачек, которые режут виноград в ближайшем саду...»

В районах Дербента и Кизляра в «обывательских садах» выращивали шафран, который «нимало не уступал лучшему европейскому». Дальнейшее развитие получило табаководство. Кроме местных, в Дагестане выращивали и привозные сорта. В 1849 году семена гаванского табака, привезенные с Кубы, были посеяны в Дербентском уезде, Южном Табасаране и

Ахтах.

Табак, выращенный на Северном Кавказе, использовали 9 фабрик, размещавшихся главным образом в Екатеринодаре, Армавире, Майкопе, Владикавказе и Порт-Петровске.

Для обеспечения сырьем развивающейся текстильной промышленности России в 30-х годах XIX века были увеличены посевы хлопчатника, причем для улучшения качества хлопка были выписаны из-

за границы семена особо ценных длинноволокнистых сортов.

«Каспийская мануфактура» в Порт-Петровске, возникшая в конце XIX века, обслуживалась 700 рабочими и давала половину хлопчатобумажных тканей,

вырабатывавшихся в Дагестане.

В качестве красителя широко использовалась кавказская марена, вывоз которой из Дагестана увеличился в десятки раз, почти полностью вытеснив с русского рынка иностранный крапп (красильная марена). В 1864 году в Дербенте была построена крапповская фабрика, вырабатывавшая ежегодно свыше 17 тыс. пудов марены.

В Кайтаге, Табасарани, Кумыкии и в районе Кизляра широкое развитие получило шелководство. Только в 1846 году из Дагестана на Царь-Абадскую шелкомотальную фабрику близ Нухи было доставлено

свыше 12 тыс. пудов шелка-сырца.

Во второй половине XIX века, особенно в равнинных районах, стали использоваться машины фабричного производства: трех-четырехлемешный железный плуг («Буккер»), жатка («лобогрейка»), молотилка, сноповязалка, сенокосилка, конные грабли и т. д. Увеличилось производство зерновых культур, особенно кукурузы. Большое количество зерна шло на продажу. «Ввиду сбыта ржи и кукурузы на винокуренные заводы, горское население Кубанской области, преимущественно той ее части, где находятся оные заводы, значительно увеличило распашку земли под эти хлеба, преимущественно под кукурузу, которая обращается в продажу не только на заводы Кубанской области, но и Ставропольской губернии», сообщал начальник области в отчете за 1881 год. Осваивали в Кубанской области и новые культуры, в частности гречиху. В плоскостных аулах адыгов сложился свой земледельческий четырехлетний цикл, предусматривавший чередование культур и черный пар. В Кабардино-Балкарии с 1867 по 1890 год произ-

В Кабардино-Балкарии с 1867 по 1890 год производство кукурузы выросло с 80 тыс. до 800 тыс. пудов, то есть в 10 раз, а валовый сбор зерна — в два с лиш-

ним раза.

У чеченцев и ингушей Терской области площадь посевов под пшеницей увеличилась на 46%, кукурузы — на 39%. Вместе с тем в горных районах Чечни и Ингушетии под пашню использовалось лишь 8% площади, пригодной для полеводства. Земледелие здесь было орошаемым, с обильным удобрением, иначе на скудных высокогорных землях ничего не родилось. Оросительные каналы отводили от горных ручьев и, используя напор воды, заставляли ее течь не только по ровной местности, но даже с небольшим (до 15 градусов) подъемом. Орошали как пахотные земли, так и сенокосы вблизи аулов.

Исследователь Кавказа А. П. Берже писал: «Верхне-Аргунские чеченцы мало занимаются хлебопашеством и не имеют достаточного хлеба для собственного прокормления; они получают хлеб, соль и другие жизненные предметы от жителей нижних аулов, которым местность более благоприятствует хлебопашеству».

В Дагестане во второй половине XIX века господствовала паровая трехпольная система, залежная встречалась крайне редко. В горах продолжало развиваться террасное земледелие. В низменной и предгорной частях преобладали озимые, в нагорной яровые культуры. Первое место среди зерновых занимала пшеница (50-60% всего урожая), второе ячмень (25-30%). В ряде районов равнинного Дагестана важную роль играло рисосеяние (чалтыководство). В горах же под пашней находилось лишь около 6% от общей площади земель. На небольших полях новая, более совершенная техника не могла развернуться. Урожайность зерновых по-прежнему была низкой. Товарный хлеб производился только в отдельных местах Дагестана. В 1889 году, например, в Дагестане приходилось продовольственных культур на душу населения в 2,5 раза меньше, чем в Терской области, в 4 раза меньше, чем на Ставрополье и в 6,6 раза меньше, чем на Кубани.

Из-за отсутствия больших городов на Северном Кавказе садоводство и огородничество носили в основном потребительский характер и не были связаны с рынком. Тем не менее у горцев, особенно

адыгов, накапливался опыт выращивания фруктов; народной селекцией были выведены наиболее подходящие к местным природным условиям сорта яблок, груш, слив, персиков и др. Улучшением сортности занимались земледельческие школы, при которых возникли питомники.

Большие успехи были достигнуты в огородничестве, особенно в разведении картофеля, который теперь вырастал даже в горах. В Терской области, например, только с 1886 по 1894 год посадки картофеля выросли в 5 раз. Выращивали также свеклу,

морковь, лук, чеснок и капусту.

Серьезные сдвиги произошли к концу XIX века в виноградарстве, превратившемся в отрасль торгового земледелия. Особенно славился своими виноградниками Дагестан, прежде всего районы Кизляра, Дербента, Порт-Петровска, Темир-Хан-Шуры, Хасавюртский и Кайтаго-Табасаранский округа.

Стада на альпийских лугах

Скотоводство на Северном Кавказе являлось одной из основных отраслей хозяйства. По словам историка Н. Дубровина: «Скот одевает все горское население... с папахи и кончая подошвою чувяка, во все домашнее, дает горцам ценный на рынке продукт — осетинский сыр, бурки, паласы, войлоки, кабардин-

ские и чеченские, и осетинские сукна».

Жители равнинной и предгорной зон занимались разведением преимущественно крупного рогатого скота, у населения нагорной зоны было развито овцеводство. Сложились и свои системы скотоводства: на Западном Кавказе — отгонная, со стойловым содержанием зимой; у народов Восточного Кавказа — отгонно-пастбищная, связанная с дальними перегонами с летних пастбищ в горах на зимние, расположенные на равнинах. Зимние пастбища, как правило, арендовались у феодалов.

У каждого народа были свои скотоперегонные дороги с водными источниками и удобными местами для отдыха. По мере таяния снегов скот двигался все

выше в горы, в районы альпийских и субальнийских лугов. С конца августа начиналось обратное движение стад, так как в горах бывают ранние заморозки. Перегон скота, содержание кошар, заготовка кормов осуществлялись совместно несколькими хозяйствами, объединявшимися в «кош».

Овцы

По словам посетивших Западный Кавказ в конце XVIII— начале XIX века П. Палласа и Ю. Клапрота, черкесы обладали «большим количеством овец», а у кабардинцев овцеводство «составляло их богатство, важнейшую часть их хозяйства». Мясо овцы являлось обычной пищей жителей Кабарды, употреблявших его «в вареном виде без соли и хлеба». В 1900 году численность овец и коз в черкесских аулах почти в 3 раза превышала численность крупного рогатого скота.

Адыги, располагавшие обширными альпийскими пастбищами в бассейнах Лабы, Пшиша, Афипса, Фарса и других рек, вывели свою породу овец, называвшуюся «адыгауаса». По данным Хан-Гирея, относящимся к 30-м годам XIX века, адыгская овца считалась разновидностью степной калмыцкой, но была более приспособлена для обитания в горах. Курдюк этой овцы не раздваивался на конце, как у калмыцкой; ее шерсть была черного, белого или серого цвета.

Калмыцких овец разводили в основном жители степного Предкавказья — ногайцы и туркмены. Овцы эти были крупнее и давали больше мяса, зато шерсть их была грубой, рыжего, рыжевато-каштанового и изредка белого цвета.

Овцеводство было развито и у абазин. В одном из русских документов, датируемых 1812 годом, сообщается: «Абазины разводят не только лошадей, но и весьма большое количество баранов и с них собирают шерсть, делают сукна, бурки для себя и на продажу соседним народам». Другой, более поздний источник отмечает, что группа абазин, обитающая «на высоких горах по левому берегу Лабы, имеет множество отар

овец, которых летом содержит в горах, а весной-осенью около Кубани». Большинство абазинских семей имело по несколько сот овец; отары же крупных феодалов насчитывали от 5 до 8 тыс. голов. В то же время причерноморские шапсуги, обитавшие в других природных условиях, имели возможность разводить только коз, а некоторые предгорные аулы бжедухов и натухайцев из-за отсутствия кормовой базы могли содержать овец и коз лишь в ограниченном количестве. Примерно так же было в Абхазии, жители которой, по словам Ф. Ф. Торнау, «скотом беднее прочих горцев».

Особенно развито было овцеводство в Приэльбрусье у карачаевцев и балкарцев. По источникам XVIII века эти народы платили кабардинским князьям дань овцами, арендуя у них земли под зимние пастбища. Ю. Клапрот писал о балкарцах, что «их стада овец значительны», а И. Бларамберг указывал на то, что они «для животных покупают много каменной соли» на Кавказской линии и у кабардинцев. Балкарцы, замечает автор, «отправляют свой скот в Кабарду, что ставит их в зависимость от кабардинских князей». Ф. Ф. Торнау отмечал: «Карачаевцы занимаются скотоводством и выделыванием сукон и бурок, которыми торгуют».

Во второй половине XIX века у кабардинцев и черкесов значительное распространение получила карачаевская порода овец, славившаяся высокими вкусовыми качествами и добротной шерстью. Автор «Заметок о Карачае и карачаевцах» А. Дьячков-Тарасов писал: «Руно карачаевских овец было в почете у всех горцев».

В этот же период переориентируются на рынок овцеводческие хозяйства Балкарии. По данным Н. Т. Тульчинского, с 1867 по 1895 год число овец в них выросло вдвое. В среднем на одно хозяйство приходилось от 80 до 140 овец.

Овцеводство составляло главное традиционное занятие осетин. Овцы давали мясо, молоко, сыр, шерсть, кожу; они являлись мерилом стоимости и предметом натурального обмена. Почти во всех обществах Северной Осетии выплата феодальных повинностей производилась в основном овцами и про-

дуктами овцеводства. В Тагаурии, например, ежегодно с каждого крестьянского двора феодалу отдавали ягненка, большого барана, воз сена, круг овечьего сыра, 10 фунтов масла, а в случае убоя скота — часть туши.

Ю. Клапрот, изучавший в начале XIX века язык и быт осетин, писал: «Скотоводство составляет основное занятие осетин, и стада овец являются главным богатством народа. Они обменивают своих овец у грузин и имеретинцев на шелковые ткани, полотно, хлопчатобумажные ткани, ситец, золотые и серебряные нитки,

медную и железную посуду и инструменты».

Занятие скотоводством в условиях высокогорья было делом нелегким. В XVIII веке грузинский царевич Вахушти Багратиони в своей «Географии» так писал об Осетии: «Плодородность этой страны незначительна, ибо никакие другие зерна не родятся, кроме пшеницы, ячменя и овса, по причине холода, позднего лета и ранней осени; но и это не засевается изобильно по малоземелью и скалистой местности... Домашние животные суть: овцы без курдюков, с хвостами, малорослые коровы, лошади, козы, свиньи — и не много их. И так как имеют мало пастбищ и покосов, потому овец не держат более 20—100, а также лошадей и коров по 10—40, но не более». Переселение осетин в начале века на равнину позволило им значительно увеличить свои отары.

У осетин с давних времен существовала своя порода овец. Известный агроном, член Кавказского сельскохозяйственного общества В. Н. Геевский писал: «Осетинская порода овец — горная в полном смысле слова; для нее доступны самые крутые и возвышенные пастбища, на которых у непривычного человека несомненно закружится голова». Мясо этих овец отличалось высокими вкусовыми качествами и совершенно не имело запаха, свойственного баранине. Из длинной шерсти осетинских овец выделывали превосходные сукна, бурки, башлыки и др. В конце века, получив возможность держать свои стада в моздокских и кизлярских степях, осетины начали разводить карачаевскую и тушинскую породы овец, более приспособленные к дальним переходам.

О скотоводстве в Ингушетии В. Багратиони писал: «А ущелья эти весьма крепки и недоступны для врагов по причине гор, скал, теснин, рек и лесов; скудны и непроизводительны, бедны скотом...» Развитие овцеводства тормозилось нехваткой лугов, сенокосных и пастбищных мест. Н. Ф. Грабовский, автор исследования «Экономический и домашний быт жителей горного участка Ингушского округа», считал, что на одну ингушскую семью в среднем приходилось не более 20 овец и лишь некоторые семьи имели до 200 голов. «Каждый из наибольшей части горцев, — пишет он, — довольствуется одною лошадью или одним ишаком, имеет лишь одну корову; нередко можно встретить и таких, которые ровно ничего не имеют».

В Ингушетии овец разводили преимущественно в горах. На равнинной части, у мецхальцев и назрановцев, овцеводство стало второстепенным после

земледелия занятием.

Ингуши разводили карачаевскую, тушинскую и другие породы овец, нередко скрещивая их друг с другом. Карачаевская овца давала в год 3 фунта шерсти и 12 фунтов сыра, тушинская, соответственно, 5 и 15 фунтов.

Оттонное скотоводство имело давние традиции и в Чечне. В качестве зимних пастбищ употреблялись притеречные и кизлярские степи, за пользование которыми платили местным феодалам и шамхалу Тарковскому. Как пишет Б. А. Калоев, названия целого ряда населенных пунктов и тейпов Чечни напрямую связаны с занятием скотоводством. Например, Аллерой можно перевести как «живущие на отгонных зимних пастбищах», Дишни — «место для пастьбы скота», Шалажа — «где находилось овечье стадо» (или: «овцы овцевода Шала»), Божа бежа бассую — «склон, на котором пасли скот», «поле, на котором находились кутаны» и т. д.

В XIX веке жители ряда равнинных сел Чечни, покупая у горских чеченцев шерсть, занимались производством сукна, бурок и паласов для себя и сбыта их в других местах. В горах скотоводство для чеченцев было основным, а земледелие — второстепенным занятием. Крупные овцеводы имели до 1000 овец, многие хозяева — 300 и более.

Разводили в основном тушинскую и андийскую породы овец. По словам историка Н. П. Гриценко, первая «отличалась не только хорошим вкусом мяса, но и белой, длинной, тонкой, мягкой, без примеси грубого волокна шерстью. Шерсть тушинской овцы высоко ценилась на рынке. Больщими партиями ее вывозили в Центральную Россию, а на ковровой фабрике Коверковых близ станции Пушкино Московской губернии из пряжи тушинской шерсти изготовляли ковры. Из жирного и густого молока овцы производили высокоценимый тушинский сыр. Андийская черная в отличие от андийской белой породы овец была распространена в северной части Андийского округа (селение Ботлих), а также в Веденском округе Терской области... Из шерсти на месте изготовляли тысячи бурок, которые сбывались в Тифлисе и других местах». Надтеречные чеченцы разводили также калмыцкую, кумыкскую и ногайскую породы овец, более приспособленные к жаркому и сухому климату равнин.

Схожее с Чечней положение сложилось в равнин-

ных и нагорных районах Дагестана.

Абдурахман, сын шейха Джамалуддина Казикумухского, в своей «Книге воспоминаний» сообщает о дагестанском обществе Анди: «Овцы андийцев все черного цвета. Белых овец они покупают редко, так как производят бурки из черной шерсти. По этой причине они предпочитают черных овец, которых у них много, и нет селения, где не производят бурки. Пища и одежда андийцев целиком из овец. Количество посевных наделов у них среднее. Урожаи собственных посевов их хлебом не обеспечивают, и они привозят его из Чечни...»

Путешествовавший осенью 1867 года по Дагестану Н. И. Воронов писал: «Некоторые из верхнедагестанских обществ владеют громадными стадами баранов, и с каждым годом стада эти увеличиваются и увеличиваются. По признаниям самих горцев, за последнее время мирной жизни баранта их увеличивалась по крайней мере 8 раз... Так, например, общест-

во Тлейсерух вместе с Мукратлем, при населении до 4 тыс. душ, владеет стадами баранов в 112 тыс. голов, что дает средним числом по 28 баранов на каждую душу населения. По этому уже можно заключать о

среднем достатке горца, как овцевода.

Что собственно до Гида, то его баранта не многочисленна. По показаниям местного наиба и некоторых... гидатлинцев, такой большой аул, как Орода, владеет всего стадом баранов в 2,5 тыс. голов, или средним числом по 8 баранов на двор. Но зато Гид славится между среднедагестанскими обществами своими стадами рогатого скота, вследствие чего здесь развито в значительной степени молочное хозяйство: гидатлинское масло вывозится на продажу и в соседние общества, и в близкие русские укрепления Дагестана. Официально в Гиде числится до 10 тыс. голов рогатого скота, что дает средним числом около 5 штук на каждый двор.

Вот главнейшие элементы здешнего хозяйства. Приводя к общему заключению все предыдущие показания, мы увидим перед собою такое общество, в котором каждое среднее семейство обеспечено 40 сабами зерна, 5 штуками рогатого скота и 8 баранами. Кроме всего этого, в помощь хозяйке есть хоть

один ишак...»

Овцеводство имело много общего в разных регионах Кавказа: в определенное время проводили стрижку, кастрирование, случку, распределяли овец по возрастным и половым группам. Продуктивность увеличивали за счет скрещивания местных пород с такими знаменитыми породами, как карачаевские и тушинские в горах, калмыкские и ногайские — в предгорьях и степях. Характерной чертой являлось также содержание овец отарами по нескольку сот голов.

Козы

В каждой овечьей отаре был козел-вожак. Традиция эта уходит корнями в глубь веков. Животное подобного типа запечатлено еще на бронзовых пред-

метах Кобанской культуры. Козел-вожак — популярный сюжет фольклора, в том числе нартского эпоса народов Кавказа. В сказаниях он нередко предстает в образе пастуха: пасет отару, загоняет ее на ночь в пещеру. Так, в ингушском сказании «Колой-кант» пастуха Колоя-канта часто заменяет козел-вожак, умеющий говорить по-человечески.

Разведение коз было выгодным занятием, особенно в некоторых горно-лесистых районах региона. Коза давала мясо, сало, молоко, пух и мех. У адыгских народов козлятина считалась лучшим угощением для почетного гостя, поэтому коз нередко откармливали зимой на мясо. От козы в год надаивали до 45 ведер молока (больше, чем от коровы), обладавшего большой жирностью (4,5%). Его употребляли в натуральном виде или смешивали с коровьим и овечьим молоком для получения масла и сыра. Из пуха козы делали высококачественное сукно, шедшее на башлыки, бешметы, черкески, а также войлочные шляпы. Козу стригли раз в году весной, получая до 1,5 фунта шерсти. Из козьей шерсти выделывали бурки, войлок, подстилочную ткань, веревки и другие предметы домашнего обихода. Шкуры шли на изготовление сафьяна, бурдюков, мешков для хранения зерна, муки и других сыпучих тел, намазлыков (молитвенных ковриков). В течение года коза могла дать два приплода по 1-2, реже 3 козленка.

Козоводство было основой хозяйства шапсугов, особенно приморских. На Западном Кавказе коз разводили также бжедухи, абазины и другие народы. Поэтому даже после эмиграции большей части адыгов в Турцию численность козьих стад в Кубанской области оставалась весьма значительной. В центре области — Екатеринодаре — регулярно проводились выставки, на которых экспонировались козы различных пород и получаемые от них продукты.

В Кабарде козы составляли до 20% стада. Кабардинцы считали, что козлятина вкуснее баранины, а сушеное мясо коз обладает целебными свойствами. Много коз содержали и ногайцы.

В верховьях Черека некоторые хозяева держали

до 100 коз мясомолочной породы. Такие же стада имелись в горских хозяйствах Чегемского и Баксанского ущелий. В соседнем Карачае коз разводили только в районах, не имевших хорошей земли. «Коза — признак бедности; овцу создал бог, а коза присоединилась по пути», — гласит карачаевская поговорка.

Разводили коз и в горной Осетии. Особенно ценился у осетин козий пух, который в апреле счесывали гребнем, получая с одной козы в среднем около четверти фунта. Сукно из козьего пуха стоило в несколько раз дороже обычных. Из него изготавливали не только традиционные черкески и башлыки, но и модные дамские платья.

В Ингушетии и Чечне козьи стада были немногочисленны. Больше всего коз держали жители современных Ножай-Юртовского и Веденского районов.

Коровы, волы и буйволы

Свои особенности имело в регионе разведение крупного рогатого скота. Особое значение придавалось разведению молочного скота. Горец имел хотя бы 2—3 дойные коровы, чтобы обеспечить семью молоком и молочными продуктами. Однако ограниченность пастбищных и сенокосных угодий, сложность рельефа местности, продолжительность холодной и снежной зимы не позволяли даже состоятельным семьям иметь более 4—6 коров и 2 волов.

Если в первой половине XIX века в равнинной зоне Северного Кавказа преобладал мелкий рогатый скот, который было проще обеспечить кормами, то во второй половине, с переводом обширных пастбищных угодий под посевы зерновых, поголовье мелкого рогатого скота сократилось, и почти повсеместно стал преобладать крупный.

Адыгский просветитель Хан-Гирей писал: «Коровы их весьма обильны молоком; волы чрезвычайно полезны для черкес, которые все работы производят ими, потому что у них почти нет обыкновения впрягать лошадей». От него мы узнаем, что на равнинах

адыги разводили кубано-черноморскую породу, быки и коровы которой были крупными, серой масти и имели большую продуктивность. Из кожи этих животных черкесы «делали обувь, а наездники — сбрую конскую и пр. В горах же, по словам Хан-Гирея, этот скот «перерождался в мелкую породу». Б. А. Калоев, автор исследования «Скотоводство народов Северного Кавказа», считает, что речь в данном случае идет об особой адыгской породе крупного рогатого скота, более приспособленной для жизни в горах. Во второй половине XIX века, в связи с массовым переселением адыгов, эта порода стала быстро исчезать. Зато получила развитие смешанная порода, сочетавшая как продуктивность кубано-черноморского, так и высокую удойность, неприхотливость и устойчивость к эпидемическим заболеваниям адыгского скота.

В хозяйствах Қабарды крупный рогатый скот занимал ведущее положение. Этому способствовало обилие хороших пастбищных угодий (одни только Зольские летние пастбища могли прокормить сотни тысяч голов). Современники считали, что «Кабарда относительно развития крупного рогатого скота не имеет соперников среди всех иных местностей России».

В отличие от кабардинцев, балкарцы основное внимание уделяли разведению мелкого рогатого скота, который продавали в Грузию. Низкорослая балкарская порода коров давала 7—8 литров молока в сутки.

Жителям Карачая пришлось вести упорную борьбу с эпизоотиями (инфекционными эпидемиями у животных). В результате, путем скрещивания черноморской и местной горной пород, им удалось вывести новый сорт крупного рогатого скота, устойчивый к заболеваниям чумой. Коровы этого вида давали 10—15 литров молока. «Хъаерасиаг галтае» (карачаевские волы) отличались огромной силой и охотно покупались как горцами, так и соседним казачьим населением. Когда кто-нибудь интересовался, отчего этот хозяин раньше всех завершил вспашку или другие работы, ему обычно отвечали, что это из-за карачаевских волов.

В горных районах Осетии крупного рогатого скота было мало из-за недостатка кормовой базы. Быков держали ровно столько, сколько требовалось для полевых работ.

Чиновники Кавказской администрации в 30-х годах XIX века отмечали, что осетинский «рогатый скот мал ростом, однако коровы дают хорошего молока иногда до 2/3 ведра». В связи с массовым переселением осетин с гор на равнину их стада увеличились и появились новые породы, в том числе привозные (швицкая, немецкая, серая степная).

Осетинский вол был хорошо приспособлен к местным условиям, мог пройти по самым крутым горным склонам.

Ограниченность пастбищных и покосных земель в Чечне и Ингушетии не давала возможности содержать большие стада крупного рогатого скота. В предгорьях и на равнине горскую породу часто скрещивали с ногайской или калмыкской. По свидетельствам современников, «от коровы при хороших условиях в окрестностях Назрани, Базоркино и др. можно накопить до 2 пудов масла, и нередко жители копят до пуда от одной коровы, не прекращая домашнего потребления части молочных продуктов».

Основной тягловой силой в Чечне и Ингушетии, как и в других районах Северного Кавказа, были волы; лошадь служила горцам лишь для верховой езды или перевозки тяжести вьюком. Волы выполняли в хозяйстве все виды работ, в том числе вспашку, которую в горах осуществляли одной парой, а на равнине, где был тяжелый плуг, несколькими парами волов. Горский крестьянин среднего достатка содержал 1—2, более состоятельный — 2—3 волов. Поэтому обработку земли, особенно на равнине, осуществляли путем супряги (совместной работы). По словам исследователя А. А. Калантара, в Чечне «полного плуга со всем обзаведением не имеется ни у кого, даже полуплужники составляют редкое явление, их несколько человек в ауле; для составления плуга складываются 3—6 хозяев».

У ногайцев, ведших полукочевой образ жизни, крупный рогатый скот был одним из главных

средств к существованию. Б. А. Калоев цитирует источник 1812 года, согласно которому «промысел ногайский состоит по большей части в разведении рогатого скота, они очень богаты... Получают от оного масла более 200 тыс. пудов, меняют его армянам, у них торгующим, на необходимые для них вещи, как то: холст, сукно, хлопчатую бумагу...; вывозят и сами масло и другие съестные припасы в города».

Большое распространение имели ногайские волы, широко использовавшиеся как при пахоте, так и в извозе. По словам того же А. А. Калантара, целые караваны, «составленные из ногайских волов, постоянно встречаются по дороге от Темир-Хан-Шуры к Пе-

тровску и Дербенту».

Буйволы, распространившиеся из Закавказья и Турции, использовались как тягловая сила (один буйвол заменял двух быков) и для производства молочных продуктов (молоко буйвола имело высокую, до 8%, жирность и целиком шло для переработки на масло). По свидетельству Хан-Гирея, буйволов содержали только богатые горцы — князья, дворяне и первостепенные уздени. «От буйволов, — писал он, — много получается молока, особенного и приятного вкуса; мясо же их нехорошо».

В ряде мест Северного Кавказа, например, на чеченской равнине, вспашку производили исключительно буйволами. Для этой цели в селах Гудермес, Курчалой и Урус-Мартан во второй половине века вывели специальную породу буйволов. Покупать их приезжали из Ингушетии, Осетии и Кабарды.

Разводили буйволов и в Дагестане. Кожа их шла на изготовление традиционной горской обуви; из рогов делали сосуды для напитков, газыри, рукоятки кинжалов и шашек, украшения мужских поясов.

Ослы и верблюды

Во всех регионах Северного Кавказа ослы и мулы использовались для перевозки грузов. Осел мог нести в два раза больше тяжести, чем лошадь, причем

по самым узким горным тропам. Зимой он довольствовался небольшим количеством простого корма (соломой, мякиной, отходами сена).

Верблюдов для хозяйственных нужд держали в

основном ногайцы.

По свидетельству Э. Челеби: «Во время кочевок шатры из войлока нагружают, подобно башням, на верблюдов и верблюжьи повозки и кочуют... Все ногайские татары обрабатывают землю с помощью верблюдов. Верблюды даже в раннем возрасте хорошо пашут землю». Схожую картину застал в начале XIX века С. Броневский, автор «Новейших географических и исторических известий о Кавказе». Он писал, что не только ногайцы, но и крупные адыгские (черкесские) скотоводы держали верблюдов «для перевозки домашних пожитков и войлочных лагерей (кошей) с места на место в летнюю пору». Составитель историко-статистического очерка об ингушах Г. Вертепов в конце XIX века сообщал, что «один-другой десяток лет тому назад ингуши разводили и верблюдов, но в настоящее время эта отрасль местного скотоводства ими совершенно оставлена». Содержали верблюдов, в том числе для извоза, обитавшие в низовьях Терека чеченцы и жители равнинного Дагестана.

Кони

О любви горцев к лошадям сложены легенды.

В одном из осетинских сказаний повествуется о том, как нарты (мифические герои-богатыри), переживая суровую зиму, опасались за своих коней: «Что будем делать, если падут наши кони? Ведь человек без коня — все равно, что птица без крыльев». Герои нартского эпоса были объединены в военную дружину: кони являлись их неразлучными спутниками, советчиками и соучастниками во всех важнейших деяниях. В эпосе названы имена коней, прославившихся своими подвигами и обладавших необычайной силой. Это конь старейшего нарта Урызмага пегий Арфон, конь знаменитого Хамыца — Дур-Дур,

конь сына Урызмага — Алас, а также легендарный скакун Авсург, на котором герои молниеносно спускались с небес и поднимались обратно. Подобного рода предания встречаются на Кавказе повсеместно.

В вайнахском сказании «Морской конь» говорится, что у реки Аргун пасли табуны трое братьев; младший обладал лучшими конями, за которыми приходили из далеких земель ханы и султаны, предлагая за

коня золото и другие ценности.

Об отношении к лошадям чеченцев пишет в своей книге «Чеченское оружие» И. Асхабов: «Особая забота и внимание чеченца были к лошади. Лошадь имела попону, легкое седло с мягкими войлочными подкладками. В непогоду ее вместе с всадником укрывала бурка. Переметная сумка для удобства лошади делалась из мягкой ковровой или шерстяной ткани. Зачастую сбруя, уздечка, седло украшались серебром. Чеченские мастера делали добротное конское снаряжение, однако в отличие от кабардинских и черкесских оно было менее украшенным. Во многих чеченских аулах были, по словам стариков, очень хорошие мастера-седельщики, шорники. Стремена, подковы, пряжки для стремян, удила изготовляли многочисленные чеченские кузнецы...»

С. Броневский отмечал, что дагестанцы «все избытки свои истощают... на конские уборы, в коих состоит главнейшая их роскошь. Повсюду блестит серебро и золото, целыми бляхами; не щадят их в наборах на ремнях и насечках на стали». Ф. Ф. Торнау: «Состоятельные люди отделывали серебром и золотом седло, уздечку и др.».

Традиционное для Кавказа коневодство развивалось главным образом в предгорьях и на равнине. В горах, из-за отсутствия благоприятных условий, содержание лошадей было ограничено до минимума. Табунным коневодством и выращиванием лучших пород лошадей занимались кабардинские феодалы, владевшие до конца XVIII века почти всей равниной Центрального Кавказа, а также самые имущие у западных черкесов, абазин, ногайцев и карачаевцев.

Итальянский путешественник Пейсонель, посетивший Кавказ в середине XVIII века, писал: «Черкесские лошади чрезвычайно ценятся. Они высокие, хорошо сложены, чрезвычайно сильные и выносливые как в беге, так и в усталости. Их голова несколько напоминает клюв ворона, они довольно похожи на английских лошадей; здесь очень сильно заботятся о продолжении определенных пород, наиболее известными являются породы солук и беккан (бечикан); из Черкесии вывозят только меринов; других в этой стране даже не употребляют. Жеребцы имеются только заводские. Их поступает большое количество в Крым, где они очень ценятся: за них до сих пор платят до 200 пиастров. Но в этой стране имеются еще более знаменитые лошади, за которых отдают до 8 рабов».

Черкесских и кабардинских лошадей тысячами вывозили в разные страны: Турцию, Персию, Польшу, Австрию, в соседнее Закавказье. Кабардинские князья неоднократно отправляли своих скакунов в подарок московским царям. Так, в 1552 году князь Те-

мрюк подарил Ивану Грозному 50 коней.

Кабардинская лошадь возникла от смешения местных горских пород с арабскими скакунами. По этому поводу автор «Исторического очерка русского коневодства и коннозаводства» И. Мердер писал: «Горские лошади по свойству климата или от смешения двух пород: настоящих черкесских с лошадями арабскими; они сильны, резвы, полны огня, внимательны, в ногах крепки — качество, необходимое при путешествии по горам; они также весьма чутки, то есть хорошо слышат, так что в самую темную ночь можно положиться на лошадь, что она, по каким бы скалам ни пробивалась, не споткнется и проберется по узкой тропинке осторожно...

Горские лошади могут переносить различный климат так хорошо, что едва ли порода других лошадей может в этом случае выдержать с ними сравнение. По сродности же с местностью гор, состоящих преимущественно из камней, черкесская лошадь без подков несется во весь карьер по твердому грунту, не жалуется на ноги, в которых не чувствует от того бо-

ли... Горские лошади очень послушны: они скоро привыкают к ездокам и приноравливаются удобнее к желаниям и правилам их хозяев; они не имеют капризов, обыкновенных в породах других лошадей; выносят крайнюю нужду в продовольствии... Черкесская лошадь не любит застаиваться долго без употребления в работе...>

По свидетельству исследователя быта кабардинцев В. П. Пожидаева, «многовековой опыт и практика коннозаводчиков создали в Кабарде целую науку о коне и его воспитании, и эту науку и родовые традиции коннозаводчиков адыги свято берегут и переда-

ют от отца к сыну».

История табунного коневодства Кабарды знает несколько пород лошадей, выведенных в разные эпохи. Самой ранней и наиболее распространенной была шалоховская порода, связанная с именем малокабардинского князя Шалохова. По словам посетившего Кавказ в начале XIX века Ю. Клапрота: «Здесь самая лучшая порода называется «шалох» и носит особый знак (тавро. - Aвт.) на бедре. Такие лошади, как правило, принадлежат богатой княжеской семье и насчитывают не более 200 голов в табуне. Лошади этой породы чаще всего бурой или белой масти. их содержат постоянно на пастбищах: в жаркие месяцы – между реками Фиагдон, Ардон и Уредон, а в другое время года — на Тереке, в районе между Татартупом и Джулатом. Если такого жеребенка дарят, то его оценивают наравне с рабом...» Отличительной чертой шалоховской лошади являлось то, что ее копыта были цельными, без заднего разреза. Лошадь этой породы обладала высокими спортивными качествами; использовалась при верховой езде, на скачках, для охоты и джигитовки. В мифологии адыгов указывается, что прародители шалоховской лошади обитали в Черном море, где на них ездили великаны.

Кони этой породы были в цене и у русских офицеров. В очерке М. Ю. Лермонтова «Кавказец» мы читаем: «...Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный

и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая гурда, кинжал — настоящий базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь — чистый шаллох и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и сшит ему в подарок какой-нибудь княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия».

Адыги разводили и другие породы лошадей, называвшиеся по местности или племенам своих создателей: «куденет» (Куденетовы), «абоку» (Абакумовы), «атажук» (Атажукины), «бачкан» и др. Среди черкесских коннозаводчиков были широко известны также Аталескеровы, Клычевы, Ганбиевы.

С адыгами в разведении высокопородных лошадей успешно конкурировали абазинские князья и уздени Лоовы, Трамовы, Исмаиловы, Лиевы, Фатовы и другие, имевшие табуны в 400—600 голов.

Особенно славились лошади трамовской породы, по словам Ф. Ф. Торнау, «известной на Кавказе и высокоценимой по их качествам». Эта порода также упоминается в ряде произведений М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого. Трамовская лошадь была высокого роста, обладала отличными скаковыми качествами, имела специфичный окрас — белые пятна на гриве, хвосте, иногда на носу. Кроме своих пород лошадей, абазины разводили кабардинскую и так называемую «чаади», выведенную путем скрещивания английской и кабардинской пород.

Из народов Западного Кавказа меньше всех уделяли внимания коневодству абхазы. Тот же Ф. Ф. Торнау писал: «Лошади их небольшого роста и не отличаются силою».

Широкой известностью с середины XIX века стала пользоваться карачаевская порода, выведенная в результате скрещивания местной породы с лучшими экземплярами кабардинских и абазинских лошадей. Карачаевских лошадей охотно покупали и жители Закавказья, и казаки кубанских и терских стании.

В конце столетия в Карачае было немало коннозаводчиков, имевших табуны по нескольку сотен голов: Байчоровы, Байрамуковы, Джараштиевы, Крымшамхаловы, Кубановы, Текеевы и др. Байчоровская порода была гнедой масти, считалась неприхотливой, обладала твердыми копытами, отчего пользовалась большим спросом у казаков; лошади Байрамуковых были серого, Кубановых — рыжего, Джараштиевых — красного окраса. Эти последние («джаражды») славились красотой и изяществом, служили лучшим подарком.

Коневодство способствовало появлению у карачаевцев производства кумыса, который использовался и как лечебное средство. Уздень Кеккез даже

построил завод для производства кумыса.

В высокогорных районах Центрального Кавказа табунного коневодства не было; лошадей использовали лишь как транспортное и вьючное средство. Автор этнографического очерка о балкарцах Н. А. Караулов свидетельствовал: «Сорт балкарской лошади очень хороший, она неприхотлива и вынослива, невысокого роста, крепкое небольшое копыто очень

цепко, и лошади эти незаменимы в горах».

Под стать балкарской была осетинская порода. Ю. Клапрот писал: «Лошади осетин невелики, но ноги их настолько сильны, что нет надобности их подковывать (ковку лошадей горцы переняли у соседнего русского населения. — Авт.), несмотря на то, что они постоянно ходят по камням. Они превосходны для переходов через горы». Клапроту вторит В. Пфаф, посетивший горную Осетию в начале 70-х годов XIX века: «Можно только удивляться необыкновенному проворству, силе и ловкости этих прекрасных горских лошадей. Сидя на такой лошади, можно поручить себя ее инстинкту и, закрывши глаза, переезжать через самые страшные пропасти...»

На Восточном Кавказе табуны разводили в равничных и предгорных районах Чечни и Дагестана, в горах коневодство носило ограниченный характер.

Невысокие, но сильные и неприхотливые лошади, разводимые ногайцами, широко использовались для

перевозки грузов по всему Кавказу и охотно покупались соседними народами.

В первой четверти XIX века на территории Засулакской Кумыкии появились первые конные заводы. После этого коневодство в Дагестане стало развиваться бурными темпами. К 1855 году только в Дербентской губернии насчитывалось 600 конных заводов; в них было «жеребцов и маток с приплодом 2200 голов».

Намного увеличилось поголовье лошадей в шамхальстве Тарковском, ханстве Кюринском, Табасаране, чему положил начало один из главных конноза-

водчиков губернии, полковник Джамов-бек.

В 60—70-х годах XIX века табунное коневодство на Северном Кавказе переживает упадок, причинами которого послужили массовая эмиграция горцев в Турцию и распашка пастбищных угодий на равнинах и предгорьях в связи с переходом к интенсивному земледелию. На Западном Кавказе из-за отсутствия лошадей казаков стали переводить в пластунские части.

Для исправления положения в Майкопе была учреждена специальная заводская конюшня, служившая для улучшения горской (кабардинской) породы лошадей. В 1891 году такую же конюшню основали в окрестностях Пятигорска. Стали ежегодно проводить выставки строевых и рабочих лошадей. В 1897 году такие выставки прошли во Владикавказе, Моздоке, Пятигорске, Екатеринодаре, Ставрополе и Хасавюрте.

К концу века ситуация с коневодством на Северном Кавказе заметно улучшилась. В. П. Пожидаев писал: «Упадок данной отрасли у одного сословия, к счастью, не знаменовал собою гибели вообще этого промысла в Кабарде. Слишком он был национален. И вот мы видим, что наряду со старинными заводами кабардинских князей и узденей, как грибы после дождя, вырастают во множестве небольшие конские заводы у их же сельчан, бывших табунщиков и даже крепостных. И как раньше каждый уздень почитал непременной гордостью иметь свой табун, так теперь многие сельчане спят и видят, чтобы иметь у себя хоть небольшой, но свой собственный табунок со своим тавром».

Во второй половине века на Северном Кавказе попрежнему существовало три вида коневодства: заводское, табунное и домашнее, или хозяйственное. Кабардинцы, имевшие много пастбищных земель, пасли свои табуны летом в горах, на обширных Зольских пастбищах, зимой — в долинах Кумы и Терека, та же система содержания была характерна для черкесских и абазинских коневодов.

Свои особенности имело коневодство у западных адыгов. Так, у шапсугов в горах лошади, содержавшиеся в табуне, осенью и зимой постоянно находились в лесу, причем весь этот период они паслись самостоятельно, без всякого присмотра и охраны. На плоскости же табуны круглый год паслись под присмотром вооруженных табунщиков, так что лошади постоянно находились под открытым небом. В результате, по словам В. П. Пожидаева, конь проходил «суровую школу», приучался «ко всем невзгодам и лишениям».

В Терской области летние пастбища располагались под Эльбрусом и в районе Кисловодска, в Кубанской области — по верхнему течению Кубани и ее притоков (Лабе, Белой, Урупу, Большому и Малому Зеленчуку). Долины этих рек служили зимними пастбищами. Табуны содержали также в долинах Малки, Кумы и Терека.

Ногайские кочевники, не занимавшиеся отгонным скотоводством, круглый год пасли свои табуны в степях Ставрополья и Кизляра.

Средний табун имел 150—200 голов. Широко практиковалась коллективная форма пастьбы, когда несколько коневодов, обычно родственные семьи, соединяли своих лошадей в один табун.

Вот как описывает жизнь табуна В. П. Пожидаев, наблюдавший ее на летних Зольских пастбищах в Кабарде: «Лучшими часами для кормежки считается время от восхода солнца до 11 часов дня. С наступлением жары лошади останавливаются где-нибудь на возвышении и, повернувшись головой к ветру, стоят, пока спадет жара, 2—3 часа. Это дневной отдых. Вместе с табуном отдыхают и табунщики, которые в эти часы сходят со своих лошадей и дают небольшой от-

дых и им, а вместе с тем подкрепляются и сами. Отстоявшись, кони снова трогаются на пастьбу и так до заката солнца... Спят и отдыхают лошади в течение ночи три раза с небольшими перерывами. Первый сон для лошадей наступает в сумерки и продолжается полтора-два часа, второй — в полночь, и продолжается час, третий — перед рассветом — тоже не более часа. Обычно для этого кони собираются в кучу и останавливаются: жеребцы по краям, матки и молодняк в середине. Молодые же жеребята-сосунки, растянувшись на траве, крепко спят около своих матерей, как малые дети. Матки и жеребцы и прочие представители табуна спят большей частью стоя на ногах, чутко и осторожно».

Табун подразделялся на множество косяков, из которых каждый обычно состоял из 10 маток и одного породистого производителя. Лошадь находилась в табуне 3-5 и более лет. В возрасте четырех лет ее обычно объезжали, а жеребцов холостили. Объездка происходила следующим образом. Один из табунщиков, «длинным волосяным арканом поймав коня, приближался к нему, хватая его за ухо, и крепко держал; другой осторожно надевал уздечку и вкладывал удила, а затем, подняв у уха повод, надевал кожаную треногу... Лошадь начинала биться, метаться; табунщики, сдерживая аркан, не препятствовали ей. Когда лошадь уставала и, случалось даже, падала, табунщик подходил к ней сзади и, тряхнув ее за хвост, поднимал и приводил в себя. После этого лошадь седлали... Затем табунщик садился на лошадь: она, срываясь с места, металась из стороны в сторону, взмывалась на дыбы, иногда намереваясь упасть, чтобы сбросить ездока, но табунщик сидел, по выражению коневодов, «как пришитый», зорко следил за ее намерениями и предупреждал ее коварство то умелым поворотом, то ударом треноги, то вздергиванием, то послаблением удил». После объездки лошадь купали и выпускали в табун. В течение года выучка периодически повторялась, однако с меньшими усилиями и риском. Хороший табунщик в день мог объезжать до десятка лошадей.

Собаки играли важную роль в жизни горцев, но считались животными нечистыми, в жилые дома не допускались, а их прикосновение, особенно если собака была мокрая, нарушало ритуальную чистоту и требовало стирки одежды и особого омовения перед молитвой. Считалось, что «святой дух не войдет в тот дом, где есть собака».

Л. Н. Толстой в повести «Охота на Кавказе» писал: «...Кочующие народы, как то ногаи и трухменцы, все большие охотники до борзых. Им, кроме того, собаки нужны для защиты их стад от волков... Собака для степного жителя – необходимость, почти друг... Потому у него очень трудно украсть собаку, особенно борзую. Борзая, купленная у ногайца, весьма часто пропадает и всегда находит в степи кибитку своего прежнего хозяина, несмотря ни на какие препятствия. Она никогда и никому не дает себя поймать; нередко переплывает реки, отыскивая своего хозяина, и ежели он перекочевал, то находит его следом и в новом кочевье. Дворные же собаки в аулах почти не знают своего хозяина. Можно сказать, что они, как кошки, привыкают не к человеку, а ко двору, где живут, который они караулят и на котором их кормят. Солдаты, вообще большие охотники до животных и особенно до собак, пользуясь этим, сманивают дворных собак из аулов».

Как горцы охотились, ловили рыбу и добывали мед

Важное хозяйственное значение для народов Кавказа имела охота. Горы и ущелья были богаты медведями и турами, оленями и козами, зайцами, лисицами, куницами, а также множеством птиц. Встречались леопарды и рыси. Шкуры диких животных использовались для изготовления обуви и одежды, бурдюков, ружейных чехлов и других предметов. Шерсть туров — диких козлов употреблялась для на-

бивки седел. Много пушнины продавалось в Россию. Среди товаров, разрешенных к беспошлинному пропуску через Кавказскую линию, на одном из первых мест стояли заячьи, лисьи, куньи, выдровые, хорьковые, волчьи, медвежьи, барсовые и другие меха.

В той же «Охоте на Кавказе» Л. Н. Толстой писал: «Кавказ, по множеству дичи, по разнообразию местности и климата, одна из интереснейших стран в свете для охотника. Начиная от степного дудака и сайгака до горного барана (тура), от барса, медведя и до зайца, от лебедя до белки и перепелки, здесь водятся различные породы зверей и птиц; поэтому-то здесь и возможна охота почти круглый год, не за од-

ним, так за другим родом дичи...

Охота составляет одно из любимейших занятий кавказских жителей; но для азиатца, который половину своей жизни проводит верхом, первое необходимое условие охоты — конь. Охота для него — один из видов наездничества, род молодечества, джигитства. Охотится ли кавказец за птицей, - ястребом или соколом, с борзыми или с ружьем, — за крупным зверем, он всегда верхом. Редко кто-нибудь охотится пешком. Обыкновенно, это какой-нибудь байгуш, охотник по промыслу и вместе с тем по страсти, который, не имея средств завести коня, стреляет зверя на сиденке или ставит капкан на лаз или порешень... Вообще горная охота — самая бедная, однообразная, неблагодарная и самая трудная. Подкараулить тура или лису, застрелить горную индейку, турача или горную курочку — вот верх удачи. А сколько трудов и опасностей соединено с этой охотой, где целый день надо лазить по скалам и пропастям, иногда ночевать в горах, под навесом скалы или на дне пропасти. Несмотря на это, горцы почти все охотники. Они с малолетства свыклись с этими трудами и опасностями, и охота — один из любимых их промыслов...

Гирей-хан был превосходный стрелок; но он никогда не стрелял влет, даже по дудакам, которые, вскоре после первых зимних морозов и снегов, огромными стаями летят из степи через Терек... Гирейхан и все хорошие охотники делают большие приготовления к этому времени. Приготовления эти состоят в следующем: охотники, выверив ружья, начинают стрелять в цель, чтобы пригнать заряд: если пуля попадает вверх, уменьшают заряд, если вниз — прибавляют; если ружье берет вправо или влево, охотник подпиливает с противной стороны цель, поправляет прицел или снова выверяет и выправляет ружье, до тех пор, пока не попадет пуля в пулю...»

Труд охотников действительно был тяжелым и опасным. Поэтому в доисламскую пору, а случалось — и позже, горцы старались задобрить силы природы. Например, в ингушских эльгуцах (языческих святилищах, посвященных покровителям аулов) часто находили оленьи и турьи рога, принесенные охотниками в знак благодарности за успешную охоту. Рога диких животных и теперь еще украшают остатки древних языческих храмов на Кавказе. Черепа туров с огромными рогами, как охотничьи трофеи и обереги, встречаются и над воротами современных горских домов.

Ощутимо разнообразила стол горца и рыба. «Прибрежные абхазцы занимаются рыбною ловлею, — писал Ф. Ф. Торнау. — Устья горных речек, впадающих в море, изобилуют лососиною, которая составляет весьма лакомую пищу и по здешнему обычаю жарится обыкновенно на вертеле. Берега посещаются летом несчетным количеством дельфинов, которых абхазцы ловят для вытапливания из них жиру, закупаемого турками и греками...» Употребление в пищу морской и речной живности зависело от традиций и образа жизни. К примеру, черноморскую акулу — катран на восточном побережье в пищу не употребляли, а на западном, в Болгарии, она считается деликатесом.

В первой половине XIX века особенно расширилось рыболовство на Северо-Восточном Кавказе. В устьях рек Терек, Сулак и Самур, в Аграханском заливе и по берегу Каспийского моря возникли рыбные промыслы, на которых добывали ценные породы рыб: осетра, белугу, стерлядь, рыбец. Владельцы вод стали отдавать промыслы на откуп русским рыбопромышленникам. Так, князь Хамзаев отдавал на откуп воды Сулака за 70 руб. в год, а устья Терека — за 350 руб.; Али-Султан Казаналипов отдавал за 700 руб. воды Аграханского залива. В 1837 году шамхал Тарковский заключил контракт с коллежским асессором П. С. Давыдовым о сдаче в откуп вод Каспийского моря от Аграханского залива до реки Самура, включая подгорные воды Дербента. «За все воды и убой каспийского тюленя» Давыдов обязался платить по 4 тыс. руб. в год. Другие хозяева предпочитали вместо денег откуп натурой, например, из расчета 1/4 части всего лова. Стремясь получить как можно больше прибыли, откупщики увеличивали лов. Вокруг промыслов вырастали жилые поселки. Как правило, квалифицированными ловцами и мастерами по обработке рыбы на промыслах были русские, а чернорабочими нанимались к откупщикам горцы. Для последних это был своего рода отхожий промысел, приносивший дополнительный доход.

В «Охоте на Кавказе» Л. Н. Толстой писал: «...Я нашел Мамонова по брюхо в воде: он с Магметом, ногайцем-работником, ловил рыбу в озере, образованном разливом Терека в нескольких стах шагов от этого сада. Не знаю, по каким правам — по праву ли сильного, или по праву primo оссираний — Мамонов присвоил себе озеро, — только он никому не позволял ловить в нем рыбу, а ловил лишь сам, ел, солил, дарил всем знакомым, кормил ею и ногайца своего, и даже собак...

— А! Николай Николаевич! Вот славно! Спасибо, что заехали... А вот я покажу вам, какие у меня сазаны. — И Мамонов отправляется в садок, погружает в воду свои огромные руки с засученными рукавами по самые плечи, долго копается в садке и наконец вытаскивает огромную щуку. — А это не сазан, — замечает он: — я угощу вас сазаном. — Мамонов бросает щуку в воду. Брызги летят ему в лицо, но он продолжает искать сазана, снова выпрямляется и вытаскивает, но опять не сазана, а сома. Сом вырывается и уходит в озеро. — Ан ушла! — кричит мой приятель. — Лови!..»

Обилие на Северном Кавказе медоносных растений располагало к занятию пчеловодством. Мед и воск не только использовались в домашнем хозяйстве, но и находили широкий сбыт на меновых дворах, рынках и ярмарках. Горский мед отличался хорошим вкусом и целебными свойствами. Воск ценился еще дороже. Поэтому мед и воск были важной статьей торговли и вывоза. В России «товарами произведения Черкесии и Абхазии, допускаемыми к бесплатному, меновому торгу», на первом месте были «сало всякое, воск и мед».

Пчеловодством занимались все горцы Северного Кавказа, но особенно оно было развито у адыгов. Здесь оно считалось важнейшей, после земледелия и скотоводства, отраслью сельского хозяйства. Пчел содержали в ульях-плетенках, которые изготовляли из прутьев ивы и фруктовых деревьев. На сапетки надевали шапочки-крышки из камыша или обмазывали глиной. Когда в улье выводилась новая семья, ее старались отсадить в новую сапетку, для чего использовался особый сачок. Осенью сильные семьи оставляли на развод, а слабых выкуривали серой, чтобы добыть мед.

На Восточном Кавказе пчеловодство носило подсобный характер. Н. Грабовский писал: «Немногие из зажиточных горцев имеют по несколько сапеток пчел, лишь для домашнего своего употребления».

Кроме домашнего меда горцы добывали и мед диких пчел. Н. И. Воронов, посетивший после завершения Кавказской войны Гуниб в Дагестане, приводит в своих записках следующую историю: «Влево от ручья, при самом входе его в Карадахскую щель, на отвесистых стенах скал, на высоте нескольких саженей, видны отверстия, как бы маленькие пещеры. Это жилища диких пчел с запасами весьма лакомого меда. От низу скалы в направлении к этим пещеркам заметны коегде вставленные в расщелины ее палочки: это остатки человеческими руками устроенного хода к этим пещеркам с их медом. Чуть не сказку рассказывают про обладателя этой своеобразной пасеки. Когда по взятии Гуниба наши солдаты стали добывать карадахский сланец, то этот пасечник явился к ним с покло-

ном и просьбою не трогать его пчел. На такую просьбу солдаты рассмеялись: и действительно, придет ли кому охота полезть за медом на высоту 12-15 саженей, взбираясь по отвесу скалы и имея для опоры коегде вбитые в нее палочки! Некоторое время пасечник оставался доволен поведением наших солдат по отношению к его пчелам, как вот стал он замечать, что ктото наведывается в его самородные ульи и похищает оттуда мед. Пасечник решился подкараулить вора. В темную ночь засел он у подножия карадахских скал, не спит и слушает, не явится ли кто полакомиться его медом. И точно, слышит он, кто-то полез к его ульям. Лавши вору время взобраться повыше, старик выскочил из засады и гикнул, — в ответ на этот гик с десятисаженной высоты кто-то рухнул к его ногам... То был его собственный сын, то был человек, сумевший следовать по стопам своего отца. Без сомнения, от этого достойного сына лежали у ног отца только бренные останки. С тех пор обезумел старик-пасечник, не навещает уже больше своих ульев, и путь к ним, состоявший из симметрично вбитых в скалу палочек, от времени и без должного присмотра разрушился».

Богатства недр

С первой половины XIX века на Северном Кавказе стала развиваться горнодобывающая промышленность.

В 1829 году российское правительство предприняло большую экспедицию в район Приэльбрусья, где были обнаружены серебряно-свинцовые руды, каменный уголь и другие полезные ископаемые. Немалую роль в разведке богатств подземных кладовых сыграли топографы Отдельного Кавказского корпуса. Ф. Ф. Торнау, описавший земли абадзехов, сообщал: «В горах, примыкающих к убыхам, в округе, называемом Мезмей («Земля лесов»), находят в большом количестве железо; на реке Пшах есть горячий серный источник, а на Пшукупсе (Псекупсе) нефтяные колодцы».

На Восточном Кавказе в промышленную разработку были взяты месторождения чеченской нефти (район Брагун и крепости Грозной). Добытую черпальщиками из колодцев нефть возили бочками из Грозной в Моздок или станицу Наурскую на переработку. В 1823 году в Моздоке В. Дубинин изобрел нефтеперегонный аппарат, позволявший получать керосин, который прозвали «белой нефтью». Из Моздока керосин поставлялся в Москву, Петербург и на Нижегородскую ярмарку.

Запасы нефти имелись и в Дагестане (Кайтаг, Дербентский и Шамхальский уезды). Только в Терекемийском участке Дербентского уезда насчитывалось 32 нефтяных колодца, состоявших до 1850 года на особом откупе — 302 руб. серебром в год. В 1855 году нефтяные участки в районе Грозной были отданы в аренду купцу С. Чекалову, который довел добычу до 15 тыс. пудов. В Дагестане в тот же период в год добывалось 280 тыс. пудов нефти, из которой вырабаты-

вали 700 пудов керосина.

В 1864 году было начато бурение нефтяных скважин в Кубанской, а затем и в Терской областях.

В связи со строительством Владикавказской железной дороги (в 1893 году она прошла через крепость Грозную) добывающая и обрабатывающая промышленность в регионе начинает бурно развиваться. Если в начале 80-х годов добывалось до 1 млн. пудов нефти в год, то к концу века, с появлением нефтескважин в Грозненском районе, добыча нефти возросла до 30 млн. пудов.

Уголь

С 40-х годов началась разработка угля в верховьях реки Кубани около Хумаринского укрепления. В примитивных, плохо оборудованных шахтах трудилось 60 рабочих. Клиньями и молотками отбивали они пласты; готовый уголь поднимали наверх корзинами или тачками, после чего на лошадях перевозили

от шахт до ближайших городов. Добыча угля, вначале составлявшая 90 тыс. пудов в год, к 60-м годам XIX века поднялась до 200 тыс. пудов.

Каменный уголь в небольших залежах добывался и на Турчидаге в Дагестане, а также на землях общества Каба-Дарго, Урахлинского наибства, Даргинского округа.

Соль

В Дагестане разрабатывались месторождения каменного угля, селитры, серы, торфа, меди, свинца, серебра, соли. Последнюю добывали из соляных озер и вываривали из минеральной воды. Приведем описание этого процесса, сделанное очевидцем в селе Кванхидатль: «Летом, а в случае нужды и зимой женщины переходят с ишаками вброд реку (Андийское Койсу) и идут на место выхода множества минеральных источников на том берегу. Там они разравнивают слой песка (в случае дождя его собирают в кучи, чтобы вода не вымыла соль) и многократно поливают соленой водой из источников. Песок сохнет 2—3 дня, после чего его сгребают лопатами в дощатые ящики, под которыми вырыты ямы. В ящики вновь льют соленую воду, та впитывает еще и соль из песка, после чего стекает, вернее, капает насыщенным раствором в яму, откуда ее наливают в бурдюки. Бурдюки ставят на специальные козлы — голдыберы, а затем ишаки доставляют ценный полуфабрикат в аул, где содержимое бурдюков выливается в выдолбленные колоды. Выпаривают соль, черпая раствор кувшинами из сушеных тыкв, в специальной каменной печи. Полкубометра дров за два часа превращают содержимое огромного деревянного корыта в мерку соли — 16 килограммов. За день в печи можно выпарить 4—5 мерок — около мешка соли...»

Серебро

В 1853 году в Осетии были основаны государственный Сардонский серебросвинцовый рудник и Алагирский завод, работавший на сырье этого руд-

ника. К концу века цветная металлургия приобрела здесь фабричный характер. Разработка цветных металлов велась также в Баталпашинском отлеле Ку-

банской области и в Карачае.

Любопытна запись из дневника А. И. Руновского о добыче в Дагестане серебра: «Слух о присутствии в горах серебра ходил в народе давно, но он распространился с большею силою в то время, когда принесли Шамилю кусок свинцовой руды, и он, заметив в ней присутствие серебра, велел привезти себе несколько кусков руды, чтобы иметь возможность судить о факте с большей вероятностью. Удостоверившись через выплавку серебра в действительном существовании этого металла, Шамиль тотчас же запретил разрабатывать руду, но не для того, чтобы скрыть ее от русских, а собственно потому, что у горцев не было ни средств к разработке, ни умения, а главное, чтобы народ не употребил во зло дозволения свободно разрабатывать руду, и, бросившись с жаром на это дело, не оставил бы для него защиту края и хлебопашество... Приказания Шамиля исполнялись очень строго, за исключением немногих случаев, когда они нарушались жителями деревень, ближайших к месторождению металла. Серебросвинцовая руда содержится в одной из гор Ункратля, которую Шамиль называет Хонотль-даг, по имени деревни Хонотль, расположенной с одной стороны горы; а Гази-Магомед (сын Имама Шамиля) и мюрид Хаджио зовут ее Кхеды-меер, по имени деревни Кхеды, расположенной с другой ее стороны, именно со стороны Караты».

VII. РЕМЕСЛА

Горские умельцы

Хозяйство народов Северного Кавказа носило натуральный характер. Но с ростом товарного производства бурное развитие получают кустарные промыслы. Горцы обрабатывали все виды местного сырья, увеличивая не только количество, но также качество и ассортимент изделий. Намного усилилась специализация кустарных промыслов по отдельным селениям.

Как по охвату населения различными ремеслами, так и по разнообразию производимых изделий Дагестан занимал первое место на Северном Кавказе. При этом в одних районах ремесленное производство носило подсобный характер, в основном удовлетворяя внутренние потребности общины; в других было специализированным, с выходом на всекавказский рынок. Примеры как первого, так и второго типа производств находим в записках Н. И. Воронова «Из путешествия по Дагестану». Старейшины и старшины Гидатлинского джамаата говорили Воронову: «Земля у нас хорошая и урожаи — слава Богу: своего хлеба достает на год. И хоть хлеба на сторону, в чужие аулы не продаем, зато продаем масло, сыр, шерсть. У нас нет особого какого-либо ремесла, которым бы мы славились на весь Дагестан (как, например, соседи наши кельцы, что торгуют своими шалями); а у

нас всего понемножку: найдется свой кузнец, свой скорняк, свой серебряк (серебряных дел мастер. — Авт.), свои плотники и каменщики; есть и свои торговцы, которые ходят в соседние места на покупку товаров, а потом продают их у себя в ауле, делая обороту в год рублей на 100, на 200; на заработки редко кто из нас ходит на плоскость, да и на зиму редко кто отправляется со стадами в Закатальский округ: таких наберется всего семейств пятьдесят. Пониже, где потеплее, сеем пшеницу, а повыше — рожь и ячмень; коекто сеет еще коноплю — на мешки. Домашние одежды приготовляют наши жены; сукна наши не славятся, а про свой обиход годятся. Живем помаленьку...»

Любознательный путешественник не оставил без внимания слова стариков и выяснил, что «общество Кель (7 селений и свыше 300 дворов) входит в состав Гидатлинского наибства. «Кто из нас не имеет женыткачихи, тому жить трудно», - так говорят о себе кельцы. Эти кельские ткачихи ткут лучшие в Дагестане шали (лезгинские сукна); в особенности же славятся шали (мерою каждая в 12-13 локтей), приготовляемые в кельском ауле Ругильда. Кельцы не спускают своих баранов на плоскость и не стригут их, а выжидают времени, пока шерсть с них начинает сама собою спадать; шерсти не моют. Все это кельцы считают необходимым условием для получения шерсти, вполне пригодной для хороших шалей. Цена кельской шерсти — рублей пять за пуд; цена хорошей шали — 8 и 10 рублей. В течение зимы кельская ткачиха успевает соткать не более пяти шалей лучшего сорта. Шали эти продаются в Кахетии и даже в Тифлисе. В Келе приготовляют также войлоки и шерстяную обувь, для чего кельцы скупают шерсть в соседних обществах, но преимущественно в таких, где баранов круглый год держат в горах, а не спускают на плоскость. Лучшею после своей кельцы признают шерсть тиндинскую и хваршинскую (в Западном Дагестане)».

Горная зона Дагестана отличалась развитым домотканым промыслом. В даргинских селениях, где было много шерсти, сложилось суконное производство, а там, где было много конопли, ткали полотно.

В селениях Акуша, Леваши, Хаджалмахи, Цудахар, Абдалая, Хулелая, Наскенты изготовляли сукна; в Мекеги, Мулебки, Жангамахи — паласы; в аулах Киша, Ицари, Цугни, Меусиша, Дийбук, Чидик — полотно.

По словам Абдурахмана Казикумухского, женщины Технуцала «из шерсти коз ткут дагестанские паласы для пола, шьют из них мешки для перевозки зерна на пашню, на мельницу или для переноски навоза и

других вещей».

Обработка шерсти и изделий из нее была исключительно женским занятием и у лаков. В селах Хосрех и Цовкра на узких горизонтальных ткацких станках вырабатывались гладкие безворсовые ковры — «туруты», украшавшиеся яркими продольными полосами, иногда с геометрическим орнаментом. Селение Висхли славилось своими клетчатыми паласами «чирчри». В XVIII — начале XIX века правители Казикумухского ханства часть дани натурой с этих селений взимали именно коврами.

Развито у лакцев было и войлочное производство. Из войлока изготовляли зимнюю обувь, верхнюю одежду для пастухов, ковры в стиле «арбабаш», войлочные подстилки, служившие вместо простыней. Характерны войлоки, изготовленные в валяльной технике, из 2—3 цветов.

Кумух отличался вышивкой по шелку, коже, атласу, бархату. Таким шитьем украшались женские головные уборы, башлыки, брюки, подушки, занавески, скатерти, обувь, женская сбруя, попоны, кобуры для пистолетов, кошельки, кисеты для табака, футляры для Коранов, накидки на сундуки и др. Наиболее распространенными элементами узора вышивки были трехлепестной цветок и дорога. Применялись в узоре кружочки, стилизованные птицы и другие элементы. В конце XIX — начале XX века стали появляться узоры в виде двуглавого орла, в котором мастерицы видели не символ самодержавия, а удобный для исполнения декор. Были распространены и вышитые ковры и ковровые изделия, орнаментальные мотивы и колористическое решение которых имели древние традиции и отличались самобытностью.

Центрами ковроткачества были аварские и кумыкские селения Темирханшуринского округа и Южный Дагестан, где выделкой ковров традиционно занимались лезгины, табасаранцы, рутульцы и ремесленники Дербента. Разнообразные горные минералы и богатая растительность были неисчерпаемой кладовой естественных красителей, что способствовало развитию этого традиционного вида ремесел.

В Дагестане славилось и самобытное искусство кайтагских мастериц — шелковая вышивка. Ткань покрывалась удивительной красоты узорами из разноцветных шелковых нитей. Покрывало с кайтагской вышивкой, которым обычно накрывали люльки, стоило немалых денег и считалось лучшим подарком для новорожденного. Использовались вышивки и в свадебных обрядах.

В верхнем предгорье, где было много лесов, развивались промыслы, связанные с использованием лесных богатств. Простейшим из них была валка леса, который вывозился на равнину, сплавлялся по рекам и обменивался на зерно. Шел лес и на производство древесного угля.

В Кайтаге также получило развитие изготовление различных изделий из дерева: шкафов, ларей, кроватей, люлек, стульев, кухонной утвари, земледельческих орудий, лопат, граблей, деревянных вил, метел, колес и др. При этом, если мелкие деревянные изделия изготовлялись почти во всех дагестанских аулах для собственного потребления, то Кайтаг выступал как центр ремесленного производства.

Работа начиналась с выбора и рубки дерева; затем его расщепляли на заготовки необходимой формы, которые привозили домой. В некоторых селениях, где производили крупные предметы, чурки подвергались первичной, а порой и полной обработке недалеко от леса, на берегу реки. Так поступали, например, мастера по производству больших круглых корыт (шикир), подносов (кІабатІ) и тому подобных предметов из липы, дуба, бука. Чурки определенной величины скатывали к реке, где имелись небольшие помещения с водяной турбиной; к ней было при-

креплено колесо, с помощью которого обрабатывали и полировали предмет. Инструментарий, используемый мастерами, был довольно примитивным (несколько видов топоров, нож, секач, тесак, резцы и выдалбливатель), но изделия получались на славу.

Еще одним дагестанским центром деревянных ремесел было Дидойское общество, жители которого, по словам Н. И. Воронова, «выделывают посуду — корыта, улья, шайки, плетут также корзины из ветвей и продают все это в Телави, Сигнахе и в других местах Кахетии».

В Среднем Дагестане своими изделиями из дерева славился Унцукуль. Здесь было развито изготовление всевозможных предметов, украшенных металлической насечкой с разнообразными узорами. Предметы быта в руках мастеров превращались в произведения искусства, традиции эти не угасли и по сей день.

У многих городов Дагестана (даргинцев, кайтагов, лакцев, кумыков и др.) получило развитие гончарное производство. Особой известностью пользовалась балхарская керамика. По сообщению А. С. Пиралова, автора «Краткого очерка кустарных промыслов Кавказа»: «Балхарская посуда отличается чрезвычайной тонкостью стен, и вообще по технике считается наилучшею на Кавказе».

Изготовлением посуды (кувшинов различных форм и назначений, горшков для молока, маслобоек, емкостей для хранения зерна и муки, мисок, тарелок, пиал и др.), начиная с добычи глины и кончая обжигом изделий, занимались только женщины. Древнее ремесло, возникшее для удовлетворения нужд горского дома, с веками превратилось в высокое искусство. Каждое изделие поражает особой стройностью, грациозностью и плавностью линий, затейливостью орнаментов и композиций. Произведения балхарских мастериц покрывались белой и желтой глиной, причем последняя после обжига приобретала красный цвет. Орнамент росписи отличался богатством элементов, утонченностью линий, завитков, спиралей, плавной закругленностью контуров, наличием мелких деталей, варьирующих основной узор, отсутствием строгой симметрии. Главный рисунок располагался обычно на верхней части сосуда, подчеркивая его выпуклую форму. Роспись выполнялась чаще всего в стиле «арабески» (растительный орнамент со множеством традиционных деталей) или в геометрической форме (солярные знаки, ромбы, широкая кайма и другие элементы). Иногда сюжетами рисунков служили жанровые сценки из жизни горского аула.

Гончарное производство даргинцев сложилось в основном в Сулевкенте (Шулерчи). Изделия сулевкентцев были хорошо известны во всем Дагестане,

пользовались большим спросом на рынке.

Почти все виды перечисленных выше ремесел процветали в древнем портовом городе Дербенте. Если в 30-х годах XIX века здесь трудилось около 100 ремесленников, то к 1856 году их стало в 4 раза больше.

Любопытную зарисовку быта горских ремесленников оставил В. И. Немирович-Данченко: «Уличка, бежавшая вверх ступенями, изогнулась коленом, пропала во мраке под старой башней и снова по ту сторону выбежала на солнце. Тут построились аульные купцы и ремесленники. Сакли их открывались наружу, опуская над улицей пестрые навесы, поддерживавшиеся тонкими жердями. В их тени кипела своеобразная жизнь дагестанского базара. Стучали молотки чеканщиков по медным тазам и подносам, шипело в маленьких горнах пламя горских кузнецов, и брызгали во все стороны искры от подков, выковывавшихся здесь на славу. Рядом кумухцы молчаливо и сосредоточенно расшивали золотыми шнурками и шелками седла, кожи для туфель; целыми сотнями приготовлялись чевяки. Своеобразные ювелиры наводили чернь на серебро. Зеваки стояли сплошной толпой перед оружейниками, набивавшими золотые узоры на узкие дула ружей, на сталь шашек и кинжалов. Сердолик, бирюза, рубины вделывались на рукоятки. Около небольших лавчонок с канаусом, дараей и верблюжьим сукном безмолвными призраками мелькали лезгинки...»

Кустарно-ремесленные промыслы других районов Северного Кавказа имели свои характерные осо-

бенности.

Из шерсти выделывали войлок и паласы, арбабаши, ковры, головные платки, носки, шерстяную обувь, хурджины, мешки, попоны, наплечные бурки и многое другое.

Прочные и легкие наплечные бурки, конкуриро-

вавшие с андийскими, делали в Кабарде и Чечне.

Важное место среди домашних промыслов занимало ткачество, изготовление сукна, лозоплетение. Н. Грабовский писал: «Горские женщины в свободное от полевых работ время занимаются производством туземного сукна из бараньей шерсти».

В ингушской «Песне прядильщиц конопляных ни-

тей» поется:

Стебли, стебли, стебельки, Превратим мы их в мотки. Щелоком в котле большом Отбелим добротно, Вычистим кривым скребком, Пусть из нитей плотных Люди добрые потом Сделают полотна.

Занятием горянок были также плетение, золотое и серебряное шитье, выделка хлопчатобумажных и шелковых материй, гончарное дело. Женщины также обрабатывали шкуры овец и коз, шили легкую обувь и одежду.

Мужским занятием считались обработка дерева, камня и кости, воловьих кож, изготовление рабочей обуви, ремней для хозяйственных нужд. Выделка

кож была особенно развита в Чечне.

Из дерева изготовляли средства передвижения, орудия труда, мебель, посуду, различную утварь. Для каждого вида изделий существовали свои сорта дерева: арбу делали из дуба, карагача и ясеня, древесина которых отличалась особой прочностью; деревянные части плуга — из клена и березы; утварь — из липы; посуду — из груши и т. д. Одним из основных методов изготовления посуды было выдалбливание. Готовый предмет подвергали кипячению, смазывали жиром и сушили. Изделия из дерева украшали резьбой. При этом чаще всего применялся геометрический и растительный орнамент.

Златокузнецы

Широкую известность приобрели златокузнецы и ювелиры из аула Кубачи.

О «чудесном городе златокузнецов» упоминается в истории Сасанидских царей. По преданиям, древние греки добывали здесь серебро, из которого выделывали драгоценные украшения. Считается, что именно в Кубачах был сделан двурогий шлем Александра Македонского, как и щит Александра Невского.

Автор «Кубачинских очерков» Р. Алиханов пишет: «Окрестное население до сих пор называет их франками. У самих кубачинцев сложилась легенда о том, что они происходят от нескольких человек, которые в древности были за какие-то провинности изгнаны из Франции, попали в Дербент, там работали долгое время, а потом перебрались в горы и основали аул... Когда персидские мастера узнали о превосходстве кубачинских оружейников, они послали кубачинцам тонкую, как волосок, стальную проволоку и написали: «Если вы настоящие зерихгерани (мастера-кольчужники. — Авт.), то вытяните такую же проволоку и пришлите нам». Кубачинцы не остались в долгу перед персами — они просверлили насквозь присланную проволоку и вернули ее обратно со словами: «Мы из такой проволоки трубы делаем».

Уже в XIII—XV веках в селении Кубачи высокого

Уже в XIII—XV веках в селении Кубачи высокого уровня достигли выделка разнообразной чеканной медной и бронзовой утвари, серебряных украшений; изготовление кольчуг, шлемов, щитов, кинжалов и мечей; художественная резьба по камню и дереву; литье разных типов декоративно отделанных котлов, на которых были изображены сцены охоты, борьбы и состязаний, звериного гона, жертвоприношений, а также различных животных, птиц, фантастических существ, растительный и эпиграфический орнамент. С XVI века изобразительные сюжеты постепенно вытесняются орнаментами. В XVII—XVIII веках формируются основные типы кубачинского растительного орнамента.

В XVII—XVIII веках производство художественно

отделанного оружия принесло кубачинским мастерам мировую славу. Кубачи в русских источниках именовалось тогда «горной Тулой». Оружие изысканно отделывается серебром, резной слоновой костью, золотой насечкой.

Значительного совершенства достигли также ювелирное искусство, узорное вязание и золотошвейное дело. Кубачинские мастера изготовляли из серебра для собственных нужд и внешнего сбыта разнообразные женские украшения (браслеты, кольца, серьги, подвески, пояса и т. д.), мужские наборные пояса, газыри, детали конского снаряжения, шкатулки, сосуды и др., с применением многообразных декоративно-технических приемов: гравировки, черни, позолоты, зерни и скани, цветной перегородчатой и выемчатой эмали, инкрустации драгоценными и полудрагоценными камнями, цветными стеклами, резной слоновой костью. Изделия кубачинцев славились далеко за пределами Кавказа; их везли в дар восточным правителям в Александрию и Каир, Дамаск и Багдад, Стамбул и Тегеран. Известно и популярно кубачинское искусство и теперь. Прекрасные образцы кубачинского искусства экспонируются в музеях многих стран.

Ювелирное дело было распространено также у

лакцев и аварцев.

В Казикумухском округе Дагестана обработкой золота и серебра занимались в 55 аулах из 100. В 1886 году в округе имелось 608 мастеров-серебряников, изготавливавших из золота и серебра литые и ажурные украшения (кольца, серьги, ожерелья, браслеты), головные уборы, пояса, пуговицы, табакерки, шкатулки, бокалы, газыри и многое другое.

Лакские ювелирные изделия украшались орнаментом, аналогичным кубачинскому, с использованием черни и гравировки. Основу его составляли ветвь («мурх-накъич», по-кубачински «тутта») и заросль («курадар», у кубачинцев — «мархарай»). Часто встречающимися элементами орнамента на серебре

и золоте были цветок, трава и точечный кант. Единственным заметным отличием являлась меньшая проработка мелких декоративных элементов кумухского орнамента в сравнении с кубачинским.

Позже, в конце XIX века, получила большое рас-

пространение филигрань.

Оружейники

Ф. Ф. Торнау писал о вооружении горцев: «Винтовку черкес возит за спиной в бурочном чехле, из которого он ее выхватывает в одно мгновение. Ремень у винтовки пригнан так удобно, что легко зарядить ее на всем скаку, выстрелить и потом перекинуть через левое плечо, чтоб обнажить шашку. Это последнее, любимое и самое страшное черкесское оружие состоит из сабельной полосы в деревянных, сафьяном обтянутых ножнах, с рукояткой без защиты для руки. Оно называется «саженшхуа», большой нож, из чего мы сделали название шашки....Шашка черкеса остра как бритва и употребляется им только для удара, а не для защиты; удары шашки большею частью бывают смертельны. Кроме того, черкес вооружен одним или двумя пистолетами за поясом и широким кинжалом, его неразлучным спутником. Ружейные патроны помещаются в деревянных гильзах, заткнутых на груди в кожаные гнезда; на поясе висят: жирница, отвертка и небольшая сафьянная сумка со снадобьем, позволяющим, не слезая с лошади, вычистить и привести в порядок ружье и пистолеты. Всегда готовый спешиться для встречи неприятеля метким ружейным огнем, черкес возит на чехле присошки, сделанные из крепкого и гибкого кордового дерева».

Холодное оружие

Самым распространенным холодным оружием на Западном Кавказе была шашка. Ее характерные черты: небольшой изгиб клинка, отсутствие крестови-

ны у рукояти, ношение режущей стороной вверх. Поверхность клинков отделана долами, которые придают оружию декоративность, уменьшают вес, увеличивают устойчивость к изгибам за счет большого поперечного сечения. Средняя длина клинков черкесских шашек — 72—76 см, дагестанских — 75—80 см; ширина тех и других — 3—3,5 см; общая длина черкесских шашек — 86—90 см, дагестанских — 90—96 см; вес — 525—650 и 600—750 г соответственно.

Главным центром производства клинков в Дагестане являлось селение Амузги, располагавшееся неподалеку от Кубачей. Особо выделанным и закаленным лезвием амузгинского клинка можно было рассечь подброшенный в воздух платок и разрубить толстый стальной гвоздь.

Самым знаменитым амузгинским оружейником слыл Айдемир. Если за обычную хорошую саблю давали барана, то за саблю Айдемира — целого буйвола. Рассказывают, что один мастер-неудачник, желая заработать на славе своего земляка, стал выдавать собственные сабли из простого железа за работу Айдемира. Вскоре сам Айдемир стал свидетелем, как на базаре мошенник зазывал покупателей: «Аварцы, даргинцы, лакцы, подходите, покупайте редкое оружие - саблю знаменитого Айдемира! Заплатив за подделку солидную цену, Айдемир на глазах у всех, держа в левой руке только что купленную саблю, правой выхватил из ножен свою и одним ударом разрубил пополам. Затем гневно сказал лжемастеру: «Я ничего не говорю о том, что ты бессовестно мараешь мое имя. Я ничего не говорю о том, что ты лжец и обманшик. Но мне обидно и больно, что ты вооружаешь горцев недостойным оружием!>

В кумыкское селение Верхнее Казанище Северного Дагестана за кинжалами знаменитого мастера Базалая приезжали покупатели со всего Кавказа. Прочность своим изделиям Базалай придавал, закаляя их на свежем ветре: для этого всадник, держа клинок над головой, пускал коня вскачь. В 1851 году четыре

кинжала работы этого мастера экспонировались на Лондонской выставке. Когда один из них попытались сломать на наковальне, клинок остался цел и вонзился в молот, которым его намеревались сокрушить.

Крупным центром металлообрабатывающих ремесел был и Казикумухский округ Дагестана. Этнограф Д. Н. Анучин, посетивший в 1882 году Кумух, писал: «Жители занимаются отчасти земледелием, но более промышленностью, приготовлением и отделкой оружия, медной посуды, а также торговлей». Исследователь кустарных промыслов Северного Кавказа О. В. Маркграф отмечал: «Казикумух славится, как столица округа, самыми изящными образцами оружейного искусства, а также высоким мастерством в отделке вещей серебром и золотом». Он же приводит сведения о том, что обработка металлов была развита в нескольких селениях округа: в Табахлу — медное и лудильное дело; в Хурукра — кузнечный промысел; в Куркли — производство клинков, шашек и кинжалов; в Казикумухе — оружейное и ювелирное дело. Лакские мастера участвовали в различных выставках в Темир-Хан-Шуре, Тифлисе, Петербурге; их изделия не раз были отмечены высокими наградами.

Лакские оружейники производили различные ножи, кинжалы, секиры, сабли, шашки и даже шпаги.

Клинки полировались и нередко золотились; рукоятки и ножны украшались слоновой костью, драгоценными камнями, эмалью, серебряным чернением.

На лезвии вытравливали рисунки, гербы, инициалы заказчика, фамилию мастера. На оружие часто наносился так называемый «черкесский рисунок» — когда отдельные участки его следуют друг за другом в ритме чередующихся кругов и овалов, заполненных множеством мелких узоров.

Некоторые специалисты ухитрялись соединять воедино два вида оружия — холодное и огнестрельное, маскируя их под трости, стеки или зонты. Сохранились сведения как об отдельных мастерах, так и целых династиях лакских оружейников.

О чеченских мастерах пишет И. Асхабов: «...Особенным успехом пользовались клинки из аулов Большие и Малые Атаги, Джугурта, Дарго, Дайкур-Аул (Старый Юрт).

...В народной памяти сохранились многочисленные названия булатов, часть которых позднее стала

мужскими именами:

цІоькъа болат (ЦІоькболат) – «барсу подобный

булат» (узорчатый, полосатый);

— хаза болат (Хазболат) — «красивый булат», положивший начало известному имени на Кавказе — Хазбулат;

— сема болат (Самболат) — «недремлющий булат»,

имя Самбулат;

— джам болат (Джамболат) — Джам, джамаг — боевой топор, «булат для боевого топора», имя — Джамбулат;

— бе болат (Беболат) — «особый булат», чеченское имя Беболат (слышится «и», пишется «е») русскими

произносится как Бей-Булат...

В старинной казачьей песне есть слова: «Клинок Базалая, булат Атаги...». Все это вместе взятое свидетельствует о некогда хорошо развитом кузнечном производстве и оружейном промысле у чеченцев...

Особой славой и популярностью на Кавказе и далеко за его пределами пользовалось местное оружие — знаменитые шашки Гурда, Терс-маймал

(«волчок»).

...До XIX века чеченские кинжалы отличались большими размерами. Они имели ребристую поверхность и были сходны с мечами римских легионеров и гладиаторов — гладиусами, но с более удлиненным острием. Их ширина доходила до ширины четырех пальцев (7—9 см), длина — до 60 см, что соответствует размерам гладиуса. Долы на ранних кинжалах зачастую отсутствовали или имелись только по одной... С середины XIX века и особенно к концу Кавказской войны кинжалы видоизменились. Крупные образцы (называвшиеся в народе «беноевскими») стали вытеснять более легкие и изящные кинжалы, с наличием одного, двух и более долов. Воз-

можно, это произошло с прекращением активных военных действий... Кинжалы с очень тонким и удлиненным острием... назывались противокольчужными и широко использовались в сражениях. Их можно встретить и поныне.

Каждый мужчина в Чечне имел кинжал. Его отделка и качество характеризовали владельца. Принадлежность кинжала к национальному костюму, обязательное ношение с черкеской с 14—15 лет способствовали сохранению качества клинков, улучшению

отделки ножен и рукоятей.

... Чеченцы к оружию относились очень бережно. Подарить кинжал, шашку или обменяться ими символизировало дружбу, установление мира. Чеченское оружие до конца третьей четверти XIX века не отличалось внешним блеском, парадностью, изяществом оформления. Зачастую джигиты-удальцы предпочитали скромно украшенное оружие. Серебро было дорогим, его использовали экономно. Серебряной рукояти чаще предпочиталась рукоять из рога тура, буйвола, дерева. Дорогую и престижную слоновую, моржовую кость стали использовать со второй половины XIX века. Известно, что за кинжал, частично украшенный серебром, не взимался налог. Однако за кинжал, имевший сплошные серебряные ножны и рукоять, уплачивался налог в пользу бедных».

Огнестрельное оружие

Об огнестрельном оружии Чечни И. Асхабов, в частности, пишет: «...В Чечне в XIX веке широко были известны ружья, изготовлявшиеся мастером-оружейником по имени Дуска (1815—1895) из аула Дарго. Качество его ружей, их дальнобойность высоко ценились среди горцев и казаков. По свидетельству старожилов аулов Белгатой и Дарго, мастер Дуска был одним из лучших изготовителей нарезного оружия не только в Чечне, но и на Северном Кавказе...

...Солярные розетки, сито, круги, геометрический орнамент, четырех-, шести- и восьмилепестковые

розетки, завитки до двух, трех и более оборотов, трехлистник, орнамент в виде запятых и рогов тура, растительный орнамент, а также орнамент, схожий с орнаментом национальных безворсовых войлочных ковров (истангов) — в гравированном, черневом исполнении характерны для чеченского оружия до середины XIX века.

...Запрет на изготовление огнестрельного оружия царскими властями после Кавказской войны, появление более совершенных ружей привели к угасанию их производства».

В Дагестане аулом оружейников называют даргинское селение Харбук, подавляющая часть жителей которого не имела ни земли, ни скота и существовала только за счет производства оружия, орудий труда и украшений. Аналогичным было положение в Кубачи, из 504 хозяйств которого в 1882 году земледелием занималось всего 8.

О мастерстве харбукских оружейников свидетельствует распространенное в XIX веке название однозарядного пистолета — «харбукинец». Широко известен был мастер-оружейник Алимах, кремневые ружья которого стали эталоном совершенного оружия. Каждое свое ружье он сначала пристреливал (сбивал установленный на горе еле видимый пятак) и только после этого отдавал покупателю. Рассказывают об одном аварце, который попросил Алимаха починить и пристрелять его ружье. Исправив оружие, Алимах положил его под себя, после чего встал, вскинул к плечу и с первого выстрела сбил пятак. Восхищенный аварец воскликнул: «У других мастерство только в руках, а у Алимаха, оказывается, и в бедрах!» Искусство харбукских оружейников было так велико, что в годы Гражданской войны они освоили в кустарных условиях производство винтовок и маузеров, ничуть не уступавших заводским.

Между Кубачи и Харбуком сложилось своеобразное разделение труда в производстве металлических изделий. Харбук специализировался на изготовле-

нии орудий труда и оружия, которые затем окончательно отделывались и украшались в Кубачи.

Руду в Харбук привозили из аула Дигбук, древесный уголь — из аулов Диблук и Кала-Корейш (УркІмуц). На переплавку шли и старые металлические орудия труда, в особенности фабричного производства. Харбукские ремесленники делали специальную яму, выложенную камнем и обмазанную глиной; яма была соединена с мехами. В яму сначала засыпали уголь, затем железную руду или лом, а затем снова уголь. Для одной плавки надо было нагнетать воздух с утра до вечера; мехи были парные, приводимые в действие обеими руками поочередно, что обеспечивало непрерывность дутья. На следующий день после перерыва дутье возобновлялось; затем огромными клещами доставали кусок готового железа.

Для обработки полученного металла использовали наковальни (уцца) разных форм и размеров, молоты и молотки (кьякь), набор стержней (ттанак) с подставкой (укабмлцан) для выбивания дыр и отметин на металле, ножницы для резки металла (ляшіціи), ручные и большие на специальной стойке клещи (къялціа), наборы зубил (бурусса) и напильников (мехлукан, буквально «стирающий железо»). Отношения между работниками мастерской были патриархальными, вполне в духе общинной горской традиции. Доход от производства делился по следующей схеме: не более 50% получал хозяин или мастер (хула уста), по 20% — подмастерье (шигирт) и молотобоец (кьякьрута), 10% — поддувальщик (пушикчи).

Харбукцы также производили хорошие серпы, косы, сошники для плугов, топоры, секачи для хвороста, лопаты, мотыги, кирки, подковы, гвозди, замки, железные печи и др.

Кузнечное производство имелось и в других даргинских аулах (Дайбук, Чидик, Тама, Баршамай, Адага), но харбукские изделия пользовались повышенным спросом.

В Верхнем Казанище был род Ираджабовых, славившийся изготовлением ружей. Одно такое ружье с арабской надписью на стволе «Ираджаб» хранится теперь в Эрмитаже.

Во время Кавказской войны горцы научились изготовлять артиллерийские орудия и снаряды. Только на заводе в столице Имамата — ауле Ведено было отлито 50 орудий. Производством руководил оружейник из Унцукуля Джабраил Хаджио.

Чтобы ружья и пушки стреляли, был необходим порох. И если адыго-черкесские племена могли получать его, несмотря на морскую блокаду, от турецких и английских контрабандистов, горцы Дагестана и Чечни такой возможности были лишены. Им приходилось изготовлять порох самим.

О том, как это делали дагестанцы, писал в своем дневнике пристав при Шамиле в Калуге А. И. Руновский:

«В каждом ауле на площади, служащей жителям сборным пунктом для торга, мены и джигитовки, всегда есть подле мечети огромный камень с выдолбленною в середине довольно глубокой ямой так, что он представляет собою грубо сделанную ступку. Каждый горец, нуждаясь в порохе, берет все нужные для того материалы, кладет их в общественную ступку, придвигает к ней другой камень и укрепляет на нем деревянный рычаг, который при помощи товарищей приводит в движение. Рычаг этот не что иное, как длинный деревянный брус, к верхнему концу которого приделан деревянный же пест. При действии рычага этот пест раздробляет селитру, серу и уголь и обращает их наконец в порошок. Через вспрыскивание водою порошок обращается в тесто, которое перекладывается в мешок, сшитый из невыделанной тонкой подбрюшной кожи барана. Усилиями нескольких человек мешок этот приводится в быстрое движение, продолжающееся до тех пор, пока из теста не образуются зерна. Тогда их пересыпают в решето и просеивают, после чего они обращаются в зерна более мелкие, которые и составляют порох окончательно готовый. Оставшееся в решете тесто выкладывается обратно в мешок и снова подвергается трясению. Приготовленный таким образом порох имеет форму чрезвычайно разнообразную и цвет буро-зеленый; при небольшой сырости подвергается

порче, а при сожжении оставляет после себя много копоти. Полировка пороха горцам неизвестна; составные его части не всегда кладутся в надлежащей пропорции, от этого выделываемый горцами порох не имеет ни определенной формы, ни должной прочности и вообще редко бывает хорошего качества...»

Изготовлять качественный порох горцы научились у русских перебежчиков, которых в Имамате было немало.

Порох считался и лучшим трофеем. А порой его удавалось покупать или выменивать в царских крепостях.

Проживший несколько лет среди адыгов польский эмигрант Т. Лапинский (Тофик-бей) писал: «Кузнецы очень многочисленны в стране. Они почти всюду оружейных и серебряных дел мастера и очень искусны в своей профессии: это почти непостижимо, как они с их немногочисленными и недостаточными инструментами могут приготовлять превосходное оружие. Золотые и серебряные украшения, которые вызывают восхищение европейского любителя оружия, изготовляются с большим терпением и трудом скудным инструментом».

Ружья черкесской работы отличались по орнаменту, типам замков, стволов и лож. Стволы были длинные (108-115 см), массивные, круглые, без клейм и надписей (в отличие от произведений дагестанских оружейников), иногда украшенные орнаментом с золотой насечкой. Каждый ствол имел 7-8 нарезов, калибр - от 12,5 до 14,5 мм. Ружейный замок характеризовался длинными и тонкими губками курка; боковая планка, закрывающая подкурковую пружину, имела форму вытянутого овала, в начале которого выбито клеймо мастера. Замки также украшались золотой насечкой или стилизованным растительным орнаментом. Ложи черкесских ружей делались из орехового дерева, имели длинные узкие приклады (более узкие, чем у кубачинских ружей), заканчивающиеся костяной пятой. Дерево около казенной части ствола нередко инкрустировалось костяными и роговыми пластинками в виде закрученного рога. Вес оружия — от 2,2 до 3,2 кг.

Черкесские пистолеты имели такие же, как у ружья, кремневые замки, только меньшего размера. Стволы стальные, довольно длинные (28—38 см), не имевшие нарезов и прицельных приспособлений. Калибр — от 12 до 17 мм. Для черкесских пистолетов характерно тонкое деревянное ложе, оклеенное черной ослиной кожей. Некоторые были украшены серебряными пластинками с черневым черкесским орнаментом. Общая длина пистолета — 40—50 см, вес — 0,8—1 кг.

«Важными предметами национального костюма, составной частью вооружения являлись газыри, имевшие практическое назначение и придававшие красоту черкеске, — пишет И. Асхабов. — По семь-восемь и более штук по обе стороны груди, в зависимости от ее объема, газыри вставлялись в специальные кармашки. В них содержалась точная мера заряда пороха для ружья и пистолета, хранились пули. Газыри удачно располагались, они были под рукой, что сокращало время при перезарядке ружья и пистолета. Одинаково удобно и легко ими пользовались стоя или лежа на земле. Газыри делались из деревянных или камышовых трубочек. Их головки, выступающие из карманчиков, изготовляли из слоновой, моржовой кости, серебра, железа, рога тура, буйвола. Зачастую богато украшенные, они гармонировали с отделкой оружия и поясом. Охватывая практически всю грудь, газыри являлись защитой и прикрытием от рубящих ударов холодным оружием.

...Значительное внимание уделялось мужским поясам. Их готовили из прочной, очень качественной кожи, так как кинжал и пистолет висели именно на поясе. Пояс украшался серебром. В настоящее время пояса еще часто встречаются, они украшены серебряными накладками по всему кругу. Сбоку, с двух сторон свисают от одной до трех-четырех кожаных лент длиной не более 20 см, с серебряными пластинами. Эти свисающие ленты (язычки) ранее имели практическое назначение. К ним можно было что-то подвязать, на них крепились коробочки, в которых хранились кремни, пыжи, масло, жир и т. д. Впоследствии они утратили свое назначение и стали украшением пояса».

Кроме оружия горские кузнецы изготовляли орудия труда и различную утварь: косы, серпы, лемехи для плугов, лопаты, вилы, мотыги, ножи, охотничьи капканы, кухонные принадлежности и др.

Медники

Медники производили котлы, тазы, подносы, блюда, тарелки, водоносные кувшины, светильники и другие предметы домашнего обихода. Сырьем служила, как правило, красная медь, желтой меди было мало.

Посуда изготавливалась как для внутреннего потребления, так и на продажу. В последнем случае изделия украшались разным узором и декоративными деталями. Кроме того, все предметы, как правило, покрывались полудой.

Типичные для лакцев медночеканные луженые сосуды легко узнаваемы. На больших водоносных кувшинах шарообразной формы («варакке») узор в местах сная расчленял поверхность сосуда на корпус, высокое узкое горлышко и длинный, сильно изогнутый носик. Кувшины для хранения и разливания жидкостей («конаре») имели крышки с острыми гранеными наконечниками. Конусовидная поверхность крышки отличалась чеканным орнаментом в виде полукружий, треугольников и прямых линий.

Вот что писал в 1910 году журнал «Этнографическое обозрение»: «Лаки, с давних пор славящиеся как медники, затмения солнца и луны объясняют тем, что разгневавшийся на людей Бог сплющивает щипцами луну и солнце, отчего они гаснут».

Кавказским буркам пули не страшны

В дагестанском высокогорье получил развитие еще один кустарный промысел — производство бурок. Этим ремеслом занимались в селениях Анди, Ансалта, Ботлих, Гагатль, Рикуани, Рахата, Шотрода. Еще в 1812 году царские чиновники отмечали, что андийцы существуют преимущественно «выделыванием бурок, кои по всему Кавказу за лучшие славятся». Основу бурочного производства составляет овечья шерсть. К концу века овечьи отары в Андии насчитывали 120 тыс. голов, так что недостатка в сырье не было. Полученный с овец войлок тщательно промывали, расстилали по форме бурки толщиной несколько сантиметров и скатывали в валик.

Руками или палками валик отбивали, чтобы шерсть свалялась в плотный однородный слой одинаковой толщины. Затем заготовку разворачивали и красили, обычно в черный цвет (белые и светлые бурки делали, как правило, штучно — для знатных заказчиков и подарков). После покраски бурки расчесывали специальной гребенкой, взбивали шерсть и веничками из высушенных корней трав водили по войлоку до тех пор, пока отдельные ворсинки не слипались в крохотные косички, которые и делают бурку непромокаемой. После этого бурку проклеивали и прошивали крепкими нитками, придавая ей силуэт остроплечего балахона. Андийские бурки были легкими, служили отличной защитой от холода и непогоды, выдерживали сабельные удары и даже защищали от пуль. В 1881 году в Андийском, Гунибском и Самурском округах было произведено 95 тыс. бурок; а в 1892 году одна только Андия поставила на рынок более 50 тыс. штук.

Изготовлялись бурки и в других районах Кавказа.

На заработки

Во второй половине XIX века, в связи со вступлением Северного Кавказа в общероссийский рынок и конкуренцией со стороны фабричной промышленности, структура горских ремесел претерпела серьезные изменения.

Ювелирное производство развивалось успешно. Изделия горских золотокузнецов находили все более широкий сбыт.

Удержали свои позиции медники и лудильщики, открыв мастерские во многих городах и селах Кавказа.

Серьезную конкуренцию испытывали кузнецы, изготовлявшие ножи, ножницы, серпы, косы, топоры, инструменты для ремесленников. Но так как спрос на эти товары был велик и опережал их ввоз на Северный Кавказ, число кузнецов не уменьшилось и даже росло.

Не выдержав конкуренции, разорялись или вынуждены были заняться другими промыслами оружейники. Удержались на плаву лишь знаменитые мастера, но и им приходилось искать заказчиков по всему Кавказу.

Население росло, а по-настоящему крупных промышленных предприятий, даже к концу XIX века, на Северном Кавказе было еще немного. Предприятий с числом рабочих более 500 на каждом было лишь 3; с числом более 100 чел. — всего 1% от общего количества. Преобладали мелкие предприятия и кустарные мастерские с минимальным числом работников.

Множество горцев вынуждены были искать средства к жизни на стороне. Особенно развито было отходничество в Дагестане. Ежегодно немало горцев уходили в более благополучные районы в поисках заработка. Здесь они выполняли различные сельско-хозяйственные работы (от пахоты до веяния хлеба), пасли скот, занимались извозом. Только по Даргинскому округу в 1901 году, по данным Е. И. Козубского, насчитывалось 11 837 отходников из общего числа 76 336 по Дагестану.

В середине XIX века на маренниках Дербента ежегодно работало более 20 тыс. горцев, на маренниках Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов — 25—30 тыс. чел. Многие уходили на работы в города,

на рыбные и нефтяные промыслы, строительство железных дорог.

По данным Кавказского комитета, «из всех мест по Кавказской области наибольшее стечение мирных горцев бывает в городе Кизляре, где занимаются они сбытом своих произведений, а также работами в садах и прибереговых укреплениях реки Терек. Горцы приходят с весны и остаются до осени. Число их простирается от 20 до 25 тыс., иногда и более. Среди них находились кумыки, чеченцы, ингуши, осетины, лезгины и другие племена». В Кизляр приезжало так много горцев, что там в 1842 году было создано Попечительство над приходящими в город мирными горцами, целью которого, согласно инструкции, являлось «усиление миролюбивых сношений горцев с жителями Кизляра для ограждения их от обид». В 50-х годах XIX века в Кизлярском уезде работало в помещичьих и казачьих хозяйствах до 15 тыс. одних только ногайцев. Некоторые ногайцы и кумыки, живя в Кизляре, занимались извозом, перевозя товары местных купцов в Моздок, Ставрополь, Владикавказ, Астрахань и другие крупные города.

Значительная часть горцев Дагестана уходила на заработки в Азербайджан и Грузию. «Кавказский календарь» на 1850 год сообщал, что в одну только Нуху «для снискания пропитания черною работою в зимнее время их стекается сюда до 1500 чел.». Газета «Кавказ» в 1846 году писала, что осенью можно видеть «до 30 тыс. лезгин (жителей Дагестана. — Авт.) из разных обществ, гонимых с гор стужей и нуждой, рассыпающихся по Алазанской долине от Кахетии до Сальяна, отыскивающих насущный хлеб».

Знавшие ремесло переходили со своими инструментами из селения в селение или устраивали небольшие мастерские в городах и торгово-ремесленных центрах края. Большой подвижностью в этом отношении отличались лакцы, о которых Н. И. Воронов писал: «Нужда и привычка к хожалости побуждает их изворачиваться и добывать себе не только хлеб, но нередко и капиталец — торговлею, ремеслами и заработками. Из них есть торговцы, ведущие оборо-

ты на десятки тысяч рублей; изделия казикумухцев проникают даже в Тифлис; между ними есть замечательные оружейные мастера и искусные резчики на металле и кости; лудильщика-казикумухца можно встретить в разных местах Кавказа, — иные из них заходят даже в Ростов, в Оренбург, в Нижний (Новгород)...»

Лакские мастера-ремесленники работали в Астрахани, Ашхабаде, Батуми, Кутаиси, Петербурге и других городах Российской империи, а также в Аравии и

Абиссинии, Сирии и Персии.

VIII. ТОРГОВЛЯ

Что меняли и как торговали

Торговля на Кавказе отражала географическое разделение труда. Особенно наглядно это проявлялось в Дагестане, где хозяйства специализировались по зонам: нижнее предгорье зерно и крупный рогатый скот; верхнее - крупный рогатый скот, меньше — зерно; горная зона — овцы, крупный рогатый скот, зерно; горно-долинная — овцы, крупный рогатый скот, зерно, продукты садоводства. Основные отрасли хозяйства имелись во всех зонах, но степень их товарности была далеко не одинакова. Другим фактором, стимулировавшим торговый обмен, являлось разделение труда по ремесленным производствам как в целом между зонами, так и между отдельными аулами. Благодаря этим обстоятельствам в Дагестане сложился оживленный обмен. способствовавший общению народов Страны гор, преодолению их хозяйственной и культурной обособленности.

У жителей нижнего предгорья главным продуктом обмена было зерно, причем они почти не возили его на продажу. Тот, кому требовалось зерно, сам шел за ним. Эту особенность отметил еще И. Гербер в описании Кайтага: «Пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюда приезжают». А. Омаров вспо-

минал: «Многие из мужчин отправлялись теперь (ранней весной. — Авт.) с ишаками на плоскость «сделать вьюк хлеба», то есть привезти хлеба, потому что у редких хозяев сохранялся еще прошлогодний хлеб. Не имевшие же своего осла покупали хлеб на ближайших базарах, так как редко находились хозяева, как в нашем, так и в окрестных аулах, которые бы могли продавать свой хлеб. Таких богачей у нас почти не бывало, а только бывали мелкие торговцы, имевшие своего осла и привозившие с плоскости несколько ослиных вьюков хлеба (осел везет от 6 до 9 саб пшеницы, или от 5 до 7 пудов); они продавали его с выгодою для себя, от одного до полутора саба с вьюка. Но так как эти хлебопродавцы все же продавали хлеб с соблюдением для себя выгоды, то многие из покупателей предпочитали идти за 10-15 верст на цудахарский или кумухский базар, чтобы купить там хлеба хоть еще немного дешевле... «Лучше купить на базаре, чем здесь, у своих: по крайней мере перепадет лишняя горсть хлеба для отсыпки маркачи (плата мельнику)», — говорили экономные хозяйки».

Даргинцы из предгорья вывозили товары и в города (мед, воск, марена, шелк, строительный лес, дрова), а покупали железные сельскохозяйственные орудия, оружие, сукно, овчины, украшения, отчасти деревянную утварь и орудия труда, фрукты. Обмен совершался на базарах. Лучшие украшения и оружие можно было найти на базаре в Кубачи, железные изделия — в Харбуке, овчины — в Акуша и Урахи, зерно — в Маджалисе, Манасе, Губдене, сыр — в Акуша, фрукты — в Цудахаре и т. д.

В верхнем предгорье торговали деревянной утварью и орудиями труда. Продавались также скот, полотно, бурки, сыр, ягоды, дрова, лес. Среди покупных предметов фигурировали железные орудия труда и

оружие, сукно, паласы, одежда, соль.

Районами наиболее развитой торговли являлись горная и горно-долинная зоны. Горцы продавали здесь наибольший ассортимент товаров, но количество каждого из них было сравнительно невелико.

Если в предгорном Губдене, например, торговали в основном зерном, то сбывали его большими партиями и таким образом обеспечивали себя всем необходимым. В горах же продавали овец, коров, масло, сыр, овощи, сукно, железные орудия труда, оружие, украшения и др. Товары горной зоны доставлялись на все базары Дагестана. Это объяснялось не только их разнообразием, но и большей зависимостью горцев от торговли, что побуждало их искать новые рынки сбыта. В списке приобретаемых жителями высокогорья товаров на первом месте стояло зерно; далее следовали фрукты, изделия из дерева (утварь, посуда, орудия труда) и пр.

В горно-долинной зоне главным предметом продажи были фрукты и виноград, сукно (в том числе знаменитые шали из верблюжьей шерсти), серебряные изделия и др. Покупали же в основном зерно,

скот, лес, орудия труда и оружие.

Вот зарисовки традиционного дагестанского базара. Первая из них принадлежит перу не раз упоминавшегося нами Н. И. Воронова и относится к концу 60-х годов XIX века: «Кумухские базары, бывающие еженедельно, по четвергам, служат местом сбыта произведений не только Казикумуха, но и соседних с ним мест. Фрукты привозят сюда из Ходжал-Махов, Гергебиля и даже из Голотля; овощи — из селений, занимающихся огородничеством, а также из Даргинского округа; хлеб, соль и нефть — с прикаспийской плоскости. Сами кумухцы выносят на базар свои изделия — войлоки, сукна, бурки, сыр, оружие, разного рода мелкие вещицы, как, например, деревянные трубки и чубуки, и разные безделушки из серебра и каменного угля. Некоторые русские товары, из красных и бакалейных, доставляются сюда из Шуры; из нее же снабжаются напитками и четыре кумухских духана, на которые сильно косятся местные хаджи... Наконец, кумухские базары служат весьма деятельным посредником в сближении между кумухцами и гарнизоном Кумухского укрепления. Привожу кумухские цены на некоторые предметы продовольствия: курица — 10 коп., цыпленок — 5 коп., 13 яиц — 5 коп., пуд соли — 50 коп., сотня огурцов — 50 коп.; фрукты (персики, виноград, яблоки и груши) продаются почти круглый год и по весьма низким ценам».

А вот описание того же базара 10 лет спустя из автобиографической книги аварского художника Халил-Бека Мусаясула «Страна последних рыцарей»: «Казикумух был первым населенным пунктом городского типа, который я увидел. Он располагался по берегам красивого озера, в котором отражалось кольцо суровых темных гор... Еженедельно по четвергам на большой площади у озера открывался базар, удивительное, замечательное зрелище. Отовсюду стекались сюда люди. Это была пестрая толпа желающих продать свои изделия и приобрести необходимые им вещи. Здесь можно было купить лошадей, овец, дрова и уголь, седла и оружие, а также посуду, ковры, разноцветные платки, диковинные пряности, еду и фрукты. Трудно себе представить товар, даже самый редкий, который нельзя было бы найти на этом рынке. «У нас можно купить все, даже птичье молоко», говорили не без гордости жители Кумуха. На своих повозках, запряженных волами, приезжали сюда кумыки и продавали красивые платья. Из Среднего Дагестана, из Аварии, приезжали хоточинцы. Их ослы были навьючены изюмом и виноградом, который рос на предгорных склонах. Они же привозили сюда корзины, полные превосходных персиков. Эти светловолосые, жилистые, загорелые ребята всегда были настроены на веселый, шутливый лад. Их жизнерадостные улыбки, лихо надетые набекрень папахи, тонкие талии и кинжалы на поясе производили впечатление. Заработав на фруктах несколько рублей, они тут же пропивали их и возвращались домой с пустыми карманами...»

Абдурахман из Казикумуха писал: «Весной шкурки ягнят у этих чарбилинцев прекрасны для папах и шуб, и все они черного цвета. ...Несколько торговцев из Дарго пригоняли оттуда 300—400 ягнят, затем их резали и оставляли на запас, если желали. Они их продавали сколько хотели, запасали шкур-

ки на зиму, а мясо продавали за тот рубль, за который первоначально приобрели (то есть продажа мяса окупала все первоначальные расходы). Затем зимой шили короткую шубу из восьми шкурок или более и продавали ее за 15 рублей. Либо продавали только шкурки по разным ценам, например, одну шкурку за два рубля или за полтора, либо за один рубль в зависимости от того, хорошая она или плохая. Исходя из этих обстоятельств, понятно, что есть выгода. Поэтому в нашем селении Дарго торговцев развелось много после того, как узнали эту выгоду и разбогатели».

По словам изучавшего быт ингушей Н. Грабовского, «торговля горцев находится еще в первобытном состоянии: она заключается в обоюдном обмене между собою предметов первой необходимости. Да и трудно найти у них какие-нибудь предметы для сбыта, а если бы и нашлись, то туземец из обычного предрассудка, считающего непозволительным торговать мелкими избытками своего хозяйства, не повезет их куда бы то ни было на продажу. Хорошим материалом для торговли мог бы служить кистинцам и галгаевцам имеющийся у них сосновый лес, но недостатки удобного сообщения и трудность вывоза его из места, где он растет, до того велики, что жителям стоит больших усилий доставка нескольких бревен для своего домашнего обихода. Эти-то причины оставляют богатый материал без употребления... Большими средствами для добывания себе пропитания пользуются лишь джераховцы и мереджинцы: первые, живя невдалеке от города Владикавказа и имея под рукою сносную для езды дорогу, сбывают там на базарах камень и лес, а вторые довольно выгодно пользуются соляными колодцами, выменивая в Чечне и других соседних местах соль на хлеб. Нужно полагать, что этот промысел для мереджинцев и в самом деле очень прибыльный, ибо они, как оказалось при собрании сведений, совсем не занимаются хлебопашеством».

Поэтическую зарисовку горского базара оставил А. Полежаев в поэме «Чир-Юрт»:

...Мирной чеченец, кабардинец, Кумык, лезгин, койсубулинец, И персиянин, и еврей, Забыв вражду своих обрядов, Пестрели здесь, как у друзей, Красою праздничных нарядов. ...Один с ружьем приходит в стан, Другой под буркою мохнатой, Тот шашкой хвалится богатой, А этот кажет ятаган. Всего так много, так довольно, Товар Востока налицо, И, признаюсь, меня невольно Пленило горское кольцо И трубка, — ах! какая трубка!

Источники свидетельствуют, что закубанские черкесы выменивали коров и быков на «войсковую соль», получая за корову 12 пудов соли, а за быка или вола — 21 пуд. Это явилось результатом создания на Северном Кавказе системы меновых дворов. Вопрос об их учреждении был поднят еще в конце XVIII века, но лишь в июле 1810 года состоялось решение Комитета министров, в котором было постановлено «приступить к меновому торгу с горцами». Во исполнение этого решения в следующем, 1811 году за счет казны на Кавказской линии было открыто б меновых дворов — Прохладненский, Наурский, Лашуринский, Прочноокопский и Константиногорский (Прохладненский действовал с 1809 г.). Впоследствии число меновых дворов все возрастало. На Западном Кавказе возникло еще 8 таких дворов (Екатериновский, Екатеринодарский, Велико- и Малолагерные, Константиновский, Редутский, Тенгинский и Темиргоевский), на Центральном — 5 (Баталпашинский, Боргустанский, Известнобродский, Екатериноградский и Моздокский), на Восточном — 3 (Червленный, Амираджиюртовский и Кизлярский).

Надзор за торговлей осуществляли приставы или назначенные царской администрацией чиновники. Только после соответствующего карантинного «очищения», доходившего до 40 дней, местные жители

могли продавать или обменивать свои товары. Горским народам разрешалось вывозить продукты земледелия и животноводства, ремесленные изделия.

За 9 месяцев 1815 года через Прохладненский карантин кабардинцами было вывезено и продано на Ставрополье 1277 пудов меда, 65 пудов воска, 77 пу-

дов масла и говяжьего жира.

Важной статьей в торговле был деловой лес. Русские и украинские поселенцы в Предкавказье нуждались в строительных материалах, поэтому торговля лесом росла из года в год. Только с 1843 по 1845 год через Известнобродскую и Прохладненскую заставы провезли 6320 арб различных лесоматериалов. Много леса сплавлялось и по рекам из Чечни.

За этот же период на указанных таможнях было реализовано: бурок наплечных — 302, черкесок — 150, полостей — 1898, сукна — 583 аршина, седельных арчаков — 505 штук, — всего на сумму 17,4 тыс. руб.

В 1844 году через Известный Брод проехали из Кабарды в пределы Кавказской области 290 торговцев. Значительно увеличился и ассортимент горских то-

варов, идущих на российский рынок.

Помимо меновых дворов шла торговля и напрямую, способствуя сближению горского и русского населения Кавказа. О. Маркграф писал: «Чеченское сукно, изготовляемое в Грозненском округе, продается главным образом затеречному и сунженскому казачьему населению. В станицах сукно продается по Тереку, начиная от Моздока и до Каспийского моря. Ежегодно покупается казаками в Моздоке, Грозном, Кизляре и Хасавюрте около 700 черкесок, столь же башлыков... всего на сумму до 10 тыс. руб.»

Из России везли хлеб и промышленные товары. Широким спросом у горцев пользовались хлопчатобумажные изделия: бязь, бурметы, кумач, выбойки,

покрывала и др.

Царское правительство монополизировало соляную торговлю и строго регламентировало продажу соли через меновые дворы и карантинные заставы. До учреждения меновых дворов, для удовлетворения потребностей своего развитого скотоводства черке-

сы, кабардинцы, карачаевцы и другие привозили соль из соляных озер Кавказской области с уплатой в казну по 1 руб. 50 коп. серебром за один воз. С открытием же меновых пунктов они лишались этой возможности и вынуждены были приобретать соль, платя 1,5 руб. уже не за воз, а за пуд. Такая политика вызывала, естественно, недовольство горцев и заставляла их разрабатывать свои соляные месторождения (Ингушетия, Дагестан).

Активно велась торговля с Закавказьем. В 1815 году, например, из Грузии было привезено и зарегистрировано на Моздокской таможне 60 наименований товаров: выбойки -7125 концов, шелка-сырца -801 батман, ситца -1326 концов, бурмета -13321конец, одеял - 2224 штуки и т. д. В свою очередь горцы ездили по торговым делам в Кубу, Нуху, Баку, Телави, Тифлис и другие города, куда привозили для продажи продукты скотоводства и изделия кустарных промыслов. «Нуха, - писал корреспондент газеты «Кавказ», - очень скоро сделалась главным складочным центром для торговли Дагестана. Среди ее торгового сословия 25% были лезгины». Нуху ежегодно посещало до 80 торговцев. Только в 1846 году было привезено наплечных бурок на сумму 1300 руб., сукна на 1240 руб., оружия на 1500 руб., овечьей шерсти и мерлушек — на 8 тыс. руб. Торговля Кубы состояла в снабжении товаром Ахты, Кумуха, Кураха, Лучека и других селений Дагестана. Крупным потребителем ювелирных изделий дагестанских мастеров являлся Тифлис.

В 1846 году было принято новое «Положение о меновой с горцами торговле», в которой говорилось: «По Кавказской линии учреждаются постоянные меновые сношения с горцами. Главная цель сношений состоит в том, чтобы посредством оных приобрести доверие горцев».

Открывались новые базары и лавки; наместнику Кавказа было предоставлено право перемещать пункты меновой торговли. Ассортимент ввозимых и вывозимых товаров расширялся. Был разрешен ввоз стали, олова, чугуна в кусках и изделиях. Под запре-

том осталась лишь торговля огнестрельным и холод-

ным оружием.

Итогом принятых мер было оживление торговли. В 1847 году торговый оборот на Кавказской линии вырос по сравнению с 1845 годом почти вдвое, достигнув 400 тыс. руб.

Торговля на Кавказе весьма зависела от политики. В свое время наместник А. П. Ермолов пытался запретить торговлю с горцами, подвергая нарушителей блокады аресту и даже высылке в Сибирь. Причем главной контрабандой он считал ворсистые андийские бурки, хотя сам же ввел их в моду и повсеместное употребление. Ермолов приказывал: «...Чтобы бурки, выделываемые андийцами и другими горцами, отнюдь не были впущаемы для продажи в Грузию; в случае же тайного привоза оных, конфисковать их и доносить мне в то же время, как об именах тех, кому оные принадлежат». Традиционные бурки, гончарные изделия, ювелирные украшения, оружие, всевозможная утварь, сыры, мясо, кожи, шерсть, ковры, фрукты, орехи, мед попадали на рынок только через мирные аулы, что нарушало сложившиеся веками связи и приводило промыслы в упадок.

Н. Муравьев, бывший наместником на Кавказе в 1854—1856 годах, напротив, торговле всячески способствовал. Он склонялся к заключению прочного мира с горцами, признанию Имамата Шамиля, как самостоятельного государства под протекторатом России, а развитие торговли считал первейшим средством для установления доверия между сторонами.

Была снята экономическая блокада с районов Северного Кавказа, входивших в состав Имамата. Открылись большие возможности для торговли, которая приносила обоюдную выгоду. Вместе с фабричными тканями, инструментами и другими товарами в горы пришла надежда на мирную жизнь. Тогда же начался массовый обмен военнопленными.

Развитию мирных отношений способствовал сын Шамиля Джамалуддин, бывший долгие годы заложником у царя и обмененный Шамилем на плененных грузинских княгинь. Джамалуддин вел с бывшими

сослуживцами постоянную переписку, стараясь пре-

вратить мирную передышку в прочный мир.

Сменивший Н. Муравьева А. Барятинский предпочел решать кавказский вопрос силой оружия. После окончания Кавказской войны торговля вновь оживилась.

Ярмарки

К середине XIX века на Кавказской линии и в Ставропольской губернии действовала 41 ярмарка. Только скота и лошадей на них продавалось на 1,2 млн. руб. и на 640 тыс. руб. прочих товаров.

Одной из крупнейших на Северо-Западном Кавказе была Екатеринодарская ярмарка, которую только

в 1845 году посетило около 10 тыс. адыгов.

На Восточном Кавказе большим авторитетом пользовалась Наурская ярмарка. В 1837 году на нее приехало 6,5 тыс. ингушей, чеченцев и жителей Дагестана, реализовав товаров на сумму свыше 39 тыс. руб. Предметом купли-продажи служили текстильные изделия (сукна, ситец, бязь, серпинка, атлас, парча, холст), крупный рогатый скот, лошади, овцы, пшеница, рожь, сахар, мыло, бумага, хрусталь, зеркала и др.

На Центральном Кавказе большую роль играли ярмарки в Моздоке, Пятигорске, Георгиевске. В начале 30-х годов XIX века на Георгиевскую ярмарку завозили товаров российского происхождения на сумму 300 тыс. руб., иностранного — около 60 тыс. руб.

На две Моздокские ярмарки в 1839 году было доставлено товаров общей стоимостью в 1 844 тыс. руб.

Сюда собиралось до 7 тыс. чел.

Особое место в развитии торговых связей занимал древнейший город Дагестана и России Дербент. Из его торгового порта в Астрахань и другие города на Каспии перевозилось огромное количество марены, сушеных фруктов, грецких орехов, рыбы, вина, выделанных кож, пшена, орехового дерева, дубовых бочек, нефтепродуктов, табака и пр. Товары эти доставлялись сюда из различных районов Южного Да-

гестана. Предметами ввоза были железо, медь, металлические изделия, фарфоровая и стеклянная посуда, строевой лес, сукно, бумажные, шелковые, бакалейно-гастрономические изделия, москательно-химические товары, сельскохозяйственные машины и орудия, мыло, свечи, спички, обувь и т. п.

С созданием в 1858 году на Каспии общества «Кавказ и Меркурий» для перевозки грузов и пассажиров (с капиталом в 3 млн. руб.) ввоз и вывоз товаров из

Дербента еще более увеличился.

Крупными торговыми центрами в первой половине XIX века были Кизляр, Порт-Петровск и Темир-Хан-Шура, в которых имелись сотни лавок и шумели базары.

К концу века объем товарооборота Северного Кавказа с Россией достиг 166 млн. руб.; при этом вы-

воз товаров вдвое превышал их ввоз.

Развитию торговли способствовали строительство новых дорог и мостов, совершенствование транспортных средств. Объем перевозок за полвека вырос в 100 раз. В крупнейшие торговые центры края превратились города и транспортные узлы: Армавир, Владикавказ, Георгиевск, Грозный, Дербент, Ейск, Екатеринодар, Кизляр, Майкоп, Кумух, Лабинская, Моздок, Новороссийск, Порт-Петровск, Пятигорск, Ставрополь, Темир-Хан-Шура.

Кроме внутренней развивалась и торговля внешняя. Главными предметами сбыта были скот и изделия кустарной промышленности. Французский коммерсант Тавернье и немецкий ботаник Кемпфер писали, что разводившиеся черкесами коровы и быки высоко ценились на европейских рынках, а итальянец Главани указывал, что из Черкесии ежегодно вы-

возили 200 тыс. бычьих рогов.

Широкий размах во второй половине века приобрели скупка и перепродажа сырья и товаров горского производства. Например, шерсть закупали не только на ярмарках и базарах, но и непосредственно в аулах и даже на горных пастбищах. Скупщики зачастую занимались одновременно продажей и обменом товаров, а заодно и ростовщичеством.

Какие деньги ходили в горах

Приведем выдержку из дневника капитана А. И. Руновского, бывшего приставом при Шамиле в Калуге:

«1. Деньги в горах обращались только русские, а именно — серебряные. Не было даже грузинских двадцати- и сорокакопеечных, распространенных в Закавказском крае повсеместно, а в Кавказском частью.

- 2. Русских полуимпериалов и голландских червонцев (золотые монеты. Aвm.) в горах было очень много, но между горцами они редко имели значение ходячей монеты, а большею частью составляли украшение женских нарядов, приобретались как товар, а не как деньги.
- 3. Медных денег в обращении совсем не было; те же, которые попадались каким-нибудь очень редким случаем горцу в руки, обыкновенно шли в лом, как деловая медь.
- 4. Депозиток и вообще ассигнаций наших в горах было очень много (все доставшиеся посредством грабежа); но они не имели никакой ценности, и часто, неузнанные в своем достоинстве, предавались уничтожению; а те, о которых горцы имели должное понятие, немедленно сбывались ими в русских крепостях или своим более смышленым родичам, жившим на мирную ногу.

5. Кредитным учреждением для хранения капиталов служила горцам их собственная земля, в которую они имели обыкновение зарывать свои деньги».

Добавим, что самыми ходовыми в горах были серебряная 20-копеечная монета — абаз (у чеченцев и ингушей — эппас, у аварцев — габаси), рубль (у аварцев — гъуруш) и червонец (у чеченцев — тума, у аварцев — тумен). У большинства других народов существовали схожие названия.

Горские меры

Весьма своеобразными были меры веса, длины и сыпучих тел, применявшиеся горцами до введения сначала русских, а затем метрических единиц измерения. У даргинцев для определения объема и веса зерна, картофеля, овощей, фруктов применялся «барха» — мера, составлявшая от 16 до 35 литров, в зависимости от природно-экономических зон. Самые большие меры были в нижнем предгорье, самые маленькие — в высокогорных селах еще меньше — 18—20 литров. «Барха» делился на более мелкие единицы, называемые «сах».

Меры веса выводились из «саха» и его частей: четверть, половина и т. д. Самым малым разновесом являлось куриное яйцо; с появлением русского фунта яйцо заменила осьмушка. Следующий вес — «читвар» (четверть фунта или две осьмушки). Затем идет «бляхъал гилавка» (полфунта), «гилавка» (фунт), «шигарт» (3 фунта), «ратІал» (6 фунтов), пуд. Употреблялась и такая мера, как «вакье», величина которой колебалась от четверти до половины фунта.

Из мер длины самой распространенной была «декІ» — аналог русского локтя. Впоследствии это название перенесли на половину метра. Четверть локтя называлась «чирак», пядь — «хъяшкІим», расстояние между растянутыми большим пальцем руки и мизинцем — «кІиль». Для измерения земли применяли чаще всего шаг — «кьяш» (нога), «кканц» (шаг, прыжок), иногда — «чІукьяй» (расстояние между раздвинутыми ногами).

ІХ. ЖИЛИЩА

Дома на скалах

В горах, где плодородной земли было мало, ее старались беречь и строили поселения в основном на участках, которые не годились для земледелия.

Постройки в горах требовали особого искусства, не только потому, что дом горца — это почти всегда крепость, но и из-за частых землетрясений. Их последствия нередко были катастрофическими, заставляя горцев строить все более прочные и надежные дома.

А. Полежаев описал стихийное бедствие в поэме «Эрпели»:

...Вот быль с Андреевским аулом: Шесть суток гром по временам, Из тьмы кромепиной, по горам Носился тихо и протяжно, Потом решительно и важно Во всех местах загрохотал, Дома и сакли разметал, Испортил в крепости строенья, Казармы, стены, укрепленья — И... очень скромно замолчал... Сего печального явленья Мы не застали, но следам Еще живого разрушенья Дивились с горестию там.

Умелыми строителями и талантливыми зодчими были вайнахи — чеченцы и ингуши. Н. Грабовский

писал: «Жилища горцев состоят из каменных построек, сгруппированных у оконечностей гребней или на выступах скал; две-три подобные постройки, вмещающие в себя несколько семейств, составляют горский аул; в участке этих аулов насчитывалось до 120... Все эти аулы находятся один от другого на расстоянии не более получаса ходьбы, отделены они друг от друга небольшими ущельями, глубокими оврагами и перевалами через гребень... Все горские поселения отличаются красотою своих местоположений, грандиозным складом и поэтическою разбросанностью жилищ, но всем этим особенно поражает аул Арзи (Эрзи) в Кистинском обществе, слывущий совершенно справедливо самым живописным в целом участке. В нем превосходно сохранилось несколько пирамидальных башен, стройно возвышающихся одна над другой; башни эти имеют в основании квадрат 2,5-3 сажени; постепенно суживаясь к верху, они достигают, по-видимому, 10-12 саженей высоты и оканчиваются там остроконечною крышею. Выглядывая из руин и уцелевших каменных построек, башни эти представляют весьма привлекательную группу, увлекающую зрителя в мир фантазии... Своеобразным и диким характером отличается еще необитаемый аул Кауси, находящийся в Акинском обществе в Галанчожском ущелье. Этот аул, каменные здания которого еще хорошо сохранились, построен на небольшом выступе скалы, круго обрывающейся саженей на сорок к реке, и имеет вид крепости, прилепленной к другой скале, отвесно поднимающейся вверх; тропинка к нему вьется по ступеням, выбитым в камне. Кауси, как всякое заброшенное людьми место в горах, служит надежным убежищем для баранов, загоняемых туда во время непогоды. На той же скале, к которой примыкает постройка Кауси, приблизительно саженей на десять выше, виднеется одна сакля с деревянным, хорошо сохранившимся балконом, висящим над пропастью. Снизу, вверху и по бокам около одинокой сакли глаз не встречает ни одного выступа, на который можно было бы поставить ногу: кругом отвесная и голая скала. Взгляд на эту постройку невольно рождает вопрос: каким способом обитатели ее могли сообщаться с поверхностью земли, если, в чем нет никакого сомнения, балкон — произведение рук человеческих?! По сохранившемуся у акинцев в предании рассказу, в этой сакле жил когда-то знаменитый джигит с любимою женою. Отправившись однажды на промысел поживы, он был убит, и когда известие об этом дошло до жены — она с балкона бросилась в пропасть. Пораженные этим случаем, бывшие обитатели аула Кауси из суеверного страха не ходили в эту саклю; и впоследствии окрестные жители, несмотря на предположение о несметных богатствах, хранящихся в ней, не отваживались проникать туда из боязни быть пораженными громом...

Каждый из более зажиточных горцев кроме помещения, необходимого для семейства, имеет еще и кунацкую - помещение для приезжающих гостей. Убранство жилых саклей и кунацких далеко не затейливо. Во-первых, встречаются вокруг стен полки, на которых уложены тюфяки, одеяла, подушки и разные тряпки; тут же около помещаются корзины с каким-нибудь хлебным зерном или мукою, кадки с водою и котлы; всю эту картину дополняют очаг посредине сакли да до невероятности прокопченные, черные стены. Кунацкие поопрятнее: вместо очага в них делают камины; у маленького окошечка сбоку камина, на почетном месте, стоит местного изделия кровать; около дверей висят две-три бычачьих шкуры, служащих правоверным подстилкою при совершении намаза, а на колышках, вбитых по стенам вокруг всей сакли, на четверть от потолка, обыкновенно красуются разных форм и величин бутылки, привязанные веревочками за горлышки, глиняные и деревянные тарелки и чашки, также схваченные шнурками в просверленные около краев дырки. На тех же колышках приезжие развешивают свое оружие, седла и платье...»

Основательно изучивший в начале XX века вайнахскую архитектуру Н. Яковлев утверждал, что «ингуши из поколения в поколение были мастерами-ка-

менщиками, «искусниками камня» («тоны гоудзыж»). Их руками строились широкие 3-этажные «галы», то есть башни-дома (от «га» — защита, «ала» — дом), в которых и сейчас еще ингуши живут кое-где в горах; или высокие десятисаженные, 4-5-ярусные стройные боевые башни «воув», которые служили надежным убежищем всему роду при нападениях враждебных фамилий; наконец, маленькие солнечные могильники-склепы, куда ингуши хоронили предков, и многочисленные храмы «ццу», «элгуц» и др. Из всех этих сооружений особой тщательности и искусства требовала постройка боевых башен. Вся постройка такой башни должна была закончиться непременно в один год. В противном случае башня так и оставалась неоконченной. Она стоила дорого, и боевые башни решались строить, конечно, только зажиточные и воинственные семьи; в дальнейшем башня, так же как и родовой могильник, делалась неотчуждаемой фамильной собственностью всех потомков ее владельца-строителя.

Для постройки этого важного сооружения приглашались каменщики, с которыми заключалось условие относительно платы и других подробностей стройки, причем строители во время работы находились на полном довольствии хозяина. После благополучного окончания боевой башни мастер-строитель, поставив последний клинообразный камень, так называемый «дзегыл», на верхушке ее красивого купола или «небесной крыши», «небесного яруса» («сигил тхоу»), не слезал оттуда до тех пор, пока не получал особую «спускную плату» — целого быка, и в знак как бы подписи на своем произведении он оставлял отпечаток своей руки на известковой штукатурке башни у подножия. Окончание постройки, конечно, праздновалось со всей возможной у ингушей пышностью. Закалывался скот и устраивалось обильное угощение.

Строились башни из камня и извести, без лесов. Для подъема камней вверх на постройку служила особая машина, вроде ворота, называемая по-ингушски «чегырь». По преданиям, машину эту во время действия нельзя было выпускать из рук, иначе, раскручиваясь с огромной силой, она сбрасывала с баш-ни строителя».

Созданию башни посвящена эпическая песня ингушей «Илли о том, как строили башню»:

Трижды землю поили молоком, трижды срывали грунт, И только когда земля отказалась пить, положили первые камни:

Восемь огромных глыб, образующих углы воув, И был каждый камень равен быку, а весом — восьми быкам. Их привезли с вершины горы, взявши из-под голубого льда... Каждый камень везли двенадцать быков, ломая копыта от напряженья,

Каждый камень тесали двенадцать дней четыре каменотеса, И стальные тесла крошились у них, будто сделанные из лины... Двадцать тесел каждый каменотес сломал о ребра камней. И камни стали ровны, как стекло, и приняли нужный вид! Тогда чегыре, как горы, седых старика осмотрели и ощупали их, И каждый сказал: «Теперь хороши, ни порока, ни трещины нет!» И каждый сказал: «Воув будет кренка, как наши горы кренки. И будет стоять во веки веков, как мир во веки веков стоит!..» И каждый сказал: «Мы землю здесь поили густым молоком. А камни эти, чтоб были крепки, напоим горячей кровью. Пусть свяжет кровь четыре угла, как род наш кровью связан. И этой связи не сокрушат ни смерть, ни вечное время!» Работа кипела, и Янд горел в работе, не считая дней. И в небо вонзилась своей вершиной стройной песня камней. Первый ярус закончен, сюда никогда не заглянет день, Здесь пленники, кандалами звеня, будут гадать о судьбе! Ярус второй — уже свод сведен и очажная цень висит, Здесь будет дни свои коротать семья в случае войны! Янд сам вытесал косяки из черных гранитных глыб, Сам из дубовых брусьев сбил дверь толіциною в пядь, Сам приладил засов и сам проверил его работу, Выше поднялся Янд и вновь принялся за работу! Четыре балкона с четырех стен выступали вперед, И с каждого пуля-молния без промаха в сердце бьет! И снова Янд поднимается выше, и выше уже нельзя, Здесь будет крыша, легкая, словно светоструйным конусом

сведена, Ложатся уступами ряды камней, постоянно сужаясь кверху, И тонкие плиты сланца их перекрывают сверху. И вот опять ряд камней и плит, и снова камни и плиты, А Янд все ближе, ближе к солнцу, ближе с каждой минутой! В четыре дня двадцать рядов камней и двенадцать сланцевых плит,

И последний раз ворот скрипел и пел, поднимая последний,

Закончена песня труда и камней — выше уже нельзя: Над самою головою легкие облака плывут, скользя, Садится солнце, и, пересекая Джерах, воув бросает тень. Так стал последним, замковым камнем триста шестьдесят пятый лень. Упоминающийся в песне Янд — легендарный строитель башен, родоначальник рода Яндиевых.

О том, как строил башни другой легендарный строитель, говорится в легенде «Ханой Хинг»: «...Он решил возвести самую лучшую башню из всех виденных им. Он хорошо готовил известь. На краю речки была мельница, на которой дробили щебень и превращали его в песок. В раствор он иногда добавлял молоко, яйца, ослиный волос. После приготовления раствора он брал его на лопату и, качая, переворачивал. Если раствор с лопаты не падал, он считал его готовым. Камни подносили одни люди, а укладывали другие».

Башенную архитектуру вайнахов подробно описал в книге «Средневековая Ингушетия» Е. И. Крупнов: «Как правило, боевые башни пятиэтажные, но встречаются и в четыре и даже шесть этажей. Первый этаж нередко служит тюрьмой для пленников; обычно же он являлся закромом для хранения зерна в особом каменном мешке. На втором этаже находились защитники и стража во время осады, так как вход в «воув» был только здесь: на втором этаже находилось имущество осажденных. Третий этаж занимали защитники и их семьи и, наконец, все верхние этажи — защитники и наблюдатели. В основании все башни квадратные, площадью 20-25 кв. м. Кверху стены сильно суживаются и достигают общей высоты 20-26 метров. Крыши башен бывают нескольких видов: 1) плоская, с барьером; 2) плоская с зубцами на углах, увенчанными камнями конической формы; 3) пирамидальная, ступенчатая, с коническим замковым камнем.

Обработка камней и кладка боевых башен производились тщательнее, нежели кладка жилых. Почти на всех боевых башнях сохранилась еще известковая облицовка, что указывает на относительно близкую дату их постройки. Особенно свежий вид имеют башни третьего типа, с пирамидальной ступенчатой крышей: например, башня в селе Джерах, которая,

кстати, является одной из наиболее крупных в Ингушетии. Площадь первого этажа равна 7х7 метров, второго — 6х6, третьего — 5,3х5,3, четвертого — 5х4 и пятого — 4х4 метра.

Чечено-ингушские боевые башни отличаются наличием «машикули», маленьких защитных балкончиков на верхнем этаже, которые вместе с бойницами на всех этажах служат целям эффективной обороны. Другую особенность этих башен составляют сквозные крупные кресты, сложенные почти на всех сторонах верхней части башен.

Строительство таких типов ингушских боевых башен возникло не ранее XIV—XV веков и продолжалось вплоть до XVIII века, что не раз подтверждалось свидетельствами стариков, упоминавших тех своих предков, при ком была сооружена та или иная башня.

Приблизительно к этому же периоду относится и появление на ингушской земле замковых сооружений и различного рода оградительных стен. Эти оборонительные комплексы возникли в тех же исторических условиях, что и боевые башни. Замки состоят из нескольких жилых и двух-трех боевых башен. Уникальным объектом такого рода является башенный комплекс в селе Эрзи, еще в 20-х годах ХХ века состоявший из 16 боевых башен (ныне в селе Эрзи сохранилось только 5 целых боевых и 20 жилых башен. — Авт.). Великолепный многобашенный комплекс в селе Эрзи принадлежал 14 фамилиямтейпам».

3. Шахбиев пишет: «...Существует также точка зрения, согласно которой ингушское слово — г/алг/ай (то есть ингуш) происходит от слова «г/ала» — башня, крепость, город. И это действительно так, ибо наиболее богата средневековыми башнями, храмами, крепостями территория расселения ингушей. В связи с этим можно предположить, что под этим словом у вайнахов подразумевалось название тех населенных пунктов, где были очень широко распространены эти каменные сооружения, и даже людей звали так — г/алг/ай — то есть жители башен, которые им служили и жильем, и защитой от врага».

Не менее монументальны жилые постройки в горной части Чечни. По свидетельству Н. Грабовского, «они состояли преимущественно из каменных старых башен в два-три яруса, сложенных без цемента и, как можно предполагать, без участия какого-либо орудия, употребляемого для отделки камня. Это предположение основывается на том, что камни в стенах башни вовсе не носят следов обработки и приложены один к другому так, как этого требовала натуральная форма их. Несмотря на это, башни чрезвычайно прочны, чем далеко превосходят новейшие постройки горцев... Характер местности, на которых обыкновенно красуются башни (они построены большей частью на выступах скал, на оконечностях гребней и вообще на таких местах, которые ни для чего другого применимы быть не могли), разъясняет догадку, что первоначальные обитатели, предпринимая эти громадные постройки, независимо от сбережения удобных для обрабатывания земель имели еще в виду и оборонительную цель.

Нынешние обитатели башен для жилищ занимают преимущественно верхние этажи, нижние же служат помещением для скота. В каждой башне встречается по нескольку семейств, которые, обитая в таком близком соседстве, нисколько не мешают друг другу, потому что живут на разных отделениях, перегороженных капитальными стенами; все имеют только

общие коридоры.

Между такими просторными и служащими для жилья башнями встречаются довольно часто и другие — высокие, пирамидальные. Вид этих последних как нельзя более ясно говорит об их исключительно оборонительном назначении: от самого низу до верху стены имеют множество амбразур, расположенных причудливо рукою строителя в форме треугольников, крестов, звезд и других изображений. До сих пор на некоторых из них, в верхних больших амбразурах под крышею, виднеются груды покрытых мхом камней, которые, по всей вероятности, предназначались служить боевыми снарядами при обороне. Кроме того, башни эти попадаются всегда на

самых неприступных возвышенностях, командующих над окружающей местностью, и рекомендуют не лишенными основания стратегические соображения бывших строителей их...».

С утверждением ислама традиции башенной архитектуры проявились и в строительстве мечетей. Некоторые минареты строились в виде башни и даже с бойницами (селение Эткала, XVI—XVII вв. и др.).

Своеобразием архитектурного стиля жилых построек отличался Дагестан, чему способствовали разность климатических условий и многонациональный состав населения.

Князь И. Орбелиани вспоминал: «Сакли лезгин (лезгинами Орбелиани называет всех жителей Дагестана. — Авт.) — вроде замков; над многими устраиваются башни, иногда сакли обнесены стеною и в каждом доме, в каждой стене проделаны бойницы, а весь аул представляет особого рода крепость. Каменные, хорошо обороненные сакли плотно примыкаются одна к другой и сакля над саклею в несколько ярусов. ... Аулы лезгин или в ущельях, или на уступах гор; иногда примкнуты к скалам, иногда окружены кручею, часто доступ и самый въезд в них чрезвычайно труден. Улицы в аулах так узки, что часто трудно повернуться на коне; сверх того, некоторые сакли построены поперек улицы и оставлены только низкие ворота для проезда...»

Плоские крыши обычно были покрыты землей или глиной, их приходилось регулярно утрамбовывать. Для этого на краю крыши всегда лежал продолговатый каменный каток (у аварцев — михир).

Для дагестанских аулов равнин и предгорья характерны разреженное заселение (каждый дом имеет свой двор) и тяготение к рекам. Горная зона характеризуется скученностью домов, террасообразным расселением, тяготением к скальным склонам и гребням гор, некоторой отдаленностью от рек.

Дома, как правило, располагались впритык и налезали друг на друга, как ступени гигантской лестни-

цы. По свидетельству современников, улицы дагестанского аула, этого «скопища саклей», были «узкие, кривые, шириною два-три аршина, а дома несколькими этажами стоят друг над другом или же «нагромождены одна сверх другой крепости-сакли».

Автор очерка «Кавказ в его настоящем и прошлом» Е. Марков писал: «Улицы нет в ауле; каменные двухъярусные бойницы, которые горец называет саклями, отступают друг от друга ровно настолько, чтобы человек с трудом мог протиснуться среди них... Над крышей одной бойницы торчит другая, над другой третья, и получается щель, заменяющая улицу, вьется и лепится, как змея, по отвесной круче, у подножия всех этих без порядка насыпанных в кучу каменных

редутов...»

Лишь с конца XIX века, когда вопросы обороны перестали играть существенную роль, стал распространяться принцип горизонтального строительства селений. Старая часть аула со скученным террасным поселением обстраивалась новыми кварталами с широкими озелененными улицами и площадями. Другие аулы разделили судьбу Цудахара, почти полностью разрушенного в ходе восстания 1877 года и перенесенного по распоряжению правительства на ровное место, чтобы в будущем он не мог, по словам исследователя Дагестана Ф. И. Гене, явиться «крепостью, представляющей весьма крепкую оборону».

Центром аула была площадь с годеканом (у чеченцев и ингушей — пхъег а, пхегата, у осетин — нихас, у адыгов — хаса), где проходили сельские сходы, собирались мужчины и юноши для бесед, игр и т. д. Здесь же обычно находилась мечеть. Вокруг площади, особенно под деревьями (если они были), располагались места для сидения, сделанные из огромных камней или бревен. Устанавливали их отдельные члены общины, особенно хозяева близлежащих домов (это считалось богоугодным делом). Годекан не обязательно помещался в центре селения; он тяготел к месту, где имелась ровная площадка. Обычно здесь же проходили базары, хотя базар мог располагаться и на окраине, у развилки дорог.

В неспокойные времена джамаат предпочитал не иметь дороги, идущей напрямую через селение, и не оставлял для нее места. Если дорога все же проходила через аул, то дома были обращены к ней глухими стенами, а дворами и верандами внутрь. Остальные улицы аула отходили от главной, как ветви от ствола дерева. В селениях, расположенных амфитеатром на крутых горных склонах, две улицы, идущие по краям аула, являлись как бы дутами, заключающими его в рамку; между ними в меридиональном направлении шли другие улицы, пересекаясь в центре и образуя разнообразные сегменты-кварталы. Длина кварталов обычно колебалась от 20 до 50 м.

Часто главная улица запиралась воротами, и по краям ее ставились сторожевые башни. Упоминавшийся выше Ф. И. Гене писал, что «обыкновенно имеют в селениях только два выхода, стараясь для сего избрать самые крепкие от природы места, кои нередко обороняются башнями или стенами». Таковы были знаменитые Гимры — родина имамов Гази-Магомеда и Шамиля, Гуниб, Мекеги, Урахи, Хаджалмахи и др. Даргинский аул Гапшима, расположенный в теснине, имел стены и ворота с обеих сторон. Вечером, когда стадо возвращалось в селение, ворота запирались и возле них ставились караульные. У северного выхода из аула, на скалах была крепость с высокой наблюдательной башней.

А. Омаров, описывая в своих воспоминаниях события 1848—1855 годов, отмечал: «Аул наш был защищен стенами и четырьмя башнями, и во всякое время года по ночам его охранял караул от жителей, расставленный в 7—8 местах по 3 человека. Сельский мангуш (глашатай) ходил по ночам смотреть, не спит ли где-нибудь караул, для чего тихо подкрадывался, чтобы вынуть из ружья спящего караульного шомпол или взять какой-нибудь другой знак, за что получал на другой день 1/3 часть сабы муки или хлеб».

В случаях, когда селение занимало несколько склонов, самые широкие улицы располагались у подошв и на их границах. Эти же улицы служили своеобразными канализационными отводами, так как

остальные улицы и переулки в большинстве своем выходили к ним. На краю селения располагалось и кладбище. Четкой системы улиц, переулков, тупиков, кварталов не существовало, и посторонним лицам ориентироваться в ауле было очень трудно.

Любопытно свидетельство В. А. Аедоницкого, посетившего в начале XX века Хаджалмахи: «Аул с плоскокрышими саклями, наполовину врытыми в скалу, узкими крутыми улочками, проходами, неожиданными тупиками, где нужно переваливать через крыши или двор, так что пройти в намеченное место без посторонней помощи совершенно невозможно».

В начале XIX века в селениях Дагестана преобладали одно-двухэтажные дома с небольшим двориком («азбар», «шеркала», «прхъяй»). Жилые комнаты размещались, как правило, на втором этаже. Перед домом находился небольшой навес (в нагорной час-

ти на арке) — предтеча веранды.

Дома украшались орнаментированной резьбой по камню, различными знаками (солярные знаки, рука, лабиринт), поясками, текстами молитв; деревянные оконные ставни и рамы, покрытые резьбой, иногда раскрашивались. Декоративной обработке подвергались не только фасады домов и мечетей, но и мебель, колонны, надмогильные плиты, посуда.

Дома принято было «украшать» навозом: женщины собирали его на улицах и прилепливали на внешние стены. Каждая хозяйка оставляла на «лепешках» свой знак, чаще всего — отпечаток ладони. Высыхая, навоз превращался в кизяк — топливо для печей. Когда навоз привозили с полей, его сначала перемещивали с соломой, а затем сушили.

В каждом доме имелись кунацкие комнаты. Они были убраны с возможным комфортом и содержались в особой чистоте на случай приезда гостя. Детей

в кунацкую не пускали.

В жилых комнатах, в стенах были ниши для посуды, книг и т. д. Висели и длинные полки. Несущим стержнем, подпиравшим потолочные балки, являлись большие деревянные столбы, украшенные резьбой и дельтообразно расширявшиеся кверху.

Большая жилая комната служила также и для хозяйственных нужд (хранения припасов и др.). Особое место занимали большие деревянные резные лари, напоминающие современный шкаф (у аварцев — цагьур, у рутульцев — сакиан и др.), которые обычно стояли вдоль северной стены и состояли из нескольких отделений. Здесь хранились мука, бобы, мед, сыр, масло и другие продукты. Во дворе хозяйственных построек не было, там размещалась лишь уборная, в которую, даже если она была пристроена к дому, вел отдельный вход.

Как пишет М. Шигабудинов: «...В жилище ободинцев вела низкая и узкая дверь, состоящая из одной или двух массивных половинок, грубо обтесанных топором. ... Двери открывались на двух пятах, выступавших сверху и внизу в виде колышков, вставленных в каменные гнезда в каждом конце (сверху и внизу) двери. Это была древнейшая форма дверей. Ни железных замков, ни петель или гвоздей не было. Роль дверной ручки выполняло деревянное или железное кольцо, прибитое к открываемой створке... Жилище запиралось изнутри и снаружи либо деревянной задвижкой, либо сверху деревянным бруском, который продевался в отверстие, выдолбленное в верхней створке двери. При такой форме никакие «ключи» не требовались, и дверь запиралась вставлением в дырку бруска. Открывались двери внутрь. ...Ворота обычно не запирались, закрытыми их удерживал простой большой камень. Но даже дети могли его отваливать».

К середине XIX века размер двора сельской усадьбы увеличился, появился навес, под которым хранились хозяйственный инвентарь, топливо, навоз, а в жаркое время отдыхал скот.

Ближе к концу века дома строили уже большие, двухэтажные, со множеством помещений самого различного назначения. Во дворе появились сад и огород, в которых высаживали фруктовые деревья, тутовник, виноград, сеяли кукурузу, бобы. Навесы обстраивались со всех сторон, превращаясь в амбары, склады, конюшни. Мелкий рогатый скот часто дер-

жали в помещениях первого этажа. Появились крытые дворы, где для освещения делали бойницеобразные щели или оставляли в центре крыши небольшие оконца.

Характерное описание узденской усадьбы Дагестана находим в воспоминаниях А. Омарова: «Дом наш на вид не отличался ничем от прочих домов аула, разве только был просторнее многих из них. По состоянию нашему он стоял выше среднего, а по чистоте узденского нашего происхождения пользовался особенным уважением и принадлежал к числу почетных домов. Архитектурное расположение его тоже не особенно отличалось от прочих. Вход с узенькой улицы вел полукругом во двор, вымощенный плоскими камнями; направо в первом этаже помещался сарай, в который вела одна маленькая дверь. Внутри сарай разделялся на 4 отделения: одно называлось ослиным сараем, другое — бычачьим, третье - коровьим, а четвертое - конюшнею. Над сараем находились жилые комнаты, принадлежавшие одному дальнему родственнику матери, и потому он был обязан поправлять потолок сарая; починка же стен от фундамента до потолка лежала на обязанности нашей. Дальше, напротив входа во двор, стояла двухэтажная сакля, в которую входили тоже через маленькую дверь. За дверью шел длинный коридор вдоль всего дома, а направо шла лестница наверх. Коридор освещался маленькими отверстиями, выходящими на двор. Напротив входа была комната, весьма сырая и темная, в которой на полу кругом стен стояли большие глиняные кувшины; в них держали муку, толокно, сывороточный уксус, грушевый квас и пр., в маленьких же кувшинах хранили масло, сыр и мед. В углу лежали серпы, топор, кирка, шерстяные веревки, ремни и т. п. Это была так называемая кладовая, которая замыкалась. Налево, рядом с кладовой, была другая комната, освещавшаяся тремя большими амбразурами, верхние концы которых доходили до самого потолка и были покрыты сажею, наподобие черного инея. Потолок также был закопчен от дыма и блестел, как черная клеенка. В углу, под

одной из амбразур, стояла печь, похожая на те печи, которые делаются для выжигания кирпичей или извести. В этих печах топят кизяками и саманом. На верхнее отверстие ставят котел, в котором варится что-нибудь, потом котел снимают и вытаскивают из печи наружу часть огня в круглое углубление (вилах), сделанное нарочно для этого (в зимнее время все семейство горца сидит кругом этого углубления, протянувши голые ноги к краю его для согревания). Потом прилепляют к раскаленным стенам печи хлебные лепешки (чуреки) и верхнее отверстие закрывают плоским камнем, служащим иногда и сковородою для печения чего-либо. Такие печи делаются без труб, и потому дым частью поднимается прямо к отверстию, находящемуся над печкою, и частью распространяется по всей комнате, так что в зимнее время в ней не видно ничего и нет возможности стоять от удушливого дыма. На одной стороне комнаты вдоль стены были деревянные полки, на которых лежали котлы, чашки (деревянные, глиняные и медные), сито; там же, на стене, висела большая деревянная чашка, деревянный же сосуд с резьбою, называемый кусри-дичу, из которого торчали деревянные ложки и палочки, служащие у горцев вместо вилок. С другой стороны у стены стоял громадный деревянный сундук (су) длиною около 5, а вышиною до 3 аршин, украшенный местами грубою резьбою. Сундук этот имел в себе три отделения, в которых хранился зерновой хлеб - пшеница, ячмень и просо. Эта комната служила зимней кухней. Левее ее, с коридора, был вход в большую комнату, построенную на арках, без штукатурки, там лежали сено и солома для скота.

На верхнем этаже находился балкон, с которого входили в светлую комнату, служившую летней кухней. Далее была большая комната, потолок которой был увешан сушеной бараниной и курдюками различных времен; одни из них уже висели года четыре и были темно-желтого цвета, другие — три года и т. д.

Под курдюками стояли чашки для вытекающего из них сала (старые курдюки занимают почетное место в пище горцев, и не иначе варят их, как только

для самых роскошных обедов; часто также кормят ими больных как лекарством). Стены были увещаны всякого рода посудою; тут были медные тазы разной величины, такие же кувшины, чашки, подносы, — что составляет главное домашнее богатство горца; такая же посуда глиняная, фарфоровая, стеклянная, а также тарелки с узорами, которые почти никогда не бывали в употреблении, а служили только для украшения. В одном из углов комнаты была сложена постель, то есть несколько тюфяков, сделанных из пестрого шерстяного паласа, домашней ткани и пестрого грубого холста, набитых шерстью или мягкою травою; несколько одеял из персидской бумажной материи и столько же подушек, набитых тоже шерстью или просто ватою. Эти подушки были покрыты грубою ситцевою материею и никаких наволок не полагалось для них... Между постелью были сложены разноцветные войлоки с цветными шерстяными кистями по краям, служившие простынями для постели; далее большие овчинные шубы, новые и старые, на колышках же, вбитых в стену, висели маленькие ночные папахи из бараньей шкуры. В той же комнате стояло несколько сундуков персидской работы, покрытых разукрашенной жестью; в них хранились одежды, разные материи и другие вещи. Сундуки эти принадлежали исключительно матери, и отец никогда в них не заглядывал, потому что для мужчины считается неприличным смотреть в женский сундук.

Дальше, с боку этой комнаты, была еще маленькая комната, вся застланная коврами и паласами, со многими нишами в стенах, наполненными арабскими книгами. Комната эта была гораздо чище других и освещалась двумя окошками, украшенными деревянною резьбою в персидском вкусе. На потолке ее были различные надписи-изречения из Корана, молитвы и арабские стихи, в таком роде: «Дом, семейство и все имущество наше суть не что иное, как временно порученное нам; рано или поздно нужно возвратить их владельцу». Снаружи, над дверью, было вырезано на камне двустишие на арабском языке такого содержания: «О дом, да не войдет в тебя печаль,

и да не играет судьба с жильцом твоим! Как ты уютен для каждого гостя, когда чужеземец нуждается в отдыхе!» Эта комната (тавхана) служила кабинетом для отца: в ней он просиживал почти целый день и читал книги или молился; в ней же принимались и гости, исключая таких, которые по положению своему и званию не заслуживали слишком почетного приема...»

Жилища дагестанской знати были богаче и просторней, но строились по тому же принципу. Н. И. Воронов сообщает: «В Кумухе еще целы два ханских дома, хотя в одном из них отчасти произошли переделки в русском вкусе. Впрочем, переделана только та часть этого дома, которая занята собственно окружным управлением, в другой же половине проживает и теперь бывшая ханша. (По имени Шамхал-бике. Она дочь Нуцал-хана (Аварского), вдова Агалар-хана, теперь в замужестве за одним из сыновей последнего Кюринского хана...) Лучшие жилые комнаты этого дома, как и в каждой дагестанской сакле, находятся на втором этаже; в них ведет лесенка без перил, на которой весьма легко споткнуться; затем следует открытая галерея с тонкими деревянными колонками, и с нее маленькая и узкая дверь с высоким порогом ведет в самые дальние комнаты. Эти последние убраны отчасти по-европейски, то есть в них есть кое-какая мебель, а больше - в туземном вкусе: полы покрыты коврами и паласами; на стенах висят одеяла и куски материй; в нишах стен расставлена разная стеклянная и фаянсовая посуда, между которою больше всего чайных полоскательных чашек. При переходе из комнаты в комнату неизбежно встретишь спуск или подъем по нескольким ступеням.

В одной из комнат ханского дома я имел ночлег: в ней стояла двуспальная кровать, был стол, вроде письменного, было два-три стула, на кровати лежала перина, застланная парчовым одеялом, а в головах — одна громадная подушка, тоже парчовая, верхней наволочкой для которой служил накрахмаленный тюль...

В самой просторной комнате дома, потолок которой подпирался несколькими деревянными столбами, гостеприимно нас принимала и потом угостила ужином бывшая ханша. Стол сервирован и ужин был изготовлен по-европейски, но, кажется, не ханскими поварами...»

В повести «Дагестанские захолустья» В. И. Немирович-Данченко описывал опустевший высокогорный аул: «...Громадные массы камня, точно сложенного здесь циклопической стеной, падали вниз вертикально, серебрясь и выступая на свет каждой своей выпуклиной, каждым углом и изломом. Отвесная стена скоро переходила в выпуклую, она уже висела над долиной. Страшно было смотреть на эту горбину, думалось, вот-вот и она рухнется вниз всей своей грузной, тяжелой массой. И вдруг я приостановил коня и с чувством, близким к восторгу, уставился на эту твердыню.

Прямо на ней, на этой горбине, висевшей над долиной, точно гнезда ласточек висели сакли. Кто и как их прилепил сюда? Голова кружилась еще внизу, что же должно быть там, на этом, словно вздрагивающем карнизе? Прямо с отвеса горы выступала плоская кровля и упиралась в такой же выступ пола. Кровля поддерживалась деревянными столбами, пол был утвержден на балясинах, укрепленных вкось в расщелины скалы. Это была только галерея, веранда, балкон. И таких балконов были сотни — прямо из горы, прямо на отвесе. Самое жилье или выдолблено в скале, в отвесе, или вровень со стеной отвеса возведено над карнизом. Ласточкины гнезда под кровлей колокольни, гнезда, свитые на стенах развалин, жилье каких-то воздушных существ, птиц что ли, - короче, что хотите, только не аул, не село, не обитель человека. Что-то волшебное, призрачное, одуряющее, что-то похожее на сон, далекое от действительности. А этот лунный блеск, выхватывающий ласточкины гнезда из мрака, этот лунный свет, который точно курится на их плоских кровлях, свет, обращающий деревянные жерди в серебряные колонны, расщелившийся камень — в матовые глыбы, свет, на котором только черными трещинами или зевами кажутся входы в сакли или окна их. А еще выше, над этим воздушным аулом, над этими гнездами, унизавшими выдавшийся карниз, величаво дремлют голубоватые вершины гор, подернутых серебряной пылью, крутые, безлюдные, скалистые. Едва-едва ложатся на них тени от впадин и склонов, но этот общий колорит без оттенков, однообразный, рисующий только их профили, делает их еще величавее, еще грандиознее».

О жилищах татов, во многом схожих с традиционными жилищами ряда других горских народов, И. Анисимов пишет: «...Жилища евреев-горцев, живущих в аулах, представляют каменные постройки — сакли, а городских — дома в европейском вкусе и с азиатским убранством. Некоторые же богатые горцы имеют и европейские комнаты с порядочной мягкой мебелью, которые служат приемными для гостей — русских и в другое время не бывают почти обитаемы.

Сакли выстраиваются или самими хозяевами, или каменщиками. Наружные стены их большей частью голые, за исключением передней стороны, которая, как и внутренние стены, смазывается глиной, смешанной с саманом (соломой). Они белятся известью, добываемой горцами-евреями из местного камня в доменных печах, или мелом, смешанным с глиной (белая глина), встречающимся в горах повсеместно. Нижняя часть выбеленных стен выкрашивается красной или серой глиной, также местной.

Потолок состоит из балок, расположенных параллельно по ширине комнаты и лежащих одними концами на передней и задней стенах, другими на средней широкой балке, идущей в длину сакли и подпертой посредине сакли толстой дубовой подставкой, украшенной вырезанными фигурами и цветами. Редко в какой сакле отсутствует эта подставка. Сверху балок кладется камыш, потом солома, которая

смазывается глиной. Таким образом составляется плотная крыша. Концы передних балок выходят наружу аршина на два и, будучи связаны вместе с крышей, образуют навес, служащий для прикрытия от дождя или жары в летнее время и называемый балконом. Сакли состоят обыкновенно из двух или трех комнат, имеющих каждая особое назначение. Одна из них отводится для женщин, другая для мужчин, третья для гостей.

...Кунацкая комната даже у самых бедных горцев бывает наполнена всевозможными хозяйственными вещами азиатского производства и оружием. На верхних полках красуются различные фаянсовые и стеклянные чашки и тарелки, по нескольку штук одна на другой, графины, старинные бутылки, медные чашки с таковыми же колпаками с вырезанными на них фигурами и цветами, позолоченные кувшинчики, вазы и пр. На стене, под этими же полками и нал занавеской из бархата или пестрой шелковой материи с золотой бахромой внизу, висят большие медные тарелки, зеркала, подносы с золочеными рисунками, шелковые шали, сложенные в два-три раза, кинжалы, пистолеты, ружья, шашки и пр. Около другой стены, которая без занавески и бывает вся увещана в несколько рядов всевозможными цедилками, тарелками и различными мисками и мелкими чашами, ставятся сундуки с платьем и драгоценными вещами хозяев. Иногда их бывает два, иногда несколько; в последнем случае самый большой ставится внизу, а над ним — остальные, меньшего размера. Все эти вещи служат только украшением помещения для приезжающих гостей и не употребляются в дело. Полы покрыты коврами».

Об архитектуре осетинских селений В. Пфаф приводит следующие сведения: «Дома осетин построены, смотря по местности, или из плетня, обмазанного глиною, или из дерева, или из камня. Архитектура построек на плоскости во многом отличается от построек в горных ущельях. В последних жилища при-

строены большей частью к склонам гор. В древних аулах задние комнаты и помещения нижнего этажа часто высечены в скале. Помещения нижнего этажа обыкновенно состоят из просторных и довольно высоких хлевов для скота, преимущественно мелкого. Пол обыкновенно выложен глыбами камней сланцевой породы и покрыт навозом, который от времени до времени расчищается. Навоз образует и необходимую обстановку двора, на котором он в зимнее время накопляется в значительном количестве, весной же увозится на поля или служит в смеси с соломою для приготовления из него кизяка на топливо. Стены нижнего этажа или высечены в скале, или же сложены из камней без цемента. Потолок нижнего этажа служит полом для второго. К последнему ведет снаружи узкая лестница, грубо сложенная из камней. Спереди — площадка, с которой низкая дверь ведет во внутренние помещения главного строения. Размещение в нем комнат весьма разнообразно; заметно даже полное отсутствие в этом отношении определенного стиля; комнаты построены смотря по мере надобности и условиям местности. В каждом доме достаточных осетин находятся: кладовая, главная семейная комната, в середине которой на очаге почти всегда горит огонь, отдельные комнаты, служащие спальнею или для другой надобности; кунацкая для приема гостей. Последняя часто выстроена из леса, составляя третий этаж, возвышающийся отдельно над главным корпусом жилого дома.

Все эти помещения, кроме кунацкой, темны и большею частью без окон. Свет проникает в них через открытую дверь или небольшое отверстие в потолке над очагом. В кладовой стены кругом обставлены бочками из стволов больших деревьев (в них сохраняются хлеб и мука); на полу и в углах лежат в беспорядке разный хлам и домашняя утварь, бурдюки, сельскохозяйственные орудия, кроме плуга, который стоит или на дворе, или в помещениях нижнего этажа.

Самое характеристичное помещение — это семейная комната с очагом. Очаг большей частью на-

ходится в середине ее, он состоит из нескольких камней, на которых горит огонь. Сверху над очагом висит старинная цепь с крючком для медного котла... С одной или с двух сторон около очага стоят селалища: скамейки или низкие деревянные столбы. Остальная мебель состоит из деревянной тахты или дивана с довольно высоким перилом с трех сторон. Перило это украшено весьма характеристичными вырезками, напоминающими по стилю своему древнеливийское искусство. Подле этого дивана стоит в высшей степени замечательной формы деревянное кресло для хозяина или почетных гостей. Все стулья, скамьи и столы у осетин о трех ногах... Осетинский стол немного выше скамейки; он состоит из точеной или тщательно вырезанной из твердого дерева круглой доски, утвержденной на трех ногах. Этот столик держится довольно опрятно, и сесть на нем считается неприличным...

У стен висят на деревянных гвоздях платья, оружие, конская сбруя и т. п. У богатых имеется особенное помещение для гостей; мебель его та же самая, которую мы только что описали; по стенам на гвоздях висят, кроме оружия и праздничного платья, воловьи и другие шкуры. Они на ночь в случае приезда гостей расстилаются на полу. Главный почетный гость всегда сидит и спит на диване вышеописанной формы. При приезде его тотчас расстилается на нем войлок или ковер. В одном углу этого длинного дивана правильно сложены в высокую кучу подушки, оделяа, ковры и т. п., что, конечно, относится только до домов богатых людей. В кунацкой вместо очага имеется камин.

Вот, приблизительно, обстановка осетинского семейного дома. К подобному дому пристроены, по мере потребностей живущей в нем семьи, другие здания; пристройки эти делаются всегда так, что наружная стена главного строения продолжается по условиям местности или в прямом направлении, или под углом. Дверь к подобным пристройкам всегда внутри двора, так что все здание имеет по возможности только один главный вход. Таким образом, если по-

сле многих поколений кругом все обстроено помещениями для народившихся сыновей, то подобное здание под конец представляет вид крепости, иногда весьма значительных размеров. В подобной крепости есть и высокая оборонительная башня с бойницами. Такое жилище целого рода называется «галуан», и название это, вероятно, имеет связь с названием «Галуза» в Малой Азии и мифического города осетин Галазан («Halesiun»)...

В осетинских аулах иногда несколько таких галуанов, иногда только один. В первых аулах между двумя галуанами иногда есть узкие улицы, с остальных же сторон они пристроены к другим галуанам или домам. Улицы кривые. Чем древнее аул, тем он выше; я видел галуаны, возвышающиеся по склону горы на 7, 8, даже 14 этажей. Замечательный такого рода галуан находится в ауле Гальата в Дигории. Издали каждый осетинский аул делает впечатление развалившейся крепости, — доказательство глубочайшей древности этих сооружений. В некоторых аулах, например, в деревне Биз на Ардоне и в Дигории, я старался снять планы таких построек, чтобы приблизительно рассчитать время их основания. По расчету этому выходило иногда баснословное число лет...»

Описание абхазского жилища первой половины XIX века оставил Ф. Ф. Торнау: «...Живут обыкновенно в хижинах, крытых соломою или камышом, которых плетневые стены плотно замазаны глиной, перемешанной с рубленою соломой. В каждой хижине по одной комнате, получающей свет через двери, растворенные настежь летом и зимою. Около стены возле дверей сделано полукруглое или четвероугольное углубление в земле для огня, над которым привешена высокая труба из плетня же, обмазанного глиною. По другую сторону очага, в почетном углу, находится небольшое окно без стекла, плотно запираемое ставнею и служащее более для наблюдения за тем, что происходит на дворе, чем для освещения внутренности хижины. У горцев каждый имеет свою

особую хижину: хозяин, его жены, взрослые дети... Для гостей определена кунацкая — совершенно пустая комната, убранная только по стенам рядом деревянных гвоздей для развешивания оружия и конской сбруи. Сидят и спят в ней на земле, на камышовых циновках, на коврах, подушках и тюфяках, составляющих у гостеприимного черкеса самую значительную и самую роскошную часть его домашних принадлежностей. В кунацкой всегда есть, кроме того, медный кувшин с тазом для умывания и намазлык, шкурка от дикой козы или небольшой коврик, для совершения молитвы. Кушанье подают на низких круглых столиках. Весьма немногие знатные и богатые горцы строят рубленые деревянные дома. Микимбай имел такой дом, и по этой причине слыл очень богатым человеком. Дом этот, занятый его семейством, был в два этажа, с окнами, затянутыми пузырем, между которым кое-где проглядывало небольшое стеклышко, добытое от русских...>

От горской архитектуры резко отличались жилища степных ногайцев. Исследователь М.-Р. Ибрагимов писал: «Характерным типом поселения ногайцев в конце XIX в. были кочевые аулы, которые подразделялись на весенне-летние, летне-осенние (яйлак и язлав) и зимние (къыслав); при этом зимники постепенно превращались в оседлые постоянные поселения (юрт, аул, шахар, къала). По традиции ногайцы в первый месяц весны начинали свое движение со скотом на северо-запад и северо-восток. Перед началом весенней перекочевки в каждой юрте приготовляли праздничное кушанье, готовили кумыс, резали скот и устраивали празднество: наездники соревновались в джигитовке, состязались борцы и силачи, певцы и музыканты.

Во время перекочевки на летние пастбища образовывали весенне-летние аулы, которые располагались рядом с реками или колодцами. По истощении пастбищ аул перекочевывал на другое место. Аулы родственников располагались по соседству. В октяб-

ре-ноябре ногайцы собирались на зимних стоянках, где строились турлучные или саманные дома. Вблизи от зимних поселений располагались поля, где сеяли просо, овес, ячмень, пшеницу, выращивали бахчевые культуры...

Традиционные жилища — кибитка (юрта) и дом (уьй), которые приспособлены соответственно к ко-

чевому и оседлому образу жизни...

Ногайская юрта — большая (термэ) и малая, переносная (отав) – представляла собой типичную для кочевых народов кибитку круглой в плане формы. Термэ, в отличие от отав, была сборно-разборной, а ее каркас состоял из складных решеток, изготовленных из ореховых жердей. Количеством решеток определялся размер юрты. У богатых ногайцев встречалась 12-решетчатая юрта, у бедных — 5—8-решетчатая. Собрав решетки в круг с помощью деревянных жердей, в центре устанавливали деревянный свод, который служил верхом юрты. Сверх круга крепили полукруглое решетчатое навершие, служившее одновременно окном и дымоходом. Дверь из одной или двух створок, крепившихся на шарнирах и украшенных резьбой, с выходом на юг, открывалась наружу, зимой утеплялась войлоком. Снаружи каркас юрты обтягивался войлоком, крепившимся посередине остова тканым шерстяным поясом или кожаным ремнем. Богатые накрывали юрту в несколько слоев белым войлоком, бедняки - серым. Внутри юрты стены обтягивали камышовыми циновками, а богатые и коврами. Пол устилали войлоком и коврами. Устройство юрты-отав в деталях напоминало юрту-термэ. Во 2-й половине XIX в. юрта-отав использовалась только как свадебная юрта молодоженов; она украшалась специально изготовленным войлоком. Оседлые ногайцы жили в полуземлянках (ерме къазы) и наземных турлучных и саманных домах с пологой двускатной крышей. Дом имел кухню-сени (аятюй) и спальни (ичюй); по мере женитьбы к дому пристраивали новые комнаты. Для обогрева юрты в холодное время и приготовления пищи использовали открытый очаг; здесь же стоял треножник. В стационарных жилищах были пристенные камины; в начале XX в. появляются железные печи. Внутри юрты почетной считалась северная сторона; по правую сторону от почетного места (тоьр) располагались мужчины, по левую — женщины. В комнатах также имелась почетная сторона (такътабет), где устраивались глинобитные возвышения — лежанки высотой до 50 см, на которых раскладывали войлоки или ковры; днем отдыхали, ночью спали. Тут же стоял сундук, на который днем укладывали постель. Имелась специальная комната для гостей (къонакъ уъй); у степных ногайцев в период перехода к оседлости сохранялась юрта, используемая как кунацкая».

На протяжении XIX века архитектура жилищ народов Северного Кавказа претерпела значительные изменения. В связи с перемещением части горцев на равнину появились новые типы поселений, большие по размерам, с правильной планировкой улиц. Горцы и в этих аулах расселялись по родам. Вместе с тем сохранялся и хуторской тип — небольшие поселки по 6-7 дворов, как правило однофамильные, состоявшие из родственников. Такой тип встречался на Восточном и Западном Кавказе, в Закубанье и на Черноморском побережье, где порой поселения состояли из 1-2 дворов, расположенных вдоль горных речек на значительном удалении друг от друга. В лесистых предгорьях также сохранялся хуторской тип поселения, что было связано с использованием лесных полян.

Изменился и характер жилища. Усадьбы на новых местах, особенно на равнине, стали просторнее. В горах по-прежнему преобладал традиционный тип, но и там перестали возводить башни, малоудобные для жизни, а строили обычные горские дома, стены которых в зависимости от наличия строительных материалов складывали из камня, бревен или делали из плетня. Одновременно однокамерные жилища большой патриархальной семьи заменялись много-камерными. Для новой семьи брата или сына возво-

дили второй этаж или к дому пристраивали дополнительные жилые помещения. В других случаях большой дом делился на 2—3 комнаты со своими очагами. Дом для молодоженов традиционно строили всем обществом, и делали это очень быстро.

К середине века наибольшее распространение в горной зоне края имели двухэтажные, двух- и трех-камерные жилища с плоской крышей; в ряде районов Осетии, Ингушетии и Чечни сооружались многоэтажные постройки в виде домов-крепостей; в Ка-

рачае же преобладали срубные дома.

В равнинной и предгорной зонах Северного Кавказа под влиянием городской архитектуры и русской строительной техники у богатых горцев появился квадратный деревянный дом с несколькими смежными комнатами со световыми выходами в сени. Сооружались коридор и прихожая; место очага и камина заняла печка. Двери крепились к дверной коробке с помощью петель; окна стеклили; земляные полы сменили полы деревянные. Большое распространение получил также длинный прямоугольный дом; в нем каждая семейная пара имела свою комнату с отдельным входом. Наряду с этим в степных районах бытовало еще двухкамерное турлучное жилье, а у адыгов — круглое плетеное однокамерное жилище, постепенно заменявшееся прямоугольным домом. Для женатых сыновей адыги строили отдельные однокамерные дома на территории общей усадьбы.

У имущих горцев обстановка и внутреннее убранство жилья изменялись за счет покупных предметов (стулья, столы, шкафы, сундуки и т. д.) фабричного производства. Увеличивалось количество привозной домашней утвари; самовары, железная, медная, стеклянная и фаянсовая посуда проникали в самые отдаленные горные районы.

Х. ОДЕЖДА ГОРЦЕВ

Мужской костюм

Мужской костюм у разных народов Дагестана имел много общего. Аварский бешмет «гутгат», кумыкский «къаптал», даргинский «къаптан», «минтана», лакский «ава», лезгинский «валчаг» имели лишь некоторые локальные особенности. Похожими были черкески (аварская, лакская и лезгинская «чукъа», кумыкская «чепкен», даргинская «сукъбан»), головные уборы, обувь. Всюду в Дагестане носили андийские и аварские бурки, войлочные плащи и т. д.

«Обыкновенный костюм дагестанского горца, — писал историк Н. Дубровин, — составляют: нанковой или темно-синей чадры (материя вроде бязи) короткая рубаха; такие же суконные шаровары, весьма узкие внизу, нанковый бешмет и черкеска из серого, белого или темного домашнего сукна, с патронами на груди. Бешмет застегивается крючками, а черкеска, обрисовывающая стройную талию мужчины, туго перетягивается кожаным поясом с металлическими украшениями, а у людей богатых и зажиточных с серебряным убором. Спереди на поясе висит кинжал: у богатого оправленный в серебро, а у бедного без всякой оправы. Кинжал не снимается никогда, даже дома. Туземец, скинув черкеску, опоясывает себя поясом с кинжалом поверх бешмета. На голове го-

рец носит длинную остроконечную шапку, но преимущественно употребляет папах, сшитый довольно грубо из длинных и косматых овчин. Овчинный, закругленный сверху, с отвороченными внизу краями, образующими особый околыш, и составляет папах, верх которого покрывают сукном очень немногие».

П. Петухов, автор «Очерка Кайтаго-Табасаранского округа», помещенного в одном из номеров газеты «Кавказ» за 1867 год, утверждал, что «обыкновенная одежда жителей состоит из грубого холщового белья домашнего приготовления, цветного бешмета, чохи, своего сукна шерстяных онучей, ловко облегающих ногу и икры, поршней кожаных с шерстяными шнурками или коротких сапог и грубого встрепанного бараньего папаха натурального цвета. При этом всегда кинжал... еще неразлучный днем и ночью кубачинский пистолет».

Исследователь П. Ф. Свидерский так описывал костюм сотрудника одного из окружных управлений Дагестанской области: на нем была «синяя черкеска и белая папаха, дно которой красного сукна обшито позументами. На плечах красивый красный башлык. На чеканном серебряном поясе большой шикарный кинжал. Сзади за поясом — длинный пистолет, правда кремневый, но со сплошь обложенною черненым серебром ручкою; на боку висит подобной же отделки кривая шашка».

Нательную одежду дагестанских горцев составляли туникообразная рубаха «хІева» и простого покроя штаны «шарвар». Шили их из плотных шерстяных или хлопчатобумажных тканей домашнего и фабричного производства, обычно темных цветов (синий, серый, черный и др.). В Нижнем Кайтаге носили белую рубаху и белые штаны. Рубаху делали из полотнища длиной примерно 140—200 см, с расширением к низу. Она имела прямые длинные рукава, несколько суживающиеся у кисти руки. К верхней части нередко пришивали подкладку из более мягкой ткани; грудной вырез обрамляли неширокой план-

кой. Рубаха имела невысокий воротник, застегивающийся обычно на серебряную или медную пуговицу. Штаны шили в верхней части широкими, собранными на шнур, и узкими внизу. Некоторые мастерицы вставляли между двумя штанинами ромбовидный клин. Этот тип штанов получил в этнографической литературе название «штанов с широким шагом».

Поверх рубахи горец надевал бешмет, шитый по фигуре в талию, на подкладке. Он имел спереди прямой разрез, длину бешмета делали по усмотрению хозяина — выше или чуть ниже колен. Ниже талии, по бокам и сзади, вшивались клинья, образующие фалды. На бешметы шло в основном сукно домашнего производства; для изготовления нарядных бешметов приобретали темно-зеленые, черные, синие шерстяные и шелковые ткани. Бешмет имел невысокий (5 см) стоячий воротник, по бокам ниже талии внутренние, а на груди нашивные карманы. Спереди, от воротника до пояса, он застегивался на мелкие пуговицы и петли, изготовленные из тонкой самодельной тесьмы. Такой же тесьмой общивали воротник, вырезы для боковых карманов, рукава, верх нагрудных карманов. Бешмет считался легкой верхней одеждой, в которой мужчина мог ходить дома, выйти на улицу, работать в поле. Для зимы бешмет шили на вате.

Поверх бешмета в прохладную погоду, а при приеме гостей и посещении общественных мест и летом, надевалась черкеска. Ее шили из домотканого сукна белого (для особых случаев), серого, черного и бурого цветов, обычно из целого отреза длиной 5—7 метров. Черкеску, как и бешмет, делали по фигуре в талию, цельнокроеной, без разреза, с большими клиньями у пояса до подола, образующими фалды. Рукава шили длинные и широкие (для удобства они обычно слегка отворачивались), с подкладкой ниже локтя. Черкеска имела открытый грудной вырез и за-

стегивалась у пояса на несколько пуговиц. На груди с двух сторон были нашивные карманы с мелкими отделениями для 13—15 газырей, а ниже талии по бокам — внугренние карманы. Полы черкески, рукава и карманы обшивались тесьмой. Сверху черкеска перетягивалась ременным поясом, на котором спереди висел кинжал.

Важной частью верхней одежды мужчины-горца являлась овчинная шуба, которую надевали зимой поверх бешмета, а иногда и черкески. Шубы различались по покрою: шуба по фигуре — с прямыми рукавами, приталенная и расклешенная внизу; большая шуба — широкая и длинная (почти до пяток), с ложными рукавами, носившаяся внакидку, и шуба без рукавов — с пелериной до пояса. На шубу шло в среднем 6—9 овчин; шили их главным образом мужчины.

Широкое хождение имели бурки, которые надевали на бешмет, черкеску или даже шубу, отправляясь в дальнюю дорогу или в поле в ненастную погоду. Нередко буркой пользовались и летом, защищаясь от жары. Простые бурки, необходимые в первую очередь чабанам, изготовляли сами; большие нарядные бурки для всадников покупали у андийцев.

На головах у горцев красовались овчинные шапки-папахи, войлочные шляпы или папахи из средне-

азиатского каракуля.

Самым распространенным головным убором была папаха. Она имела полусферическую форму и походила на перевернутый котел небольшого размера или усеченный конус. Шились папахи из сплошного куска овчины мехом наружу.

Посетивший Дагестан в начале XIX веке С. Броневский писал, что его жители «вместо полукруглой шапки черкесской... носят высокую шапку с плоской тульей и с черной бараньей опушкой».

Под влиянием моды форма папах на протяжении столетия неоднократно менялась. В конце века, например, стали делать шапки с невысоким (22—23 см), но несколько расширяющимся кверху околышем и суконным донышком. Папаху шили на теплой стеганой подкладке, суконное донышко крепилось несколько глубже крайней линии околыша. Донышки нарядных папах часто делались из сукна яркого цвета (красного, бордового, белого, голубого, синего) и украшались золотым, серебряным позументом или самодельной тесьмой. При изготовлении папах мастера использовали специальные деревянные болванки, на которые изделия натягивались во влажном виде и оставлялись до полного высыхания.

Летом для защиты от солнца использовали войлочные шляпы с широкими полями. Их делали из шерсти хорошего качества, обычно белого цвета.

Существенную часть головного убора составлял башлык, который шили как из местного, так и из фабричного сукна. Нарядные башлыки из белого или красного материала украшали галуном или тесьмой. Башлык напоминал капюшон; его кроили в форме равнобедренного треугольника, от которого с двух сторон шли небольшие полосы ткани для завязывания у шеи. Носили башлык поверх шапки, когда отправлялись в путь в ненастную погоду; обычно его закидывали на спину черкески и закрепляли с помощью тесьмы.

Чалмы на Кавказе обычно не носили. Чалму можно было увидеть лишь на некоторых представителях духовенства и важных людях среди жителей Причерноморья.

В Имамате Шамиля чалма была введена как знак отличия между гражданами разных званий и должностей.

Кадиям, муллам и другим ученым людям — алимам был присвоен зеленый цвет. Хаджиям — меккан-

ским пилигримам, особо уважаемым в народе, — гранатовый, наибам — желтый, и т.д. Сам Шамиль носил белую чалму, как и все простые мюриды. Впрочем, эти головные уборы не были чалмой в ее натуральном виде. Для горцев это было бы слишком хлопотно и не всегда по средствам. Роль чалмы в горах исполнял кусок кисеи или другой материи, обернутой вокруг обычной папахи.

К мужской обуви относились мягкие сапоги (у аварцев — «чакмай»), кожаные галоши, башмаки (от тюркского слова «басмак» — «наступать») на толстой кожаной или деревянной подошве, с небольшим каблуком и загнутыми вверх носами, чувяки из цельного куска сыромятной или дубленой кожи, сложенного вдвое, и обмотки (у кумыков — «долагъ»). Последние представляли собой полотнище с длинными шнурами на одном конце для перетягивания ноги сверху.

Именно обмотки имел в виду Н. Дубровин, когда писал, что горцы Дагестана «носят во время лета на коленях суконные ноговицы, а зимою привязывают кусок войлока». В высокогорных районах, где морозы крепче и зима длится дольше, население широко пользовалось сапогами из войлока. Они делались с острыми загнутыми вверх носами и длинными голенищами.

В домашних условиях использовались шерстяные носки, которые умела вязать каждая женщина. Для прочности к носку иногда подшивали сукно или холст. Поверх носков надевали мягкие сафьяновые сапоги, голенища которых покрывали ажурной строчкой. Основу таких сапог составляли тонкие, без подкладки, чувяки, к которым пришивались тонкие же голенища из черного, красного или желтого сафьяна. Иногда голенища не пришивались, а прикреплялись при помощи петель и пуговиц.

Изготовление обуви и головных уборов, шитье мужской одежды, кроме нижнего белья, входили в обязанность мужчин. Исключение составляли кумы-

ки, у которых бешметы, черкески и шубы шили женщины. Одежду на заказ изготовляли мастера-специалисты, труд которых оплачивался натурой (зерном, шерстью, овчиной) или деньгами.

Во второй половине XIX века в Дагестане стала появляться готовая одежда из России, Закавказья, Средней Азии (сапоги, башмаки, галоши, нижнее белье, пальто, носки и др.). В начале XX века мужчины стали носить модные в то время брюки «галифе».

Почти ту же одежду, что и мужчины, носили мальчики. Им шили такого же покроя штаны, рубашки, шубы, овчинные папахи (с 1—2 лет), бешмет (с 7—8 лет). Черкеску подросткам, как правило, не делали. Исключение составляли лишь богатые семьи.

Для детской одежды использовались ткани более ярких расцветок. Маленьким детям в качестве верхней одежды шили стеганые телогрейки в виде кителя или куртки с длинными рукавами и прямым разрезом спереди или без рукавов и воротника. Те и другие застегивались на пуговицы. Особенностью верхней одежды кубачинских мальчиков была стеганка на ватной подкладке, цельнокроеная, сшитая в талию и расклешенная при помощи 8—10 клиньев. Она имела спереди разрез, но застегивалась сбоку.

На голову детей младшего возраста надевали шапочки из плотных шелковых тканей (бархата, парчи), несколько напоминавшие по форме среднеазиатские тюбетейки; детям постарше — те же овчинные шапки. Овчинную шубу детям шили обычно в талию, без накидки, с прямыми рукавами. На ногах дети носили войлочные сапоги и чувяки или «дабри».

Костюм каждого совершеннолетнего горца украшал кинжал, висевший спереди на ременном поясе. В дорогу брали с собой шашку или саблю, пистолет и кремневое ружье. Оружие украшали насечкой по кости, металлу и рогу, с глубокой гравировкой и чернью по серебру. Во второй половине века, с проникновением в горы изделий городского быта, зажиточные горцы стали носить кольца с печатками, перстни и цепочки от карманных часов.

Значительно больше, чем мужской, украшался костюм мальчиков. На головные уборы нашивали серебряные круглые бляхи с подвесками на цепочках; детскую одежду покрывали монетами, подвесками, литыми фигурками, фрагментами серебряных украшений, бляхами, сердоликовыми бусами и т. п. Многие из этих предметов служили амулетами или талисманами.

В Имамате на груди отличившихся горцев можно было увидеть учрежденные Шамилем ордена и другие знаки отличия.

Первые наградные знаки появились в Чечне. В одном из донесений генерала П. Х. Граббе говорилось: «Давно уже до меня доходили слухи, что Шамиль для поощрения наибов, отличившихся в скопищах своих, раздает им знаки отличия вроде наших орденов и старается вводить некоторую правильность между своими полчищами. Высшей наградой среди мюридов считался военный знак отличия».

Ордена и знаки отличия изготовлялись дагестанскими ювелирами из серебра с позолотой, чернью, зернистой сканью. Полузвезды для генералов, треугольные медали для трехсотенных командиров, круглые для сотенных, особые награды, эполеты, сабли с темляками (кистями на рукоятке) за храбрость и другие знаки украшались надписями на арабском языке. Надписи эти тоже были весьма разнообразны, порой они содержали и имена награжденных. «Это герой, искусный в войне и нападающий в битве как лев» — можно было прочитать на медали храбреца. Наиб Ахвердилав имел серебряный орден с надписью «Нет человека храбрее его. Нет сабли острее, чем его сабля», а также темляк за свою неустрашимость. Подобную награду имели и чеченский наиб Джават-Хан, и многие другие отличившиеся горцы.

Имам Шамиль, имевший титул «Повелитель правоверных», орденов не носил. Л.Толстой в «Хаджи-Мурате» писал: «Вообще на имаме не было ничего блестящего, золотого или серебряного, и высокая, прямая, могучая фигура его, в одежде без украшений, окруженная мюридами с золотыми и серебряными украшениями на одежде и оружии, производила то самое впечатление величия, которое он желал и умел производить в народе».

Верхняя одежда вайнахов, по словам Н. Грабовского, «состоит из черкески туземного сукна, ситцевого бешмета, папахи и чувяк, делаемых из лошадиной кожи или из сафьяна, с подошвами из этой кожи; зимою сверх этого костюма носится овчинная шуба, а ноги облекаются в теплые чувяки, похожие на валенки. Дети лет до четырех не облекаются почти ни в какую одежду; исключением в этом случае служат только дети более состоятельных родителей. С четырехлетнего же возраста их одевают в рубашки, а дальше дают и шаровары; зимою же одевают в полушубки...».

В. Пфаф писал: «Одежда осетин ничем не отличается от одежды остальных кавказских горцев. В обыкновенное время они носят из толстого холста рубашку со стоячим воротником и халат из толстого, большей частью коричневого цвета сукна. Обыкновенная обувь состоит из сандалий (лаптей), плетенных из веревок или ремней, которые подвязываются к ноге точно так же, как у древних греков и римлян. Эта обувь весьма практична для горных стран; сапоги же с гладкою кожаною подошвою не годятся для тамошних путешествий, так как с ними нет возможности держаться на крутых склонах и льдах. В зимнее время осетины носят теплые, из войлока, чувяки («дзабертое»), почти до колен. Штаны («халаф») в летнее время носятся из холста, в зимнее — из сукна. Шаровары («сакбар») обыкновенно делаются из сукна. Иногда осетины, преимущественно на южном склоне, носят и грузинские башмаки («чуститое»). Бурка и башлык составляют необходимую принадлежность дорожной или зимней одежды.

Богатые люди в ауле никогда не отличаются в одежде от бедных... Богатые парадные их костюмы висят в кунацкой и надеваются во время общественных праздников или в случае приезда знатных гостей. В этом обычае выражается принцип равенства всех в патриархальном обществе, — и действительно, богатые люди образованием и обстановкою весьма мало отличаются от бедных. Богатство их помещается в сундуках или висит в виде драгоценного оружия на стенах в кунацкой, либо спрятано в виде утвари в чуланах. Превосходство богачей над остальными проявляется только в праздничные дни.

Парадная одежда осетина во многом отличается от обыкновенной. Рубашка бывает из тонкого цветного полотна. Бешмет (архалук) называется по-осетински «корост». Черкеска (цуха, чуха) из более тонкого сукна, синего, коричневого, желтого и даже красного цвета. Черкеска или кафтан спускается немного ниже колена и на груди пришит ряд кожаных футляриков (газырей. — Aвт.) для патронов («перц», «перцитое» во множественном числе). На правой и левой стороне груди до 7, 8, 9 таких футляров. Это украшение чрезвычайно изящно и придает одежде кавказских горцев особенную прелесть. В кожаных фугляриках, пришитых к груди, находятся патроны, у богатых — из настоящего серебра... Эти патроны в настоящее время служат только украшением, прежде же они были наполняемы порохом, пулями и зарядами для винтовки и пистолета. На поясе, узко стянутом в праздничные дни, осетин носит спереди кинжал («кама»), а по сторонам — один или несколько пистолетов («дамбадзе»). Шашка же («кард») висит через плечо, на спине - винтовка («топ»), большей частью в чехле из медвежьей шкуры или белого козла.

Осетины носят на голове довольно высокую цилиндрической формы папаху («худ») из черного бараньего меха или простую войлочную шапку. Впрочем, папаха сильно подвержена моде: порою ее

шьют очень высокою, в аршин и более высоты, а в другое время довольно низкою, так что она немного лишь выше папахи крымских татар. Эту папаху осетин почти никогда не снимает, что отчасти происходит от того, что голова у многих совсем обрита. В дороге, в ночное время, папаха служит подушкою. За Кавказом осетины носят иногда и папахи конусообразной формы, как у закавказских татар (азербайджанцев. — Авт.) и у многих грузин.

Главное щегольство осетина составляют оружие и кушак («рон») или пояс. Последний большею частью украшен серебряными различных форм бляшками».

А вот несколько зарисовок, сделанных бароном Ф. Ф. Торнау: «Во время путешествия через горы я совсем износил мое платье; черкеска была в лохмотьях, обувь едва держалась на ногах. У горцев существует обычай размениваться подарками с новым знакомым. На основании этого обыкновения весьма кстати принесли мне на другое утро от имени моей хозяйки новую черкеску, ноговицы и красные сафьянные чувяки, обшитые серебряным галуном, который черкешенки умеют изготовлять с неподражаемым искусством. Все эти вещи отличались хорошим вкусом, особенно чувяки, обувь без подошвы, на которую знатные черкесы обращают главное внимание в своем наряде. Они шьются обыкновенно несколько меньше ноги, при надевании размачиваются в воде, натираются внутри мылом и натягиваются на ноги подобно перчаткам. После того надевший новые чувяки должен лежа выждать, пока они, высохнув, примут форму ноги. Под чувяками впоследствии подшивается самая легкая и мягкая подошва...

Одежда черкеса, начиная от мохнатой бараньей шапки до ноговиц, равно как и вооружение, приспособлены, как нельзя лучше, к конной драке. Седло легко и имеет важное достоинство не портить лошади, хотя б оно по целым неделям оставалось на ее спине».

В XIX веке почти все горцы, начиная с детского

возраста и до глубокой старости, брили голову. С наступлением совершеннолетия оставляли усы и тщательно за ними ухаживали (существовала даже суповая ложка особой формы, позволявшая не пачкать усы и бороду во время еды).

Люди в возрасте иногда красили усы и бороду хной. Это делалось не только из гигиенических целей или по обычаю, но и для того, чтобы в случае нападения на аул все его защитники выглядели, хотя бы издалека, молодыми и сильными воинами.

Женские наряды и украшения

Большим своеобразием отличалась женская одежда, учитывавшая условия национального, социального и даже зонально-климатического бытия горянок. Для ее изготовления применялись в основном привозные ткани фабричного производства: бязь, нанка, ситец, шелк, парча и др.

Женскую нательную одежду составляли широкие и узкие штаны и туникообразная рубаха, длиной почти до пят. Рубаха, как правило, имела широкие спущенные плечи, прямые широкие и длинные рукава, на груди вырез, иногда узкий воротник. У шеи рубаха застегивалась на одну пуговицу. В некоторых районах Дагестана поверх рубах женщины носили (особенно во время работы) широкие матерчатые пояса («ижи» или «иржи»).

В предгорной и частично горной полосе Дагестана были распространены платья, известные в литературе под названием «архалук». Шили их в талию с прямым разрезом сверху донизу, с узким лифом и пришитой юбкой в мелкую или глубокую складку, широкими и длинными (до пят). Платье имело откидные рукава, иногда с разрезом ниже локтя. У даргинок оно называлось «лабада» или «гурди», у аваргинок оно называлось «лабада» или «гурди», у аваргинок

цев «горде», у кумычек — «арсар» и «бузма», у лезгинок и табасаранок — «валжаг» и т. д.

На Западном и Центральном Кавказе в моде были платья типа «къабалай» — приталенные, с открытым грудным вырезом, широкой закрытой спереди юбкой в складку и рукавами на манжете. Вырез украшался яркой отделкой из узких шелковых лент, пришитых с двух сторон в виде галунов. Такие платья охотно носили черкешенки, кабардинки, балкарки, осетинки и т. д. От них эта мода в середине XIX века перешла к кумычкам (они называли платье «асетин полуша») и затем распространилась на весь Дагестан.

Как и мужчины-горцы, женщины зимой носили овчинные шубы мехом внутрь. Они также были трех типов: широкая шуба с длинными ложными рукавами и откидным меховым воротником, шуба-накидка без рукавов и шуба в талию, с фалдами, короткими рукавами и грудным глубоким вырезом. Женские шубы не запахивались, а застегивались у ворота особой серебряной застежкой. Полы и рукава шубы оторачивались мехом. Для нарядных шуб подбирались однотонные шкурки белых молодых барашков. Воротник, разрез на груди до пояса и рукава выше меховой оторочки у таких шуб обшивались золотым позументом или цветной шелковой лентой, расшитой золотом. Особо дорогие шубы изготовлялись из меха хорька, выдры и горностая.

Самым распространенным женским головным убором горянок был платок на подкладке («чухта», «чохтю», «чухіа», «чукі», «чутхъа», у чеченок — «чухт»). Верхняя часть представляла собой налобную повязку, а нижняя свободно спадала на спину, прикрывая голову и волосы, иногда делалась в виде мешочка. Чухту обычно шили из черной ткани; нередко налобную и теменную часть украшали серебром, кусками парчи или разноцветной шелковой ткани. К обоим концам верхней (налобной) части убора, как прави-

ло, приделывали неширокие ленты, которыми женщина обвивала голову, надевая чухту, и концы которых завязывала на затылке.

По покрою и способу ношения чухты можно разделить на два типа. Первый — чухта полотнищеобразная, на подкладке, незащитая вдоль. Второй чухта из двух или трех частей: чепец со сборками выше затылка, из плотной ткани черного цвета на белой подкладке; накидка на волосы с подкладкой из белой бязи или ситца: полотнище (длиной 60-61, шириной 37-38 см), спускавшееся почти до пят и крепившееся ко второй части убора с помощью петель и пуговиц. Чепец и завязки украшали монетами. кораллами, бисером, жемчугом, серебряными цепочками. Внизу чухта оканчивалась каймой — широкой яркой лентой с пришитой к ней золотой или серебряной бахромой. Молодые женщины и девушки носили чухту из ярких разноцветных кусков по возможности дорогой ткани (атлас, парча, бархат, тафта и др.), пожилые — из ткани преимущественно темных расцветок и, как правило, без третьей ее части.

Вторым самостоятельным элементом головного убора дагестанской женщины, выполнявшим роль платка, являлось большое покрывало, называемое «кlаз», «дикlа», «чаба», «ашмаг». Шилось оно из бязи, полотна или натуральной шелковой ткани местного производства. Развернутое покрывало накладывалось на темя так, чтобы правый конец был гораздо короче левого и свободно свисал за спиной, а левый конец проходил под подбородком, полностью покрывая грудь, и тоже закидывался на голову, после чего опускался на спину. Иногда края покрывала на темени скреплялись булавкой. Концы его украшались каймой с бахромой, золотым шитьем. На протяжении XIX века покрывала постепенно вытесняли шелковые и хлопчатобумажные платки, а также шерстяные шали.

Женская обувь была во многом похожа на мужскую (чувяки, кожаные и войлочные сапоги, башмаки и т. д.). Но она была изящной, имела лучшую от-

делку, покрывалась узорами из серебряной или золотой канители. Женские сапоги имели более низкие голенища. Шерстяные носки, в отличие от однотонных мужских, вязали из разноцветных ниток. Обмотками женщины не пользовались.

Н. Грабовский писал: «В Кабарде и в горских обществах ее женщины высшего сословия ходят не иначе, как на низеньких ходулях. Ходули эти по большей части деревянные, но бывают и серебряные. Устроены они из двух стремянообразных дощечек высотою в 3—4 вершка, к которым сверху прикреплена третья плоская дощечка длиною в 5—6 вершков; эта последняя дощечка имеет форму подошвы или просто четырехугольника; по середине ее прикреплен ремень, в который всовывают ногу, становясь на ходули».

Среди женских украшений важнейшими были украшения налобно-теменной части чухты. Это могли быть массивная цепочка сложного плетения на налобной кромке чухты или 5—7 рядов серебряных монет разной величины; тонкая цепочка таких монет окаймляла налобный край убора, такая же цепочка спускалась с висков и огибала подбородок. Иногда вместо монет на теменную часть нашивали бусы из коралла, бисера, жемчуга в определенном сочетании с серебряными бляхами, литыми фигурками птиц, широкими цепочками кольчужного плетения и перламутровыми пуговицами. Височные подвески инкрустировали цветными камнями и стеклами.

Особый тип украшений составляла серебряная фигурная пластинка с черневым растительным орнаментом или бляха с накладным сканно-зерневым узором. От такой пластинки на лоб спускались многочисленные двойные или одинарные подвески на легких цепочках. Подвесками служили мелкие монеты, жетоны, бубенчики и т. п. В большинстве случаев это украшение соединялось несколькими цепочками с височными подвесками, составляя с ними единое художественное целое.

В ушах горянки носили серьги в виде подвесок, пластин, украшенных гравировкой, или полых серебряных шариков, укрепленных на небольшой дужке. К нагрудным украшениям относились разнообразные ожерелья и бусы, а также массивные бляхи, монеты, цепочки, подвески. Последние обычно нашивались симметрично с двух сторон груди. Были даже специальные нагрудники из монет.

С нарядным платьем женщины часто носили пояс. Пояса имели разнообразную форму. Одни состояли из соединенных между собой серебряных звеньев. Такие пояса были неширокими и имели небольшую пряжку. Украшались они сканно-зерневым узором, инкрустировались вставками из цветных камней и стекол. Более распространен был широкий пояс из кожи или платяной ткани с массивной серебряной пряжкой. На него нашивали в три ряда монеты и выпуклые серебряные бляхи. К нижней части пряжки иногда прикреплялись подвески на цепочках. Изготовляли пояс и из позументной ленты, которую украшали серебряными бляшками, выполненными в технике ажурной филиграни.

Украшения для рук составляли всевозможные кольца и браслеты. Кольца в основном были серебряные, типа печаток с гравировкой под чернь или с цветными камнями (сердолик, альмадин, бирюза) и стеклами. Кубачинские мастера изготовляли для знати золотые кольца с драгоценными камнями. Особенно много колец дарили женщине на свадьбу, так что порой каждый палец руки новобрачной бывал унизан двумя-тремя кольцами. Одаривая невестку, родственницы мужа обращались к ней со словами: «Будь богата!»

Большим разнообразием отличались женские браслеты. Они были литые и в виде незамкнутого овала, с застежками и без. В старину были особенно распространены витые браслеты-змейки из серебряной толстой проволоки. Концы их расплющивались и на них наносился гравированный черневой узор, либо делалась инкрустация цветными камнями и стеклами. Форму незамкнутого овала имели и серебряные пластинчатые браслеты, покрытые зернью,

сканью, украшенные чеканными выпуклыми шишечками и инкрустированные драгоценными камнями. На браслетах такого типа специализировались

кубачинские ювелиры.

Браслеты с застежкой (двустворчатые) были распространены меньше. По внешнему облику они мало отличались от браслетов без застежек. Их также украшали зернью, гравировкой и чернью с 1—3 камнями или инкрустировали цветными камнями и стеклами. Украшенный зернью браслет имел в центре утолщение, что придавало ему массивность; соответственно увеличивалось и количество орнаментальных камней. К краю браслета припаивалось маленькое колечко и на нем на цепочке укреплялся стерженек, которым браслет застегивался.

С проникновением в горы изделий фабричного производства местные мастера стали изготавливать браслеты по городским образцам. Это были легкие украшения с одним крупным камнем в центре на нетолстой проволоке или неширокой тонкой пласти-

не, покрытой черневым узором.

Дорогие платья и украшения бережно хранились и передавались по наследству. И теперь еще многие горянки выходят замуж в нарядах и украшениях своих матерей, бабушек и прабабушек.

Женщины Дагестана, как и другие горянки, обычно носили длинные косы, их могло быть до 12—20. Незаплетенными оставались пряди волос от висков вдоль щек до мочки уха. Жительницы предгорий оставляли также на лбу челку. Косы девочкам начинали отращивать с 5—6 лет; до этого возраста их стригли очень коротко, оставляя челку и прядь волос у виска.

Младенческие волосы как у девочек, так и у мальчиков сбривали. Это событие в семье отмечали торжеством, сопровождавшимся раздачей ритуальной пищи. У татов было принято взвешивать снятые волосы, причем на другую чашу весов клали деньги. На эту сумму покупали сладости и раздавали детям.

За длинными косами девочке до 12-13 лет помо-

гала ухаживать мать. Чтобы волосы лучше росли и блестели, их мыли простоквашей, яичным желтком, миндальными отрубями с молоком, а при расчесывании слегка смазывали топленым маслом.

Косметика в XIX веке особого распространения не имела. Лишь на равнине и в предгорных районах женщины из состоятельных семей иногда красили волосы и ногти хной, сурьмили брови, румянились водным раствором кармина. Девушки для придания белизны коже лица мыли его кислым молоком или мазали раствором белой глины, который смывали после работы в поле.

Со второй половины XIX века в костюм и домашний обиход знатных и состоятельных дагестанских семей все настойчивее вторгается «русский стиль». Вот свидетельство Н. И. Воронова, посетившего в Кумухе вторую вдову Агалар-хана Казикумухского: «Ханша Халай, еще свежая женщина, принимала нас, сидя на ковре, с поджатыми под себя ногами; костюм ее, весь черный, в национальном вкусе, резко отличался от костюма дочерей, уже замужних; они одеты были почти по-европейски, притом в весьма богатые шелковые платья. Одна из них разливала чай, который нам и подан был по русскому обычаю. Вся обстановка и этого ханского дома, вообще не бедная, представляет также смесь туземного с русским».

Основные детали женского костюма, описанные выше, были характерны не только для Дагестана. Н. Грабовский отмечал, что женщины Ингушского округа Терской области «сверх обыкновенной кумачной рубахи, доходящей до колен, носят бешметы из такой же материи. Остальной костюм составляют широкие шаровары, подвязанные у чувяк; голова повязывается куском белой бязи; костюм девушки нисколько не разнится от женского, но голова последних повязывается особенным манером. Женщины зимою носят шубы, но надевать их девушкам считается большим срамом. Предполагается, что молодая кровь должна согревать их...».

В статье Л. Тариевой «Институт Сув в древней Ингушетии» мы находим интересные сведения:

«...Шитьем, изготовлением одежды, созданием костюма, организацией этикета, музыкой, танцами и другими подобными занятиями ведали специально избранные, обученные и особо воспитанные с детства женщины. Эти женщины назывались «Сув» («Княгиня»).

В соответствии с традицией из девочек избирали одну, отличавшуюся внешностью и способностями. Учителем девочки выступала другая, старшая Сув. Обычно старшая Сув попадала в чужое селение благодаря браку и готовила себе преемницу из местных девочек.

Сув запрещалось ходить на сельхозработы, запрещался тяжелый домашний труд и другие подобные работы. Но в ее обязанности входило распространение специфически женских знаний и ремесел: умение ткать, прясть пряжу, шить, вышивать, изготавливать фурнитуру, умение носить костюм и т. д.

Важной частью женского просвещения было то, что Сув наставляла девушек при их вступлении в

брачный возраст.

Нередко, учитывая высокую роль Сув в обществе, ее избирали из числа дочерей наиболее почитаемых благополучных семей. Глава такой семьи был, как

правило, владельцем башни.

Сув выполняла не только светские, но и сакральные обязанности: только Сув имела право изготовлять одежду для жрецов. Она же шла во главе молодежи во время процессии к местному святилищу, располагавшемуся на горе. После принесения жертвы в ее обязанности входило правильное распределение частей тела животного для ритуального пира.

...С распространением монотеизма изменились форма и функции одежды. Изменилось и мировоззрение ингушей. Институт Сув стал терять свою значимость и постепенно перестал существовать».

По свидетельству В. Пфафа, у осетинок на теле «длинная до пят рубаха из толстого холста или бумажной материи, широкие шаровары из ситца или (зимою) сукна, большею частью коричневого цвета. В

праздничные дни они любят одеваться по возможности пестро. Сверх рубашки они носят длинный халат до пят, из легкой или теплой материи, смотря по времени года. При работе поднимают этот халат и прикрепляют его к поясу, так что шаровары видны до колен. Обувь в холодное время та же самая, что у мужчин, летом же они ходят босые. Голова обыкновенно до плеч покрыта платком. Этим же платком они закрывают лицо до глаз каждый раз, когда приближается к ним посторонний мужчина. Девицы заплетают косы и некоторые завязывают голову черным шелковым платком в виде шарообразной шапки. Более богатые женщины в праздничные дни носят отчасти на голове, отчасти на плечах довольно длинные белого цвета прозрачные вуали. У некоторых девиц зашивают грудь до пояса в довольно узкий кожаный корсет, который, как говорят, не снимается до выхода их замуж...».

Н. Грабовский так описывал наряды кабардинок: «Расположившись с одной стороны костра на нарочно приготовленном диванчике, покрытом подушками, я принялся за наблюдения. Первое, что бросилось мне в глаза — это были пестрые костюмы девушек, состоящие из цветных рубашек и шалвар, подвязанных внизу, у чувяк; все это покрывал длинный бешмет с серебряными застежками на груди, а талию охватывал широкий пояс с массивными серебряными бляхами; головы девушек были покрыты до верху галунами, имеющими форму пули системы Минье; словом — горянки были одеты по-праздничному...

Так как между сверкавшими серебром нарядами нередко попадались и весьма скромные и чаще — девушки с простыми повязками на головах, то я и полюбопытствовал узнать, не от разницы ли в средствах происходит скромность некоторых нарядов. Оказалось, что кроме этой, само собою разумеется главной причины, богатство наряда и особенно головной убор составляют сословное преимущество. Таким образом, на всех горских празднествах, имеющих по обычаю вполне демократический характер, сразу можно отличить девушек высшего сословия».

В заключение приведем описание одежды черкесских женщин, данное Ф. Ф. Торнау: «Черкесский женский костюм я нахожу чрезвычайно живописным. Поверх широких, к низу суженных шаровар, без которых не найдешь женщины на Востоке, носится длинная белая рубашка, разрезанная на груди, с широкими рукавами и небольшим стоячим воротником. Талия стягивается широким поясом с серебряною пряжкой. Сверх рубашки надевается яркого цвета шелковый бешмет, короче колена, с рукавами выше локтя, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными застежками. Маленькие ножки затянуты в красные сафьянные чувяки, обшитые галуном. На голове круглая шапочка, обложенная серебряным галуном, повитая белою кисейною чалмой, с длинными концами, падающими на спину. Волосы распущены по плечам. Под рубашкою девушка носит так называемый пша-кафтан, который есть не что иное, как кожаный, холщовый или матерчатый корсет с шнуровкой спереди и двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающими обе груди, так как у черкесов тонкая талия и неполная грудь составляют первые условия девичьей красоты. Этот пша-кафтан подал повод к басне о кожаном поясе, в который черкешенка зашивается будто бы с детства и который распарывается кинжалом, когда она выходит замуж. Черкесская девушка растет свободно, как я сам видел на Кучухуже и на других ее подругах, до 12 или до 14 лет, потом ей надевают пша-кафтан, переменяемый по мере того, как она растет и развивается. С помощью этого корсета ей дают неимоверно тонкую талию. При выходе замуж пша-кафтан, составляющий непременную принадлежность девушки, просто снимается, потому что женщины от него совершенно избавлены. Грузины, абазины и южные дагестанцы выдавали прежде двенадцатилетних девушек; черкесы, напротив того, если возможно, уберегают их от замужества лет до двадцати, отчего женщины у них сохраняются очень долго...»

ХІ. КАВКАЗСКИЙ СТОЛ

Пища горцев

Кухня горских народов Северного Кавказа, несмотря на национальные особенности, имела много общего. Поскольку ведущими отраслями хозяйства горцев были животноводство и земледелие, основу пищевого рациона составляли мясомолочные продукты, изделия из теста, овощи и фрукты.

Из пшеничной, кукурузной, ячменной, ржаной, просяной муки делали хлеб, пироги, лепешки, чуреки, хинкал, пельмени и др. Зерно, смолотое в домашних условиях на ручной мельнице, давало крупу, из

которой варили каши.

Хлеб выпекался в печах, которые могли иметь свои особенности у разных народов. Агулы пекли

особый ажурный хлеб.

Из мясного горцы предпочитали баранину, затем — говядину. Конину ели очень редко, обычно в тех случаях, когда приходилось резать тяжелораненое животное. В пищу шло также мясо домашней птицы и дичи (зайца, косули, дикой козы, куропатки и др.). Изредка ели и голубиное мясо, поскольку считалось, что от этого улучшается зрение. Как правило, горцы ели свежее мясо осенью, когда резали скот, а также на свадьбе, поминках, всякого рода общественных мероприятиях и праздниках. В обычное вре-

мя довольствовались мучной и молочной пищей. Мясо употребляли в основном вареное, вяленое на воздухе, сушеное и очень редко жареное.

В целом, как в пище, так и в других делах горцымусульмане руководствовались понятиями халал (дозволенное) и харам (запрещенное, греховное). Неукоснительно соблюдалась традиция есть мясо только дозволенных животных, зарезанных по мусульманскому обряду, с молитвой, и у которых была спущена кровь.

К примеру, охотничья добыча, если ее успела задушить собака, считалась уже оскверненной и не год-

ной в пищу.

Рыбу и блюда из нее употребляли в основном жители приморских районов. Жители гор ели рыбу редко, хотя в их реках водились ценные сорта.

Молочные продукты (творог, сыр, масло, сметану) изготовляли из молока коров, коз, овец, буйволов. Вместо свежего молока в пищу предпочитали употреблять кислое (простоквашу, кефир, айран).

Важное место в питании горцев занимала растительная пища. Часть растений шла в пищу в сыром виде, но в основном они служили начинкой для пирогов и пельменей. В садоводческих районах рацион разнообразили фрукты (яблоки, груши, персики, абрикосы) и ягоды. Плоды и ягоды употребляли в пищу в свежем и сушеном виде.

По словам И. Орбелиани, «в пище горцы чрезвычайно умеренны — кусок чурека с куском бараньего сала или сыру и десяток хинкали составляют всю их

пищу».

Ели, как правило, три раза в день. Утром, между 7 и 9 часами, смотря по времени года, бывал завтрак; в полдень — обед; в 6 (зимой) и в 8 (летом) вечера — ужин. На завтрак и в обед ели хлеб, сыр, яйца, молоко, творог, различные каши. Самым обильным и сытным был ужин, на который подавалось что-нибудь горячее. Вся основная работа по приготовлению пищи лежала на женщине; мужчины готовили только праздничные блюда (например, шашлык на свадьбе и т. п.).

Обычно ели усевшись на полу вокруг подноса. Ели не спеша, каждый своей ложкой, но из общего блюда. Если посторонних в доме не было, муж и жена обедали вместе.

В случае приема гостей на ковре или невысоком столе расстилали скатерть; вокруг клали подушки для сидения. Угощения подавали обычно все сразу на медных и деревянных подносах круглой или прямоугольной формы.

Самым почетным утощением считался баран или бык, зарезанный в честь заезжего гостя. В присутствии гостей обедали сначала мужчины, потом женщины; причем, пока мужчины не уйдут и не оставят женщин одних, последние пищу не принимали (исключение составляли случаи, когда в комнате находились близкие знакомые или соседи).

На праздничных пирах старшему предоставляли самое почетное место (обычно у очага); на противоположной к почетному гостю стороне садился хозяин дома, чтобы помогать жене подавать кушанья. Другие старшие родственники садились полукругом возле них; им прислуживало несколько молодых людей, для которых в таких случаях ставилось особое блюдо подальше от старших.

«Черкесы употребляют для молока деревянные ложки, говяжий отвар пьют из ковшей, — пишет Ф. Ф. Торнау. — А все остальное едят пальцами из одной большой миски, поставленной посреди стола и обложенной вместо хлеба кусками густой просяной каши. Говядину режут ножом, который у каждого имеется в ножнах кинжала. Число подаваемых блюд увеличивается со значением гостя: их было так много, что я не успел пересчитать. Обед состоял из вареной баранины, говяжьего отвара, разных яичниц, молока десятка различных приготовлений, вареных кур с подливкою из красного перца, жареной баранины с медом, рассыпного проса со сметаною, буйвольего каймака и сладких пирожков. Черкесы пьют только воду, брагу или кумыс, так как вино им запрещено Кораном.

По правилам черкесской вежливости, никто не касается кушанья прежде старшего гостя, и когда он кончил, все сидящие с ним за одним столом также перестают есть, а стол передают второстепенным посетителям, от которых он переходит дальше, пока его не очистят совершенно, потому что горец не сберегает на другой раз что было однажды приготовлено и подано. Чего не съедят гости, выносится из кунацкой и отдается во дворе детям или невольникам, сбегающимся на каждое угощение.

Место имеет большое значение в черкесском приеме. Для того, чтобы дать мне первое место и в то же время не обидеть старика Хаджи Соломона, гостя из дальней стороны, которому лета давали преимущество надо мною, его поместили в другой кунацкой и угощали особенно».

У осетин основной пищей были мясо, птица и хлебные изделия (кукурузные чуреки и пшеничные пироги с разной начинкой). Гостю подавали на блюде три круглых пирога. На праздничный стол подавались и треугольные изделия, также по три вместе. На поминальном столе количество пирогов было четным.

Мясо варили целой тушей или большими кусками. Приправой служил соус из чеснока или черемши на сметане или бульоне. Шашлык из баранины готовился без предварительного маринования мяса.

Популярными блюдами осетинской кухни были и остаются лывша из баранины, мамалыга, пироги с сыром (олибах), с мясом (фыдчин) и капустой (кабушкаджин).

По этикету во главе стола сажали тамаду — наиболее уважаемого и красноречивого старейшину. Справа от него — второго старейшину, затем располагались остальные, строго по старшинству.

Самыми почетными частями туши считались шея и голова, подавали их старшему по столу.

О характере блюд осетинской кухни находим также сведения у В. Пфафа: «Утром осетин съедает кусок

хлеба с сыром или с остатками мяса от предшествующих пиров. За неимением сыра и мяса они довольствуются одним только хлебом и пьют рюмку арака (водки), если есть, если же нет его — воду. Молока они не любят. Обед у многих не отличается от этой утренней закуски, но более достаточные люди едят и другие блюда, преимущественно сырник, то есть пирог с сыром, жаренный на курдючьем сале или на масле. Коровьего масла осетины почти не употребляют, хотя и умеют его приготовлять. Кроме сырника, самое обыкновенное блюдо баранина, только вареная, а не жареная, суп бараний с приправою лука, чеснока или другой зелени... Впрочем, за обедом блюдо из мяса, говядины или баранины (телятина никогда не употребляется, поскольку осетины не режут подростков) составляет не правило, а исключение...

Осетины приготовляют из сыра — национальной их пищи, несколько вкусных блюд: дзыка, то есть вареный сыр, и вылкейдзыка — жареный сыр; дыбса что-то вроде котлет, варенных в супе; хару — жаренная в масле мука, блюдо очень питательное. За обедом пьют арак и пиво, если от последнего угощения или праздника таковое осталось. Пиво из простого ячменя, жаренного на сковороде, приготовляется в больших котлах, которые от общества отдаются напрокат желающим. Хмель, насколько я знаю, не употребляется. Осетинское пиво — простой экстракт из солода. Оно очень вкусно. Впрочем, осетины на Кавказе — единственный народ, умеющий приготовлять пиво; остальные народы, у которых оно изредка употребляется, заимствовали его приготовление у осетин... Осетины приготовляют и хорошую брагу и квас (кумал) из кукурузы».

А вот краткое описание праздничной трапезы у ингушей и чеченцев, данное Н. Грабовским: «Как только мальчик с кумганом (рукомойником) скрылся за двери, в них показывается кругленький, низкий, на трех ножках туземный столик, наложенный кусками шашлыка, сыру и овсяного чурека. Если у гостя

нет равных ему товарищей, то бывает очень трудно уговорить кого-нибудь из присутствующих в кунацкой, или сопровождавших гостя в поездке, сесть закусывать вместе с ним... После шашлыка подается вареный баран, разрезанный на куски. По принятому обычаю это блюдо гости должны начинать с курдюка, а голова предназначается старшему, который, впрочем, из любезности может предоставлять ее в распоряжение и меньшей братии. По обычаю во время закуски гость тоже может делать честь наиболее почетнейшим из присутствующих при этом; эта честь заключается в том, что гость подает избранному кусок баранины и чурека... В заключение подается суп, в котором варился баран, приправленный сметаной и чесноком, в деревянных небольших чашках. Эти кушанья составляют в горах почти всегдашнее угощение...»

Традиционными блюдами чеченцев были и остаются: жижиг-галнаш (мясо с галушками и чесночной приправой), корта-когиш (баранья голова и ноги с галушками и чесночной приправой), домашняя колбаса, сискал-чурек, хингалаш (полукруглая лепешка с тыквой, которая выпекается на сковороде без жира), далнаш и чепалгаш (лепешки с разными начин-

ками), халва из орехов.

Пироги, пельмени, вареники с различными начинками (мясом, яйцами, творогом, картофелем, тыквой, курагой, зеленью и травами) готовили и у других народов.

В Дагестане самое распространенное блюдо — хинкал (схожий с чеченским жижиг-галнашем).

Готовили хинкал различных размеров и форм, из кукурузной, пшеничной и других видов муки, раскатывая тесто или делая лепешки.

Обязательным компонентом была подлива из кислого молока, в которую добавляли толченый чеснок и соль. Иногда добавляли также толченые орехи, перец и другие приправы.

Готовили блюдо так: отваривали в котле мясо, све-

жее или сушеное, затем его вынимали, а в котел бросали четырехугольные кусочки раскатанного теста или лепешки (это, собственно, и есть хинкал). Иногда лепешки были крупными (особенность высокогорий, где из-за нехватки топлива и зерна хинкал использовали также в качестве хлеба) или скатанными в виде трубочки. Через некоторое время их вынимали шумовкой и клали в большое блюдо. Рядом ставили подливу. В посуду, из которой ели хинкал, позже наливали бульон.

Хозяин дома делил мясо между присутствующими. При этом голову барана предлагали самому старшему, который угощался куском мяса и одним глазом, а остальное передавал почетному гостю. Таким образом голова обходила всех гостей, из которых каждый непременно отведывал кусок мяса; второй глаз оставляли хозяину.

Ели хинкал палочками из барбарисового дерева с двумя острыми концами.

Иногда на сковороде поджаривали мелкими кусочками сушеную колбасу или кусочки курдюка, а затем добавляли сывороточный уксус. Когда вся эта масса закипала, ею заливали хинкал, выложенный в миски.

Н. Львов писал: «Доставка для семейства воды возлагается по большей части на женщину, занимающуюся стряпаньем. Возвратившись от фонтана, она немедленно принимается за приготовление на завтрак (он же и обед) хинкала. Этот сорт кушанья... составляет повсеместную ежедневную пищу как для бедного, так и для богатого класса горцев. Даже те, которые занимают по службе хорошие места и получают от правительства хорошее содержание, большею частию питаются хинкалом. Хинкал этот не что иное, как куски пресного теста, приготовляемого из кукурузной, просяной, бобовой и, редко, пшеничной муки, сваренные в чистой воде. Вынув эти куски из воды, приправляют их уксусом (сывороточным — «ридыл канц», или же виноградным — «чадол канц», от слова «чаа» — вино), чесноком и небольшим количеством соленого коровьего сыра. Воду, в которой варят хинкал, некоторые пьют, а оставшееся, с прибавкою к ней небольшого количества какой-нибудь муки, идет на пойло скотине и собакам. Хинкал заменяет у горцев нечасто употребляемый ими печеный хлеб, который приготовляется из такого же пресного теста. Его раскатывают в тонкие лепешки и пекут в золе или на каменной плитке, служащей вместо сковороды. В иных аулах для печения хлеба устроены печи (кор). Таких печей на целый аул имеется две и не более трех. Их устраивают бедные, но веселые старухи, получающие весьма скудную плату за позволение желающим спечь два-три хлеба...»

Добавим еще одну зарисовку быта жителей Нагорного Дагестана из воспоминаний Абдурахмана Казикумухского: «Пищей им служит хинкал из пшеницы, начиненный салом, мясом или яйцами... Ложки и ковши для воды — из дерева. Ночью укрываются теплыми одеялами из бараньих шкур... Матрацы, сшитые из паласов, набиваются мякиной или сухой травой...

Посуда бывает у них из меди, стекла, керамики, дерева. Она развешивается по стенам в доме. Не считается богатым тот, у кого нет больших котлов, тазов, кувшинов, мисок. Ими пользуются только во время больших угощений или больших праздников, таких, как рождение и бракосочетание. Камины жилых помещений бывают в их центре. Когда разводят огонь, то садятся вокруг него, ставят котел и, когда кипит бульон с мясом и хинкалом, сидящие вокруг рассказывают то, что видели и слышали.

Для освещения используют лучины из корней сосны и кору березы, смолу которой употребляют как жвачку.

Когда еда готова, кладут ее на тарелку (хинкал и мясо) и наливают бульон; каждый берет свою ложку и все едят из одной миски... После еды женщины обычно заняты шитьем или другими домашними делами. А мужчины — своими делами.

Спят они все вместе — муж, жена, дети — в одной постели, под одним одеялом (ватным или шерстяным). Или же укрываются паласом (с ворсом). Детей, достигших зрелого возраста, кладут отдельно, как это отрегулировано в нашем шариате».

Татская кухня была построена по канонам иудейской религии, которые соблюдаются и по сей день. Как пишет С. Нахшунова: «Запрещалось употреблять в пищу мясо животных, погибших в результате несчастного случая или убитых не раввином. Свинина и конина строго запрещены. Таты никогда не употребляют вместе мясо и молочные изделия. Они могут есть молочное лишь через шесть часов после мяса. На все религиозные и другие праздники, а также по случаю свадеб, рождения детей и пр. таты готовили специальные блюда и целые обеды».

Отличительной особенностью татской кухни являлось наличие острых блюд и кислых приправ.

Обычный обед состоял из первого и второго. На первое готовили супы чегертме, яхны, щилово. На второе — жаркое по-татски, плов, хое-гушт.

Обед мог состоять и из одного блюда — душпере,

еп-раш или хинкал.

Праздничный стол отличался разнообразием и обилием. Кроме общих блюд: салатов, зелени, голубцов, готовились специальные — чуду с курицей, адыре-пилов, тара, холодец из мяса, курицы или рыбы. Обязательными были приправы, соленья, горький перец, чеснок. Хлеб пекли в специальных печах «тону» или «курух».

Из всех кавказских народов только таты пили калмыкский чай без молока. Специально к чаю жарили баранину, варили плов или готовили картофельное пюре. В чай обязательно добавляли соль, перец и жир от жареной баранины.

В пище горцев были распространены супы — мясные, молочные и постные — с рисом, фасолью, чечевицей, крупой. Заправляли их жареным курдюком, нутряным жиром и зеленью. Готовили и картофельный суп, добавляя в него немного поджаренной муки и несколько сырых яиц. В предгорье, где выращивали больше овощей, известен был тыквенный суп. Тыкву, очищенную от кожуры и нарезанную кусками, варили в воде вместе с луком. После

того как тыква была готова, добавляли лапшу и при-

правы.

Супы, как горячее блюдо, ели обычно вечером. Вспоминая о своем детстве, А. Омаров писал: «Когда мы приходили домой (после вечерней службы в мечети. — Asm.), ужин всегда бывал готов. Комната освещалась нефтяным светильником (чирахом), который стоял на краю печки. Огонь из печки выгребался в углубление пред печкою и кругом этого углубления (вилах) бывали постланы ковры. На правой стороне сверх ковра лежала еще подушка, на которой садился отец, если только не бывало никого из гостей. Недалеко от него мать суетилась, приготовляя ужин. Когда бывал суп, она наливала его из котла в глиняную чашку; чашку эту ставила она на круглый медный невылуженный поднос, клала на него еще целый горячий хлеб и ляжку баранины, сваренную в супе, потом клала несколько деревянных ложек, и все это ставила перед отцом, который сидел в это время на своем месте. Я садился около отца, а мать напротив нас. Отец брал сначала хлеб и, произнося: «Во имя Аллаха...», ломал его на куски, которые клал кругом подноса; потом, вынув из-под кинжала нож, разделял баранью ляжку между всеми. Первый кусок давал мне, а именно — предплечевую кость, потом матери доставалась плечевая кость, а себе оставлял лопатку. Если бы он предложил ее мне или матери, мы бы, само собою, не позволили себе отнять у отца почетный кусок. Это было бы противу обычая. Точно так же, если бы кто-нибудь из них взял себе мою часть, то этим бы меня обидел. Я мог бы, пожалуй, оскорбиться за такое нарушение моих прав и, чего доброго, оставил бы себя без ужина, в отмщение родителям. Такой ужин, как я описал, считается у лаков роскошью, и хозяева не позволяют себе разоряться на подобные роскошные ужины без особенной причины, как, например, не для гостя или не в праздничный вечер. Вообще, суп из риса считается лакомством, а баранина, сваренная для того, чтобы придать супу более вкуса, не съедается за ужином, а откладывается на другой день к обеду или завтраку. Впрочем,

у нас в семье, так как отец любил хорошо поесть, подобные роскошные ужины случались нередко и без гостей, и не в праздник. После ужина мать, с позволения отца, всегда посылала чашку супа какому-нибудь хорошему соседу, от которого и мы иногда получали в свою очередь порцию какого-либо редкого и вкусного блюда, например, пирогов с сыром, колдунов, супа из риса или чечевицы. Подобные одолжения в обычае между жителями...»

Большое место в пищевом рационе горцев занимали каши, приготовленные как из муки, так и из круп. Мучные каши варили в основном из пшеничной или кукурузной муки, приправляя их маслом, сметаной, медом, фруктовыми подливками.

На крупу шли все виды зерна — пшеницы, ячменя, проса и др. В селениях, где не было специального приспособления для очистки зерна, его мочили, затем раскладывали на деревянном подносе и били сверху камнем. Такое зерно разбухало сильнее, чем полба. Его варили в молоке или в небольшом количестве воды с мясом.

В горах, где было мало хлеба, в пищу шло толокно. Для его получения зерно сушили, затем поджаривали и мололи. Толокно брали с собой в дорогу, на время работы в поле. Разводили его в воде или бульоне, иногда на молоке с добавлением масла, размельченного овечьего сыра и творога.

Из коровьего и буйволиного молока горцы изготовляли масло. Для этого свежее после дойки молоко разливали в глиняные сосуды и оставляли стоять несколько дней. Затем ложкой снимали сливки и помещали их в один сосуд. Когда собиралось достаточное количество сметаны, ее клали в глиняную маслобойку, добавив столько же холодной воды. Сбивали масло, раскачивая сосуд взад и вперед. Вода, ударяясь о стенки, способствовала ускорению процесса взбивания масла. Снятое молоко шло на изготовление творога.

Из коровьего, овечьего и козьего молока делали сыр и брынзу. Приготовляли их дома и на летних пастбищах, с середины мая до начала сентября, пока не наступало время перегона скота на зимние кутаны. Свернувшееся молоко наливали в мешки из конопляной материи, чтобы вытекала сыворотка. Через некоторое время получалась сплошная чистая масса сыра, которую солили.

Масло, сыр, творог готовили и в запас. Овечий сыр в соленом виде сохранялся очень долго. Творог, предназначенный для хранения, засаливали и сушили, придав ему форму круга. Такие круги сушились в специальных сетках, сплетенных из ветвей и подве-

шенных к потолку.

Сыворотка использовалась для приготовления уксуса. Ее отстаивали (на месяц или больше) в закрытом глиняном сосуде, время от времени снимая пенку. Затем бросали туда горсть соли и несколько пучков чабреца для запаха и вкуса. Еще через 2—3 недели содержимое сосуда процеживали. В готовый уксус добавляли зеленых яблок и несколько головок чеснока, позже стали добавлять гвоздику и черный перец.

Осенью, во время забоя скота, из мяса приготавливали различные колбасы (промытые кишки и желудок барана, набитые фаршем из внутренностей с добавлением жира, лука, чеснока, перца, душистых трав, иногда круп и картофеля, завязывали и варили), шашлык, долму (мелко рубленное мясо с луком, рисом и перцем заворачивали в листья винограда, капусты или конского щавеля и варили), начинки для пирогов и пельменей. Мясо употребляли в вареном и печеном виде, добавляли в яичницу и плов.

Мясо также заготовляли впрок. Чаще всего засушивали, вялили или коптили над очагом тушу барана целиком, не отделив ни позвоночника, ни конечностей. В наиболее толстых местах тушу надрезали, закладывая в разрезы соль. Особым деликатесом считается сушеная колбаса с пряностями (у аварцев — «цЈураб бакь»), которая хранится очень долго и употребляется с хинкалом и в других блюдах.

На зиму также сушили травы, ягоды, фрукты. Другим способом заготовки фруктов впрок было мочение. Из плодов сливы и особенно алычи готовили кислый лаваш, кусочки которого добавляли в пищу в качестве приправы. Для этого плоды заливали небольшим количеством воды и варили; затем процеживали, отделяя мякоть от косточек. Получившуюся кашицеобразную массу разливали тонким слоем на подносы и подсушивали на солнце.

Из мелкой сливы готовили и разнообразные приправы наподобие ткемали. Впрок заготавливали и

острые приправы вроде аджики.

Особым лакомством были земляной орех (груша) и сладкие блюда, которые обычно готовились к праздникам: разного рода халва с медом и орехами, козинаки, цукаты, шербет, пироги с фруктовой начинкой и др.

Полезным и вкусным деликатесом был урбеч — густая масса из молотых семян льна и абрикоса с до-

бавлением масла и меда.

Из напитков у горцев самым древним и распространенным была буза. «Этот необходимый для рабочего горца напиток делали у нас следующим образом, — вспоминал А. Омаров. — Прежде всего клали шерстяной мешок с ячменем в воду, где он лежал целую неделю: потом его брали и закапывали в саман, где он лежал тоже неделю; когда же мокрые зерна ячменя начинали пускать ростки, мешок вынимали из самана и высушивали ячмень на солнце. Потом жарили его на сковороде и отправляли на мельницы смолоть в муку (мука эта называется кут). Между тем в деревянной кадушке мешали с водою пшеничную муку, оставляли ее киснуть, а потом варили в большом котле. Это кислое тесто, когда его варила мать, я ел, как лакомство. Таким образом сваренное тесто клали в другую кадушку, наполненную теплою водою, и примешивали вышеупомянутую ячменную муку. Потом, закрыв кадушку сверху шерстяным паласом, оставляли до тех пор, пока не забродит. Тогда

все это процеживали чрез волосяное сито, переливали в другую кадушку или кувшин и мешали туда толокно. Через два дня после всего этого являлась к столу в маленьких глиняных кувшинчиках настоящая буза. Буза скисает очень скоро, так что через неделю ее уже нельзя пить».

Позже на основе бузы стали делать брагу. В бузу добавляли солод, сахар и оставляли бродить. По окончании процесса брожения напиток становился прозрачным и крепким на вкус. Приготовляли брагу и из изюма. Основная масса собранного винограда шла на изготовление вина и виноградного меда. Последний делали, выпаривая на огне сок винограда, тутовника, груш или яблок.

Хозяйства, имевшие пчел, приготовляли хмельной напиток из меда. Его смешивали с водой, кипятили, а когда жидкость остывала, бросали в нее лепешку кислого теста и оставляли бродить на две недели. Перебродивший и процеженный напиток имел приятный сладкий вкус и ощутимую крепость.

Горцы употребляли и чай. При этом, наряду с привозным чаем, который был дорог, заваривали шиповник, лепестки розы, листья сливы, дикие душистые травы (мяту, зверобой, чабрец, тмин и др.). Чай и травяные отвары считались также лекарствами при различных заболеваниях.

Абхазские тосты

Разнообразие абхазского стола определяло богатство природы. Но издревле главенствовало на нем вино. Как пишет упоминавшийся С. Бигуаа: «...Виноградарство и виноделие в Абхазии были и остаются составными частями хозяйственной деятельности народа, а само вино играло и играет исключительную роль в домашнем и религиозном быту абхазцев. По словам Инал-ипа, «без винопития, как необходимого ритуально-обрядового элемента, считалось невозможным устраивать какие-либо религиознокультовые действа, поминки по умершим или сва-

дебные торжества, как и принимать гостей... На пирах же люди не только увлекались вином, как опьяняющим напитком, но вместе с тем они как бы проходили школу ораторского искусства, а также усвоения слагавшихся веками сложных адатов и правил этикета». В различных застольях (кроме похоронных и поминальных) происходило состязание в красноречии и винопитии, но только в рамках апсуара. У каждого застолья сформированные веками особенности, ему соответствует определенный этикет, например, произносится то или иное количество традиционных тостов. ... Застолье начинается с приглашения хозяина (или старшего со стороны хозяев) приступать к трапезе. Он же определяет тамаду (тамада отсутствует в похоронных застольях, там обычно тосты ограничены, а застолье ведет старший со стороны близких родственников семьи). Все тосты, предложенные тамадой, произносятся и пьются стоя, при этом соблюдается определенная очередность перехода тоста от старшего к младшему лицу. Представляет интерес и порядок чередования тостов. По сведениям Г. Калимовой и В. Чирикба, собравших материал в Бзыбской Абхазии, их количество достигает 26, причем тосты отражают основную тематику застолья. Однако в одном застолье их число меньше, а в другом — больше». Автор также приводит перечень традиционных абхазских тостов, произносимых по тому или иному случаю:

- 1. Молитвенный зачин
- 2. Благословение жениха и невесты
- 3. За принимающих гостей (хозяев)
- 4. За тамаду
- 5. За народ
- 6. За жениха и невесту
- 7. За родителей невесты
- 8. За родителей жениха
- 9. За дружку невесты
- 10. За родителей
- 11. За кровных родственников
- 12. За округу (поселок)

- 13. За старшего из гостей
- 14. За старшего из хозяев
- 15. За почетных гостей
- 16. За соседей
- 17. За обслуживающих застолье
- 18. За апсуара
- 19. Благодарственное
- 20. За хозяйку
- 21. За святыню
- 22. За молодежь
- 23. За погибших и пропавших без вести на войне
- 24. За упокой души
- 25. За семью умершего
- 26. Тост, завершающий похоронное застолье

Обилие вина и традиции винопития, тем не менее, не допускали банального пьянства. Как пишет С. Бигуаа, пьяницы «воспринимаются как существа, потерявшие человеческий облик. Если такой появляется в роду, он становится отверженным, посмешищем у односельчан, иногда даже у всего народа. Тогда все отзываются о нем как о человеке, «не знающем меру своего желудка». ... Человеку, опустившемуся до этой низости, могут объявить суровое наказание — изгнание из рода и всенародное порицание».

XII. РЕЛИГИИ И ВЕРОВАНИЯ

Ислам

Ислам принесли на Кавказ арабы. Это произошло еще в VII веке, во времена стремительных завоеваний Халифата. Арабы построили в Дербенте первую мечеть, существующую и поныне. Считается, что главным проповедником ислама в Дагестане был шейх и полководец Абу-Мулим, похороненный в Хунзахе. Арабы ушли, но ислам остался, постепенно вытесняя древние языческие культы.

К началу XIX века все дагестанцы были мусульманами, за исключением горских евреев, часть которых в свое время также приняла ислам.

В Чечню и Ингушетию ислам проник в XIII—XV веках. К середине XIX века ислам стал религией большинства народов Северного Кавказа, что значительно изменило жизнь горцев и способствовало их единению.

Ислам не признает национальных или расовых различий, отвергает рабство, утверждает равенство людей перед Аллахом. В одном из хадисов (хадисы составляют сунну — собрание преданий о деяниях Пророка и его сподвижников, — являющуюся руководством в жизни мусульман) приводятся слова Пророка Мухаммеда: «Дети Адама и Евы! В Судный день Аллах не спросит вас, к какому роду или клану вы принадлежите. Уважайте Аллаха и бойтесь Его».

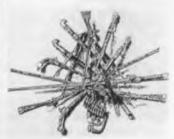
Холодное оружие.

Чеченец.

Г. Гагарин. Хас-Булат.

Горец в бурке.

Сбор винограда.

Горская утварь.

Торговая улица.

Ворота Дербентской крепости.

Вайнахская боевая башня.

Аул Гимры. Дагестан. Фото конца XIX в.

Е. Лансере.В горской сакле.

На крыше сакли.

Кунаки.

X.-Б. Мусаяссул. Подарки.

X.-Б. Мусаяссул. Шамиль и наибы Даниял-бек Илисуйский, Хаджи-Мурат, Шуаиб-Мулла.

Г. Гагарин. Чеченка.

Дочери Шамиля Наджават, Патимат, жена Магомеда-Шефи (сына Шамиля) Аминат, дочь Шамиля Написат. Автолитография В. Тимма.

Кабардинка.

Черкешенка.

А. Шамшинов. Девушка из аула Ботлих.

X.-Б. Мусаяссул. Горская мадонна.

Мечеть во Владикавказе.

Е. Лансере.Молитва в пути.

Мусульманская калиграфия.

Молитва.

В медресе.

Храм «Тхаба-ерды», Ингушетия.

Синагога в Дербенте.

Армянская церковь в Дербенте.

Голова тура над дверью дома. Дагестан.

Камень-целитель. Хунзах. Дагестан.

М. Юнусилау. Батырай.

Е. Лансере. Певец.

Лезгинка.

Коран утверждает единство происхождения людей и единство религий: «О люди! Воистину, Мы создали вас мужчинами и женщинами и сделали народами и племенами, чтобы вы познавали друг друга. Ведь самый благочестивый из вас перед Аллахом тот, кто наиболее богобоязнен». Или: «Скажите: "Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку, Йакубу и всем (двенадцати израильским) коленам, и в то, что было даровано Мусе и Исе, и что было даровано Пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему мы предаемся"».

О принципах поведения людей в Коране говорится: «И помогайте одни другим в благочестии и богобоязненности, но не помогайте в грехе и вражде...»

Пять основ ислама:

свидетельствование, что нет божества кроме Аллаха, и, поистине, Мухаммад — Его раб и Посланник; совершение ритуальной молитвы; выплата закята (налога с имущества); совершение паломничества в Мекку; соблюдение поста в месяц Рамазан.

Этнограф Н. Львов, хорошо изучивший быт и нравы дагестанских горцев, писал об аварцах: «Один из важнейших мусульманских религиозных обрядов следующий: мусульманин ни в каком случае не должен добровольно пропускать ни одного намаза (намаз слово татарское; на аварском языке молитва называется «как». «Как бази» — творить молитву) и обязан творить его непременно в назначенное время. Молятся мусульмане пять раз в сутки. Распределение этих молитв следующее:

1) Рухалил-как (ругъалил как) — молитва рассветная, творится между утренней зарей и восходом солнца. Не успевший помолиться до появления первых солнечных лучей впадает в большой грех и должен отмаливаться в определенное для следующего

намаза время. Это называется как-бецІи — наверстать молитву.

- 2) Кады-как (къади-как) полуденная молитва, творится, когда солнце поднимается так высоко, что стоит над Каабою, или домом Божиим в Мекке (вскоре после того, как солнце проходит зенит и склоняется к западу. Авт.).
- 3) Молитва перед заходом солнца баканы-как (бакъаин-как) творится между 4 и 6 часами пополудни (незадолго до заката, когда тени предметов становятся вдвое длиннее самих предметов. Авт.).

4) Маркачу-как (маркlачlул-как) — сумеречная молитва — творится, когда на горизонте совершенно

исчезнут лучи солнца.

5) Боголил-как — вечерняя молитва — когда совершенно стемнеет, то есть около 7 часов пополудни зимою и около 10 летом.

Горцы говорят, что они не только по времени узнают час, назначенный для молитвы, но от привычки часто молиться чувствуют приближение даже минуты молитвы. Последнюю фразу горцы выражают словами «чорхолъ лъала», то есть «тело чувствует». Несмотря на такую чувствительность мусульманского тела, в каждой деревне назначается человек, на которого возлагается обязанность напоминать народу приближение времени для молитвы. Этот человек носит название будун (будун, мудун — измененное арабское слово муэдзин). Для призыва правоверных к молитве будун с высоты минарета или с плоской крыши мечети читает следующие стихи:

— Велик Бог! Велик Бог!..»

Из опасения исказить текст некорректным переводом приведем здесь призыв к молитве по книге М. Камилова «Пять основ ислама»:

АЗАН (призыв к молитве)

Аллах велик (4 раза).

Я свидетельствую, что нет никакого божества, кроме Аллаха (2 раза).

Я свидетельствую, что, истинно, Мухаммад — Посланник Аллаха (2 раза).

Спешите на ритуальную молитву (2 раза).

Спешите к спасению (2 раза).

Аллах велик (2 раза).

Нет никакого божества, кроме Аллаха.

При призыве на утреннюю молитву после «Спешите к спасению» добавляется «Ритуальная молитва — лучше сна» (2 раза).

Готовясь к молитве, мусульмане совершают обязательное омовение определенных частей тела, в определенной последовательности и с произнесением специальных формул.

Затем, если молящийся находится не в мечети, он становится на молитвенный коврик, обратившись в

сторону Каабы, и сам произносит азан.

Среди основных молитв, употребляющихся мусульманами во время намаза, следующие:

«Аль-Фатиха» (АльхІам) («Открывающая» — 1-я сура Корана)

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного. Хвала Аллаху, Господу миров, Милостивому, Милосердному, Царю в День Суда!

Только Тебе мы поклоняемся и только Тебя просим помочь!

Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты благодетельствовал, — не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

«Аль-Ихляс» («Очищение», 112-я сура Корана)

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Скажи: Он, Аллах — Един, Аллах — Вечный, Не родил и не был рожден и не был Ему равным ни один! Добавим, что мусульмане вообще не начинают какое-либо серьезное дело, не произнеся «Бисмиллагьи ppaxIмани ppaxIим» (Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного).

Вот что вспоминал А. Омаров: «...Следить за своевременным и точным исполнением религиозных обрядов лежит на обязанности сельских дибиров (мулл). ...Когда начинались сумерки, толпа расходилась понемногу. Кто шел в мечеть на вечернюю молитву, кто домой поужинать. Я же обыкновенно отправлялся в мечеть. По окончании молитвы я поджидал отца, чтобы он видел меня в мечети и избавил от расследования, которое он всегда производил, если не видел меня в мечети во время молитвы, спрашивая: молился ли я, где и при ком? — угрожая притом, что если я пропущу хоть одну молитву, то Бог ниспошлет большое несчастие на весь дом наш.

...Мои набожные родители строго исполняли повеления шариата, который предписывает обучать детей с 7-летнего возраста всем молитвам, а за нерадение подвергать их выговорам, за такое же небрежение к молитве детей с 10-летнего возраста должно подвергать телесному наказанию... Вероятно, мне еще не было 10 лет, потому что меня не били за неисполнение молитвы, а только бранили и есть не давали, что мне казалось хуже всякого телесного наказания.

...Когда мудун воспевал на крыше мечети призыв к молитве, все умолкали и водворялась тишина, прерываемая лишь голосами стариков, повторявших слова мудуна вслух. (Каждый мусульманин должен слушать муэдзина, когда он воспевает призыв к молитве, и повторять каждое слово его вслед за ним. По окончании призыва каждый более или менее порядочный мусульманин читает про себя молитву следующего содержания: «Боже, Господь наш и Господь сего полного призыва, ниспошли Магомеду милость и высокую степень, Воскреси его на похвальном месте, которое Ты обещал ему (в Коране обещано Богом

Магомеду похвальное место в раю). Аминь. О, Всемилостивейший!»)

По окончании призыва старики двигались в мечеть на совершение молитвы вместе с муллою, а за ними шли и другие, которые молились отдельно. Пришедший в мечеть сначала отправлялся в бассейн, где совершал омовение... (По мусульманскому закону человек должен молиться на чистом месте и в чистом платье...)

Между тем мулла продолжал читать свои молитвы нараспев, сидя в михрабе. (Михраб — слово арабское, значит — углубление, вдающееся в южную стену мечети; в михрабе молится мулла, стоя впереди народа, который располагается за ним рядами во всю ширину мечети. Мулла или имам читает молитву вслух, а народ повторяет ее за ним шепотом.)

Мечеть освещалась зажженною тряпкою, пропитанною салом и лежавшею на треугольнике, выточенном из камня, с углублением в середине. Перед этим факелом лежали каменные гири разных величин кучею, и недалеко от каменного столба, около которого стоял факел, на потолке висели деревянные весы для взвешивания мечетских сала и хлеба из вакфа (пожертвование. Говорят: «На такой-то земле столько-то весу сала для мечети», то есть владелец этой земли обязан принести в мечеть ежегодно известное количество сала. Таких пожертвований бывает очень много. В мечетях хранятся книги, в которых записаны все вакфы и за кем именно. Осенью, после того как жители окончат резку баранов, чтобы мясо их коптить на зиму, чауши собирают с жителей бараний жир и потом растапливают его в больших чугунных котлах, и сало это хранится в самой мечети для зажигания факела. В конце года излишек от сала продается в пользу мечети. Если вакф состоит из известного веса хлеба, то его раздают в мечети жителям, приходящим молиться. Если же вакф состоит из зернового хлеба, то его продают и из вырученных от продажи денег некоторые мечети составляют порядочные капиталы).

Направо от михраба, в трех шагах, стояла деревянная будка (тахт) с пятью ступенями в середине и с дверьми шириною в аршин и длиною в 2,5 или 3 аршина. В этой будке мулла читает в пятницу нараспев проповедь, составляющую часть джумы, то есть молебствия в пятницу...

Еще утром мудун предупреждает одного из муталимов или из ученых мулл, что он должен читать в этот день проповедь (хутба)... Хутбы хотя бывают различного содержания, но смысл их всех состоит в почти одинаковых наставлениях (Почитать Бога и пророка Магомеда, молиться, не грешить и т. д.) Мудун читает следующие фразы из Корана: «Господи наш, не отводи наших сердец от истины, после того как Ты направил нас на прямой путь; даруй нам от Себя милость. - Ты еси дарующий». Потом проповедник встает и воспевает хвалу Богу и посылает благословения пророку. Затем следует молитва за всех правоверных в следующих выражениях: «Господи, прости правоверных рабов и рабынь — мусульман и мусульманок, всех, какие существуют между востоком и западом»...

Стены около михраба были обвещаны листами бумаги, привезенными из Мекки разными пилигримами (хаджи); на этих листах изображены яркими и грубыми красками виды храма в Мекке и окрестностей его. В передней стене мечети были широкие отверстия, которые наполнялись экземплярами Корана, для чтения жителям... Пол в мечети был устлан разноцветными коврами.

По окончании своей молитвы я садился всегда в углу мечети, ожидая отца, который в это время хотя и оканчивал уже обязательную молитву, но продолжал свои обычные земные поклоны. Кругом факела сидели или полулежали мечетские ученики (муталимы), имея перед собою раскрытые книги и уча свои уроки... По окончании молитв отца вместе с ним мы отправлялись домой ужинать...»

Особым благочестием у горцев считалось и теперь еще считается помочь нуждающимся, накормить путника, устроить родник, починить дорогу или мост, а для тех, кому это по средствам, — построить мечеть.

Заметим, что дороги в горах весьма трудны, извилисты, порой представляют из себя вбитые в отвесные скалы бревна с деревянными настилами, и надлежащее содержание их было делом весьма нелегким.

Мусульманские праздники

Как и все верующие, горцы придавали особое значение религиозным праздникам. Приведем здесь перечень основных праздников, святых дней и ночей мусульман (по лунному календарю) из книги М. Камилова «Пять основ ислама»:

ГІиду-ль-фитІр — праздник разговения. День торжества и веселья, отмечаемый в честь завершения Поста месяца Рамазан первого числа месяца Шавваль (Х месяц).

ГІиду-ль-АзхІа — праздник жертвоприношения Аллаху, отмечаемый в память о послушании Всевышнему Пророка Ибрагима с 10-го по 13-е число месяца Зуль-Хиджа (XII месяц).

Мавлид-ан Набий — день рождения Пророка Мухаммада (да благословит Его Аллах и приветствует), отмечаемый 12-го числа месяца Рабиу-ль-авваль (III месяц).

Раъсу-ас-санати – Мусульманский Новый год, отмечаемый первого числа месяца Мухаррама в честь переселения Пророка (да благословит Его Аллах и приветствует) из Мекки в Медину в 622 году (І месяц).

Явму-ль-Ашураа — день Ашураа, отмечаемый 10-го числа месяца Мухаррама соблюдением Поста и со-

вершением благих дел (І месяц).

Явму-ль-ГІарафа — особенный день Арафа, отмечаемый 9-го числа месяца Зуль-Хиджа соблюдением Поста теми, кто не совершает Хадж, обильными мольбами о прощении грехов, совершением благих деяний и раздачей милостыни (XII месяц).

Лайлат-аль-Исраъ - ночное Путешествие и Вознесение Пророка (да благословит Его Аллах и приветствует), отмечается ночью 27-го числа месяца Ра-

джаб (VII месяц).

Лайлат-аль-Къадр — Ночь Могущества, отмечается 27-го числа месяца Рамазан в честь ниспослания в эту великую святую ночь, по милости Аллаха, Священного Корана. Очень желательно всю эту ночь проводить в коллективном служении Всевышнему, щедро угощая нуждающихся и друг друга (ІХ месяц).

Календари

В Дагестане и теперь еще можно увидеть древнейшие на планете наскальные солнечные календари и небесные карты. Начало сельскохозяйственного года, сева, сбора урожая и другие важнейшие этапы жизни в горах определялись с большой точностью.

С приходом ислама время стало также определяться по лунному календарю, а летоисчисление велось по Хиджре — со времени переселения Пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (622 г.)

Длина лунного года — 354 дня, и для перевода какой-либо даты (по Хиджре) на Григорианский (солнечный) календарь пользуются специальными таблицами. Таким образом, начало месяца поста не имеет фиксированной даты в солнечном календаре и каждый год меняется.

В повседневной жизни время измерялось общеизвестными событиями. Когда горец хотел назвать каку-то дату, он обычно ориентировался на землетрясение, солнечное затмение, появление кометы, эпидемию, другие природные явления. В горах и теперь можно услышать, что такой-то родился или умер, когда землетрясение разрушило такой-то аул или когда была страшная засуха.

В названиях месяцев тоже превалирует природная составляющая. Например: месяц, когда замерзает чеснок, месяц жалящего овода и др.

Дни обозначаются по-арабски и по их привычному значению: базарный день и др.

Во многих аулах время дня определялось по сол-

нечным часам, которые представляли собой деревянный или каменный столб, украшенный специальными знаками. Как правило, такие столбы стояли на общественной площади, перед годеканом.

Особое место в календаре занимает Луна. В период завершения месячного поста, даже если он формально кончился, горцы обязательно должны увидеть молодой месяц. Если погода туманная и месяца не видно, они все же предпочитают дождаться его появления.

Христианство

В Средние века многие народы гор ощутили на себе влияние христианства.

Н. Грабовский писал: «Осетины в большинстве своем были христианами, хотя часть их исповедовала ислам (особенно дигорцы)». Христианство проникло в Осетию в Средние века из Грузии. С утверждением здесь в конце XVIII века России грузинских миссионеров сменили русские православные священники.

По данным чиновников, составлявших в 60—70-е годы XIX века описание округов Терской области: «На пути от Джераховского до Аргунского ущелья нередко приходится встречать остатки развалившихся церквей и часовен, ясно свидетельствующие, что в этой местности некогда существовало христианство... Можно положительно сказать, что христианство существовало у ингушей не как догматическое учение, а только как новый обряд; оно действовало, как видно, только на воображение народа внешностью богослужения, не касаясь нравственной стороны его жизни. Поэтому-то христианская вера не могла укорениться в среде ингушей, да и те обряды, которые они приняли от христиан, стали забываться».

Попытки царской администрации на Кавказе обратить ингушей в православие окончились неудачей. Даже законопослушные назрановцы пригрозили отъездом в Турцию, если им запретят исповедо-

вать магометанство — «религию предков». Посетивший Кавказ в 1842 году военный министр А. И. Чернышев доложил о демарше назрановских ингушей Николаю І. Кавказская война была в самом разгаре, и российский император распорядился прекратить насильственную христианизацию и использование книг с текстами православных молитв при обучении детей горцев русскому языку.

Среди многочисленных сохранившихся памятников и действующих христианских учреждений на Северном Кавказе особо выделяется Ново-Афонский монастырь, основанный в 1875 году у подножия Афонской горы в Абхазии.

Иудаизм

Из народов Кавказа только горские евреи исповедовали иудаизм.

Этнограф И. Анисимов писал: «История переселения горских евреев на Кавказ достоверно не известна, и никаких письменных указаний не сохранилось на время этого переселения; но, основываясь на народных преданиях, эти евреи ведут свое происхождение от израильтян, выведенных из Палестины и поселенных в Мидии еще ассирийскими и вавилонскими царями. Таким образом, их предки принадлежат еще ко временам 1-го храма... Еще в Персии евреи смешались с иранским племенем татов, причем одни приняли господствующую языческую религию последних, другие распространяли религию Моисея между иранцами, вследствие чего, во-первых, теперешний язык евреев принадлежит к группе иранских языков... а во-вторых, в религии горских евреев остались и до сих пор некоторые языческие верования. Затем в Средние века, по преданиям же, таты-евреи смешались с хазарами, жившими на западном берегу Каспийского моря, так что хазарских царей этих времен они считают в то же время своими. И наконец, по вторжении арабов на Кавказ множество татов-евреев целыми аулами приняли магометанство,

а остальные остались верны религии Моисея и получили наименование «Даг-Чуфут», то есть горские евреи. Многие местности Табасаранского и Кюринского округов Дагестанской области, а затем Кубинского уезда Бакинской губернии, где преимущественно живут горцы-евреи, населены и теперь татами-магометанами, которые имеют сходный тип с горскими евреями и говорят одним языком с ними».

В той же книге автор указывает, что горские евреи «хотя уверены в существовании единого Бога, но предполагают, что кроме Него есть и другие необыкновенные существа божественного происхождения, которые пользуются покровительством Бога во всех своих предприятиях и имеют общирную власть над природой и человеком. Некоторые из этих божеств видимы и являются человеку в образе какого-либо животного, чтобы наказать его за тот или другой проступок или наградить за доброе дело ... Правда, в последнее время горские евреи, знакомясь с европейскими или русскими евреями, у которых вполне установлены законы Моисея, начинают постепенно очищать свою веру от прежних языческих верований и забывают своих второстепенных богов, но к таким пуристам относятся только городские евреи или те, которые имеют раввина, получившего иудейское образование между русскими евреями или у какого-либо своего святого рабби. Но жители аулов, которые продолжают жить в первобытном состоянии, чтут этих духов и теперь и справляют в известные дни и времена года различные церемонии».

Составители этнографического очерка «Горские евреи», опубликованного в третьем выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах», писали, что в Дагестанской области в конце 60-х годов XIX века «имелось 1040 «дымов» (дворов) татов-иудеев, на которые приходилось: раввинов — 21, синагог — 22, духовных училищ — 30. Основное число татов проживало в Северном Дагестане, Дербенте, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском округах. В соседней Терской области, по тем же данным, насчитывалось: татских «дымов» — 453, раввинов — 9, синагог — 8,

духовных училищ — 9. ...Молитвы у горских евреев те же самые, как у европейских евреев-талмудистов, большею частию по ритусу знаменитого раввина Х. И. Азулои. Молитвы они совершают: утреннюю, когда солнце восходит, и вечерние — при захождении солнца и при явлении звезд на небе.

Синагоги у горских евреев устроены везде по одному плану, в татарском вкусе, и все похожи на мусульманские мечети. Женщины не посещают синагог, и во время молитвы некоторые приходят и становятся под окошками синагоги до окончания богослужения. Большею частию читает только раввин, все же остальные стоят или сидят молча и слушают моления раввина...».

Основные праздники татов, как пишет С. Нахшунова, — «хомуну» (праздник начала весны), «нисону» (Пасха), «суруни» (летний праздник тепла), «рушешуни» (татский Новый год), через неделю после которого отмечают «купур» (когда вспоминают всех родственников, умерших и живых, и после которого начинается строгий пост — «тахнит», в течение которого отмаливают грехи за всех живых). Завершает годовой цикл праздник «суко» (начало осени).

Отголоски древних верований

Отмечая роль ислама в преодолении древних суеверий горцев, Н. Грабовский пишет: «Магометанство укрепило в их верованиях понятия о едином Боге, о бессмертии души и будущей (загробной) жизни; оно поспособствовало также уменьшению тех предрассудков, которые так мешают благосостоянию ингушей-горцев».

Вместе с тем в XIX веке в горах оставалось еще немало памятников древних культов и верований.

Продолжали пользоваться традиционным уважением Столовая гора, «на которой, — пишет Н. Грабовский, — есть часовня, известная под именем Мацели (в переводе на русский язык — Божией матери), пещера Тамыч-эрды, находящаяся около аула Хули, и

скала вблизи того же аула, на которой лежит железный крест, вделанный в камень. У галгаевцев — часовня Дзорах-деэль и церковь Тхабяй-эрды (Тхаба-Ерды). Святость этой последней галгаевцы настолько уважают, что оставляют около нее без всякого присмотра хлеб, сено, дрова и прочее, нисколько не опасаясь, что кто-нибудь осмелится похитить вверенное под защиту церкви. По рассказу стариков, в одной из полуразрушенных келий, окружающих церковь, есть отверстие (заложенное), ведущее в подземелье, в котором хранится человеческая кость — бедро, имеющее в длину с лишком два аршина. Когда в горах бывает засуха (редкое явление), жители окрестных аулов собираются к церкви и поручают одному из почтенных стариков отправиться в названное подземелье достать оттуда кость. С нею, сопутствуемый народом, выборный идет к реке Ассе, погружает ее несколько раз в воду и затем опять относит в место хранилища ее. Туземцы уверяют, что всегда, как они прибегнут к этой церемонии, дождь льет ливмя. Кроме того, некоторые туземцы по секрету рассказывают, что там же, в другом подземелье, хранятся книги и церковная утварь, но никто не вызывается указать это место, как и то, где хранится благодетельная кость...».

Современный ингушский ученый-исследователь X. Акиев приводит весомые доводы в пользу того, что Тхаба-Ерды изначально было древним святилищем, посвященным богу солнца Тьха, почитавшемуся чеченцами, ингушами и абхазами, и было построено в «вайнахском» стиле. Позже постройка претерпела ряд архитектурных изменений. Солнечному богу Арду было посвящено и множество других святилищ в Ингушетии: Молыз-Ерды, Тумгой-Ерды, Галь-Ерды, Маго-Ерды и др. Со временем место Арда занял бог Дяла.

Н. Грабовский описывает, как в почитаемых местах совершались жертвоприношения, на месте которых оставляли кости и рога принесенных в жертву животных. При жертвенниках святых или патронов (у каждого аула был свой патрон-покровитель) со-

стояли жрецы, которые избирались обществом пожизненно. Они же руководили торжественными церемониями. Жрецы выбирали самую красивую девушку и, держа ее за платье, вели за собой на празднество.

К помощи жрецов прибегали и в случае, к примеру, болезни или неудачи в предприятии, которые считались следствием какого-либо прегрешения. Причину несчастья жрец выяснял посредством гадания. Как рассказывали аксакалы Н. Грабовскому, «гадание это известно под названием «качъ-тох», то есть бросание жребия святым, и заключается в следующем. Жрец берет палочку, разрезает ее на три или четыре части и каждую помечает особым знаком, говоря, что часть с таким-то знаком пусть будет жребий святого Мацели или, правильнее, Мятцели, а с таким знаком - Херха-ерда... Сделав это, жрец берет деревянную ложку и кладет в нее намеченные отрезки; затем качает ложку, и если три раза выпадет из нее жребий или метка Мятцели, то, значит, ингуш заболел по воле Мятцели, или больной согрешил, то есть, как у ингушей говорят, - «гам» против Мятцели. Согрешивший дает обет, что он в день следующего праздника Мятцели принесет ему, кроме обыкновенного жертвоприношения, лишнего барана или барашка. После обета этого жрец вторично бросает жребий, и если опять из ложки выпадет метка Мятцели, то жрец объясняет, что святой недоволен обещанным и требует, чтобы согрешивший увеличил свое жертвоприношение. «А иначе, - говорит жрец, ерда не смилостивится над тобой за твои грехи».

Были и женщины-знахарки, которые гадали «посредством измерения платка локтем или обматывания около ложки ваты». «Гадальщица, приступая к решению вопроса, — продолжает Н. Грабовский, — начинает перебирать всех непричастных к делу святых, приговаривая при измерении покрывала следующее: если причиною болезни такого-то такой-то святой, то пусть покрывало увеличится или уменьшится. ...По окончании гаданий знахарка назначает прогневанному святому двойную жертву, уверяя, что

больной поправится, потому что святой согласился снизойти к его ошибкам и простить их, открывшись, что он является причиною болезни.

Гаданье посредством оборачивания ватой ложки тоже довольно оригинально: оборачивается ложка ватою, потом гадальщица кладет ее в чашку, наполненную водой; если ложка перевернется в воде, гадальщица объявляет своему пациенту, что у него "гам"».

У осетин, наряду с христианством, определенную роль продолжали играть рудименты древних верований.

В. Пфаф, посетивший Осетию в начале 70-х годов XIX века, писал: «Осетины ...верят в одного главного бога, которого они называют Хцау и который наравне с другими божествами имеет у них свои храмы...

После Хцау главным божеством признается ими Уашкирки (Уасджирджи, Уастырджи, Уаскерке — смотря по местности) — бог и покровитель воинов и путешественников (святой Георгий). Третье главное божество — Вацилла, бог полевых плодов; он же приготовляет дождь и управляет молниею. Четвертое божество — Ма или Майрем, богиня плоти...

Третий вид осетинских божеств — ангелы (подзах, дауег), помощники богов, но они действуют иногда и самостоятельно. Число их весьма значительно и названия различны. Они разделяются на две группы: добрых ангелов и злых. В числе последних главный — Хоейроег (то есть черт), потом Ренебар-дауег — ангел, управляющий ходом болезней, но лечить он не может...

Четвертый вид коренных осетинских божеств — так называемые дзуары, в собственном смысле этого слова — покровители отдельных деревень и родов. (Дзуаром иначе называются и капища. На грузинском языке слово «джуари» означает крест, но это значение новое...)

...Осетины поклоняются и некоторым святым христианской религии, но приносят им свои жертвы по языческому обряду. Фытыван — Иоанн Крести-

тель; святой Георгий — называемый настоящим именем или именем Уашкирки, значение которого, собственно, совершенно другое; святой Илья, которого по сходству имени называют и Вацилла, святой Никула (Николай), архангелы Михаил и Гавриил (Михал — Габрил)...

У осетин некоторые семейства молятся священным мечам. Верование это происходит от аланов Аммиана Марцеллина.

Осетинские обряды жертвоприношения в высшей степени характеристичны... Каждому божеству в день его праздника приносят в жертву: высшим божествам — быков, баранов и козлов, иногда в значительном числе, а низшим только баранов. Жертвенное животное должно быть мужского пола; коровы же и овцы приносятся только в таких местах, где древняя языческая религия уже утратила свое назначение.

Жертвы закалываются или в каждом дворе отдельно, или от имени нескольких дворов, или же от целого avna...

В день праздника, утром, закалывается сперва жертвенный бык или баран. Потом вынимаются известные части внутренностей для жертвы богу... Части внутренностей жертвуемых богам животных сжигались на том же очаге, где потом варилось мясо жертвенного животного... В праздники Вациллы режут непременно козла. Прежде сдирали с этого козла кожу и, выделав из него бурдюк, вешали шкуру наверху высокого шеста. Этот символ божества Вациллы выставлялся в продолжение нескольких недель и проходящий непременно должен был поклониться и произносить молитву. Этот замечательный обычай явно относится к вакхическому культу. Козел, как известно, был посвящен Вакху, и козел-вожак стада до сих пор называется у осетин «вац».

Жертвенные животные часто закалываются не в домах, но на месте дзуара, где в торжественные праздники все население аула живет и веселится в продолжение целой недели. В первый день все жители от малого до старого отправляются утром к месту дзуара в праздничном наряде, привозя с собою и

жизненные припасы. К этому дню являются для поклонения дзуару и все дальние родственники.

Приближаясь к месту дзуара (прежде ходили туда босиком и с непокрытою головою), все молчат или говорят между собою только шепотом; в физиономиях выражается чувство, смешанное со страхом, благоговением или таинственным ожиданием чегото сверхъестественного. Мужчины отделяются от женщин, и те и другие садятся полукругом, все еще говоря между собою только шепотом; затем выступает жрец или дзуари-лаг и обращается к присутствующим с торжественной речью. ...Оканчивая свою речь, дзуари-лаг отправляется в капище, в которое он один и имеет право вступать. Затем он возвращается оттуда и отбирает у каждого по порядку кусочек ваты с ниточкой канители и мелкою серебряною монетою: многие приносят дзуару, кроме того, еще орехи, нанизанные на веревку путовицы, стеклянные бусы, фигуры, грубо выделанные из глины, платки, ковры, кусочки материи, преимущественно шелковой (салдаг, последнюю вещь приносят только женщины), рога жертвенных животных, оружие и т. д. Все эти приношения уносятся жрецом в дзуар, откуда он возвращается уже после молитвы. Тогда все встают и на поле начинается веселый пир, который в иных местах продолжается по целым неделям...»

Свидетельства В. Пфафа подтверждает осетинский этнограф и собиратель народных сказаний Джантемир Шанаев: «Как в Греции каждая страна и каждый город имели особых богов и богинь, которые считались патронами этой страны или этого города, так и в древней Осетии каждая местность и каждое местечко имели своего святого или покровителя (дзуар). Эти святые и покровители почитались в Осетии по древнеязыческим представлениям; вера народа в них была так крепка, что даже и теперь отражается на потомках его, хотя нужно сказать, она сильно поколеблена нарождающимся молодым поколением; но все-таки наружное признание всех этих святых существует и между молодежью. Вот список этих божеств:

Хархы-дзуар — на Военно-Грузинской дороге, между станцией Балта и Джераховским укреплением. Божество это... уже и вовсе перестали признавать.

Ног-дзуар — в Кани, в горах, в земле Шанаевых. Он почитается еще хорошо. О нем рассказывают следующее: какой-то священник, приехав в Кани и узнав о том почете, каким пользуется Ног-дзуар у жителей аула, начал поносить его ругательными словами и осыпать насмешками. Прошло немного времени, как жители Кани услышали о внезапной смерти священника с его семейством. Разумеется, это приписывают могуществу Ног-дзуара. Еще те, которые веруют в него, рассказывают, что кто из почитающих его не ведет себя прилично во время жертвоприношения и в день его праздника, тот падает в обморок и страдает тяжкою болезнью.

Фарниджи-дуаг — в Ганалгоме, тоже в горах. Он имел такое значение в народе, что человек, убивший кого-либо, избавлялся от мести, если только успевал спастись бегством в место, назначенное для жертвоприношения в честь этого божества, и если просил заступничества его. Преследователи смирялись и возвращались назад. Точно такое значение имел храм в Древней Греции. Место, где приносят ему жертвы, назначено и для празднования Уастырджи, почитаемого всеми осетинами. Он считается божеством исключительно мужчин. По верованию осетин, он сопутствует каждого мужчину, предпринимающего что-нибудь. Он же считается осетинами божеством скота, хлеба и вообще всякого богатства. День его с особенным торжеством празднуется в горах; на народном языке праздник его называется Джоргуба и бывает 10 ноября.

Уасхо — в Кани, в горах. Хотя это божество и потеряло почти все свое значение теперь, но прежде оно весьма почиталось. К нему сходились тагаурцы пофамильно и принимали присягу, произнося клятвы, что они будут жить дружно между собою, подобно двум братьям, друг друга любящим. Свидетелем таких клятв они приглашали быть Уасхо. Теперь Уасхо стал на степени второстепенного божества. Праздник его 4 ноября.

Кау-зад — тоже в горах, в Тмени-Кау. Почитается жителями Тмени-Кау. Праздник его во время сенокоса.

Фыры-дзуар — в Даргавсе, в горах. Это божество имело вид барана, почему и называется Фыры-дзуар (святой барана, или имеющий вид барана). Он взят генералом Абхазовым во время экспедиции его на Кавказ (в 1830 г. — Авт.). Но верующие в него осетины поставили на место взятого другого, хотя далеко не имеющего вида барана, но носящего, однако, то же название. Почитается жителями Даргавса.

Тбауцилла — в Какадуре, в горах. Самое почитаемое из всех божеств. Оно считается божеством домашним, дающим изобилие и достаток всего. В день его праздника каждый дом в Осетии имеет у себя за-

резанного барана.

Дзивгиси-дзуар — в Куртатах. Почитается всеми

куртатинцами.

Дзири-дзуар — тоже в Куртатах. Почитается всеми куртатинцами. Праздник его продолжается целую неделю. Каждый дом в день его праздника имеет у себя в жертву быка.

Мкалы-габута — в Аллагире. Почитается аллагирцами. В день его праздника каждый дом имеет у себя откормленного быка.

Халысти-Саниба — в Аллагире. Почитается жителями Аллагира. День его празднуется целую неделю.

Хетаджи-дзуар — в Суадаге, на плоскости. Почитается хорошо...

Гудзи-дзуар — в Педанте, на земле Дударовых. Почитается как второстепенное божество...»

Многобожие, в свое время, было у многих народов. Кумыкские племена, к примеру, некогда поклонялись верховному богу Тенгири, божествам и духам Солнца, Луны, Земли, Воды и т. д.

Сложные религиозные процессы происходили на Западном Кавказе. В раннем Средневековье сюда из Грузии и Византии проникло христианство. В Абха-

зии оно утвердилось в IV веке. Христианские обряды здесь причудливо переплетались с языческими.

Абхазы в XIX веке совершали жертвоприношения святому Георгию. Старейшина с молитвой резал козла, которого затем варили. Готовились мамалыга, пирог из пшеничной муки с сыром и делалась восковая свеча. Затем все это несли в сарай, где открывался самый большой кувшин с вином. К горлышку кувшина прилепляли свечку, на уголья клали ладан, и всей семьей читали молитву. Затем старейшина семьи отрезал от мяса по куску каждому члену семьи и давал запить вином из кувшина. Затем начинался пир с приглашением соседей.

После падения Византии и образования Крымского ханства на Западный Кавказ приходит ислам, чему весьма способствовали торговые сношения турок и татар с местным населением, а также строительство гурецких укреплений на восточном берегу Черного моря. Влияние ислама особенно усилилось в XVII—XVIII веках, в том числе — под воздействием соседних народов Северного Кавказа, у большинства которых ислам давно стал основной религией. По словам П. Услара, «муллы начали теснить христианских священников...».

Исследователь Рейнегго, путешествовавший по Кавказу между 1782 и 1784 годами, рассказывал об абхазах: «Их догматы весьма разнообразны... Следуя древнему обычаю, они празднуют весеннее равноденствие, окрашивая яйца в разные цвета, причем пируют. В этот день и в два следующие у них происходят скачки, борьба и другие увеселения.

В начале мая собираются в густом лесу, который почитают священным и в котором никто не смеет срубить дерева, что, по их мнению, прогневало бы Всевышнего, которому достойно и успешно молиться можно лишь в этом лесу. Посреди леса, как уверяют, находится большой и тяжелый железный крест, который охраняют благочестивые отшельники. Никто не знает, когда и кем он был поставлен. Но от-

шельники рассказывают о нем много чудесного и сверхъестественного, не имеющего никакого отношения к христианству. Этим привлекают они даяния народные...»

В 1838 году английский агент Белл, проживавший среди черкесов, записывал в своем дневнике: «Думаю, что народонаселение берега, на протяжении от Анапы до Гагр, заключает в себе столько же приверженцев старой веры (языческо-христианской), сколько и мусульманской. Которая возьмет верх? Это зависит от политической развязки судьбы края».

Примерно в это же время «кавказский пленник» Ф. Ф. Торнау вел горячий диспут на религиозные темы с навещавшей его очаровательной черкешенкой Аслан-Коз. «Она принялась нешуточно учить меня черкесскому языку и магометанским молитвам, вспоминал Торнау. - Она умела, что у черкесов встречается нечасто, читать и даже переводить Коран, а по-турецки писала не хуже другого эфенди. Случалось, сидя около меня, она принималась изгонять злого духа, затемнявшего мой разум, читая молитву и дуя мне на голову. Она не переставала объяснять мне, согласно толкованию Корана, почему одна магометанская вера дает спасение, и в этом случае истощала все свое красноречие. Все религии от Бога, говорила она, все пророки от него и передавали людям только его заповеди...»

Составляя в начале 1839 года для Военного министерства «Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура», Ф. Ф. Торнау писал: «Большие только шапсуги и часть натухайцев последовали ревностно учению Корана и строго исполняют предписываемые им обряды... Есть несколько шапсутских обществ, которые хотя и утратили совершенно учение христианской веры, но продолжают уважать крест и ему поклоняться, сохранив память некоторых христианских праздников.

...Много абадзех не следуют учению Корана; они удержали привычки идолослужения, жертвуют ветрам, чтут священные леса и в распрях предпочитают шариату суд по обычаям». При этом Торнау отмечал, что феодальные верхи адыго-черкесов являются более ревностными магометанами, чем рядовые горцы.

Выводы Ф. Ф. Торнау поддержал в своей записке об Абхазии другой генштабист — полковник фон дер Ховен: «Влияние Порты на край мало его изменило. Приняв вместе с верою от турок некоторые из их привычек, освоившись с понятиями их, жители Абхазии между тем не изменяли обычаю предков, заменяющему им закон. Даже в магометанстве они удержали многие обыкновения христианской религии: продолжают праздновать Светлое Христово Воскресение, меняются в сей день окращенными яйцами, празднуют Рождество Христово и Троицын день, и не переставали есть свинины и пить вино. Многоженство у жителей из магометан не в обыкновении. Существуют между абхазами и следы язычества, как, например: уважение их к священным деревьям близ села Матригелас, совершение тризны по умершему, состоящей из пиршества, конской скачки, стрельбы в цель и т. д.».

Культы животных

Различные языческие обряды и суеверия, перейдя из области верований в сферу народных традиций и праздников, продолжали играть определенную роль в повседневной жизни горцев. Большинство из них были связаны со скотоводством — одним из главных источников существования народов Северного Кавказа.

У адыгов, например, отчасти сохранилось почитание покровителей коров (Ахин), волов (Хакусташ), овец и коз (Емишь). Ахин поначалу являлся святым патроном шапсугских фамилий Еуас, Синепс, Горкау, Тгахуаго (буквально «пастух божий»), которые в определенный день приносили ему в жертву корову, именовавшуюся «ахинова корова». Со временем

Ахин стал общеадыгским божеством — покровителем коров, чье празднование сопровождалось закалыванием этого животного. Праздник бога Емиша отмечали в день выпуска баранов в стада. Хакусташа шапсуги и натухайцы считали, по словам исследователя верований и религиозных обрядов черкесов Л. Я. Люлье, «своим гением-хранителем, а также покровителем волов пахотных».

У осетин наиболее почитаемыми святыми покровителями скота являлись Фалвар и уже упоминавшийся Фыры-дзуар (святой барана). Культ первого был особенно распространен на западе Осетии. В молитвах, обращенных к главному осетинскому языческому божеству — Хцау (Хуцау), жители края про-сили: «О, бог богов! Ты наделил Фалвару овцами и счастьем, одари ими и нас. О, Фалвара! Богу угодно было вручить тебе головы наших овец, а потому молим тебя, отврати от них всякую болезнь, умножая многих на столько, сколько на небе звезд». Фалвара в Нартском эпосе упоминается как покровитель мелкого рогатого скота. Так, в сказании «Чем небожители одарили Сослана» записано: «И тот добрый Фалвара, которому послушны овцы и козы, и весь мелкий рогатый скот, поднял здравицу за Сослана...» Когда осетин хотел похвалить кого-нибудь за смирение и кротость, то говорил: «Похож на Фалвара».

В осетинской мифологии Фалвар нередко фигурирует рядом с Тутыром — покровителем волков. В одной из языческих молитв есть такие слова: «О Фалвара и Тутыр, просим вас вместе, защитите головы наших овец от волков, коим заткните глотки каменьями». Легенда гласит, что однажды Тутыр, в шутку борясь с Фалваром, нечаянно ударил его кулаком в левый глаз, вследствие чего тот стал плохо им видеть. Вернувшись к себе домой, Тутыр рассказал волкам о случившемся. «С тех пор, — заканчивает легенда, — волки подкрадываются к стадам с левой стороны».

Фыры-дзуара больше почитали на востоке Осетии — в Тагаурии, Даргавском и соседних с ним ущельях. Культ его восходит еще ко времени Кобанской культуры, в могильниках которой находили фигурки

овец и коз. По словам В. Ф. Миллера, обследовавшего в 80-х годах XIX века этот район, здесь в прежние времена находили в святилищах грубые глиняные изображения баранов, к которым приходили женщины, чтобы обратиться к Фыры-дзуару со словами: «Молим тебя, призри нас и учини так, чтобы от невестки нашей рождались здоровые мальчики, тучные, как бараны». Таким образом, главной функцией Фыры-дзуара являлось обеспечение стада здоровым и сильным потомством.

Священный баран считался символом плодородия, материального благополучия у многих народов. У адыгов бараньи рога вешали над очагом, у осетин — на центральный столб жилого помещения или использовали в качестве сосуда для напитков. Балкарцы и карачаевцы при переходе на новые пастбища или через перевал приносили барана в жертву «хозяевам мест». Весь скотоводческий производственный цикл (случка, окот, таврение, стрижка овец, перегон на летние и зимние пастбища и т. д.) сопровождался у горцев жертвоприношениями баранов. Череп барана нередко служил в качестве оберега, его насаживали на шест и ставили на оградах и заборах скотных дворов и покосов.

Шапсуги, для которых козоводство было основой хозяйства, наиболее подходящим жертвенным животным считали козла (или козленка). Почти ни одно увеселительное мероприятие у них не обходилось без участия маски козла с белой бородой. Под маской скрывался местный острослов и балагур, импровизатор на семейных и общественных торжествах. У карачаевцев и балкарцев человек в маске козла символизировал охотничьи божества (Афсати, Апсати). Осетины, отмечая ежегодно 25 декабря праздник чертей, приносили ему в жертву козла. Ведь, согласно поговорке, «Бог создал овцу, а черт — козу». Считалось, что отказавший дьяволу в жертве горец может навлечь на свое хозяйство неурожай зерновых, падеж скота и т. п.

К скотоводческим культам осетин можно отнести и поклонение Атынагу, с праздника в честь которого

в июле начинали сенокос и жатву. До праздника Атынага никто не мог выйти на покос. Нарушившего запрет, по преданию, ожидало наказание в виде плохой погоды: святой посылал на его ущелье «или частые дожди, или жгучие жары, отчего бывает дурной урожай травы и хлеба». Виновный должен был уплатить в пользу общины штраф — двух волов, приносившихся в жертву богам.

Горцы по-особому относились к священным животным, предназначенным в жертву. Например, священного быка не запрягали и не продавали, его нельзя было помянуть дурным словом, наказать даже в случае потравы посевов. Такого быка отличали по бирке на шее или трем надрезам на правом роге, а иногда по разноцветным лентам на рогах. Его откармливали в отдельном помещении или содержали в стаде. Закалывали быка обязательно в воскресенье, в день празднования святого, отчего этот день назывался у некоторых горцев (осетин, балкарцев, карачаевцев) «воскресенье заклания быка» — Хуцабон. Во время праздника осетины, навесив на рога быка разноцветные ленты, обводили его три раза вокруг аула. Карачаевцы и балкарцы считали, что если священный бык перед закланием начинает мычать, поднявши вверх голову, их ждет хороший урожай.

Схожая традиция бытовала и у ингушей, которые некогда верили, что земля покоится на рогах огромного быка и, когда он шевелит головой, происходит

землетрясение.

Ряженных в масках домашних животных, диких зверей и даже чертей можно и сегодня еще увидеть

на народных праздниках в Дагестане.

Особое место у народов Северного Кавказа занимало почитание коня. По верованиям, бытовавшим у некоторых народов, покойник должен был иметь на том свете все, что ему было необходимо в земной жизни, в том числе и коня. В случае смерти горца его коня в полном снаряжении трижды обводили вокруг покойного, затем отрезали ему кончик уха и клали в могилу в знак того, что конь умершего будет в ним в загробном мире. Затем проходили поминальные скачки, в которых участвовали лучшие джигиты аула. Скачки начинались в дальнем селе и заканчивались у дома покойного.

Культ коня ярко отражен во всех национальных вариантах Нартского эпоса, в которых лошадь героя — его друг и советчик, обладающий даром речи. В осетинском варианте эпоса, кроме того, фигурирует легендарный трехногий конь Аевсург, принадлежавший небожителю Уастырджи, на котором он, мгновенно спускаясь с неба, часто появляется среди земных обитателей.

Череп лошади, насаженный на шест, использовался в качестве оберега для «ограждения благополучия хозяев от дурного завистливого глаза и всякой напасти».

Имелись у горцев и особые обряды, целью которых было отвести беду от домашних животных, сохранить молодняк, увеличить поголовье стада.

У карачаевцев во время случки овец пекли круглый пирог с начинкой из мяса или сыра («къочхар») и треугольные пирожки («берек»). Один из них клали на самую приметную овцу и давали ей съесть. Во время окота пекли толстые лепешки, чтобы было «густое» стадо. В день начала ягнения скотоводы устраивали богатое угощение для родственников и односельчан, иначе, по поверию, скоту грозила беда ягнята могли умереть. У осетин, балкарцев и карачаевцев существовал обычай первого родившегося ягненка посвящать божеству-покровителю. Такой ягненок назывался у осетин «фосы саср» («голова овцы»), у балкарцев и карачаевцев — «телю баш». Мясом жертвенного животного не полагалось угощать посторонних, чтобы не повредить скоту. У ногайцев всякие добрые пожелания выражались в песнях, посвященных верблюдам, крупному рогатому скоту, лошадям и овцам.

У осетин, ингушей и причерноморских черкесов под Новый год пекли из теста фигурки различных животных, разводили костры, лучшим кормом кормили скот. Считалось, что после исполнения таких обрядов год будет изобильным.

Культ плодородия

Культы плодородия в древности были весьма многочисленны. Распространенной формой был культ фаллоса, символы которого и теперь еще можно встретить в различных уголках Кавказа.

Одним из таких уцелевших памятников был фаллический символ божества плодородия Тушоли в ауле Кок в горной Ингушетии. Как писал исследователь Х. Акиев, это был «четырехгранный каменный столб с грибовидным навершием (къобыл-кхера). Во время засухи головка фаллического памятника снималась и ставилась в виде чаши на землю. Люди резали жертвенный скот и совершали обряд вызывания дождя. По степени наполнения головки определялся уровень будущего урожая и приплода скота. Такую же роль выполняли уплощенные камни с отверстиями, располагавшиеся во дворах большинства святилищ Ингушетии».

После утверждения ислама традиция почитания Тушоли некоторое время сохранялась в виде женского праздника.

В 1929 году памятник был вывезен из аула Кок в Грозный, где экспонировался в музее.

Сохранилась древняя песня, обращенная к Тушоли:

Скотину лучшую кормим и нежим На воле, как для себя, А тучною станет — ее зарежем, Туполи, мы для тебя. В день твой пришли мы, как в прошлые годы, К тебе, и ты счастья нам дай, Избавь от горя, беды, недорода Родимый наш край. Чтоб нерожавшие жены родили, Чтобы рожденные дети жили, Дождей чтобы было Ни много ни мало, Чтоб солнце светило, Но не сжигало.

XIII. МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

Гадания

У многих кавказских народов широко практиковалось гадание на костях животных, особенно на бараньей лопатке. Это должна была быть лопатка правой ноги, отделенная после варки, и чтобы баран был собственностью того, кому гадали.

Поставив чистую лопатку против света, гадатель внимательно изучал обозначавшиеся на ее поверхности линии и знаки. По ним предсказатели оповещали о самых разных событиях, которые произойдут в будущем, ближайшем или отдаленном: нападение неприятеля, падеж скота, голод или урожай и т. д.

Для предсказания частной судьбы гадатели обращали внимание на другие, особые знаки. По ним узнавали, что ждет хозяина барана: будет ли он счастлив в любви, сын у него родится или дочь, ждет ли его удача в делах или войне, или ему следует приготовиться для отражения всевозможных напастей.

Хан-Гирей в «Записках о Черкессии» приводит характерные примеры таких гаданий. Один князь, будучи в гостях в соседнем селении, прочел на костях, что разбойники нападут на его аул. Вернувшись домой, он успел догнать грабителей, отбить захваченное ими имущество и пленных. В другом случае гадальщик сообщил молодому мужу, что к его супруге направляется чужой мужчина. По счастью, это оказался шурин — брат жены.

Защита от порчи и сглаза

Широкое распространение имели обряды, направленные против «порчи», «сглаза», болезней, хищных зверей.

Б. Рагимова описывает, как у лезгин было принято защищать от злых духов младенцев: «...Особен-но опасной считалась Ал-паб — демоническое существо, которое представляли в образе уродливой женщины с длинными распущенными волосами и длинными грудями. По поверьям лезгин, стоило роженице в первую ночь сомкнуть глаза, Ал-паб могла подменить ребенка или навлечь на него тяжелую болезнь. А потому всю ночь роженице не давали спать и ни на минуту не оставляли ее одну. Все это время в комнате, где находилась роженица с ребенком, горел огонь. Он должен был охранять их от элых сил. Средством отпугивания злых духов была, по поверьям, стрельба. Как только ребенок появлялся на свет, мужчины стреляли из ружей. ...Первейшее средство от сглаза — всевозможные обереги, а среди них прежде всего амулеты и талисманы. Много оберегов помещали в колыбель. Под подушечку клали хлеб, у изголовья — какой-нибудь железный предмет или ножницы, которыми обрезали пуповину ребенку. Саму отпавшую пуповину заворачивали в тряпочку и засовывали в уголочек колыбели.

Для мальчиков от сглаза к колыбели подвешивали камешки, сделав в них отверстия, для девочек — бусину. Желтоватые камни подвешивали, чтобы предохранить ребенка от желтухи, белые — для красоты и благополучия, серебряную монету — чтобы стал богатым. Вместе с другими предметами в колыбели нередко находилась книга со священными текстами, это наблюдалось в тех семьях, где дети часто умирали».

Наиболее многочисленны были обряды против «сглаза». Так, не рекомендовалось ходить или ездить мимо дома, в котором проживал человек, обладавший «дурным глазом» или подозревавшийся в кол-

довстве. При случайной встрече с ним или членами его семьи полагалось свернуть в сторону, а когда встречный скроется с глаз — плюнуть ему вслед со словами: «Твои козни да ходят за тобой».

В. И. Немирович-Данченко писал о зельях, приготовляемых из трав: «...Бабка ее у нас по горам славилась, — колдунья была. Никто лучше ее не мог найти хапулипхер (собачья — лай-трава) в поле. А искала ведь в темные ночи, когда ни одной звезды на небе не было!.. Много она народа этим корнем испортила! Ты знаешь, он ведь на медвежью лапу похож. Рвать его надо с умом. Лечь на землю так, чтобы собой все его листья покрыть, вырвать сразу, — когда оканчиваешь заклятье, а потом высушить в печи и опрыскать кровью совы... Тогда примешай к просу или к айрану — и дай кому хочешь, сейчас же залает собакой, ум потеряет, высохнет весь и умрет. Такого испорченного убить надо, потому что он насмерть может закусать каждого».

Широко практиковалось ношение амулетов, в качестве которых использовались волчьи зубы, куски железа и «священного дерева», раковины и другие предметы. Амулеты вешали на шею человека и лошади, на рога домашних животных в качестве оберега. Для этих же целей служили насаженные на колья черепа барана, вола, коня, устанавливавшиеся возле домов, скотных дворов, полей, покосов.

Чтобы уберечь от сглаза молоко, его после дойки не показывали не только чужим, но порой и родственникам. У некоторых народов запрещалось отдавать вечером молочные продукты, поскольку это якобы могло привести к гибели скота.

Наряду с недобрыми людьми со «злым глазом» в каждом ауле были добрые, «счастливые» люди, пользовавшиеся особым почитанием. Если «счастливый» человек первым выходил на работу при выполнении главных занятий годового земледельческого или скотоводческого цикла: пахоты, сенокоса, стрижки овец и т. д., то считалось, что достаток и успех в делах будут сопутствовать всем жителям аула.

Б. Гапуев, изучавший традиции осетин, писал: «Го-

рец не решается взять косу до тех пор, пока не увидит ее на плече человека, первое начинание которого считается счастьем для всех». Перегоняя свои стада, многие горцы желали, чтобы им навстречу попался «счастливый» человек, в надежде на то, что это увеличит поголовье скота.

Первый изготовленный сыр и масло обычно посвящали домовому. Продукты эти помечали для памяти и откладывали до Нового года. Ели их в течение недели, не давая посторонним, отчего эта неделя называлась «урсы къуыри» (белая неделя).

Чтобы уберечь скот от болезней и эпидемий, его прогоняли через огонь или между кострами; вокруг скотного двора с заклинаниями проводили черту или проволакивали очажную цепь.

В случае заболевания вымени у коровы или козы струйку молока при доении пропускали через круглый плоский камень с отверстием в центре.

Некоторые горцы, в частности осетины, не убивали змей, опасаясь, что от этого произойдет падеж скота.

Чтобы уберечь свои стада от хищников, осетины, карачаевцы и балкарцы приносили откормленного козла в жертву Тутыру — покровителю волков. Распространенным обычаем в горах было «завязывание пасти волку», чтобы он не сожрал заблудившуюся скотину. Для этого в ступу запихивали шапку пастуха-подростка и затягивали его же поясом. Считалось, что теперь глотка волка заткнута. После нахождения отбившейся от стада скотины ступу развязывали и вынимали из нее шапку, «чтобы волк не задохнулся».

XIV. ЛЕКАРИ И ЗДОРОВЬЕ

Горская медицина

Медицина у горцев была хорошо развита. Ф. Ф. Торнау писал: «Надо отдать справедливость искусству, с которым горские лекари вылечивают самые опасные раны. Ампутации у них нет в употреблении, и мне не раз случалось видеть кости срощенные, после того как они были раздроблены картечью».

Бывший унтер-офицер Апшеронского пехотного полка С. Рябов, оказавшийся осенью 1843 года в плену у горцев, вспоминал, как хозяин-аварец и шамилевский мюрид вылечили его раненую ногу: «Осмотрев мои раны, Али сейчас же поручил Абдулле разбить свинцовую пулю и сделать из нее иголку, величиной в 3-4 вершка, заставив в то же время варить пластырь из толченого льняного семени и яичного желтка. Затем послал одного горца привести барана... а другого — вырезать из хвоста лошади (в ауле их оказалось только две) шесть волос и призвать еще четырех силачей. По изготовлении всего этого приступили к лечению моих ран: растянули меня на земле, четверо силачей сели мне на голову и на ноги, а сам Али с Абдуллой начали производить операцию, которая первоначально заключалась в том, чтобы тупой свинцовой иголкой проткнуть ногу в пораненном месте и продернуть конские волосы. Боже мой,

какие мучения я тут вытерпел! Продернув волосы сквозь раны, меня подняли, посадили и заставили захватить руками с обеих сторон отверстия ран, из которых кровь била фонтанами почти на целый аршин. Потом залепили со всех сторон отверстия ран изготовленным пластырем, завернули ногу в сырую, теплую еще баранью овчину и, забинтовав ее натуго, оставили в таком положении на три дня. Нога быстро отекла, как бревно, но спустя сутки отек начал проходить, а к концу третьих сугок совсем спал. Разбинтовав ногу, передернув волосяную заволоку и выпустив накопившийся гной, раны опять залепили тем же пластырем и забинтовали уже тряпкой. Таким способом Абдулла продолжал лечение до конца, переменяя перевязку и пластырь по утру каждого дня...»

Знаменитый хирург Н. И. Пирогов, посетивший в 1847 году Кавказ и впервые во время боев за аул Салта оперировавший под наркозом русских и горских воинов, писал в своем отчете: «При лечении свежих сложных переломов употребляется вместо неподвижной повязки шкура, снятая с барана, только что убитого. Весь член обертывается этой кожей, внутренняя сторона которой обращается к наружной поверхности тела. Повязка остается несколько недель без перемены, а шкура, высыхая на теле, образует род твердой и неподвижной коробки, в которой покоится страждущий член (гипсовых повязок медицина еще не знала. - Авт.)... Наконец, курдюки (мешки с жиром, висящие у хвоста баранов) играют у них также важную роль в лечении наружных повреждений. Кусок курдюка вкладывается обыкновенно вместо корпии в свежую рану».

Абдурахман Казикумухский вспоминал, что для лечения раненых «прежде всего необходимо иметь хорошего лекаря-хирурга. Больных он лечит сложными снадобьями из различных трав. Раны быстро заживают. Наши лекари никогда не ампутируют ни ногу, ни руку, ни другую часть тела, кроме исключительного случая. В этом заключается мастерство на-

ших хирургов».

По свидетельству главного врача Эриванского госпиталя П. Попова, автора статьи «Лечение ран у кавказских горцев» (журнал «Смесь», 1855, № 2), горские лекари (хакимы, гакими, екими) в своих действиях руководствовались следующими принципами: «Остановить кровотечение из раны, удалить из нее посторонние тела, предотвратить воспалительное состояние в ней и в периферии ее, способствовать хорошей грануляции и доброкачественному нагноению в ране и заживлению ее». Такие же методы применяет и современная хирургия.

Для остановки кровотечения рану прижигали, посыпали кровеостанавливающим составом (порошок из сушеных чернильных орешков и сосновой смолы, золы, грушевой муки, высушенной свежей человеческой крови), перевязывали. При проникающих ранениях в грудную полость затыкали отверстие ватой, тряпкой, травой.

Горцы умели делать даже такую сложную операцию, как трепанация черепа. Больного клали на длинную скамью (нары) плашмя, лицом вниз, руки и ноги связывали, а во рту давали держать уголок одеяла или подушки, чтобы не сломал себе зубы (наркоза горцы не имели). Кроме того, пациента держали двое помощников лекаря. Острым, заранее простерилизованным ножом горский хирург делал разрез на коже предварительно обритой головы больного, удалял сломанные кости или инородные тела, зачищал края уцелевших костей. Затем раны промывали, место пролома смазывали свежим сливочным маслом, отвороченную кожу возвращали на место. Сверху клали салфетку или тряпочку со сливочным маслом и голову перевязывали. Перевязки меняли каждые два дня, пока на истонченную кость не наплывала костная мозоль и рана не затягивалась.

При более простых операциях для обезболивания применялись лед или сдавливание конечностей выше раны до онемения. Из приступа больного малярией выводили внезапным психическим потрясением (обливали холодной водой, стреляли, устраивали ложный пожар и т. п.). Простуду, боли в суставах ле-

чили окуриванием; чесотку — серной мазью (смесь серы с коровьим маслом); головные боли, связанные с повышением давления, укусы ядовитых змей и пауков, язвы — кровопусканием (использовались и пиявки); кашель — микстурой из сырых яиц с добавлением толченой неочищенной серы и различными травяными настоями; нарывы и нагноения — мазью из румянки, прикладыванием листьев подорожника, лебеды или слегка пропеченного лука. При болях в суставах, шейном и поясничном радикулите делали массаж и растирание с оливковым маслом.

«Лечат иногда различными травами, — писал в своих воспоминаниях Абдурахман Казикумухский. — Дают пить отвары из них или делают их на пару, или делают примочки к голове, или лечат фруктовыми соками — при малярии дают пить сок алычи. Иногда лекарство бывает сложного состава из меда и уксуса: слегка кипятят мед на легком огне, потом постепенно добавляют виноградный уксус; как только снадобье готово, дают его больному. Кто страдает желудком, тому дают молотую корицу, смешанную с сотами меда, натощак, по чайной ложке три раза в день...

При головной боли мочили уксусом голову или прикладывали тряпку, смоченную уксусом; иногда пускали кровь из виска или с затылка, или из вены на руке. Если у человека офтальмия или кровоизлияние, клали пиявки на веки глаз или лечили другим способом.

В большинстве случаев больных у нас кормят, особенно когда они слабы или наступает кризис, сырым тестом из пшеничной муки, куриным мясом и бульоном.

Если распухла нога, голень или другая часть тела, лечат сандаловой водой. Сандал — крепкое дерево, как камень, темно-красного цвета. Кусок этого дерева трут об точильный камень, поливая водой немного, в результате получается темноватая вода. Ею мажут опухоль. Этим вылечиваются».

У горских евреев, как писал И. Анисимов, «кроме трав для лечения употребляются еще различные масла, соли и мясо животных, как, например, летучих

мышей, ежа, крыс, кровь черных или белых птиц с молоком и пр. Раны же лечат большей частью печенью, курдючьим салом и тестом, которые смешиваются с сахаром или медом. Самое же главное, без чего не обходится никакой опасный больной, есть «хейкел» (талисман), который имеет вид равностороннего треугольника из сукна или кожи, украшенного галунами. Он прикрепляется или под мышкой, или на спине на верхнем платье, а иногда висит на шее на шнурке. Этот талисман заключает в себе, смотря по роду болезни, разные травы и камни, которые обматываются несколько раз шелковыми или шерстяными нитками, имеющими также различное значение; над ними нашептывают и производят различные реакции над парами воды, спирта и пр.».

Использовали горцы и яды, которые добывали главным образом из скорпионов, тарантулов и фаланг, обитавших в Южном Дагестане. В малых дозах их применяли в мазях, как обезболивающее и т. д. Примерно так же дело обстояло с ядовитыми грибами.

Кроме медицинских целей, яды употреблялись и по прямому своему назначению — в основном знатью: в борьбе за власть, для устранения врагов и в прочих интригах. Известно, что Шамиля пытались отравить несколько раз.

С помощью едких веществ и различных трав лекари могли лечить даже газовую гангрену («антонов огонь»).

Знали горцы и оспопрививание, что было немаловажно для предотвращения эпидемий этой страшной болезни. Прививка делалась путем насечки на руке маленькими острыми клещами, предварительно смоченными в жидкости со струпьями человека, переболевшего оспой. Эту же оспенную материю употребляли внутрь, добавляя в хлебные шарики, которые глотал больной.

Для лечения многих заболеваний народы Северного Кавказа использовали природные богатства своего края: горячие источники, различные грязи, солнце, воздух...

Пристав при Шамиле А. И. Руновский оставил в

своем дневнике любопытную запись: «В горах есть люди, врачующие раны и ушибы. Их познания и меликаменты несравненно разнообразные, а результаты их лечения могли бы показаться невероятными, если бы не было в Дагестане еще множества людей, раны которых служат живым подтверждением сказанного. Одним словом, нет той раны огнестрельной или от холодного оружия, которую дагестанские медики не излечили бы, за исключением ран смертельных или того еще случая, когда при подании первоначального пособия потеряно слишком много времени. Но и тут мы видим исключение в лице того же Шамиля, который, получив смертельную рану, всетаки вылечен был тестем своим Абдул-Азизом, несмотря на то, что в продолжение 25 дней до его прибытия пользовался услугами лекаря совсем неискусного и даже неизвестного землякам своим.

Примеры подобного излечения так многочисленны и так очевидны, что взятые в совокупности могут представлять собою некоторого рода систему и даже авторитет... Не подлежит сомнению и то, что раны, подобные вышеприведенной (Шамиль был ранен штыком в грудь с повреждением легкого. — Aem.), наши доктора могут только лечить, но не вылечивать. Преимущество практики горских врачей состоит в том, что после их лечения тело пациента не подвергается никаким дурным последствиям, обыкновенно сопровождавшим раны, особенно огнестрельные. Блистательным подтверждением этого служит тот же Шамиль, который, несмотря на штыковую рану и на свыше сорока других ран, важных и неважных, огнестрельных и от холодного оружия, - никогда не чувствовал ни малейшей ломоты и никакого другого неприятного ощущения, ни во время ненастной погоды, ни перед наступлением ее. Такого результата, конечно, не могут достигнуть ни наука, ни самые достойные представители ее; и в этом убедительным подтверждением служат десятки тысяч медицинских свидетельств, выданных нашим офицерам на получение за раны пансиона: ни одно из них не обходится без описания страданий, которым непременно должны подвергнуться раненые уже по окончательном залечении ран.

Из числа средств, употребляемых горскими врачами при лечении ран и ушибов, Шамиль назвал одно, которым пользовал его Абдул-Азиз: мазь, составленная из воска, коровьего масла и древесной смолы. О прочих медикаментах он отозвался таким образом, что в их состав входят разного вида растения, известные одним только врачам.

К числу этих медикаментов следует отнести и те, которыми горцы пользуют ревматизм. По словам Шамиля, их делается несколько, но он помнит только один настой из трав, который дается вовнутрь и делает большую пользу. Сын Шамиля, Магомед-Шапи, с великим энтузиазмом говорит о какой-то чудотворной мази, излечивающей ревматизм скоро и радикально...

Что касается хирургии, в пособии которой чаще всего нуждаются горцы, как народ по преимуществу воинственный, то нет на свете хирургов столь искусных, как в Дагестане. Можно сказать, что горцы родятся хирургами. Дагестан почти не представляет примеров, чтобы ампутированный объект умер под ножом хирурга, как это нередко случается у нас. Все операции, как бы сложны и затруднительны они не были, если дагестанский хаким за них взялся, кончаются наверное благополучно. Изумление, которое обстоятельство это способно возбудить в европейском хирурге, конечно, увеличится в большей степени, когда он узнает, что дагестанскому его собрату неизвестны ни корпусный, ни даже батальонный наборы, а что все свои операции и ампутации он совершает тем же кинжалом, которым он режет барана, а подчас рубит и дрова. Поручику Кавказского линейного № 10 батальона Сухомлинову, попавшемуся в 1854 г. в плен к чеченцам, кинжалом приподнят был череп, чтобы достать пулю, пробившую ему лоб и засевшую внутри головы. Пулю достали, поручика вылечили, и он теперь еще жив и служит в том же батальоне.

Из всех горских хирургов, которых Шамиль знал в

своей жизни или только слышал о них, самой лучшей врачебной репутацией пользуются трое: Кунтлада-Магомед (Магомед из Кунтлады в Багуляле), Хусейн-Магома из Эрпели и Кудали-Магома из аула Кудали, между Чохом и Цудахаром. Этот последний столь же хорошо лечил и ревматизм. Все эти люди живы и, по всей вероятности, находятся каждый на своей родине...»

В рапорте командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву от 9 августа 1832 года говорится об «истреблении непокорной богатой деревни Нурки, имевшей 150 дворов, в коей многие жители известны... искусством в лечении, наследственно в некоторых семействах переходящим». Селение Нурки находилось вблизи аула Шалажи в Чечне. В разное время получили известность и другие чеченские врачи-самоучки: братья Солебек и Сардал-Хожа Бекмурзаевы из села Валерик, Джамалдин и Зияудин Музаевы из села Белгатой, Дида Абулзаков из села Автуры, Овдарханов из села Бачи-Юрт, Юсуп Брагунский, Муслим Эпендиев из Шали, Исраил Моцахаджиев из села Чир-Юрт, лекари из села Майсты.

3. Шахбиев приводит в своей книге ряд интересных сведений об искусстве чеченских лекарей: «...Сохранилось еще одно свидетельство того, как Пирогов доверился врачу-чеченцу. Об этом написано полковником А. П. Кулебякиным в его рассказе «Кунаки».

В одном из столкновений с горцами был ранен в ногу урядник Влас Фролов. У его отца, майора Гребенского полка Ефима Фролова, был кунак — чеченец из затеречного мирного аула Брагуны. Его звали Эрисхан. Раненого урядника отправили к крепости Грозной, где в то время находился Пирогов. С каждым днем состояние Власа Фролова ухудшалось, и хирург решил ампутировать раненую ногу, чтобы спасти самого урядника. Но чеченец Эрисхан уговорил хирурга и отца Власа разрешить перевезти раненого к местному лекарю, чеченцу Юсуфу, ко-

торый взялся вылечить Власа без операционного вмешательства. Пирогов доверился Эрисхану и, передавая ему раненого, сказал: «Пожалуйста, если у вас есть опытный еким. Я не возражаю, пусть он попробует». Все в результате закончилось благополучно.

Слава горских врачей дошла и до Западной Европы. На заседании Кавказского императорского медицинского общества 1 февраля 1873 года профессор Н. П. Ситевский предложил отправить на всемирную выставку в Вену «ассортимент лекарственных веществ, наичаще употребляемых туземными знахарями на Кавказе», среди которых плоды, семена, коренья, разные глины, травы, применяемые при поносах, рези в желудке, переломах, опухолях воспалительного характера, различных кожных высыпаниях и т. д. Предложения Ситевского были «приняты обществом с благодарностью».

Б. Рагимова пишет, как лезгины лечили детей: «При болезнях лечили травами и другими средствами народной медицины....Но нередко прибегали и к такой процедуре: ребенка сажали в середину очерченного углем круга, над головой держали таз с холодной водой, куда лили через кольца ножниц растопленный воск. Воск, попадая в холодную воду, застывал, образуя фигурку, которая по форме могла напоминать различные предметы, животных или людей. Если фигурка, например, напоминала кошку, то брали какую-нибудь реальную кошку, окунали ее в воду и этой водой в течение трех сред (среда считалась наиболее благоприятным для лечения днем) мыли ребенка. Фигурку из воска заворачивали в тряпочку и засовывали в такое место, куда не ступала нога человека.

Если ребенок долго и серьезно болел и средства вроде омовения не помогали, прибегали к более сложным обрядовым действиям. В марте, когда пробуждалась природа и начинались полевые работы, родители больного ребенка выкапывали на сво-

ем участке две ямы и соединяли их, проделав в стенке отверстие. Через это отверстие семь раз просовывали ребенка».

Подобным образом поступали и со взрослыми больными. На кладбище в Хунзахе и сегодня еще стоит огромная каменная плита с отверстием, через ко-

торое перемещали больного.

Целебными средствами от многих болезней считалась вода из 7 (иногда — 9) родников; вода из кузницы, в которой калили клинки; из священной пещеры. У многих народов практиковалась «передача» болезней животным, зверям, куклам с имитацией их похорон и заговорами, чтобы болезни ушли вместе с «покойником», сжигание чучел и др.

Долгожители

На Кавказе долгожительство было обычным явлением. Постоянный труд, целебный воздух, умеренность в еде, склонность к активному отдыху, уважение к старикам, постоянное обращение к их мудрости и опыту, составляющему особую ценность для горцев, — все это создавало условия для долгой плодотворной жизни. Немало способствовали этому и требования ислама, постоянные гигиенические омовения, молитвы (во внешнем ритуале которых многие теперь видят классические йогические позы) и т. д. Известно немало горцев и горянок, проживших 130 и более лет. По статистике, долгожителей на Кавказе относительно численности населения было в десятки раз больше, чем в других регионах мира.

«Труд очищает человека, как огонь золото», — говорили горцы. Желание оставаться молодыми и полезными обществу проявляется и в привычке стариков периодически «освежать года», участвуя в мирном труде, даже самом тяжелом, и бранных делах. Долгожители обычно говорят, что душа у них молодая и что они вот-вот займутся главным делом, до которого пока не доходили руки.

Кавказская йога

На Кавказе, стоящем на перекрестке цивилизаций, веками аккумулировались знания многих народов. Сливаясь с местными традициями, они сохранялись в виде уникальных учений. Хранители тайных знаний считали горы Кавказа вратами в иной мир, хранилищем небесной энергии, стержнем космической силы, а свои знания — ключом к физическому и нравственному совершенству.

Тайные знания передавались избранным, остальные могли лишь получать помощь от посвященных. Проявившие необходимые способности и душевные качества сами становились посвященными.

Возможно, одним из таких посвященных был Стефан Валевский, исследователь Востока и антиквар, оказавшийся на Кавказе в поисках тайн бытия. Подробности его посвящения неизвестны, он свято хранил полученные знания при жизни, и только после смерти в его архивах была обнаружена загадочная рукопись с изложением учения и тайных доктрин, которую он назвал «Кавказской йогой».

В этом учении древние знания горцев переплетены с мистическим опытом, восходящим к фараонам и зороастризму, духовная практика суфиев соседствует с секретами традиционной йоги. Многое из «Кавказской йоги» можно обнаружить в широко известном учении Г. Гюрджиева. Он был посвящен в таинства многих учений и, как кавказец, не мог пройти мимо уникальных знаний на своей родине.

«Я есмь на этой Земле, чтобы превратить пустыню в рай» — гласит эпиграф к «Кавказской йоге».

«В этом дается ключ в простой, концентрированной и точной форме - как победить, как решить любую проблему, ответить на любой вопрос в любой области бытия, - говорится в учении. - Это ключ к встрече с любыми ситуациями посредством сознательного развития: тщательного наблюдения, точной интерпретации, практического применения...» Учение многогранно, духовное бытие связано в

нем с человеческой сущностью, энергия космоса —

с энергетическими потоками в человеческом организме.

Среди множества откровений и мистерий здесь можно найти практические способы того, например, как войти в мировой поток знаний, как подключиться к вселенским силам, как совершенствовать психику, как излечивать множество болезней, как обрести ясновидение, как укрепить волю, как преодолеть земное притяжение и осуществлять телепатию, как управлять временем и погодой, как контролировать пол будущего ребенка, как обрести сокрытую силу любви, как продлить свою жизнь, как добиться желаемого, как призвать на помощь воинства ангелов...

При всей кажущейся фантастичности упомянутых возможностей учение предлагает весьма простые способы их достижения, по крайней мере, следуя точным рекомендациям, их нетрудно проверить на практике.

Рукопись С. Валевского осталась неоконченной. Но после того, как «Кавказская йога» была опубликована в журнале «Эхо Кавказа» (№ 1—3, 1992—1993), редакция получила ее окончание, присланное из Дагестана, возможно, одним из посвященных.

XV. ТРАДИЦИИ

Горский этикет

Этические и нравственные нормы играли в культуре народов Северного Кавказа особенно важную роль. Складываясь и развиваясь на протяжении столетий, они способствовали духовному самосохранению и развитию нации, регулировали поведение в обществе и семье, определяли воспитание детей, взаимоотношения с соседями.

У всех народов существовали свято оберегаемые моральные кодексы, совокупности норм и традиций. Таковы во многом сохранившие свое значение «Яхьан косташ» («Заветы приличия и достоинства») — у вайнахов, «Адыгэ хабзэ» — у адыгов, «Апсуара» — у абхазов. Определяющим нравственным стержнем горцев выступают совесть, достоинство, мужество и честь. Лишиться их означает для горцев потерять больше, чем жизнь.

Балкарская пословица гласит:

Богатство потеряешь — не беда: Все снова наживешь. Честь потеряешь — это навсегда: Честь снова не найдешь.

Социальная и семейная жизнь кавказских народов испокон веков базировалась на уважении и почитании старших. Старики были хранителями зна-

ний, навыков и опыта, выработанных предшествующими поколениями. Поэтому вполне естественно, что, как подметил Ф. Ф. Торнау, «лета ставятся у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан встать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кротко и почтительно отвечать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь. Даже старый невольник не совсем исключен из этого правила. Хотя дворянин и каждый вольный черкес не имеют привычки вставать перед рабом, однако же мне случалось нередко видеть, как они сажали с собою за стол пришедшего в кунацкую седобородого невольника».

В горах известно предание, которое находит параллели во многих культурах, в частности в японском фольклоре. Когда-то дряхлых старцев сбрасывали с круч в пропасть. И когда сын нес отца на вершину скалы в особой корзине, старик посоветовал корзину сохранить, чтобы использовать, когда сын сам состарится и настанет его печальный черед. Сын одумался, принес старика домой, окружил его заботой и уважением, положив конец варварскому обычаю.

В семье младшие подчинялись старшим, женщины — мужчинам. Воспитание строилось с учетом будущего разделения труда и положения в обществе. Особое значение придавалось воспитанию чести, достоинства, мужества, упорства, терпения, скромности, патриотизма, свободолюбия и отвращения к зависимости и др.

В семейных отношениях многих народов существовал обычай избегания: муж и жена не называли друг друга по имени, при гостях женщины старались меньше показываться, зятьям не полагалось слишком часто общаться с родственниками жены, мужчины не присутствовали на свадьбах, когда выходили замуж их дочери или сестры. Открытое проявление нежности к жене или отцовской ласки к детям расценивалось как слабость и т. д.

Приведем несколько отрывков из книги Р. Магомедова «Легенды и факты о Дагестане»: «За долгие века утверждения адатов выработались своеобразные правила хорошего тона. Они были основаны на особо оберегаемом чувстве собственного достоинства и не терпели ни малейших отступлений от установленного этикета. Горцы считали: лучше погибнуть от собственной руки, чем краснеть перед знакомыми.

Вот некоторые правила горского этикета.

Нет такого аула в Дагестане, в котором соседи не пришли бы приветствовать горца, когда он возвращался из далекой поездки. Каждый, кто приходил в дом, говорил «салам» и по приглашению хозяев садился. Сначала принято было задать несколько вопросов присутствующим, а потом уступить место другому и перейти к тихой беседе с ближайшим соседом. Так одни приходили, другие уходили. Каждый при выходе из комнаты говорил: «Куда бы ни поехал, а возвратишься ты целым и здоровым». Если прощается женщина, то к этому добавляется: «Да исполнятся желания твоей души».

По обычаям горцев, если ты приехал в аул, нужно вместе с двумя-тремя ближайшими родственниками посетить все дома, в которых во время твоего отсутствия случились смерть, болезнь или какое-нибудь другое несчастье. Расставаясь с тем, кого он посетил, горец должен был произнести: «Да сохранитесь вы в здравом уме и благополучии».

Пока горец не сделает этого визита, ни потерпевший несчастье, ни его ближайшие родственники не посетят его и будут считать себя оскорбленными.

У кумухцев и кулушатцев при обращении младшего к старшему принято говорить при встрече мужчин: «Здравствуйте, брат отца!», а при встрече женщин: «Здравствуйте, сестра матери!» Так говорят, даже если не имеют никакого родства с тем, к кому обращаются. Если встречается старуха, к ней обращаются со словами: «Доброе утро, мамаша!» К женщине средних лет принято обращаться со словами: «Доброе утро, сестра». Пожилой мужчина обращается к молодому человеку со словами: «Здравствуй, сын брата! (или племянник)».

Вот что говорится в книге о роли женщин: «В горах Дагестана во многих аулах в старину существовал такой обычай: если мать усыновит кровника — кровомщение прекращается.

Вмешательство женщины часто приостанавливало самое ожесточенное кровомщение. Для этого женщине стоило только выступить вперед, снять с головы платок и бросить его перед дерущимися

кровниками».

Подобные обычаи были и у других народов Кавказа. В статье Х. Х. Сукунова и И. Х. Сукуновой «Черкешенка» говорится: «Величайшим позором считалась ссора или брань в ее присутствии. Женщина могла приостановить любые действия мужчин, стоило только ей сказать: «Щхьэлъащіэм хьэтыр и іэкъэна мыгьуэ» («Разве не заслуживает уважения женский платок») и прикоснуться правой рукой к платку на голове».

Горцы говорят, что мужчина может стать на колени лишь в трех случаях: чтобы помолиться, чтобы напиться воды и чтобы сорвать цветок для женщины.

Впечатляюще передает горские понятия о чести аварская легенда «Камалил Башир», ставшая попу-

лярной и у других народов.

В ауле Чох жил юноша по имени Башир. Он был так красив, что сводил с ума не только девушек, но и замужних женщин. Они собирались у его дома, чтобы только взглянуть на его чудесную красоту. Это вызывало неудовольствие среди мужчин села, которые пригрозили убить Башира, если он не покинет Чох. Башир вынужден был уйти из аула, жил в пещере, но женщины нашли его и там. Тогда Башир пустился в странствия, но в конце концов вернулся, не найдя на земле места, где бы женщин не очаровывала его нестерпимая красота. Мужчины Чоха собрали совет, чтобы решить, как избавить свои семьи от позора. Тогда Камал — отец Башира — объявил, что сам убъет сына, чтобы не повергать аул в пучину кровной мести. Несчастный Башир, виновный лишь в том, что был наделен невиданной красотой, пал ее жертвой. Но женщины, оплакивая гибель Башира, приходили

на его могилу и даже пытались ее разрыть. Тогда мужчины навалили на могилу огромные глыбы, сдвинуть которые женіцинам было не по силам.

Возможно, это только легенда. Но на чохском кладбище действительно есть могила Камалил Башира, над которой возвышается груда каменных глыб.

Гостеприимство

На Кавказе гость всегда пользовался особым уважением.

В. Пфаф в этнографическом очерке об осетинах писал: «Гостеприимство - одно из священных учреждений патриархального порядка, дающее весьма ясное и отчетливое понятие об устройстве общежития в эпоху золотого века, предшествовавшего, по единогласному свидетельству народных сказаний, железному и медному векам... У осетин гостей принимают так: приезжая в аул, гость останавливается перед тем домом, где он намерен переночевать: он не въезжает прямо во двор, но ожидает сперва приглашения хозяина. Когда это приглашение последовало, он слезает с лошади и в сопровождении хозяина прямо входит в кунацкую. Будучи в кунацкой, гость уже распоряжается в доме как хозяин... Формы обращения хозяина с гостем и гостя с остальными членами семейства совершенно аристократические, даже у простых мужиков... Фразы и стереотипные поговорки при встрече гостей проникнуты каким-то гуманным духом и предупредительностью...»

«В глазах горца нет такой услуги, которая могла бы унизить хозяина перед гостем, сколько бы ни было велико расстояние их общественного положения, — вспоминал Ф. Ф. Торнау. — Звание тут не принимается в расчет, и только самые малые оттенки означают разницу в приеме более редкого или почтенного гостя. Я принадлежал в этот раз к числу не только редких, но и совершенно небывалых гостей. Перед

дверьми кунацкой Сидов (владетельный черкесский князь. - Авт.) соскочил с лошади, для того чтобы держать мое стремя, потом снял ружье и провел меня на место, обложенное коврами и подушками, в почетном углу комнаты. Усевшись, мне следовало промолчать несколько мгновений и потом осведомиться о здоровье хозяина и Лоовов, которых со мною познакомили... От моего приглашения садиться все, как водится, отказались на первый раз. Скоро подали умыть руки, и вслед за умыванием был принесен ряд низеньких круглых столов, наполненных кушаньем. Я пригласил вторично Сидова и Лоовов сесть со мною за стол. Хозяин решительно отказался, в знак уважения ко мне, и все время простоял в кунацкой, не принимая участия в обеде; Лоовы, будучи сами гостями, сели около стола...»

У вайнахов обычай гостеприимства доходил до самопожертвования. По свидетельству Н. Грабовского, «несмотря на самую жалкую обстановку жилищ, нищету и бедность, встречаемые на каждом шагу, горцы отличаются чрезвычайно радушным гостеприимством. Кроме наружных знаков почтения к гостю, самый беднейший из жителей старается окружить его всевозможным довольством. По понятиям горцев, гость - лицо священное для них; украсть что-нибудь у гостя — значит кровно обидеть хозяина, у которого он остановился. Этот хозяин также считает величайшим стыдом для себя позволить арестовать или вообще обидеть ступившего на порог его сакли человека. Было нередко, что в подобных случаях хозяева брались за оружие и умирали, защищая гостя».

Столь же священными были законы гостеприимства на земле Дагестана. Гость у всех горцев считался посланцем Аллаха.

Лакский ученый А. Омаров вспоминал, что «когда случались гости, тогда отец и мать ни за что не пре-

рывали еды прежде, чем не насыщался гость. Когда же последний произносил «хвала Богу», отец все еще потчевал его, прося, чтобы он продолжал есть, причем клал перед ним лучшие куски мяса и хлеба».

Если гость хвалил какую-либо вещь в доме хозяина, будь то кинжал или ружье, вещь эта тут же дарилась гостю и отказаться было невозможно.

Во время Кавказской войны семьи дагестанцев, желая облегчить участь попавших в плен русских солдат, приглашали их к себе погостить. По обычаю такой приглашенный терял статус военнопленного и становился свободным человеком. Пожив некоторое время в доме хозяина на правах гостя, бывший пленник получал возможность обзавестись собственным хозяйством и поселиться в горах или вернуться в свою воинскую часть. Так старинный кавказский обычай способствовал узнаванию российским обществом характера горских народов, разоблачал вымыслы о «дикости, свирепости и жестокости» горцев.

О гостеприимстве у татов И. Анисимов пишет: «Уважение и внимание к гостю — черта, общая всем горским племенам, - считается у евреев-горцев священной обязанностью. Каждый хозяин принимает с искренним радушием всякого странника, оказывает ему всевозможные услуги, дает деньги, если тот сильно нуждается в них, и отвечает за него собственной головой, пока он считается его гостем и находится с ним под одной кровлей. Бедный люд имеет большей частью по две комнаты; потому удивляемся его самоотвержению, доходящему иногда до крайности: хозяин оставляет гостя в кунацкой, если тот особенно настойчиво не будет требовать остаться с ним, и сам идет ночевать в грязную женскую половину. Он не имеет по целым месяцам для детей куска мяса, а как приехал гость, идет, берет в долг всякой всячины и угощает его. Иногда гость остается целые месяцы, и хозяин, не изменяя своего радушия, нередко разоряется и после отъезда гостя, чтобы поправиться, занимается усиленным трудом. Каждый горец-еврей имеет в других аулах своих кунаков, еврея или мусульманина, у которых он останавливается; так же и каждый мусульманин...»

Ярко отражен обычай гостеприимства в фольклоре горцев. В одном из вайнахских преданий говорится о том, как братья поймали и привели домой своего давнего заклятого врага. Когда же обстоятельства заставили их отлучиться, мать сжалилась над пленником, просившим воды и пищи, и дала ему поесть. Когда братья вернулись и узнали об этом, им пришлось отпустить врага, потому что они не могли карать человека, который ел и пил в их доме. Отомстить врагу они решили в другой раз, когда снова его поймают.

У всех народов существовали и особые песни в честь гостя. Вот, к примеру, ингушская «Величальная гостю».

Гость, гостящий под нашим кровом, Пусть тебя не коснется беда. Будь свободным ты и здоровым! Всегда! Пусть будет цела твоя голова, Которой нету цены. Пусть не померкнет слава твоя, Имя твое и твои слова — Гордость родной стороны!

Куначество

Развитию межэтнических связей способствовал еще один старинный горский обычай — куначество. Отношения куначества завязывались между гостем и хозяином при первых же встречах. Они, как правило, становились друзьями, верными, как родные братья, обменивались подарками. В честь такого побратимства выпивали молоко или вино из одной чаши, в которую в знак постоянной и «нержавеющей» дружбы бросали золотые или серебряные монеты.

Кунаков связывали взаимопомощь и участие в

важнейших делах друг друга. Бывало, что кунак заменял детям умерших родителей и опекал их до совершеннолетия.

Куначество передавалось и по наследству, семьи как бы становились родными, помогая в делах и навещая друг друга, вместе ездили на свадьбы, приносили соболезнования и т. д. Существует эта традиция и сейчас. Как гласит горская пословица, «друг на чужбине — надежная крепость».

Этнограф И. Анисимов писал: «...Нередко горский еврей вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, делается на всю жизнь его «курдашем». При этом они обмениваются оружием и дают друг другу «священный обет» не пожалеть и головы в случае надобности для спасения друга».

Историк Р. Магомедов писал: «По издавна сложившимся обычаям каждый горец считал за честь достойно принять кунака. Гостя принимали в любое время дня и ночи. У багулалцев существовал даже обычай: когда садились обедать или ужинать, все делили поровну между членами семьи и отделяли порцию на случай, если явится гость.

Если горец впервые появлялся в незнакомом ауле, он отправлялся на годекан (а там до глубокой ночи сидели люди), обращался к сидящим с приветствием и затем сообщал, кто он, из какого аула и почему вынужден остановиться в этом ауле. Как только становилось известным, что приезжий не имеет в ауле кунака, сидящие на годекане говорили: «Ты наш гость». Когда на гостя притязало несколько человек, предпочтение принять его уступалось старшему.

В Западной Аварии путник не шел к годекану, а заходил в любой дом и говорил: «Давайте будем братьями». Такой гость считался еще более почетным. Гость ни в чем не должен нуждаться — таков неписаный обычай горцев. Учитывая, что путешественник в пути мог промокнуть или замерзнуть, во многих горских домах держали шубы, предназначенные только для гостей. Этот обычай распространен и сейчас.

Приезжий мог гостить столько времени, сколько

ему нужно было. У багулалцев существовал обычай в течение трех дней не спрашивать у приезжего ни о чем. По истечении трех дней с ним вели разговор как с равным, как с членом семьи. Когда гость отправлялся в дальнейший путь, хозяин провожал его за ворота или даже за аул».

Из всех грехов самым тяжелым и позорным горцы считали убийство гостя; убийца становился кровным врагом обоих обществ — откуда пришел гость и того, где преступление свершилось. Впрочем, таких случаев история не сохранила.

Эти обычаи свято соблюдались даже в отношении противников в войне.

Не имея карт и не зная дорог, царское командование засылало в горы разведчиков для рекогносцировки местности. Штабс-капитан Мочульский, искусно прикидываясь глухонемым, а то и вовсе юродивым, с мирными горцами-провожатыми сумел проделать немалый путь в глубь Дагестана. Но большую часть его успеха следует приписать не шпионским уловкам и маскараду, которые вызвали сильные подозрения горцев уже в самом начале путешествия, а законам гостеприимства и другим местным традициям. Хозяева, в чьих домах останавливались разведчики, не соглашались выдавать их на расправу горцам, убежденным, что гости не те, за кого себя выдают. Это их и спасло — хозяин дома, где они ночевали, предупредил своих гостей о готовящемся аресте, как только они выйдут за пределы их общества, и разведчики повернули назад, решив не искущать больше судьбу.

Обычаи гостеприимства и куначества — популярная тема горского фольклора.

В вайнахской сказке «Черкес Иса и чеченец Иса» говорится, как абрек чеченец Иса вернул своему кунаку украденный табун лошадей, помог найти невесту — девушку необыкновенной красоты и спас обоих во время брачной ночи от гигантского змея. В свою очередь черкес Иса, чтобы снять с друга злые чары, пожертвовал своим сыном. Благодарный чеченец Иса сумел воскресить сына своего кунака.

Отношения куначества распространялись и на русское население Северного Кавказа. Служивший в молодости на Кавказе Л. Н. Толстой восторженно писал о честности и преданности в дружбе, свойственных горскому куначеству. О своем кунаке чеченце Садо он сообщал: «Часто он мне доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям ради меня; у них это считается за ничто — это стало привычкой и удовольствием...» Летом 1853 года, направляясь из станицы Воздвиженской в крепость Грозную, Толстой с Садо оторвались от основного отряда и наткнулись на отряд горцев. До крепости было уже недалеко, и кунаки помчались вперед. Лошадь Толстого явно отставала и плен был неминуем, если бы Садо не отдал графу своего коня и не убедил горцев прекратить преследование. «Едва не попался в плен, записал Лев Николаевич в своем дневнике 23 июня 1853 года. — Но в этом случае вел себя хорошо, хотя и слишком чувствительно».

Спасший для мира великого писателя чеченец Садо этим не ограничился. Позже он сумел отыграть у офицера, которому был должен Толстой, весь его проигрыш. Об этом написал Льву брат Николай: «Приходил Садо, принес деньги. Будет ли доволен брат мой? — спрашивает».

XVI. ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Народные празднества

Кроме упомянутых выше, у горцев были праздники, связанные с циклами сельскохозяйственного года. О некоторых из них уже шла речь в предыдущих главах. Поэтому приведем

здесь лишь несколько примеров.

Сельскохозяйственные обрядовые праздники горцев начинались обычно еще зимой, в декабре. У лакцев, например, существовал обряд встречи зимы под названием «ходить козлами» («къяцрайх буккан»). После окончания молотьбы в конце осени молодежь шила специальные войлочные маски с бородой и рогами, напоминающие козла. При наступлении зимы несколько парней, изображавших «козлов», надевали тулупы, вывернутые наизнанку, маски и ходили по дворам. Инсценированные «смерть» и «воскресение козла» символизировали смерть и воскресение сил природы. Молодежь, сопровождавшая «козлов», пела песни, содержащие пожелания хорошего урожая, изобилия, приплода скота.

Наступление весны ассоциировалось с наступлением нового года. Начало весны отмечали 21—23 марта, то есть в период весеннего равноденствия.

Приготовления к празднику имели много общего у всех народов гор.

А. Омаров вспоминал: «Накануне первого дня весны все молодые суетились в ауле. Девушки ходили в поле — отыскивать корень какой-то травы (турлан), чтобы положить его ночью под голову вместе с жареными зернами ячменя, обмотанными в зеленый кусочек шелковой материи, и чрез то увидеть во сне свою будущую судьбу; мальчики поправляли свои пращи для бросания туршей; молодые люди приготовляли ружья и пистолеты, чтобы стрелять из них. Перед вечером в этот день на площади бывала толпа больше обыкновенного, и гоняли мальчишек по аулу, чтобы собрать бурьяну и соломы, ободряя их криками: «Посмотрим, кто больше молодец? Кто больше всех принесет?» Я тоже бегал вместе с другими мальчиками и выпрашивал у жителей что-нибудь для костра. Таким образом стаскивали топливо на площадь, и перед вечером посреди ее образовывался громадный стог, который поджигали с четырех сторон. Пламя быстро охватывало весь стог сухого бурьяна и соломы и поднималось высоко; толпа шумела, крича «ура!»; а некоторые молодые люди, желавшие показать свою ловкость, начинали прыгать с одной стороны костра на другую, сквозь огонь. В это время раздавались повсеместно ружейные выстрелы, а на вершинах соседних холмов лопались большие камни и гранаты (остатки от русских выстрелов), которые были заранее начиняемы порохом для этого вечера. По воздуху летали турши с огненными хвостами, описывая различные линии.

В каждом доме приготовляли на ужин праздничные блюда: колдуны с яйцами, пироги с сыром, суп с рисом или чечевицей, а не то варили целую ляжку копченой баранины с хинкалом. У нас дома в этот вечер готовили иногда плов с мясом...»

Р. Магомедов пишет: «Солнечный праздник весеннего равноденствия существовал у всех дагестанских народов. В этот день в горах и на крышах домов разжигали костры, через которые перепрыгивали юноши».

У табасаранцев огненная феерия сопровождалась шествием по аулу мальчиков, которых обливали водой.

У лезгин праздник весеннего равноденствия назывался «наирш байрам» или «ярар». Последнее напоминает русское «ярило» и «ярый». В день весеннего равноденствия в лезгинских аулах тоже разводили ночью костры на крышах домов, плясали вокруг костров, бросали с крыш в дымоходные трубы орехи. Когда костер угасал, пепел рассыпали по крыше, приговаривая: «Чтобы в доме было много добра!»

Весело, с песнями и танцами, джигитовкой и стрельбой из ружей и пистолетов проводились лакские весенние праздники «хождение за подснежниками», «хождение за черемшой» (дарачуйн гьаву,

самуйн гьаву).

У многих народов Дагестана существовал праздник первой борозды или вывода плугов в поле, символизировавший начало хозяйственного года. У лакцев он назывался «Хъурдаккаву» (Полевой сбор), «Хъарас щаву» (Приступить к пахоте), «Хъарас дуккан даву» (Вынос сохи), у аварцев — «Оц бай» (Впряжение быка) и др. Каждое село имело время, которое определялось положением солнца на горизонте, когда надо было выходить на пахоту и сев.

Вот как описывает праздник первой борозды А. Омаров: «В деревне ходил говор о предстоящем празднике — вывозе плуга в поле... Приготовляли лошадей на предстоящую скачку; скороходы также упражнялись в беганьи на гору, пробуя, кто кого перегонит. Кроме того, в ауле было общее весеннее движение народа: одни поправляли старые корзинки для отвоза в поле навоза, другие починяли кирки и лопаты, плуги и другие хозяйственные орудия. В день праздника старший куначу должен был сделать угощение обществу, и об этом тоже говорили в народе. Также толковали о том, кого именно выбрать из жителей пахарем, чтобы он вывез в первый раз плуг в поле. Нужно было выбрать честного и доброго че-

ловека, чтобы хлеб уродился получше. Многие выбранные отказывались ввиду того, что в случае неурожая жители будут роптать на них. Наконец настал назначенный день для вывода плуга. Утром на площади около мечети собралась многочисленная толпа; по данному старшим картом знаку вынесли из его дома несколько хлебов, два кувшина бузы и мясо. Все это разделили между всеми присутствовавшими, а потом отправились за деревню, где стояли лошади, приготовленные для скачки...

Скачка совершалась при многочисленной толпе обоего пола, и первым прискакал один молодой человек, который и заслужил барту (хлеб кольцеобразной или крестообразной формы, украшенный яйцами и орехами), поднесенную ему означенным стариком с поздравлением. В это самое время родственники и близкие друзья получившего приз бросились к нему — и лошадь его обвесили кинжалами, и женщины повязали шею ее платками... Каждый, навесивший свой кинжал, должен был идти в дом хозяина лошади за получением своего оружия обратно, но не иначе, как с чем-нибудь съедобным: одни несли копченую баранину, другие бузу, третьи хлеб и т. д., так что в короткое время дом хозяина лошади наполнился провизиею.

На том самом месте, где была конная скачка, стояла еще не расходившаяся толпа. Несколько молодых людей, полураздетых, с засученными рукавами и шальварами, приготовлялись бежать и принимали советы от старших, которые предлагали им держать во рту пулю или камешек, чтобы не утомиться. Принесли другую барту, поменьше прежней, тоже от старшего карта... Молодые люди отправились с одним посторонним человеком, который должен был распорядиться соблюдением порядка во время бега, бывающего на протяжении версты. По произнесении посторонним: раз, два, три! - все сразу бросались бежать и один, прибежавший первым, схватил барту и упал. Сейчас же подняли молодого человека и повели его под руки. По дороге его также обвешивали кинжалами и платками, как прежде обвешивали

лошадь, и со всех сторон приветствовали поздравлениями.

По окончании скачек послали за пахарем, который и явился со всеми орудиями пахаря и с быками (в этом случае пахарь бывает одет в овчинный полушубок, который надевает навыворот), и вместе с ним толпа направилась к ближайшему пахотному полю. Множество мальчиков провожало пахаря, бросая в него комками снега, грязью и камешками, и не переставая бросать до тех пор, пока он не обошел с плугом вокруг пашни три раза. При этом кадий читал молитву, подняв руки к небу, прося у Бога хорошего урожая в этом году, а остальные говорили «аминь». По окончании всего этого обряда народ вернулся домой, и целые два дня был затем кутеж в двух домах: у хозяина перескакавшей лошади и у победившего скорохода.

С этого дня начались полевые работы: кто унавоживал пашню, кто пахал (с ранней весны горцы пашут землю и оставляют ниву незасеянною; потом, перепахавши ее во второй раз, сеют зерно. Горцы пашут всегда одною парою быков), кто искал себе компаньона для пахоты (из горцев редкий хозяин имеет больше одного быка. Во время работы каждый находит себе компаньона, имеющего тоже одного быка, и по очереди пашут)».

Из летних самым важным был праздник «прикосновения серпа» (у лакцев — мухІ щаву), то есть жатвы. Он начинался с произнесения заклинания самой бойкой, энергичной, плодовитой или зажиточной женщиной, которая снимала первый сноп. Из зерен этого снопа варили ритуальную кашу (хІаллил ккурч). В случае засухи горцы делали чучело из зелени и обливали его водой со словами: «Да будет дождь!» При этом дети получали различные мелкие подарки. Данный обряд назывался по-разному: «урттил ссихьу», «урбмццу», «варпахху» и др. Если погода во время сбора и обмолота урожая была ненастной — «заклинали» солнце (бургъил сеихьу), «сжига-

ли» дождь (гъарал ччуччу). Занимались этой ворожбой в основном девушки.

Для того чтобы вызвать дождь, существовало множество других обрядов, в том числе посещение святых.

Традиционно большим праздником горцев была встреча чабанов и скота, возвращавшихся с летних или зимних пастбищ. Встречать их выходило все село с музыкой и песнями. Заранее готовились угощения, в огромных котлах варили смесь зерен кукурузы, фасоли, пшеницы и черных бобов (у аварцев — мугь). Тут же резали и варили баранов. Праздник сопровождался скачками и другими состязаниями. Молодежь танцевала, веселилась, прыгала через костры (как и в праздник первой борозды).

Игры и состязания

Все праздники горцев сопровождались играми и спортивными состязаниями.

Повсеместно были распространены бег (один из видов — взбегание на вершину горы), борьба на руках, прыжки (когда прыгали с меєта, то в полете отталкивались от зажатых в руках булыжников, отбрасывая их назад), прыжки со скал в воду, фехтование, поднимание и метание камней, бросание аркана, борьба, акробатика, перетягивание каната над речкой или ямой, хождение по канату, на руках, на лыжах и ходулях, плавание, гребля, альпинизм.

В особом почете были конно-спортивные игры. У чеченцев одна из таких игр называлась «марх»: барана спускали в яму и закрывали ее плетнем, по краям которого клали большие камни. Из отверстия в плетне выглядывала голова барана, которого всадник на полном скаку должен был вытащить из ямы. Игра эта требовала большой силы и ловкости.

У осетин популярной была игра «джирите», заключавшаяся в следующем: всадник на полном скаку должен был попасть дротиком в подвешенный шар и быстро ускакать от пораженного «противника» — мишени.

У адыгов одной из любимых игр считалась «диор». Разделившись на две партии, мужчины аула под горящим факелом с криком «диор!» нападали друг на друга. Побеждала та партия, сообщал в «Записках о Черкессии» Хан-Гирей, которая захватывала больше пленных.

У кабардинцев, когда аталык возвращал воспитанника в родительский дом, аульная молодежь, вооружившись длинными жердями, выходила навстречу гостям и преграждала им путь. Завязывался «бой», который заканчивался победой одной из сторон.

В Дагестане славилась игра «борьба за платок», которая проводилась на свадьбе. Родственники невесты вручали дружкам жениха платок, который они должны были доставить в его дом. Джигиты из селения невесты стремились отобрать платок, между ними завязывалась борьба. Считалось позором не привезти платок в дом жениха.

Платок использовался и в другой игре — его подвешивали у высокого потолка, и тот, кому удавалось

сорвать его, получал приз.

Одним из любимых состязаний горцев было бросание камня. «Для этого кладут где-нибудь на ровной площадке камень, или проводится на земле черта, от которой отмеривают известное число шагов (от 10 до 15) и проводят другую черту, — писал Н. Львов. — У последней становятся играющие. Скинув с себя верхнее платье, а иногда и рубаху, они кладут на ладонь правой руки плоский камень фунтов в 10 или 15 весу и придерживают его пальцами так, чтобы другой конец камня касался середины плеча правой руки; потом, размахивая камнем во все стороны и сделав сильный скачок к передней черте, бросают камень вперед. Эта игра, продолжающаяся по несколько часов, бывает зимою и летом».

Победитель соревнований обычно угощал осталь-

ных. Молодежь умела этим пользоваться. Когда, например, проводили соревнования в беге и уславливались, что победитель зарежет быка, молодежь, бывало, подхватывала на руки самого богатого участника и первым приносила его к финишу, чтобы потом славно попировать.

Особым развлечением были петушиные и собачьи бои, бои баранов и быков, которые устраивались в аулах, между аулами и между обществами.

А вот как описывает праздное времяпрепровождение татов И. Анисимов: «...Вот проскакал он мимо вас, вооруженный с головы до ног, на бодрой лошади; там в изодранном костюме своем лезет он по горам, карабкается между скалами, рубит дрова или выкапывает пни и корни кустарников, которые несет на согнутой и избитой спине своей; там копает он в поле землю, пашет, выделывает вина, срывает плоды с деревьев; там опустился в глубокое корыто с водой около бассейна, засучив штаны выше колен, и топчет изо всей силы сырые кожи, и наконец вот он свободен. Тут он не только забывает о прошедшем, о вчерашнем труде своем, но и перестает думать вовсе о будущем, о завтрашнем куске насущного хлеба. И это праздное препровождение времени и беспечность, этот праздный разгул за ведрами вина или штофами водки с шашлыком, это расхаживание из дома в дом и по всему аулу с шапкой набекрень и черкеской или шубкой внакидку, эти беседы и всевозможные мечты возле лавок или на лавках около домов, на овчере (сельская площадь, где бывают народные собрания), перед синагогой или ризницей и вообще это переливание из пустого в порожнее продолжается не день, не два и не недели, а иногда целые месяцы. Даже становится досадно, когда постоянно встречаешь одного и того же субъекта, занятого или игрой в шахматы, или перерубанием на пари острым кинжалом нескольких арбузов, поставленных в ряд.

Такие забавы в большом ходу в аулах и производятся на площади. Кроме того, они держат пари

съесть столько-то фунтов винограда или тутовника (ягоды шелковичного дерева), столько-то арбузов, дынь, яиц, мерок груш, слив и пр., которые продаются мальчиками тут же на площади. Завидя какого-либо приезжего, эти праздношатающиеся собираются вокруг него, спрашивают, откуда он едет и куда, к кому, зачем и какие у них слышны новости. Горцы вообще очень любят слушать приезжего, что бы тот ни говорил, верят словам его и передают новости друг другу и всему аулу, сделав по обыкновению из мухи слона. Нередко они приглашают с площади же к себе гостей, если те не имеют еще кунаков в ауле, и завидуют тому, кто имеет приезжего гостя с массой новостей. Они любят также рассуждать о политике и часто, сидя на лавках или камнях на площади, толкуют о военных действиях того или другого государства».

Были развлечения, помогавшие укреплять дружбу между соседними обществами или аулами. Одно из них — «Пирожные игрища» — описал известный эт-нограф Е. М. Шиллинг:

«Селение, задумавшее устроить игрище (здесь Кубачи. — *Авт.*), пекло гигантский пирог «чутшу» из трех-четырех пудов муки. Пирог имел в диаметре около 2 метров. Его начиняли толстым слоем сыра, яиц и мяса. Для печения этого гиганта расчищали место на току, разводили костер и пекли пирог в золе. Когда пирог пекся, его поворачивали 5-6 человек. Затем парни везли пирог в особой плетеной корзине на лошади или несли на носилках в селение Кара-Корейш. Делалось это тайком. Экспедиция отправлялась вечером, чтобы прибыть в Кара-Корейш в полночь. Задача состояла в том, чтобы войти незаметно в спящий Кара-Корейш, поставить пирог перед домом старшины и крикнуть ему: «Вам пирог, а нам праздник!» Старшина должен был ответить: «Понял!» Тогда молодежь стреляла из ружей и убегала, а проснувшееся население бросалось в погоню. Если погоня завершалась успехом, жители Кара-Корейш не обязаны были устраивать праздник, а принесенный гигантский пирог делили между собой и съедали». Если же догнать убегавших не удавалось, для селения, привезшего пирог, устраивался праздник. На празднике, в котором принимали участие и стар и мал, каждый каракорейшский двор должен был выставить угощение. Те два дня, пока длился праздник, все от души веселились, пели, танцевали, участвовали в скачках. Затем сельчане Кара-Корейш с честью провожали гостей за пределы своего аула.

Детские игры тоже были весьма разнообразны. Любимой игрой ребят были альчики (бабки, косточки из голени овцы).

Не менее увлекательным занятием было бросать камни пращами, причем снаряды иногда делали из глины, втыкали в нее палочки, сушили, а после поджигали и запускали в цель.

На речках и озерах ребята пускали по воде плоские камешки — побеждал тот, чей камешек отскочит от воды большее число раз или достигнет другого берега.

Играли и в ножики — нож подбрасывался, чтобы воткнуться в землю, побеждал тот, чей нож сделает

больше оборотов и точнее воткнется в цель.

Была у горских ребятишек и своя лапта, и волчки, которые они подгоняли плетками.

Девочки, кроме тряпичных кукол, любили играть в камешки, подбрасывая один и успевая особым об-

разом переложить другие.

Большое внимание горцы уделяли военно-физической подготовке молодежи. С малых лет детей обучали владению оружием, верховой езде, джигитовке.

В поэме А. Полежаева «Чир-Юрт» читаем:

Смотрите, вот они толпами Съезжают медленно с холмов И расстилаются роями Перед отрядом казаков. Смотрите, как тавлинец ловкий Один на выстрел боевой Летит, грозя над головой Своей блестящею винтовкой; С коня долой — удар, и вмиг Опять в седле, стреляет снова, К луке узорчатой приник — И нет наездника лихого!..

Канатоходцы

Самобытное искусство лакцев из аула Цовкра знает весь мир. Считается, что в Цовкра все умеют ходить по канату. Некоторые даже называют цовкринцев «рожденные на канате». Пехлеваны-канатоходцы хранят свои традиции и передают секреты мастерства из века в век. Легенды гласят, что пастухи из Цовкры даже переносили целые отары, овцу за овцой, по канатам, натянутым через пропасти. Славились своим искусством братья Рамазан и Кадыр Гупаевы, Алхас и Курбита Курбитаевы, Шали Маллаев, Ибай Гаджимахмудов, Омалага, женщины-канатоходцы Къучихъал Аьйшат, Хидрихъал Батимат, Щилми СахІив и др.

Канатоходцы — непременные участники праздников. Их неповторимые трюки (балансировка на стуле, стоящем в тазу на канате, заднее сальто с завязанными глазами, пирамиды из нескольких человек, исполнение на канате лезгинки и др.) всегда вызывают бурный восторг зрителей. Выступления обычно сопровождают ряженые, пародирующие трюки акробатов-канатоходцев.

О братьях Гупаевых рассказывают, что в Кюрдамире они выступали на канате, протянутом через реку Аракс, а в Эрзеруме — на канате, подвешенном между минаретами двух соседних мечетей. Восхищенный турецкий султан, наблюдавший это зрелище, приказал щедро вознаградить отважных канатоходцев и выдать им грамоту на право выступления во всех городах Османской империи.

В Тифлисе Рамазан Гупаев, соревнуясь с артистами местного цирка, успешно отработав свой номер, перепрыгнул на канат соперников, подхватил на ру-

ки девушку-грузинку и вместе с ней станцевал зажигательную дагестанскую лезгинку.

Умели ходить по канату и в других аулах, но цовкринцы в этом деле всегда были первыми.

Джигитовка

Далеко за пределами гор славилась и кавказская джигитовка. В Дагестане были целые династии джигитов-виртуозов, покорявших зрителей в цирках мировых столиц. Уникальные трюки и невероятное мастерство (например, Хасанбек Хирматов мог на всем скаку поднять «глазом» монету с земли, а затем танцевал лезгинку, стоя на коне) положили начало целой школе вольтижировки. Очевидцы рассказывали, что природная слитность джигитов и их коней рождала мысль о том, что мифические кентавры могли иметь вполне реальных прототипов.

XVII. МУЗЫКА ГОР

Музыкальные инструменты

Горцы — народ музыкальный, песни и танцы для них так же привычны, как бурка и папаха. Они традиционно взыскательны к мелодии и слову, потому что знают в них толк.

Музыка исполнялась на разнообразных инструментах — духовых, смычковых, щипковых и ударных.

В арсенале горских исполнителей были свирели, зурна, бубен, струнные инструменты пандур, чагана, кеманга, тар и их национальные разновидности; балалайка и домра (у ногайцев), басамей (у черкесов и абазинцев) и множество других. Во второй половине XIX века в музыкальный быт горцев начинают проникать русские фабричные музыкальные инструменты (гармошка и др.).

По свидетельству Ш. Б. Ногмова, в Кабарде бытовал двенадцатиструнный инструмент «рода цимбалов». Об арфе с 12 струнами из конских волос сообщают также К. Л. Хетагуров и композитор С. И. Танеев.

Н. Грабовский описывает некоторые инструменты, которые сопровождали танцы кабардинцев: «Музыка, под которую плясала молодежь, состояла из одной длинной деревянной дудки, называемой горцами «сыбызга», и из нескольких деревянных трещо-

ток — «харс» (харс состоит из четырехугольной продолговатой дощечки с ручкою; около основания ручки к дощечке свободно привязаны еще несколько дощечек меньшей величины, которые, ударяясь одна о другую, издают трескучий звук)».

О музыкальной культуре вайнахов и их национальных инструментах много интересных сведений в книге Ю. А. Айдаева «Чеченцы: история и современность»: «Одним из самых старинных у чеченцев является струнный инструмент дечик-пондур. Этот инструмент имеет деревянный, долбленный из одного куска дерева корпус удлиненной формы с плоской верхней и изогнутой нижней декой. Гриф дечик-пондура имеет лады, причем порожками ладов на старинных инструментах служили веревочные или жильные поперечные перевязы на грифе. Звуки на дечик-пондуре извлекаются, как на балалайке, пальцами правой руки приемами удара по струнам сверху вниз или снизу вверх, тремоло, бряцанием и щипком. Звук старинного дечик-пондура имеет мягкий тембр шелестящего характера.

Другой народный струнный смычковый инструмент — адхоку-пондур — имеет корпус округлой формы — полушария с грифом и опорной ножкой. Играют на адхоку-пондуре смычком, причем во время игры корпус инструмента находится в вертикальном положении; поддерживаемый за гриф левой рукой, он упирается ножкой в левое колено играющего. Звучание адхоку-пондура напоминает скрипку...

Из духовых инструментов в Чечне встречается зурна, повсеместно распространенная на Кавказе. Этот инструмент обладает своеобразными и несколько резкими звуками. Из клавишно-духовых инструментов в Чечне наиболее распространенный инструмент — кавказская гармоника. ... Звук ее своеобразный, по сравнению с русским баяном резковатый и вибрирующий.

Барабан с корпусом цилиндрической формы (вота), на котором обычно играют деревянными палка-

ми, но иногда и пальцами, является неотъемлемой принадлежностью чеченских инструментальных ансамблей, особенно при исполнении народных танцев. Сложные ритмы чеченских лезгинок требуют от исполнителя не только виртуозной техники, но и высокоразвитого чувства ритма.

Не меньшее распространение имеет и другой

ударный инструмент — бубен...»

Глубокие традиции и у дагестанской музыки.

Самые распространенные инструменты аварцев: двухструнный тамур (пандур) - щипковый инструмент, зурна - деревянный духовой инструмент (напоминающий гобой) с ярким, пронзительным тембром, и трехструнная чагана — смычковый инструмент, похожий на плоскую сковороду с верхом, обтянутым кожей животного или рыбьим пузырем. Женское пение часто сопровождалось ритмическим звучанием бубна. Излюбленный ансамбль, сопровождавший пляски, игры, спортивные состязания аварцев, - зурна и барабан. Очень характерны в исполнении такого ансамбля воинственные марши. Виртуозное звучание зурны, сопровождаемое ритмичными ударами палочек по туго натянутой коже барабана, прорезывало шум любой толпы и было слышно на весь аул и далеко окрест. У аварцев есть поговорка: «На целое войско хватит одного зурнача».

Главный инструмент даргинцев — трехструнный агач-кумуз, шестиладовый (в XIX в. двенадцатиладовый), с большими выразительными возможностями. Музыканты настраивали его три струны различными способами, получая всевозможные сочетания и последовательность созвучий. Реконструированный агач-кумуз заимствовали у даргинцев и другие народности Дагестана. В даргинском музыкальном ансамбле присутствовали также чунгур (щипковый инструмент), а позднее — кеманча, мандолина, гармоника и общедагестанские духовые и ударные инструменты.

В музицировании лакцев широко использовались

общедагестанские музыкальные инструменты. Это подметил еще Н. И. Воронов в своем очерке «Из путешествия по Дагестану»: «Во время ужина (в доме бывшей казикумухской ханши. — Aвm.) послышалась музыка — звуки бубна, сопровождавшиеся пением женских голосов и хлопаньем в ладоши. Сперва пели на галерее, потому что певицы, кажется, несколько конфузились и не решались войти в ту комнату, где мы ужинали, но потом вошли и, ставши в углу, закрыв при этом бубном свои лица, понемногу расшевелились... Скоро к певицам присоединился музыкант, игравший на дудке (зурне. – Авт.). Составились танцы. Кавалерами служили прислужники ханши, а дамами -- служанки и приглашенные из аула женщины. Танцевали попарно, мужчина с женщиной, плавно следуя один за другой и описывая круги, а при ускорении темпа музыки пускались вприсядку, причем женщины выделывали весьма забавные па».

Одним из самых популярных ансамблей у лезгин является сочетание зурны и барабана. Однако в отличие, скажем, от аварского дуэта лезгинский ансамбль представляет собой трио, в которое входят две зурны. Одна из них все время выдерживает опорный тон («зур»), а другая ведет затейливую мелодическую линию, как бы обвивающуюся вокруг «зура». В результате складывается своеобразное двухголосие.

Другие инструменты лезгин — тар, кеманча, саз, хроматическая гармоника и кларнет.

Основные музыкальные инструменты у кумыков: агач-кумуз, близкий даргинскому по конструкции, но с иной, чем в Нагорном Дагестане, настройкой, и «аргъан» (азиатская гармонь). На гармонике играли преимущественно женщины, на агач-кумузе — мужчины. Кумыки часто использовали зурну, пастушью свирель и гармонику для исполнения самостоятельных музыкальных произведений. Позднее к ним добавились баян, аккордеон, гитара и отчасти балалайка.

Сохранилась кумыкская притча, раскрывающая ценность национальной культуры.

В давние времена один могущественный царь послал своего лазутчика в Кумыкию, повелев высмотреть, большой ли народ кумыки, сильно ли их войско, каким оружием воюют и можно ли их завоевать.

Вернувшись из Кумыкии, лазутчик предстал перед

царем:

— О, мой повелитель, кумыки — народ небольшой, и войско их невелико, а оружие — кинжалы, шашки, луки да стрелы. Но покорить их нельзя, пока в руках у них будет маленький инструмент...

— Что же это такое, что придает им такую силу?! —

удивился царь.

— Это — кумуз, простой музыкальный инструмент. Но пока они на нем играют, поют под него и танцуют, они духовно не сломятся, а значит, умрут, но не покорятся...

Певцы и песни

Певцы и сказители-ашуги были народными любимцами. Карачаевцы, черкесы, кабардинцы, адыги называли их джирчи, джегуако, гегуако; осетины —

зараеги; чеченцы и ингуши — илланчи.

Одной из тем музыкального фольклора горцев была борьба обездоленных людей против произвола феодальной знати, за землю, свободу и справедливость. От имени класса угнетенных крестьян ведется рассказ в адыгских песнях «Плач крепостных», «Князь и пахарь», вайнахских — «Песня из времен борьбы вольных горцев с феодалами», «Князь Кагерман», ногайской — «Певец и волк», аварской — «Мечта бедняков», даргинской — «Пахарь, сеятель и жнец», кумыкской балладе «Бий и казак». В Осетии широкое распространение получили песня и сказание о знаменитом герое Чермене.

Особенностью горского музыкального фольклора являлись и эпические поэмы, и предания о борьбе против чужеземных завоевателей и местных феодалов.

Кавказской войне были посвящены исторические песни: «Бейбулат Таймиев», «Шамиль», «Шамиль и Хаджи-Мурат», «Хаджи-Мурат в Аксае», «Бук-Магомед», «Шейх из Кумуха», «Курахская крепость» («Къуругьиял Къала») и др. О восстании 1877 года горцы сложили песни: «Взятие Цудахара», «Разорение Чоха», «О Фатаали», «О Джафаре» и др.

О песнях и музыке вайнахов в книге Ю. А. Айдаева говорится: «Народная музыка чеченцев и ингушей состоит из трех основных групп или жанров: песни, инструментальные произведения - так называемая «музыка для слушания», танцевальная и маршевая музыка. Героические и эпические песни характера былин или сказаний, говорящие о борьбе народа за свою свободу или воспевающие героев, народные предания и легенды называются «илли». Песни без прикрепленного за ними текста иногда также называются «илли». Любовные песни с закрепленными текстами и песни шуточного содержания, типа частушек, которые поют только женщины, называются «эшарш». Произведения, обычно программного содержания, исполняемые на народных инструментах, называются «ладугІу йиш» — песня для слушания. Песни со словами, созданными самими исполнителями, - «йиш». Йир это русские и другие нечеченские песни, бытующие у чеченцев.

...Тысячи исполнителей народных песен-илланчей остались безвестными. Они жили в каждом селе и ауле, они воодушевляли своих земляков на ратные подвиги за свободу и независимость народа, были выразителями его дум и чаяний. Их хорошо знали в народе, имена многих еще помнят и вспоминают. О них живут легенды.

В XIX веке они стали известны и России через представителей своей культуры, оказавшихся на Кавказе. В числе первых был М. Ю. Лермонтов. В поэме «Измаил-Бей», написанной в 1832 году, указав на то, что столь драматичный сюжет поэмы ему подска-

зал «старик-чеченец, хребтов Кавказа бедный уроженец», поэт изображает народного певца:

Вокруг огня, певцу внимая, Столпилась юность удалая, И старики седые в ряд С немым вниманием стоят. На сером камне, безоружен, Сидит неведомый пришлец, — Наряд войны ему не нужен, Он горд и беден, он певец! Дитя степей, любимец неба, Без злата он, но не без хлеба. Вот начинает: три струны Уж забренчали под рукою. И живо, с дикой простотой Запел он песни старины.

В Дагестане певческим искусством славились аварцы. Их песням свойственна мужественная суровость в сочетании с силой и страстностью. Высоко почитались в народе поэты и певцы Али-Гаджи из Инхо, Эльдарилав, Чанка. У ханов, напротив, свободолюбивые, обличавшие несправедливость песни вызывали слепую ярость. Певице Анхил Марин ханы приказали зашить губы, но ее песни все равно продолжали звучать в горах.

Аварская мужская песня — обычно рассказ о герое или историческом событии. Она трехчастная: первая и последняя части выполняют роль вступления (зачина) и заключения, а в средней излагается сюжет. Для аварской женской лирической песни «кечІ» или «рокьул кечІ» (любовная песня) характерно горловое пение открытым звуком в высоком регистре, придающее мелодии напряженнострастный оттенок и несколько напоминающее звучание зурны.

У аварцев выделяется сказание о герое Хочбаре, имеющее аналоги и у других народов. Хочбар был предводителем вольного Гидатлинского общества. Долгие годы герой противостоял хану Аварии. Тысячам бедняков роздал он «по сто овец» из ханских отар, «восьмистам бескоровным по шести коров» из ханских стад. Хан пытался расправиться с ним и с самим обществом, но у него ничего не выходило. Тогда

коварный Нуцал-хан задумал обмануть его, пригласив к себе в гости якобы для перемирия.

Вот отрывок из сказания в переводе П. Услара:

«От аварского хана пришел посланный звать гидатлинского Хочбара. «Идти ли мне, матушка, в Хунзах?» -- «Не ходи, милый мой, горечь пролитой крови не пропадает; ханы, да истребятся они, коварством изводят людей». — «Нет, пойду я; не то презренный Нуцал подумает, что я струсил». Погнал Хочбар быка в подарок Нуцалу, взял перстень для жены его, пришел в Хунзах. «Привет тебе, аварский Нуцал!» -- «И тебе привет, гидатлинский Хочбар! Пришел ты, наконец, волк, истреблявший баранов!..» — Пока Нуцал и Хочбар разговаривали, кричал аварский глашатай: «У кого арба, вези на арбе дрова из соснового леса, что над аулом; у кого нет арбы, навьючь осла; у кого нет осла, тащи на спине. Враг наш Хочбар попался в руки: разведем костер и сожжем его». Кончил глашатай; шестеро бросились и связали Хочбара. На длинном хунзахском подъеме развели костер такой, что скала накалилась; привели Хочбара. Подвели к огню гнедого коня его, изрубили мечами; переломили остроконечное копье его, бросили в пламя. Не мигнул даже герой Хочбар!..»

Глумясь над пленником, аварский хан распорядился развязать Хочбара, чтобы он спел предсмертную песню. Напомнив народу о своих подвигах и призвав к продолжению борьбы против ханов, герой сам кинулся в огонь, прихватив с собою двух сыновей Нуцал-хана, пришедших поглазеть на казнь... Такова была месть за неслыханное нарушение священных законов гостеприимства.

Очень ярок и многообразен был музыкальный фольклор лакцев. Мелодическое богатство в нем сочетается с широтой ладовых средств. Песенная традиция лакцев отдавала предпочтение в исполнительстве певицам.

Длинные, развернутые песни лакцев назывались «балай». Они выделялись глубиной поэтического со-

держания и развитой, распевной мелодией. Это своеобразные песни-баллады, повествующие о судьбах простых людей, об отходниках, событиях национально-освободительного движения (например, посвященная восстанию 1877 г. песня «Вай ци ххитри ххуллийхса» — «Что за пыль на дороге») и др.

Особую группу составляли эпические песни «ттаттахъал балай» («песня дедов»), исполнявшиеся под аккомпанемент бубна или другого музыкального инструмента как мелодическая декламация. Каждая из этих песен имела особую мелодию, называемую «ттаттахъал лакван» («мелодия дедов»).

Короткие, быстрые песни назывались «шанлы». Особой популярностью, в первую очередь у молодежи, пользовались лакские шуточные песни «шаммарду», сходные с русскими частушками. Задорный, темпераментный характер мелодии хорошо соответствовал веселым текстам «шаммарду», которые парни и девушки нередко импровизировали по ходу исполнения, состязаясь в остроумии. Оригинальную часть «шанлы» составляли также детские песенкиприбаутки, героями которых являлись животные: сорока, лисица, мышь, корова, осел и т. п.

Замечательным памятником лакского героического эпоса является песня «Парту Патима», рассказывающая о дагестанской Жанне д'Арк, под руководством которой в 1396 году горцы нанесли поражение полчищам Тамерлана:

^{— «}Ура!» оглашает овраги и долы И громом на горской гремит стороне, И стонут монголы, трясутся монголы, Завидев Парту Патиму на коне. Вкруг шлема обвив свои косы густые, По локоть свои засучив рукава, Туда, где противники самые злые, Летит она с гордым бесстрашием льва. Направо взмахнет — и врага обезглавит, Налево взмахнет — и коня рассечет. «Ура!» закричит — и джигитов направит, «Ура!» закричит — и помчится вперед. А время проходит, а время уходит, Монгольское полчище хлынуло вспять. Своих седоков скакуны не находят, Спасается бегством Тимурова рать...

К героическим песням относятся также «Хъунна бава» («Старая мать»), «Бярнил ккурккай РайхІанат» («Райганат на краю озера»), «Муртазаали». В последней рассказывается о борьбе горцев Дагестана против персидских завоевателей в 30—40-х годах XVIII века.

Хорошо изучивший народные сказания П. Услар писал: «На Чохском спуске, если верить горскому поэту, Надир-Шах, видя подступавших андалальцев, закричал: «Что это за мыши лезут на моих котов?!» На что Муртазаали, предводитель андалальцев, возразил повелителю полусвета, покорителю Индустана: «...Погляди на своих куропаток и на моих орлов; на своих голубей и на моих соколов!» Ответ был совершенно кстати, потому что, действительно, Надир-Шах потерпел сильное поражение на Чохском спуске...»

Популярны в народе были песни о Кайдаре («Гьухъаллал Къайдар»), смелом и отважном борце за свободу и независимость, «Султане из Хуна» («Хъунайннал Султан»), «Саиде из Кумуха» («Гъумучиял Саид»), «Давди из Балхара» («Балхъаллал Давди») и др. Вот пример рифмованной прозы, повествующей о

самоотверженности горцев в бою:

«Станем мы просить — нас они (враги. — Aem.) не пустят; станем кланяться — не проводят нас. Сегодня пусть покажутся храбрецы; сегодня кто умрет — имя его не умрет. Смелее, молодцы! Кинжалами дерн режьте, стройте завал; куда завал не достанет — режьте коней и валите их. Кого голод одолеет, пусть ест лошадиное мясо; кого жажда одолеет, пусть пьет лошадиную кровь; кого рана одолеет, пусть сам ложится в завал. Вниз бурки постелите, на них порох насыпьте. Много не стреляйте, цельтесь хорошенько. Кто сегодня оробеет, наденут на него чистый повойник; кто робко будет драться, того любимая да умрет. Стреляйте, молодцы, из длинных крымских винтовок, пока дым клубом не завьется у дул; рубите стальными мечами, пока не переломятся, пока не останутся одни рукоятки».

Во время сражения горские воины являют чудеса храбрости: «Один ринулся, как орел, поджавший крылья; другой ворвался посреди неприятелей, как

волк в овчарню. Неприятель бежит наподобие листьев, гонимых осенним ветром...» В итоге горцы возвращаются домой с добычей и славой. Поэт заключает свою песню пожеланием: «Да родятся у каждой матери такие сыны!»

Даргинские певцы славились виртуозной игрой на чунгуре и стихотворными импровизациями. Всенародной любовью пользовался О. Батырай. Боявшаяся его обличительных песен знать требовала за каждое выступление Батырая перед народом штраф — одного быка. Народ покупал быка в складчину, чтобы услышать любимого певца, его песни о несправедливой жизни, о несчастной родине, о желанной свободе.

Время ль трудное придет, Против ста— один пойдень, Взяв египетский клинок, Заостренный, как алмаз.

Если встретится беда, Вступишь с тысячами в спор, Взяв кремневое ружье Все в насечке золотой.

Не уступишь ты врагам, Не наполнятся пока Темной кожи сапоги Красной кровью через край.

О чуде любви Батырай пел как никто другой:

Есть в Египте, говорят, Наша давняя любовь: Там портные-мастера Режут выкройки по ней.

Есть, по слухам, в Шемахе Страсть, что нашею была: За нее в обмен купцы Деньги белые берут.

Или:

Да чтоб он совсем ослеп, Лакский медник-чародей: Твой сверкающий кувшин Ослепляет всех парней!

Да чтоб руки отнялись У кайтатских мастериц: Шаль твоя горит огнем — Хоть на месте падай ниц!

Рассказывают, что, заслышав его голос, женщина, готовившая хинкал, пришла на площадь с тестом в руках. Тогда знать обвинила Батырая еще и в совращении чужой жены. Но народ не давал любимого певца в обиду, дарил ему коней и земли.

Автор «Очерков истории дагестанской советской музыки» М. Якубов отмечал, что в вокальной музыке для даргинцев характерны одноголосие и изредка хоровое унисонное пение. В отличие от аварцев, у которых одинаково развито и мужское, и женское исполнительство, в музыкальном фольклоре даргинцев более важное место принадлежало певцаммужчинам и, соответственно, мужским песенным жанрам: медленным речитативным героическим песням, близким по типу аварским и кумыкским, а также песням-размышлениям, называемым «дард» (кручина, печаль). Даргинским бытовым (лирическим, шуточным и т. п.) песням, называвшимся «далай», свойственны рельефность и простота мелодического рисунка, как в любовной песне «Вахвелара дилара» («Ах, нашей любви зачем суждено было родиться?»).

Лезгины и другие народы, живущие на юге Дагестана, испытали на себе влияние азербайджанского музыкального фольклора. Получила развитие и ашутская поэзия. Известны имена популярных поэтовпевцов: Гаджиали из Цахура, Гумен из Мишлеша и др.

Грузинский историк П. Иоселиани писал: «Ахтынцы — охотники до пения, сопровождаемого игрою на чунгуре и на балабане (дудка вроде кларнета). Певцы (ашуги) устраивают иногда состязания, на которые стекаются певцы из Кубы (пользующиеся известностью), из Нухи, а иногда из Елисаветполя и Карабаха. Песни поются на лезгинском, а чаще на азер-

байджанском языке. Ашуг, одержавший победу над своим соперником, отнимает у него чунгур и получает условленный денежный штраф. Ашуг, потерявший чунгур, покрывается стыдом и удаляется подальше, если пожелает выступать опять в роли певца».

Музыкальное искусство кумыков имело свои специфические песенные жанры, некоторые характерные инструменты, своеобразные формы исполнения (хоровое многоголосие).

Эпические сказания о батырах (богатырях) исполнялись под аккомпанемент музыкального агачкумуза певцами-мужчинами, называемыми «йырчи» (певец, сказитель). Мужская песня речитативно-декламационного склада («йыр») чаще всего также была связана с темами эпического, героического, исторического характера; однако встречались «йыры» шуточного, сатирического и даже любовно-лирического содержания.

К «йырам» относятся также мужские хоровые песни кумыков. Наиболее распространено двухголосие, в котором верхний голос, солист, ведет мелодию, а нижний, исполняемый всем хором, тянет один звук. Начинает песню всегда солист, а хор присоединяется позднее (например, хоровая песня «Вай, гиччи къыз» — «Ах, маленькая девочка»).

Еще одну группу «йыров» составляли траурные необрядовые песни об умерших, в которых содержатся выражения скорби, печальные размышления о покойном, воспоминания о его жизни, нередко восхваление его достоинств.

Другая, не менее обширная жанровая область кумыкской песенности — это «сарын». «Сарын» — бытовая песня любовно-лирического, обрядового или шуточного характера, исполняемая с четким ритмом в умеренно-подвижном темпе. С «сарыном» стилистически связана также кумыкская частушка («эришивлу сарынлар») — жанр, усвоенный в результате давнего общения кумыков с русскими.

Кроме описанных двух основных жанровых обла-

стей, известны кумыкские песни, связанные с трудом (приготовление пищи, работа в поле, замешивание самана для постройки дома и др.), древними языческими обрядами (вызов дождя, заговор болезни и т. п.), национальными обычаями и праздниками (песни весеннего праздника навруз, «буянка» — то есть коллективная помощь соседу и т. д.), детские и колыбельные песни.

Выдающимся кумыкским поэтом был Йырчи Козак. Его пленительные песни о любви, о богатырях прошлого и героях Кавказской войны, о тяжелой доле крестьян и несправедливости жизни стали поистине народными. Власти считали его бунтарем и сослали в Сибирь, как ссылали за вольнолюбивые стихи на Кавказ русских поэтов. Поэт продолжал творить и в Сибири, обличая несправедливость и угнетателей родного народа. Он погиб от рук неизвестных убийц, но его творчество стало частью духовной жизни народа.

В ту же Сибирь за крамольные песни были сосланы лакец Будугал-Муса, ингуш Мокыз и многие другие.

Танцы

Знаменитая лезгинка, названная так по одному из народов Дагестана, известна во всем мире. Лезгинку считают общекавказским танцем, хотя у разных народов она исполняется по-своему.

Сами лезгины эту темпераментную стремительную пляску в размере 6/8 называют «Хкадардай

макьам», то есть «прыгающий танец».

Существует множество мелодий этого танца с дополнительными или местными названиями: осетинская лезгинка, чеченская лезгинка, кабардинка, «лекури» в Грузии и др. У лезгин есть и другой танец «зарб-макали», исполняющийся в несколько менее подвижном, чем лезгинка, темпе. Кроме того, у них распространены медленные, плавные танцы: «Ахтычай», «Перизат Ханум», «Усейнел», «Бахтавар» и др.

В период войны на всем Кавказе стал популярен

«Танец Шамиля», который начинался смиренной молитвой, а затем обращался в огненную лезгинку. Автором одного из вариантов этого танца («Молитва Шамиля») называют чеченского гармониста и композитора Магомаева.

Этот танец, как и лезгинку, кабардинку и другие танцы, перенимали соседи горцев — казаки, от кото-

рых они затем попали в Россию.

Большая роль инструментально-танцевального начала проявляется у лезгин и в особом жанре танцевальных несен. Между куплетами такой песни испол-

нители танцуют под музыку.

О танцах ахтынцев П. Иоселиани писал: «Танцуется чаще всего так называемая каре. Каре — это общеупотребительная между горцами лезгинка. Она танцуется с разными вариациями. Если танцуют шибко, то носит название табасаранки; если танцуют медленно, то называется Перизаде. Девушки сами выбирают себе танцоров, вызывая часто их на состязание. Если молодой человек устает, то он вручает чаушу (крикуну) серебряную монету, которую последний завязывает в забрасываемый сзади угол длинного головного платка танцорки, — она тогда и прекращает танец. Танцуют под звуки зурны и дандама, а иногда и огромного бубна».

О танцах чеченцев Ю. А. Айдаев пишет: «Народные танцевальные мелодии называются «халхар». Часто народные песни, начинающиеся в умеренном или медленном движении, при постепенном ускорении темпа переходят в быстрый, стремительный танец. Такие танцы очень характерны для вайнахской народной музыки...

Но особенно народ любит и умеет танцевать. Бережно сохранены народом старинные мелодии «Танца стариков», «Танцев юношей», «Танцев деву-

шек» и других...

Почти каждый аул или селение имеет свою лезгинку. Атагинская, Урус-Мартановская, Шалинская, Гудермесская, Чеченская и многие, многие другие лезгинки бытуют в народе... Очень оригинальна музыка народных маршей, исполняемая в темпе кавалерийских маршей...

Кроме песен и танцев у чеченцев очень распространены инструментальные программные произведения, с успехом исполняемые на гармонике или дечик-пондуре. Обычно название таких произведений определяет их содержание. «Высокие горы», например, — народное произведение импровизационного характера, имеющее в основе гармоническую фактуру, воспевает красоту и величие гор Чечни. Таких произведений немало...

Для инструментальной народной чеченской музыки очень характерны небольшие перерывы — короткие паузы...»

Пишет автор и об уникальном опыте применения музыки в народной медицине: «Резкие боли при панариции успокаивали игрой на балалайке специальной музыкой. Мотив этот под названием «Мотив для облегчения нарыва на руке» записан композитором А. Давиденко и нотная запись его дважды опубликована (1927 и 1929 гг.)».

Т. Хамицаева писала о танцах осетин: «...Танцевали под аккомпанемент народного смычкового инструмента — кисын фандыр, а чаще — под хоровое пение самих танцующих. Такими были традиционные песни-танцы «Симд», «Чепена», «Вайта-вайрау».

«Чепена» исполнялась после того, как в дом жениха приведена невеста. Танцующие, преимущественно пожилые мужчины, брались под руки, замыкали круг. В середину становился ведущий-запевала. Им могла быть женщина. Бытовал и «двухъярусный» танец: на плечи танцующих предыдущего ряда становились другие танцоры. Они брались за пояса друг друга и тоже замыкали круг. «Чепена» начиналась в среднем темпе, но постепенно ритм и, соответственно, пляска убыстрялись до возможного предела, а затем резко обрывались».

Кабардинский танец описал Н. Грабовский: «...Вся эта толпа, как сказал я выше, стояла полукругом; коегде между девушками, взявши их под руки, стояли мужчины, образуя таким манером длинную непрерывную цепь. Цепь эта медленно, переступая с ноги на ногу, подвигалась вправо; дойдя до известного пункта, одна крайняя пара отделялась и немножко живее, делая незамысловатые в ногу па, двигалась к противоположному концу танцующих и вновь примыкала к ним; за ними другая, следующая пара и так далее двигаются этаким порядком до тех пор, пока играет музыка. Некоторые же пары, из желания ли воодушевить танцующих или порисоваться собственным умением танцевать, отделившись от цепи и вышедши на середину круга, расходились и принимались отплясывать что-то в роде лезгинки; в это время музыка переходила в фортиссимо, сопровождалась гиканиями и выстрелами».

Многое сделали для изучения песенно-музыкальной культуры горских народов выдающиеся русские композиторы М. А. Балакирев и С. И. Танеев. Первый в 1862—1863 годах записал на Северном Кавказе произведения горского музыкального фольклора, а затем опубликовал 9 кабардинских, черкесских, карачаевских и две чеченские мелодии под названием «Записки кавказской народной музыки». На основе знакомства с музыкой горцев М. А. Балакирев в 1869 году создал знаменитую симфоническую фантазию «Исламей». С. И. Танеев, побывавший в 1885 году в Кабарде, Карачае и Балкарии, также сделал записи песен и опубликовал статью о музыке народов Северного Кавказа.

Представления

С музыкальным искусством у народов Северного Кавказа были тесно связаны театрализованные представления, без которых не обходился ни один праздник. Это представления масок, ряженых, скоморохов, карнавалы и др. Большой популярностью пользовались обычаи «ходить козлами» (в масках

козлов) на праздниках встречи и проводов зимы, жатвы, сенокоса; устраивать соревнования певцов, танцоров, музыкантов, поэтов, декламаторов. Театрализованными были кабардинские представления «щопщако», осетинские «маймули» (буквально «обезьяна»), кубачинские маскарады «гулалу акубукон», кумыкская народная игра «сюйдцмтаяк» и др.

Во второй половине XIX века на Северном Кавказе получил распространение кукольный театр. Знаменитый в Северной Осетии певец Куэрм Бибо (Бибо Дзугутов) в 80-х годах XIX века сопровождал свои представления выступлением кукол («чындзытае»), одетых в черкески или в женский наряд. Приводимые в движение пальцами рук певца, куклы начинали вертеться под его веселую музыку. Кукол использовали и другие народные певцы-импровизаторы.

Большим успехом у горцев пользовался театр масок, где разыгрывались веселые сценки.

Отдельные элементы театрализованных представлений горцев позже легли в основу национальных профессиональных театров.

XVIII. ЭПОС И ФОЛЬКЛОР

Нартский эпос

История народов Северного Кавказа, их жизнь и чаяния нашли отражение в богатом горском фольклоре. Идеалы добра и гуманизма, любви и красоты, гостеприимства, уважения к старшим, мужества и отваги, дружбы и взаимопомощи, выраженные в фольклорных произведениях, актуальны и сегодня. Тем более что у горцев они всегда сопровождаются стремлением к победе добра над злом, осуждением подлости и лжи, трусости и измены.

Одним из древнейших героико-эпических произведений народов мира является кавказский нартский эпос. По словам П. Услара, он стоит в одном ряду с «ионическими песнями» («Илиада» и «Одиссея»), «Махабхаратой», «Шахнаме», «Нибелунгами» и «Калевалой». Исследователь В. И. Абаев отмечал, что северокавказский богатырский эпос формировался на протяжении многих столетий, начиная с первого тысячелетия до н. э. и до XIV века включительно.

Общая характеристика нартов у осетин, адыгов, карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев примерно одинаковая. Нарты — это богатырское племя, люди необыкновенно сильные, ловкие и отважные.

Для Нартиады характерна циклическая форма ее внутренней организации. Так, в числе больших циклов известен цикл Сосрыко (Сослана) у осетин, кабардинцев и адыгейцев. Этот цикл включает мотив необыкновенного рождения героя из камня (примета его несокрушимости и мощи), его богатырского детства, эпических подвигов, смерти. У осетин к большим относятся также циклы о Сирдоне, Урызмаге и Батрадзе. Примеры малых циклов: о Тотрадзе — сыне Алым-бека, Албеке (у осетин, адыгов), Ацамазе (у осетин, адыгов), Садайе — сыне Чандзе и великанши-людоедки (у карачаевцев, балкарцев, осетин, адыгов), о Крымсултане (у осетин), Пши-Бадиноко, Арацхау, Пачикау (у адыгов, карачаевцев, балкарцев) и др.

Этнограф У. Б. Далгат в исследовании «Героический эпос чеченцев и ингушей» приводит таблицу имен основных героев нартских сказаний:

Сеска Солса Соска Солса	ингушское и чеченское наименование героя эпоса; осетинское — Созрукъо, Сослан; кабардинское — Сосрыко; абхазское — Сасрыква.
Урузман Орзми	ингушское наименование героя эпоса; осетинское — Урызмаг, Урузмаг; кабардинское, балкаро-карачаевское — Урызмек.
Хамчи	ингушское наименование героя эпоса; осетинское — Хамыц, Хамиц; кабардинское — Хымыш.
Патарз Патриж	ингушское наименование героя эпоса; осетинское — Батрадз; абхазское — Патраз; адыгское — Батараз.
Ачамза	ингушское наименование героя эпоса; осетинское — Ачамаз; кабардинское — Ацамаз.
Техшоко	ингушское наименование героя эпоса.
Шертга Ширтка Ширтга Шертщко	сын Боткия (Ботоко, Боткхи, Батоко, Батыг), ингушское наименование героя эпоса; осетинское — Сирдон, сын Батагъа.
Кинда Шоа Киндий Шоа	ингушское наименование героя эпоса; осетинское — Суай, сын Чандза; балкаро-карачаевское — Шуай; кабардинское — Шауай.

	ингушское и чеченское наименование героини эпоса; осетинское — Сатана; адыгское — Сатаней; абхазское — Сатаней-Гуаша.
--	---

У вайнахов в системе нарт-орстхойского эпоса действуют и местные герои: Колай Кант, Охкыр Кант, Эшк Горжай, Чопа Бороган (у ингушей); Бжак, Наур, Ахмед, Толам-Аго, Чуара Кембиевич (у чеченцев) и др.

У аварцев, лакцев, даргинцев нарты существуют только в сказках. Это богатыри-великаны, не имеющие имен. Они обладают огромной силой, могут вырывать с корнями деревья. В сказках народов Дагестана обычно действуют не один, а семь нартов. Живут они, как правило, в лесах, в железных башнях, которые достигают верхушками неба и огорожены железным забором со стальными кольями; на заборе нередко насажены человеческие головы.

В Дагестане наблюдается и другой вид нартов — обыкновенных сказочных героев, совершающих различные подвиги. Они не выступают ни в роли аборигенов, ни родоначальниками фамилий и родов. Нартские же героические сказания, несмотря на их мифологичность, отличаются от сказок тесной связью с общественной жизнью (с родовым бытом в особенности), материальной культурой, географией, топонимикой тех народов, у которых они создавались и бытовали.

Любовная лирика

Любовь в горской поэзии уподобляется огню, пламени, болезни, от которой нет лекарств, цветам, расцветающим на льду. Ниже мы приводим особенно показательные, по мнению П. Услара, примеры.

Вот диалог влюбленной девушки со своей матерью: «Выйди, мать, наружу, посмотреть на диво: изпод нагорного снега пробивается зеленая травка. Взойди, мать, на крышу: из-под льда ущелья весенний цветок появляется». — «Из-под нагорного снега

зеленая травка не пробивается; тебе, молоденькой, травка привиделась. Из-подо льда ущелья весенний цветок не появляется: оттого, что ты влюблена, цветок привиделся...»

О желании своем выйти замуж молодая горянка говорит в следующих выражениях: «Охая, ложусь, охая, встаю я, — долго ли мне охать? Мать говорит, что будет беречь меня, как сокровище... Береги, матушка, серебро свое, а меня выдай замуж, я уже велика выросла. Братья толкуют, что дома будут меня лелеять... Лелейте, братцы, коней своих, а меня отдайте милому. Есть, говорят, любовное зелье; что же я не нахожу его, да сгниют его корни! Мулла, говорят, пишет любовные заговоры, — что же мне не напишет их, да переломятся его перья!..»

А вот объяснение в любви: «На высокой скале сидящая золотистая голубка, — что дать за то, чтобы отдал тебя гордый твой отец? В воздухе кружащаяся небесная ласточка, — что дать за то, чтобы согласились гордые твои два брата?» — «Отец-то отдаст меня, — что дашь за то, чтобы взять меня? Братья-то согласятся, что дашь за то, чтобы я пошла за тебя?» — «Кабы был я турецкий султан, то посадил бы тебя на престол, сам пред тобою стал бы. Кабы свет этот был мой, весь тебе отдал бы, сам рабом стал бы. Кабы рай и ад мои были, рай отдал бы тебе, ад оставил бы себе. Я не римский государь, этот свет не мой, рай и ад не мои. Что же дать за тебя?..»

Женскую красоту горские поэты воспевали так: чеченцы: шея лебединая, походка утиная, цвет лица молочный;

аварцы: грудь белая, как сыр и серебро. В горле льющаяся вода сквозит (то есть прозрачное горло). Красное солнце, свет моих глаз, мое серебро-золото, красное золото, ночью небо освещающая полная луна, райская жемчужина, золотистая голубка, небесная ласточка;

лакцы: оленья шея; щеки, как яблоки; пальцы, как перья; золотые косы, жемчужные зубы. Девушка, как зажженная свеча (то есть светит своей красотой);

акушинцы: девушка с гладким лбом; тонкая в ста-

не девушка; девушка, как красное яблоко, как блоха (то есть резвая, проворная).

Косами обвивает Дербент, Лбом освещает города, Бровями смущает мудрецов, Глазами дивит юношей.

Сказки

Сказки народов Северного Кавказа имеют много общего со сказками других народов мира.

Сказочный фольклор горцев можно условно раз-

делить на три группы.

Первая — сказки о животных, которые разговаривают и имеют многие человеческие черты. В сказочном зверином мире присутствуют горе и радость, дружба и вражда, хитрость и добродушие, преданность и коварство и т. д. Таковы лакские сказки «Пьяная мышь», «Осел и муравей», «Лягушка в панцире», «Почему голова большая»; аварская «Волк и дятел», цикл даргинских и лезгинских сказок о хитрой лисице, храбром, но глуповатом волке и добродушном увальне медведе; осетинские сказки «Серый волк», «Два соседства» и др.

Ко второй группе относятся так называемые бытовые сказки, служащие иллюстрацией повседневной жизни горских народов. Это аварские сказки «Богатырь Назнай», «Букучихан», «Красавица Езензулхар»; лакские «Человек и его тень», «Охотник Ахмед и его чарыки», «Зурнач, барабанщик и канатоходец», «Мудрый юноша», «Чан-Чанахор»; осетинские «Мужчина и женщина», «Богач и бедняк», «Бычачья лопатка» и др.

Третью группу составляют волшебные сказки, в которых выражены представления народа о потустороннем мире, подземном и морском царствах, фантастических существах (дэвах, картах, аждахах и

др.), сверхъестественных силах.

Вот что писал о горских сказках П. Услар: «У западных соседей своих дагестанцы позаимствовали «за-

ячьего всадника». Это русский «мужичок с ноготок, борода с локоток». В бороде у него непомерная сила; выдернув волос из бороды, он может связать любого силача так же легко, как бы спеленать ребенка. Разъезжает обыкновенно верхом на зайце. У адыгов эти всадники называются «сипуни», то есть обрезки, стружки. На восточном берегу Черного моря встречаются памятники, относящиеся к неизвестной эпохе. Они составлены из четырех огромных плитообразных камней, поставленных стоймя в виде правильного четырехугольника; пятая плита образует крышу. В одной из боковых плит обыкновенно проделано отверстие, которое едва достаточно для того, чтобы просунуть в него руку. Эти памятники представляют подобие домов, на постройку которых потребна сила великана, но вход в них годен для карликов. Адыги рассказывают, что нарты и «сипуни» жили вместе; нарты были сильны, «сипуни» — злы, коварны, но умны; «сипуни» заставляли нартов строить для них дома. «Заячьи всадники» появляются в виде приезжих из чужой стороны, подобно тому, как и в русских сказках Царь Салтан, очевидно, басурман, а Бова Королевич - немец или валах!

«Карт» — огромная женщина-людоедка. В сказках она изображается трудолюбивой хозяйкой, матерью нескольких дочерей-людоедок, которых нежно любит... Несмотря на созвучие «нарт» и «карт», между этими существами не заметно никакого соотношения. Нарты обыкновенно приискивают себе невест между хорошенькими дочерями простых смертных и не обнаруживают никакой склонности к людоедкам...

Самое обыкновенное содержание сказок заключается в том, что множество юношей добиваются руки прекрасной царевны, которая часто называется дочерью западного царя. Тут возникает состязание; достается она тому, кто совершит требуемый подвиг. Должно или перескочить на коне через высокую башню, или побороть саму царевну, а она во время борьбы обнажает грудь свою и тогда бороться с нею уже никто не в силах, — или отыскать за тридевятью землями уроненную туфлю, — или самому спрятать-

ся так, чтобы царевна не могла отыскать и т. п. Кто не соверщит подвига, тому рубят голову. Царевна живет в серебряном дворце, окруженном стальным частоколом, на каждом коле по человеческой голове. Являются на состязание многие; и, наконец, три брата, точно так же, как и в русских сказках: два умных, третий — дурак. У горцев третий не то чтобы совсем дурак, но в загоне, в презрении у старших. Подобно тому, как и в русских сказках, торжествует в конце концов всегда третий брат... Старшие братья завидуют и строят козни меньшому; меньшой прощает им великодушно. Но успех меньшего брата или вообще победителя основан на том, что ему удалось вступить в сношения с фантастическим чудесным миром. Сначала отправился он в неимоверно дальнюю дорогу: «Ехал он, ехал, ехал много, ехал мало, ехал ночью, ехал днем, нашу гору миновал, чужую гору миновал, сорочью, галкину гору миновал, густые леса проехал, через глубокие ущелья проехал, прибыл... И ему достался белоснежный морской конь, который вслед за солнцем выбегает на берег моря, в один миг трижды обскакивает кругом землю и потом снова скрывается в море; ему достался «меч-алмас», которым срубает он разом девять голов и восемнадцать ушей у черного змея в то время, как змей этот полз, чтобы пожрать птенцов орлицы, которая живет в чинаровом лесу. Каждый из этих крошечных птенцов величиною с быка. Летит орлица, словно туча движется; колышутся леса и горы. Птенцы-быки прочирикали маменьке об услуге, оказанной молодцом. В оплату орлица вызывается сослужить молодцу службу, какую он закажет, а молодцу как раз приходится возвращаться из подземного мира в верхний солнечный. Садится он на орлицу; в запас для нее кладет на одно крыло мясо пятидесяти буйволов, на другое крыло пятьдесят буйволиных бурдюков с водою. Летит орлица несколько часов, но запас уже весь истощился. Чтобы подкрепить орлицу, молодец отрезает от своей лядвеи (ляжки. — Aвт.) кусок мяса, но... вот уже и верхний солнечный мир!..»

Горские сказки кончаются обыкновенно свадь-

бой, иногда даже свадьбами, потому что царевич порой придерживается мусульманского многоженства. Вместо русской заключительной формулы: «Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало», — горцы говорят: «Ударили в медный барабан, задули в кожаную зурну, засвистели дудки, пыль подняли столбом: я медвежий танец проплясал, все меня расхвалили. Ни днем ни ночью не отдыхая, спать не ложась, куска в рот не кладя, поспел я сюда, чтобы вам рассказать, как что было». Встречается более краткое заключение: «Тут и сказке конец; все это слышал я от сороки, а более она ничего мне не рассказала...»

Орстхоец и черт (Вайнахская сказка)

Однажды собрались в путь-дорогу орстхоец и черт. Они уговорились, что будуг везти один другого, пока не окончится песня, которую каждый будет петь.

Пересекли они поле, и песенка черта окончилась. Тогда орстхоец оседлал черта и затянул:

— Лай-ла-яла-лай!

Прошли день и ночь. Изнемогающий от усталости черт спросил:

- Скоро ли кончится твоя песня?
- Как только я закончу первую половину, за ней пойдет вторая: «Ва-лайла-ялай-лай!» ответил орстхоец.

Тут черт испустил дух.

Притчи

Своеобразные сюжеты с неожиданной развязкой имеют горские притчи, в которых философское размышление сочетается с мудрыми наставлениями, мягкими поучениями, веселыми советами.

Ветер и сарай (Лакская)

Однажды ветер сказал сараю:

- О сарай, отвори двери, я в тебя всыплю кое-что.

Глупый сарай, поверив ветру, отворил двери. Ветер не только ниоткуда ничего не принес, но и все находившееся в сарае, охватив, унес.

Под вечер хозяин пришел взять топливо и, не найдя ничего в сарае, сломал его и потом сжег, как двери,

так и полена.

Так сарай и остался разрушенным.

Заяц и черепаха (Вайнахская)

Поспорили однажды заяц и черепаха, кто кого обгонит. Выбрали они место вдали и пустились бежать. «Я-то в любое время догоню тебя», — думал заяц, и не спешил, а черепаха ползла без отдыха. Она и выиграла спор.

Человек и птичка (Аварская)

Поставив силок, некто поймал маленькую птичку. Сказала ему птичка:

— На что я тебе годна? Съев меня, ты не будешь сыт. Лучше я дам тебе три хороших совета: один совет дам, находясь еще в твоих руках, а другие два — сидя перед тобою на кусте. Ради этого выпусти меня.

Согласился человек.

 Помни, — сказала птичка, — что какое бы несчастье ни постигло тебя, какой бы вред ни испытал ты, не должен ты сожалеть о том, что уже миновало.

Отпустил человек птичку. Сев на куст, заговорила

она опять:

— Не верь никогда тому, что противно здравому смыслу. — И добавила: — А у меня в зобу есть кусок золота величиною с куриное яйцо; если бы ты догадался зарезать меня и достать его, то мог бы, лежа, быть сытым до самой смерти.

 Ах, проклятый день, — сказал человек, закусив палец, — какой же я безумец, какой же я глупец!

Вспорхнув с куста, хотела было улететь птичка, как человек закричал ей:

Условие было, что ты дашь мне три совета; третьего совета ты мне еще не дала!

Отвечала птичка:

— К чему тебе дать третий совет, когда ты и двух первых не успел принять? Вся-то я менее куриного яйца, как же может у меня поместиться в зобу кусок золота величиною с яйцо? Пусть бы это и было, то зачем пожалел ты о минувшем? Да будет это тебе третьим советом.

Сказав это, исчезла птичка, улетев за холмы.

Туку и Азраил (Кубачинская)

Известный мастер Туку продолжал работать, не выходя из своей мастерской, и уже будучи пожилым.

Один раз, когда он увлеченно работал, за его душой явился ангел смерти Азраил.

— Хватит работать, собирайся — настал твой час, — сказал Азраил.

Туку показал светильник необыкновенной красоты и сказал:

— Оставь меня, пока я кончу работу.

Очарованный красотой светильника, Азраил оставил его.

Через некоторое время к старику вернулся Азраил. Увидев светильник, светящийся еще краше, он опять покинул старика.

Азраил пришел к старику в третий раз. А на этот раз, увидев, как вдохновенно работал старик над светильником, Азраил, даже не показавшись ему, повернул обратно.

Так своей работой Туку одержал победу над Азраилом».

Анекдоты

Неизменные спутники жизни горцев — веселое слово, тонкая шутка и искрометный юмор.

У всех народов Кавказа были в ходу анекдоты о Ходже (Молле) Насреддине (абхазы и адыги называли его Ходжа Шарадын).

«Самое популярное лицо на Кавказе — это мулла Насреддин, — писал в своем труде П. Услар. — Назовите его любому горцу, — он рассмеется и, пожалуй, тотчас же расскажет вам о нем несколько анекдотов... Весьма странно происхождение этой знаменитости. Рассказывают, что во времена халифа Гарун ар-Рашида жил отличный ученый этого имени. Учение, которому он следовал или которое проповедовал, подверглось гонениям, и он, чтобы спасти свою голову, притворился юродивым. Предание преобразило этого юродивого ученого в шута... Ученый мулла изображается неутомимым проказником, который смеется над всеми и над всем, изредка остроумно, иногда же совершенно непозволительно. От этих проказ всего более терпит он сам, потому что его колотят на каждом шагу, но он не унимается»...

Существовали и другие герои — двойники знаменитого шутника: Цаген, Акул-Али, Басиат и др.

Вот несколько анекдотов о Насреддине:

Проповедь Моллы Насреддина

Молла, желая произнести проповедь, сказал: — Знаете ли, дорогие мои, что есть истина?

Из слушателей некоторые ответили: «знаем», а другие — «не знаем».

Тогда Молла сказал:

Пусть знающие объяснят незнающим.

И этим закончил свою проповедь.

Конец света

Как-то раз в горах приключились такие сильные морозы, каких никто и не помнил. Шутники пришли к Молле Насреддину и говорят:

– Молла, завтра будет конец света! Разжигай огонь, режь барана. Не пропадать же мясу!

— Сейчас, — сказал Молла Насреддин.

Шутники поскидывали шубы и вошли в дом. Пересказали все хабары, наелись вдоволь. Вышли во двор, а шуб нет.

– Эй, Молла, а где же наши шубы?

— А зачем вам шубы? — отвечает Молла Насреддин. — Завтра же конец света. Я их обменял на того барана, которого мы съели.

Любовь к деньгам

Между Моллой и одним скупцом возник спор. Долго они препирались, долго спорили, пока, наконец, скупец не сказал Молле:

— Что бы ты ни говорил, но деньги такая проклятая вещь, что их любят все. Даже ты сам их любишь.

— Это правда, — ответил Молла, — я люблю деньги, но моя любовь не похожа на твою. Я люблю деньги потому, что, имея их, я не завишу от таких, как ты.

Разум Моллы

Однажды Молла привез на мельницу зерно. Увидев, что народу собралось много, он стал ждать. Время от времени он потихоньку пересыпал зерно из чужих мешков в свои.

Мельник заметил это и спросил:

— Молла, что ты делаешь?

Молла увидел, что попался, прикинулся дурачком:

- Ты не обращай на меня внимания я вроде сумасшедший.
- Если ты сумасшедший, сказал мельник, почему не свое зерно пересыпаешь в чужие мешки?
- Я тебе сказал, ответил Молла, что я сумасшедший, но не сказал, что дурак.

Говорящий осел

Однажды семья Ходжи Шарадына осталась без пищи и денег. Думал, думал он и сказал жене:

Пойду-ка я к князю, может быть, что-нибудь и даст.

Явившись к князю, Шарадын попросил его:

- Моя семья осталась без еды и одежды. Не поможешь ли нам, ваше сиятельство? Когда-нибудь сочтемся.
- Хорошо, помогу, сказал князь. Только выполни и ты мою просьбу. У меня есть осел; в течение трех лет ты должен научить его разговаривать.

— Согласен, — ответил Шарадын.

Князь дал Ходже столько еды, сколько мог поднять осел. Жена Шарадына, увидев все это, удивилась:

— Как ты все это раздобыл?

 Я обещал князю, что за три года научу его осла разговаривать.

Где ты слышал, чтобы осел разговаривал на че-

ловеческом языке? — воскликнула жена.

— Ты зря беспокоишься, — ответил Ходжа Шарадын. — За три года что-то да случится: или осел сдохнет, или князь умрет.

У вайнахов был особенно популярен веселый Цаген.

Почему на свете появился Цаген

Когда умерли пророки, вероучители, люди впали в отчаяние. Жизнь им опостылела. От горя и тяжких дум они стали умирать раньше времени.

И как-то бог послал людям Цагена — развеселить их, облегчить их жизненные невзгоды, чтобы люд-

ской род не пресекся.

И вот, когда появился Цаген, поникшие головы людей поднялись. Слушая о его проделках, люди стали забывать свое горе, и им становилось легче жить.

Цаген и горец

На пхегате собрались горцы. Один из них начал хвастаться:

- Самым богатым человеком в нашем крае был мой отец. Много табунов коней, стад коров, отар овец было у него. Он загонял их на ночь в огромный сарай, такой огромный, что не успест молодой жеребенок пройти по нему из одного конца в другой, как становится настоящим конем.
- Разве это богатство? вмешался в разговор Цаген. — Богатством счастлив не будешь. Вот мой отец, действительно, был счастливым человеком. Даже его жердь была счастливой. Этой жердью он доставал до небес. По своему желанию он разгонял тучи, и на землю падали благодатные лучи солнца.
- Ты врешь, говорит горец, где это видано, чтобы жердью можно было достать до небес?

— Откуда ты знаешь, что я вру?

— Если в твоих словах есть доля правды, то скажи, где же хранил твой отец эту жердь?

- Эх, разве ты не знаешь? Да ее хранили в сарае

твоего отца!

Так Цаген вывел горца на чистую воду.

Пословицы и поговорки

О горских пословицах выдающийся балкарский поэт К. Кулиев сказал: «...Их образность и колорит неповторимы. Они порождены самостоятельным опытом народа и в то же время изнутри освещены общечеловеческим светом. Их конкретное национальнообразное выражение придает им ту поэтичность и вечность, которые ничем не заменимы. ...Пословицы - лучшее наше поэтическое сокровище. Наш язык не создал ничего более высокого. Они - наше общее бессмертие».

Многие горские пословицы созвучны пословицам других народов. Очевидно, здесь сказалась общность традиций устного народного творчества. Жители Дагестана, например, говорят, что увидевший змею (ужаленный змеей) пугается и веревки. Эта пословица аналогична русской «Пуганая ворона куста боится».

Приведем еще несколько примеров, аналоги которых легко вспомнит читатель:

Жалованному коню в зубы не смотри. На Аллаха надейся, а осла привяжи покрепче. Груша от грушевого дерева недалеко падает. На голове вора огонь. Упрячу тебя туда, куда ворон костей не заносит. Это как бы ворона ворону глаз выклевала. Кому пастух люб, люба и его собака.

В мешке пики не угаишь.

По одеялу ноги протягивай.

Черная шерсть от мытья не побелеет.

Кто яму копает, в яму попадает.

Не плюй в яму, где вода; быть может, придется из нее пить.

Кто слишком многого хочет, тот и малого лишится. Цени не папаху, а ум.

На покорного осла по трое садятся.

От того, что будем говорить «мед», во рту сладко не станет.

Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать.

Много общего и в пословицах разных народов Кавказа:

Балкарские

Кузнец погиб — Все, что сковал, — осталось. Мудрец погиб — Все, что сказал, — осталось.

Правдивая речь Острее, чем меч.

Не поверят, если лжец Скажет правду наконец.

Когда врагу прийти Пришлось к тебе с повинной, Прости его, не мсти, Будь истинным мужчиной.

Лучше спать на соломе, Да в родном доме, Чем на перине, Да на чужбине.

Чеченские

Куда не заглянет гость, туда не заглянет и добро. Если к тебе пришла беда, подними голову, если к людям пришла — опусти.

В дороге и палка товарищ.

Тот, кто имел тысячу друзей, — спасся, а имевший тысячу быков и коров — погиб.

Доброе слово гору с места сдвинуло.

Богатством ума не купишь.

Глаз боязлив, руки храбры. Когда смерть грозит, и мышь кусается. Лучше потушить искру, чем пытаться тушить пожар. На лжи город не построишь, но беду наживешь.

Осетинские

Были бы волы, погонщики найдутся.
Бранное слово далеко слышно.
Виновный и тени своей боится.
Вода уходит, камни остаются.
Гадалка себе не гадает.
Высоко летел, да низко сел.
«Горек мед», — сказал медведь, когда наелся.
Золото и ночью блестит.
К скупому гость не стучится.
Что сделаешь для отца, сделают для тебя твои дети.
Цену света во тьме узнают.

У кого щедрая жена, в дорогу еду не берет — всюду угощение найдет.

Кто-то стены башни яйцами пробить пытался. Одно пятно и на солнце отыщется. Осла в табуне уши выдают. Пустая рука — коротка.

Аварские

Не спеши говорить, спеши делать. Человеком стать труднее, чем ученым. Что не сеяно весною, то не явится зимою.

Нуцал куда бы ни пошел, найдет пир; бедняк, хотя бы на пир пошел, найдет труд.

При хозяине и кошка одолевает собаку. Хорошо слово короткое, а веревка длинная. Держись большой дороги и отцовских друзей. Без нужды лающая собака скоро стареет. Ближнее соседство лучше дальнего родства.

Кумыкские

Сказанное слово — пущенная стрела. Невысказанному слову ты хозяин, высказал — ты его раб.

Кто хочет есть рыбу, лезет в воду. День весны кормит месяц зимы.

Лакские

На дне терпения оседает золото.

Мудрое слово лучше, чем полный двор богатства.

Мать выше папахи.

Каждый о своем думает, мельник — о воде.

Торопливая речка до моря не добежит.

Кто умеет — и на море огонь разведет.

Деньги делают и раба ханом, а хана — рабом.

Кто не пробовал горькое, тот не знает, что такое сладкое.

Храбрец умирает один раз, а трус — тысячу раз.

Хорошего коня по походке узнают, хорошую жену — по поступкам.

Даргинские

Держи рот, сбережешь голову.

Малый топор большое дерево рубит.

Смирная кошка большой кусок сала съедает.

Кто спит весною — плачет зимою.

Будешь сладок людям — проглотят, будешь горек — выплюнут.

На хваленой пашне сорная трава выросла.

Смирную овцу трижды доят.

Лезгинские

Собака лает, а караван идет.

Бросать не умеющий большой камень берет.

На чужой лошади едущий в грязи очутится.

В одной руке двух арбузов не удержишь.

Кто ада не видал, тому и рай не полюбится.

Незнание — глупость, а нестремление к знаниям — еще большая глупость.

Кто много знает, тот мало говорит.

Загадки

Загадки, как и сказки, развивали детское воображение, помогали видеть мир в самых неожиданных ракурсах.

В качестве примера приведем несколько лакских

загадок, собранных Х. Халиловым:

Кривая бабушка, красивая дочь, дурной внук. (Виноград.)

Мертвые бегут за живым и не могут догнать. (Арба.) У всех людей есть, но нет ему имени. (Безымянный палец.)

В темном хлеву красный зверь. (Язык.)

Под одним валуном четыре родника. (Коровье вымя.) Чем больше танцует, тем больше полнеет. (Веретено.)

Два брата дерутся, двоюродный брат бьет их, троюродные братья хотят разнять. (Мельница.)

Клятвы

Горцы придавали клятвам особое значение. Клятва на Коране принималась как неоспоримое свидетельство. Клятвы именем Аллаха, именем Корана среди горцев-мусульман очень распространены и сейчас. Вместе с тем горцы клянутся «солнцем», «огнем», «небом», «водой», «могилой отца», «землей», «родителями», «здоровьем детей», «хлебом» и др.

Проклятия

Горцы никогда за словом в карман не лезли. Вот некоторые из наиболее расхожих в XIX веке проклятий:

- Провались ты в ад! Да сократится твоя жизнь! Да отсохнут у тебя руки! Да сгниет твоя грудь! Чтобы в вашем роду не осталось мудрых людей, которые могут вас научить! Чтобы очаг ваш погас! Да выпадут твои усы! Да иссякнет твое семя! Да растерзает тебя орел! Да наступит в твоем доме черный день! Да сгорит дом твоего отца! Да пожрет ржавчина твое оружие! (Аварцы.)
- Утони ты в крови! Да распорется живот твой! Да выпьет ворон твои глаза! Да засохнет род твой! Земля да возьмет тебя! Да погаснет очаг твой! Да вырастет колючка в твоем камине! (Лакцы.)
- Да очутишься ты среди черного дня! Да поглотит тебя земля! Горячая пуля да попадет в тебя! Дом

твой да взлетит в небо так высоко, чтобы в неделю по щепке падало от него на землю!

— Да встречаются каждый день на пороге дома твоего ганзи (носилки, на которых уносят покойника на кладбище) на выходе и кершан (ванна для омовения покойника) при входе, пока не вынесут всех его обитателей! (Даргинцы.)

Благопожелания

Чтобы выжить в горах самому и дать продолжение своему роду, важны были добрососедство и взаимопомощь. Поэтому доброе слово и искренние пожелания в аулах звучали гораздо чаще, чем проклятия.

— Приход твой да будет к счастью! Утро твое да бу-

дет хорошим! (Чеченцы.)

Аллах да обрадует тебя! Голова да будет здрава!
 Светлый день да не минует тебя! Аллах да выпрямит

для тебя дорогу! (Аварцы.)

— Да даст тебе Аллах, чего ждешь! Да продлится твоя жизнь! Сыновья да будут невредимы! Да родится сын, как отец, и дочь, как мать! До чего он не дожил, то тебе да дастся! (пожелание родственнику умершего). (Лакцы.)

— Благословение да достанется твоему дому! Да умножатся твои бараны! Да расцветешь ты, как сад! Тысяча благ да ниспошлется тебе, тысяча твоих желаний да исполнится! Добро да будет всегда в доме! Нива да цветет у тебя! Здоровье да улучшится! К телу твоему да не прикоснется ни болезнь, ни пылинка! (Даргинцы.)

Самым главным пожеланием, уже не одну сотню лет звучащим над Северным Кавказом, остается при-

ветствие «Салам алейкум!» - «Мир вам!».

Приметы

Особенности жизни народов Кавказа отражаются в приметах, которые также имеют много общего с приметами других народов.

Приведем здесь абазинские народные приметы из книги «Афористическая поэзия абазин»:

Если уши горят, то говорят о тебе: правое — хвалят,

левое — бранят.

На ногтях появились белые пятнышки — κ прибыли.

Левая рука чешется — получишь деньги, правая — отдашь деньги.

После захода солнца золу на улицу не выбрасывают — не к добру.

Курица стоит на одной ноге — к холоду.

Снегу много — хлеба много.

В доме не свисти — не к добру.

Кошка скребется о стену - к гостям.

Если одеть одежду наизнанку — не к добру.

Больной чихнет — поправится.

Вслед отъезжающему не выбрасывают мусор — не к добру.

Неправильно застегнул пуговицы — к прибыли.

Нос чешется — к гостям.

Если нечаянно уронил за обедом кусок пищи, значит, кто-то спешит к тебе в гости.

Ступня чешется — к дороге.

ХІХ. НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Образование у горцев

Находившиеся на перекрестке цивилизаций и обладавшие самобытной культурой народы Северного Кавказа к XIX веку достигли значительного уровня развития науки и просвещения. Даже простые горцы умели писать и читать, выполнять различные арифметические действия. Обучение велось как дома, когда знания передавались от старших к младшим, так и в школах при мечетях (мектеб и медресе). В школах были общедоступные библиотеки, книги имелись и во многих домах. И не было дома, где бы не было Корана.

П. Услар писал: «Если об образованности судить по соразмерности числа школ с массою населения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили многие просвещенные европейские нации. Учение

доступно каждому горскому мальчику».

Выдающимися учеными, духовными наставниками народа были шейхи Магомед Ярагинский и Джамалуддин Казикумухский, оказавшие огромное влияние на историю Дагестана и всего Кавказа. Имам Шамиль и его друг и предшественник — 1-й имам Гази-Магомед — были их учениками.

Немало было в горах и ученых-энциклопедистов, «испивших семь морей наук» и известных далеко за пределами Северного Кавказа. Один из них — Маго-

мед-Хаджи Ободияв — имел десятки тысяч последователей на Кавказе, почитался на Ближнем Востоке как крупный ученый и много лет был имамом в Мекке.

Как гласят летописи, «дагестанская страна, населенная многими народами, была источником учения и ученых, родником, откуда выходили храбрецы и добродетели».

О том, что эти слова не были преувеличением, свидетельствует Абдурахман Казикумухский. Он приводит ряд наук, которыми владел каждый грамотный дагестанен: морфология, синтаксис, метрика, логика, теория диспута, законоведение, толкование Корана, жизнеописание пророка, суфизм, риторика или ал-мухадара и хуласа (математика). «Больше всего v нас изучаются морфология и синтаксис, — писал Абдурахман. — так как для учащихся необходимо избегать ошибок в языке; законоведение для разбора людских дел, связанных с жизнью и верой; затем наука о толковании Корана для объяснения значения сур священного Корана; жизнеописание и история, чтобы знать о жизни нашего пророка Мухаммеда -- мир ему; метрика для сочинения стихов на арабском языке: теория диспута, чтобы соблюсти правила ведения дискуссии среди муталимов...»

В воспоминаниях А. Омарова находим: «Ученые в горах подразделяются, так сказать, на три вида: это суфии, муллы и алимы. Обыкновенно горец, изучивший арабскую азбуку настолько, что может читать хорошо и ясно рукописный Коран и молитвы, по большей части оканчивает курс своего учения тем, что заучивает еще маленькие книжки «Мухтасаруль-мингаж» («Сокращенные пути») и «Марипатул ислам» («Познание ислама»), то есть самые начальные правила мусульманской веры. Из прошедших такой курс учения горцев некоторые соблюдают потом в жизни строгий, честный и нравственный образ жизни, избегают всего запрещаемого религиею, как то: убийства, воровства, лжи, клеветы, курения табаку, употребления спиртных напитков и т. д.,

не пропускают обязательных молитв, по возможности часто посещают мечеть, соблюдают чистоту тела и стараются делать все то, что религия требует от хорошего мусульманина. Этот самый полезный для общественного спокойствия класс людей... называется суфиями. Те же, которые продолжают учиться по-арабски и успевают приобрести настолько знания в арабском языке, что могут читать Коран с переводом его изречений на туземный язык, а также могут грамотно писать по-арабски, - называются муллами. Наконец, те, которые оканчивают всю принятую в горах программу учения и приобретают известность своими познаниями, называются алимами. (То есть знающими, учеными. В Закавказском крае и в Закатальском округе они называются эфендиями.) Это последнее звание тоже имеет свои степени сообразно приобретенной славе, как то: хороший алим, отличный алим, мореподобный алим

...Кто поставит себя в глазах народа на хорошем счету как в отношении своей нравственности, так и в отношении своих способностей и знаний, того называют алимом (ученым) и почитают его. Такое лицо всегда стоит в мечети в первом ряду: на похоронах, свадьбах, общественных сходбищах дают ему почетное место; а когда случается общественное дело, как, например, тяжба между аулами или обществами, тогда такого ученого посылают в качестве депутата или уполномоченного поверенного по общественным делам, и он в подобных случаях встречает такого же соперника с противной стороны. Между ними происходит, так сказать, ученое состязание. Такие люди вообще придерживаются строгой нравственной жизни, потому что на них заметна всякая малость в отступлении от правил религии и от них не терпится то, что от другого, неграмотного, считают за ничто. Грамотных мулл можно считать средним числом одного на 100 чел. в горах, а на плоскости гораздо меньше. Хороших же ученых бывает в округе один-два, не больше. К таким известным ученым всегда собираются муталимы из всех мест Дагестана, даже приезжают из Закавказского края взрослые муталимы, которые учатся у этих ученых, продовольствуясь по большей части на свой счет...»

На Северном Кавказе, особенно в Дагестане, письменность, наука, образование, литература, законотворчество и делопроизводство много веков основывались на арабском языке. Светило русской арабистики, переводчик Корана академик И. Ю. Крачковский в своей книге «Над арабскими рукописями» писал: «Кавказские поэты, особенно дагестанские, мастерски владели всеми приемами и жанрами арабской поэзии. ...Никакой мистификации не было: мощная струя давней традиции донесла до наших дней арабский литературный язык, умерший в живой речи у себя на родине; здесь он жил полной жизнью не только в письменности, но и в разговоре. ...Здесь развилась и плодоносила мощная боковая ветвь арабской литературы, параллели которой нельзя отыскать нигде больше. ...Настало время отдать кавказской арабской литературе по праву принадлежащее ей место в общем своде истории арабской литературы, открыть не только арабскому миру, но и самим кавказцам поэтические сокровища, укрытые от них в результате неоднократного насильственного изменения письменности...» Здесь И. Крачковский имел в виду проведенную уже при советской власти замену арабской графики латиницей, а вскоре за тем — кириллицей. Западный Кавказ пережил таких перемен еще больше.

Такие перемены похоронили под собой многовековой пласт национальной культуры, к тому же горцы в одночасье стали «безграмотными», ибо новой грамоты они не знали.

И. Крачковский в начале XX века восторгался двумя своими студентами-ингушами, в совершенстве знавшими арабский язык, а об образованности дагестанцев писал: «...Дагестанцы и за пределами своей родины, всюду, куда их закидывала судьба, оказывались общепризнанными авторитетами для представителей всего мусульманского мира в целом».

Письменность

Наряду с арабской у горцев в XIX веке развивалась собственная письменность. Около 1821 года составил адыгскую (черкесскую) азбуку шапсуг Эфенди Магомет Шапсугов. В конце 30-х годов XIX века Гращилевский создал черкесский алфавит, по которому обучал русскому и черкесскому языкам военнослужащих — черкесов Кавказского горского полуэскадрона.

Основной вклад в разработку письменности черкесского и кабардинского языков внесли адыгские просветители Хан-Гирей (1808—1842), Ш. Б. Ногмов (1794—1844) и Д. С. Кодзоков (1818—1893). В 30-х годах XIX века Хан-Гирей составил черкесскую азбуку, при помощи которой записывал адыгские предания, песни и сказания. Рассказы его публиковал в 1836—

песни и сказания. Рассказы его публиковал в 1836—1837 годах А. С. Пушкин в журнале «Современник». Оставленные Хан-Гиреем «Записки о Черкессии» являются ценнейшим источником по истории, культуре и этнографии народов Западного Кавказа.

Ш. Б. Ногмов обучался в медресе аула Эндери в Кумыкии, однако не стал муллой, а поступил на русскую военную службу в Кавказский горский полуэскадрон. Изучив русский язык, он в 1830 году уехал для продолжения образования в Петербург. Здесь он познакомился с крупным ученым-востоковедом Ф. Шармуа, заведовавшим кафедрой персидского языка в Петербургском университете. Возвратившись в 1835 году на Кавказ, в Тифлис, Ногмов приступает к работе над главным трудом своей жизни пает к работе над главным трудом своей жизни — «Начальные правила кабардинской грамматики». Помощниками и советчиками его в этом деле являлись академик А. М. Шегрен и кабардинский просветитель и общественный деятель Д. С. Кодзоков. В 1840 году работа была завершена. В предисловии к грамматике Ш. Б. Ногмов писал: «Я сделал, сколько мог, и старался сделать сколь возможно лучше. Молю Провидение и единого Бога, чтобы явился мне последователь в любви к народному языку... но последователь более искусный и сведущий...»

Заслуга разработки осетинского алфавита на основе грузинского письма принадлежит учителю Тифлисской духовной семинарии И. Г. Ялгузидзе (р. 1775), выходцу из Южной Осетии. Полученное Ялгузидзе образование, знание языков (осетинского, грузинского и русского), популярность в народе давали ему возможность выступать в роли посредника между российскими и грузинскими властями, с одной стороны, и осетинскими обществами — с другой. В 1821 году в Тифлисе был издан первый осетинский букварь, по которому обучали грамоте осетинских детей на родном языке при церквях и монастырях.

Составление первой научной грамматики осетинского языка связано с именем упоминавшегося выше академика А. М. Шегрена. В 1844 году в издании Академии наук вышел его труд «Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-русским и российско-осетинским». Осетинский алфавит на русской основе, составленный Шегреном, сыграл большую роль в развитии осетинской письменности и не потерял своего научного значения до сих пор.

В Дагестане в первой половине XIX века получила развитие письменность на местных языках, основанная на арабской графике, — так называемая аджамская система письма.

Около четверти века трудился на поприще кавказского языкознания П. Услар. На Кавказе им были завершены фундаментальные труды по аварскому, даргинскому, лакскому, лезгинскому, табасаранскому и чеченскому языкам. В создании чеченского букваря на основе русского алфавита (кириллицы) и первой чеченской грамматики Услару помогал чеченский этнограф У. Лаудаев.

П. Услар писал: «Уже много веков тому назад горцы сознали необходимость письменности для скрепления разного рода гражданских договоров. Но письменность в горах одна лишь арабская, нотариусами — одни лишь знатоки арабского языка. Без таковых ученых горцы обойтись не могут. Для наших административных распоряжений в горах необходи-

ма письменность; русская чужда горцам, туземной не существует; существует одна лишь арабская».

Полагая, что «арабский язык объединяет собою все враждебные нам элементы в Дагестане», Услар предлагал открытие новых школ с обучением на русском языке: «Тогда только можно надеяться на постоянное осуществление наших намерений и русский язык может вступать в соперничество с арабским».

Вместе с тем П. Услар советовал: «Выучите сначала ученика-горца грамоте на родном языке, и от него перейдете к русской... Русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже только умственно, бесконечно важны для будущности Кавказа».

Многие звуки горской речи не находят аналогов в других языках, и для обозначения их в алфавит, как в кириллицу, так и в латиницу, приходилось добавлять специальные знаки.

Вместе с тем в ряде кавказских языков нет некоторых букв, имеющихся в европейских алфавитах. В таких случаях при заимствованиях отсутствующие буквы заменяются близкими по звучанию. К примеру, в некоторых языках нет буквы «ф», в ряде случаев перед сдвоенными согласными добавляется «у» или «и», у абхазов аптека уже «ааптека», магазин — «амагазин»... Чеченцы и аварцы скажут не «шкаф», а «ишкап». Галоши могут превратиться в «калущал». Иногда сдвоенные согласные разбиваются гласными: «краска» может звучать как «караска». Схожая ситуация и во многих других кавказских языках.

Светские школы и библиотеки

В XIX веке открытие светских школ, распространение образования и русской грамоты помогали горцам ближе познакомиться с русской и европейской культурой. Однако дело это двигалось с трудом из-за сопротивления царских чиновников. Первая светская школа была открыта в 1820 году в крепости

Нальчик для аманатов (горцев-заложников). Учеников этой школы обучали арифметике, русскому языку и другим предметам. Успех преподавания породил ходатайства части кабардинских князей и узденей об открытии еще одной школы для горских детей. В начале 40-х годов XIX века в пользу этого проекта активно выступал Ш. Б. Ногмов. В 1848 году наместник Кавказа князь М. С. Воронцов признал необходимым для детей кабардинских князей «школу открыть в Екатериноградской станице», однако основана она была лишь в 1851 году.

Для осетин большое культурно-просветительное значение имело открытие в 1836 году Владикавказского осетинского духовного училища, в котором обучались 34 человека. Хотя училище, по замыслу его основателей, должно было готовить грамотных церковнослужителей для осетинских приходов, многие его питомцы по окончании заведения шли учителями в светские школы. Другие становились деятелями осетинской культуры. Среди выпускников училища были первый осетинский этнограф С. Жускаев и первый собиратель осетинского фольклора В. Цораев.

В Дагестане в 1837 году было основано Дербентское городское, а в 1842 году — Петровское и Низовское училища. Число учащихся в них было сравнительно невелико; основной контингент составляли выходцы из равнинных сел. В 1849 году в Дербенте было открыто мусульманское училище на 60 мест для детей жителей горных районов — аварцев, лакцев, даргинцев, табасаранцев и др. В середине XIX века при Дагестанском конном полку была создана школа на 30 человек, которых обучали русскому языку, чистописанию, арифметике, начальным сведениям по истории и географии, пению и др. Детей горцев знакомили со способами изготовления бумаги, стекла, книгопечатания, устройством железных дорог и т. п. Позднее такие же школы для детей офицеров и чиновников «азиатского происхождения» были основаны в Дешлагаре, Кусарах и Темир-Хан-Шуре.

Интересное воспоминание о русской светской школе оставил хорошо знакомый нам А. Омаров: «В Темир-Хан-Шуре была так называемая мусульманская школа, где обучались дети туземцев всякого возраста арабскому и русскому языкам.

Меня давно интересовала русская грамота и я имел сильное желание изучить ее. Один из учеников этой школы, учившийся в ней уже четыре года, приехал в то время домой в Казанищи на каникулы. Ученик этот приходил часто в мечеть и брал у меня уроки арабского языка. Пользуясь этим случаем, я в свою очередь стал учиться у него русской грамоте. Но так как у нас не было печатной азбуки, то я изучил письменные буквы и в скором времени мог уже разбирать четко написанные рукописи и даже начал сам писать по-русски. Тогда у меня явилось еще более сильное желание обучиться русскому языку...

Я стал уже подумывать о том, как бы мне поступить в Темирханшуринскую мусульманскую школу. Вышеупомянутый ученик рассказывал мне с восторгом о своей школьной жизни и описывал ее самыми блестящими и соблазнительными красками. Он советовал мне пойти с ним в Шуру, обещая мне свое ходатайство у своего родственника, который был учителем арабского языка в этой школе. Время клонилось к осени, когда школьники покидают родительские дома и собираются в школу. Вот и я также отправился в Шуру, представился там учителю арабского языка, которому рекомендовал меня мой бывший ученик, и я был принят в число пансионеров школы без всяких справок о том, кто я и кто мои родители, а единственно по одному личному моему заявлению.

Узнавши об этом, отец прискакал ко мне, точно для спасения погибающего; он был в сильном негодовании за мой поступок. Он считал для себя унизительным, что сын его поступил в русскую школу, где, по его мнению, станут обучать меня Евангелию и потом заставят выкреститься; он даже хотел просить начальство, чтобы меня выключили из школы. Но я умолил его, чтобы он позволил мне остаться в школе хотя на одну зиму, доказывая, что я поступил туда не

для изучения Евангелия, а для продолжения занятий своих по изучению арабского языка. Долго он не соглашался, и только объяснения учителя этого языка убедили его в безвредности для меня школьного учения. Но все-таки он неохотно согласился оставить меня в Шуре...»

Во второй половине XIX века, особенно после утверждения в 1859 году «Устава горских школ», на Северном Кавказе значительно увеличилось число светских школ, возросло количество обучающихся в них детей.

В Дагестанской области в Дербенте продолжали функционировать ранее открытое уездное училище и мусульманская школа. В 1851 году в мусульманской школе обучалось 56 чел., в том числе 8 жителей Дербента. В 1855 году мусульманская школа была переведена в Темир-Хан-Шуру и в 1861 году объединена с местной окружной горской школой. При школе учрежден пансион на 65 учеников, в том числе 40 казеннокоштных. Программа школы была рассчитана на 3 класса. Однако уже в 1869 году мест в школе не хватало. Начальник Дагестанской области обратился к наместнику Кавказа с ходатайством, в котором писал: «Ввиду того значения, которое имеет воспитание дагестанских горцев в наших учебных заведениях, и при увеличивающемся год от года стремлении самих горцев отдавать детей своих в эти заведения, а также для предоставления здешнему служащему сословию русских офицеров и чиновников возможности дать своим детям первоначальное образование... преобразование Темир-Хан-Шуринской горской школы в прогимназию с пансионом, с соответствующим потребности числом воспитанников для русских детей и горцев, представляется неотложной необходимостью». Темирханшуринская прогимназия была открыта в сентябре 1874 года в составе подготовительного и первого классов: 2—4-й классы открылись в 1875—1877 годах. Это было самое крупное учебное заведение в области, в котором в конце 70-х годов XIX века обучались 227 человек.

В конце 60-х годов XIX века окружная горская

школа открылась в Нальчике с двумя классами и двумя подготовительными отделениями. При школе имелся пансион, содержащийся за счет казны (50%) и кабардинской общественной суммы.

В 1861 году во Владикавказе, на базе Навагинской школы военных воспитанников, создано горское окружное училище. Кроме того, в Осетии во второй половине века были открыты 38 церковно-приходских школ, в которых обучалось 3828 чел., в том числе часть девушек.

В 1863 году в Грозном открылась трехклассная горская школа. В 1870-м в Назрани — одноклассная с подготовительным отделением. При школах имелись пансионы; количество учеников колебалось в пределах 150 человек.

Для детей адыгов открылись двухклассные школы

в 1886 году в Майкопе и в 1888-м в Лабинске.

Стали создаваться и сельские школы, в первую очередь в Дагестане: в 1861 году в селении Ахты Самурского округа на 44 человека и в селении Кумух Казикумухского округа на 15 человек (в том числе одна девочка); в 1870-м — двухклассные школы в Чирюрте, Касумкенте, Дешлагаре, Кумухе, Маджалисе; одноклассные — в Аксае, Костеке, Карабудахкенте, Хунзахе, Каякенте, Хаджал-Махи, Ботлихе, Гумбе-

те, Телетли, Левашах, Кафыркумухе и др.

С большим трудом пробивало себе дорогу просвещение в Кабарде и Балкарии. Открытые в 1875 году в селениях Кучмазукино (Старая Крепость), Куденетово (Чегем) и Шарданово (Шалушка) школы через три года прекратили свое существование из-за отсутствия финансирования. Лишь в 1895-м по инициативе жителей селения Коголкино (Урух) было решено на свои средства открыть «школу грамотности». Эта инициатива была подхвачена жителями других сел — Абаево, Ахлово, Атажукино, Анзорово-Кайсин, Аргудан, Каспево, Кучмазукино и др. За период с 1898 по 1902 год возникло 27 школ, в которых обучались 522 человека. В 1876 году были открыты одноклассные школы в адыгейских селениях Суворово-Черкесске, Хаштуке и Хапурино-Забле.

В Карачае первая светская горская школа открылась в 1878 году в ауле Учкулан, вторая — в 1879 году в ногайском ауле Мансуровском. Позже появились школы в Биберовском, Дударуковском и других аулах.

О женском образовании в Осетии писала исследователь Л. Габоева: «...Подлинное развитие женского образования в Осетии началось с частной школы, которую 10 мая 1862 года открыл во Владикавказе, в собственном доме, протоиерей А. Колиев... Первыми ученицами были 18 девушек — Саломея Газданова, Варвара Гусиева, Мария Коченова и др. — дочери жителей Владикавказа... Первоначальное обучение сводилось к изучению осетинского языка, начальному курсу о христианской религии и национальному рукоделию.

После смерти А. Колиева в 1866 году школа была взята на попечение «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе» и преобразована в трехклассное училище с пансионом. Школу назвали Ольгинской в честь великой княгини Ольги Федоровны, жены наместника Кавказа. Средства, отпускаемые Обществом, позволили нанять новое здание и расширить число учениц. В 1868 году в школе учились 30 девочек, 24 из них — осетинки. В 1872 го-

ду было уже 59 учениц.

Преобразования коснулись и учебной программы: большее внимание уделялось изучению закона Божьего, постепенно вытеснялся осетинский язык. Из осетинской Ольгинская школа постепенно превратилась в русскую инородческую. Это пагубно отразилось на качестве обучения. Девушкам-осетинкам, особенно из горных селений, трудно давалось учение на малопонятном русском языке. Это был общий недостаток всех школ Общества. «Наши школы не приносят и десятой доли той пользы, какую могли бы приносить, если бы в основании их были положены педагогические и культурные начала, — свидетельствовал философ и просветитель Афанасий Гассиев. — Главная беда или зло наших школ — это язык. Детей учат на неродном языке».

Бывшая народная школа Колиева к тому же постепенно становилась сословной. У девочек из простых семей оставалось все меньше шансов попасть в Ольгинское училище. Были воздвигнуты преграды и для «девиц из магометанских семей». Выпускница школы Серафима Газданова пишет, что «магометанок не принимали на казенный счет, и были случаи, когда магометанки, не имея средств учиться, переходили в христианство, конечно, скрепя сердце... и даже были случаи, когда по выходе из школы девица снова переходила в магометанство».

Несмотря на все трудности и препятствия, популярность Ольгинского училища росла. Женское образование становилось престижным в Осетии. Удачный опыт А. Колиева повторил в Алагире священник Алексей Гатуев. Одна за другой открывались женские церковно-приходские школы, учительницами в них становились выпускницы Ольгинского училища... Их не останавливали ни мизерное жалованье, ни отсутствие помещений, ни условия жизни в отдаленных селениях. Они становились миссионерами просвещения. Служение школе приобрело нравственный смысл. Коста Хетагуров восхищался тем, что из 69 выпускниц 1890 года 24 учительствовали. Остальные, по его описанию, «возвращались в родные аулы, внося свет христианского благовоспитания в дымные сакли своих родителей, затем выходили замуж за своих же сельских учителей и даже простых сельчан и делались примерными хозяйками и достойными удивления матерями-воспитательницами нового поколения».

Жизнь Ольгинской школы не была безоблачной. В 1885 году под давлением Синода Совет «Общества восстановления христианства» начал усиливать церковное направление в школьной политике. Совет счел, что школы Осетии уклонились от своей главной, миссионерской задачи.

Женские школы стали закрываться. В 1890 году опасность нависла и над осетинским Ольгинским училищем. 16 представителей осетинской интеллигенции обратились в Святейший Синод с протестом

против попытки «у целого народа отнять единственный источник женского образования, лишить его будущих сельских учительниц, благовоспитанных сестер, жен и матерей» (К. Хетагуров). Решительность осетин, всем миром выступивших на защиту школы, возымела действие. Школу сохранили, преобразовав во Владикавказский Ольгинский женский приют с училищем. Но участники протеста подверглись гонениям, а его инициатор Коста Хетагуров был отправлен в ссылку. С тех пор в народном сознании школа неразрывно связана с именем великого поэта. «Когда мы, воспитанницы Ольгинской школы, в синих форменных платьях с белыми передниками, взявшись за руки, поднимались к Осетинской церкви поклониться праху Коста, - рассказывает Надежда Хосроева, - то осетины со слободки смотрели на нас с гордостью и любовью, иные и слезы утирали».

Первые женские учебные заведения в Дагестане — в Дербенте и Темир-Хан-Шуре — возникли в 60-х годах XIX века. Основной целью их была подготовка хороших домашних хозяек. Девушек обучали чтению, письму, арифметике, Закону Божьему, рукоделию, приготовлению пищи, выпечке хлеба, стирке белья и т. д. В 1875 году в Темир-Хан-Шуре на базе такой школы была создана четырехклассная (с 1880-го — пятиклассная) женская прогимназия. В 1897-м она была преобразована в гимназию.

Женские начальные школы существовали также в Нальчике (1860) и Пятигорске (1865).

Потребность в кадрах для развивающейся промышленности и сельского хозяйства привела к появлению на Северном Кавказе профтехучилищ. Таковыми являлись ремесленные училища в Ставрополе (3), Владикавказе (здесь в 1876 году обучались 18 горцев) и станице Баталпашинской Кубанской области.

В 1870 году в Темирханшуринской школе было введено обучение столярному и токарному ремеслу, в 1872 году — садоводству и огородничеству. С 1890

года занятия по пчеловодству проводились в Касум-кентской и других сельских школах Дагестана.

В 1897 году при Учкуланском училище было создано ремесленное отделение, где обучались столярному и токарному делу не только ученики, но, по желанию, и взрослые жители села. Примеру Учкулана вскоре последовали и другие населенные пункты Баталпашинского отдела.

Плодопитомники, пасеки, участки для выращивания лучшего зерна появились при школах Черкесии. В ингушском селении Базоркино агрономом Бушеке была создана специальная сельскохозяйственная школа, рассчитанная на 40 чел. В 1880—1881 годах в Темир-Хан-Шуре открылось реальное училище, первое среднее специальное учебное заведение на Северном Кавказе.

В 1866 году по инициативе адыгского общественного деятеля К. Х. Атажукина (1841—1899) и других передовых людей Кабарды и Балкарии в Нальчике

были организованы педагогические курсы.

В изучение кабардино-черкесского языка и подготовку местных научных кадров большой вклад внес Л. Г. Лопатинский.

Обучению взрослых горцев грамоте, приобщению их к русской культуре способствовали открытые в последней четверти XIX века во Владикавказе, Дербенте и других местах воскресные школы, а также Ардонская и Владикавказская духовные семинарии (1887).

Для горских детей были открыты также вакансии в Ставропольской, Бакинской и Екатеринодарской гимназиях, Тифлисской фельдшерской школе. За 20 лет (1868—1888) в Бакинскую гимназию из Дагестана были отправлены 47 человек.

Большую роль в обучении и воспитании детей горцев сыграла Ставропольская гимназия. С 1850 по 1887 год здесь прошли обучение 7191 человек, в том числе 1739 горцев. К концу века число гимназистов превышало 800 человек, из них 97 горцев (43 — из Дагестана, 21 — из Терской и 18 — из Кубанской области, 6 — из Закатальского округа и т. д.). Из стен Став-

ропольской гимназии вышли выдающиеся общественные и культурные деятели народов Северного Кавказа: адыгский просветитель К. Х. Атажукин, осетинский поэт и революционер-демократ К. Л. Хетагуров, ингушские просветители и революционные демократы А. Г. Долгиев и А. Т. Ахриев, просветитель и этнограф Ч. Э. Ахриев, балкарский просветитель, историк и этнограф М. К. Абаев, просветители А.-Г. Кешев и И. Кануков, видный общественный и революционный деятель Дагестана Д. Коркмасов и др. Выпускники Ставропольской гимназии были посланы в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, Харькова и других крупных городов России. Только в 1869 году стипендиатами были приняты: на юридический факультет Московского университета — А.-Г. Кешев, в Петербургский институт путей сообщения — И. Дударов, Медико-хирургическую академию — М. Арабилов, Петровскую академию — С. Урусбиев, Харьковский университет — А. Келеметов и др.

В последующие годы число горцев, обучавшихся в высших учебных заведениях, возросло. Среди них появились европейски образованные ученые, получавшие образование в России и за рубежом. Целая плеяда ученых, политических и общественных деятелей вышла, например, из даргинской семьи Далга-

тых (Далгат).

Обучение наиболее способных студентов-кавказцев в Санкт-Петербурге, Москве, других городах России и даже за границей оплачивала канцелярия военного губернатора Дагестанской области, а стипендию им выплачивал специальный орган управления Кавказского края. Так, за казенный счет учился в Темир-Хан-Шуре, Ставрополе, а затем и в Москве упоминавшийся горско-еврейский этнограф И. Анисимов.

Во второй половине XIX века на Северном Кавказе создаются культурно-просветительские учреждения — библиотеки, книжные лавки и др. Первой была открыта в 1847 году библиотека во Владикавказе при Терском областном правлении. За ней — общественные и публичные библиотеки в Ставрополе (1868), Порт-Петровске (1890), Темир-Хан-Шуре, Майкопе и том же Владикавказе (1895). В 60-х годах XIX века в Дагестане появляются школьные библиотеки — в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Дербенте, Кумухе, селении Ахты и др. Возникают и первые музеи: Пятигорский геологический (конец 1860-х гг.), Терский естественно-исторический (1893).

Печать

Большую роль в изучении Кавказа и его народов в статистическом, географическом, историко-этнографическом плане сыграла русская периодическая печать, способствовавшая в то же время появлению из коренных народностей большого числа талантливых исследователей, давших науке ценные сведения о жизни своих народов. Это еженедельная газета «Тифлисские ведомости» (1828—1832), «Тифлисский вестник», «Закавказский вестник», «Кавказский календарь» и другие издания. Исключительно важное значение имело основание в Тифлисе газеты «Кавказ» (1846—1917), ставившей своей целью «ознакомить соотечественников с любопытнейшим краем, еще малоизученным», его многочисленными, разноплеменными и разноязычными народами. Выход в свет газеты приветствовал В. Г. Белинский, который писал в 1847 году: «Это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образованные привычки и дает возможность грубые средства... заменить полезными и благородными; с другой стороны, газета «Кавказ» знакомит Россию с самым интересным и наименее знаемым ею краем».

В 1846 году в газете «Кавказ» были помещены очерки ученика Тифлисской гимназии Ш. Айгони о легендарном эпосе «Шахнаме» и нашествии на Дагестан Надир-Шаха. В 1848 году на страницах газеты появился «Рассказ кумыка о кумыках». Автор иссле-

дования — уроженец аула Эндери Д.-М. Шихалиев, майор российской службы. В его работе нашли отражение происхождение, история и сословные отношения кумыкского народа. В 1851 году профессор Петербургского университета уроженец Дербента М. А. Казем-бек осуществил перевод и издание на английском языке рукописи «Дербент-наме».

В 60—90-х годах XIX века в крае наблюдается настоящий «издательский бум»: возникают государственные и частные типографии в Порт-Петровске, Дербенте, Темир-Хан-Шуре, Ставрополе, Владикавказе, Екатеринодаре и других крупных экономических и культурных центрах; большими тиражами выходят в свет газеты, сборники, календари.

Первенцем северокавказской периодической печати являлась издававшаяся с 1850 года газета «Ставропольские губернские ведомости», поместившая в 50—60-е годы много разнообразных сведений о гор-

ских народах.

С 1868 года во Владикавказе стали выходить «Терские областные ведомости». В 1868—1871 годах редактором этой газеты был демократически настроенный талантливый журналист А.-Г. Кешев, сыгравший немалую роль в развитии истории и этнографии горцев, формировании горской интеллигенции.

Крупным издательским центром был Екатеринодар, где выходили «Кубанские войсковые ведомости» (с 1863 г.), «Кубанские областные ведомости» и газета «Кубань» (1883—1885).

С 80-х годов XIX века появляются и частные газеты. В 1881—1882 годах во Владикавказе издается «Владикавказский листок объявлений», переименованный в 1882 году в «Терек». Однако в апреле 1886 года газета была запрещена за публикацию критических статей, «явно клонящихся к подрыву доверия населения к правительственным властям».

В Ставрополе с 1884 года издавалась частная газета «Северный Кавказ». В 1893—1897 годах, когда в ней работал ответственным сотрудником К. Л. Хетагуров, газета придерживалась прогрессивно-демо-

кратического направления и публиковала много материалов о жизни и быте северокавказских горцев.

К либеральным частным изданиям можно отнести также выходившие во Владикавказе газеты «Новый Терек» (с 1894 г.) и «Казбек» (с 1895 г.).

Материалы культурно-исторического и политического характера о жизни народов Северного Кавказа продолжали печататься в издававшихся в Тифлисе и Баку газетах «Кавказ», «Тифлисский листок» (с 1878 г.), «Каспий» (с 1880 г.), «Новое обозрение» (с 1894 г.).

С 1868 по 1881 год при Кавказском горском управлении в Тифлисе вышло 10 томов издания, посвященного истории и этнографии народов Кавказа — «Сборник сведений о кавказских горцах». Его редактором был уже известный нам кавказовед Н. И. Воронов, ранее поддерживавший связь с корифеями русской революционно-демократической эмиграции — А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. В сборниках впервые были напечатаны собрания адатов кавказских горцев, отдельные низамы Шамиля, сказания и легенды, описания горских обычаев, воспоминания лакского муталима А. Омарова, статистические сведения о численности и расселении народов Северного Кавказа и др. Важные статьи по истории и этнографии региона печатались также в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» (с 1881 г.); в «Записках» (с 1852 г.) и «Известиях» (с 1872 г.) Кавказского отдела императорского Русского географического общества; в «Кавказском календаре» (с 1845 г.), «Кавказском сборнике» (с 1876 г.), «Сборнике сведений о Кавказе» (1871—1885, 9 выпусков) и других изданиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.

Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997.

Авксентьев А. В. Ислам на Северном Кавказе. 2-е изд. Ставро-

ноль, 1984.

Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988.

Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обыч-

ное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1968.

Айдаев Ю. А. Чеченцы: история и современность. М., 1996. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв.: Очерк социально-политической истории. Махачкала, 1972.

Алироев И., Межидов Д. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы.

Грозный, 1992.

Анисимов И. Ш. Кавказские евреи — горцы. М., 1888.

Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев: Вторая половина XIX в. — 40-е годы XX в. Нальчик, 1976.

Асинтилов С. Х. Историко-этнические очерки хозяйства аварцев (XIX — первая половина XX в.). Махачкала, 1967.

Асхабов И. Чеченское оружие. М., 2001.

Аупплев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги: Историко-этнографический очерк. Майкоп, 1957.

Бакланов А. Б. Златокузнецы Дагестана. М., 1926.

Баранов Е. Легенды Кавказа. М., 1913.

Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

Бентковский И. Ногайцы. Ставрополь, 1883.

Березин И. Н. Пугешествие по Дагестану. Казань, 1849.

Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Бигуаа С. Абхазское виноделие // Эхо Кавказа. 1992. № 1.

Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. М., 1823.

Булатова А. Г. Лакцы (XIX — начало XX в.). Махачкала, 1971.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1-3. СПб., 1869.

Вертепов Г. А. Очерк кустарных промыслов в Терской области. II Терский сборник. Вын. 7. Владикавказ, 1897.

Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа: дооктябрьский период (под ред. В. Г. Гаджиева), Махачкала, 1977.

ский период (под ред. в. г. гаджиева), махачкала, 1977. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI— начале XX в. Грозный, 1981.

Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа

в XVIII — начале XX в. М., 1974.

Габоева Л. Из истории женского образования в Осетии // Эхо Кавказа. 1994. № 2 (5).

Гадагатль А. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар, 1967.

Гаджиев А. Г. Влияние присоединения Дагестана к России на

развитие просвещения и культуры. Махачкала, 1966.

Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование, М., 1961.

Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976.

Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана XIX — начала XX в. M., 1981.

Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана. XIX — начало ХХ в. М., 1985.

Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

Гарданов В. К. Материалы по обыкновенному праву кабардинцев 1-й половины XIX в. Нальчик, 1956.

Гарданов В. К. «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова / Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1957.

Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII первая половина XIX в.). М., 1967.

Гарданов В. К. Аталычество. М., 1973.

Гольдитейн А. Ф. Башни в горах. М., 1977.

Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушстии в пореформенный период (1861—1900 гг.). Грозный, 1963.

Гриценко Н. II. Горский аул и казачья станица Терека накануне Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.

Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей: Исследование и тексты. М., 1972.

Данилова Е. Н. Абазины, М., 1984.

Декоративное прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1977.

Лжимов Б. М. Социально-экономическое и политическое положение алыгов в XIX в. Майкоп, 1986.

Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии в

XIX в. 2-е изд. Сухуми, 1983.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1-5. СПб., 1871-1887.

Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи: Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1902.

Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Ч. 1—2. СПб., 1879.

Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1-4. СПб., 1834—1835.

Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик,

Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.

Ингушетия и ингуши. Т. 1. 1 в. н. э. -1917 г. Назрань — Москва,

Ингуши: Сб. статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996.

Ингушские песни. М., 1995.

Исаев Э. Вайнахская этика. Назрань, 1999.

Искусство Кубачи. Л., 1976.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917).

M., 1988.

История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

Ихимов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.

Казиев Ш. М. Имам Шамиль. М., 2001.

Калмыков И. Х. Черкесы: историко-этнографический очерк. 2-е изд. М., 1971.

Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.

Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX в.). М., 1993.

Камилов М. Пять основ ислама. Махачкала, 2002.

Карачаевцы. Черкесск, 1978.

Керимов С. А. Народное музыкальное творчество лезгин. Махачкала, 1961.

Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Даге-

стана. М., 1959.

Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М., 1982.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе: В 2 т. М., 1890.

Козубский Е. И. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. Порт-Петровск, 1890.

Козубский Е. И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

Константинов О. А. Северный Кавказ. М.; Л., 1930.

Корзун В. Б. Литература горских народов Северного Кавказа: (дооктябрьский период). Грозный, 1966.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

Кулинария народов Северного Кавказа. Махачкала, 1954.

Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.

Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л., 1982.

Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.

Лакские эпические песни / Сост. и прим. X. Халилова. Махачкала, 1969.

Леонтович Φ . *И*. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Т. 1—2. Одесса, 1882-1883.

Люлье Л. А. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // Записки Кавказского отделения императорского Русского географического общества. Кн. 5. 1862.

Магомедов Р. М. История Дагестана: с древнейших времен до

конца XIX в. 2-е изд. Махачкала, 1968.

Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане: Из записных книжек историка. Махачкала, 1969,

Магомедов Р. М. Обычаи и традиции народов Дагестана. Махачкала, 1992.

Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом про-

цессе. Т. 1-2. Махачкала, 1999.

Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 2001.

Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.

Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.

Маркграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.

Марков Е. Очерки Кавказа. СПб.; М., 1913.

Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1966.

Марковин В. И. В стране вайнахов. М., 1969.

Марковин В. И. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969.

Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 1—3. М., 1881—1887.

Мурзаханов Ю. И. Горско-еврейский этнограф Илья Шеребетович Анисимов. М., 2002.

Надеждин П. П. Кавказский край: Природа и люди. Тула, 1895.

Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.

Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1983.

Песни народов Дагестана. Л., 1970.

Песни народов Северного Кавказа. Л., 1976.

Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913.

Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1952.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1—5. СПб.; Тифлис, 1885—1891.

Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1-3.

Тифлис, 1901—1904.

Рамазанов X. X. Колониальная политика царизма в Дагестане в 1-й половине XIX в. Махачкала, 1956.

Рамазанов Х. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагес-

тана в пореформенный период. Махачкала, 1972.

Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001.

Руновский А. И. Записки о Шамиле. М., 1989.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 1—44. Тифлис, 1881—1915.

Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1-10. Тифлис,

1868-1881.

Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 1—5. Ставрополь, 1906—1911.

Сказания о нартах: Эпос народов Кавказа. М., 1969.

Сказки адыгских народов. М., 1978.

Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М., 1983.

Сказки народов Дагестана. М., 1965.

Танеев С. И. Заметки о музыке, танцах и песнях урусбиевцев // Вестник Европы, 1886. № 1.

Торнау Ф. Ф. Восноминания кавказского офицера. М., 2000.

 $\it Услар П. K.$ Записки об исследовании кавказско-горских языков. Тифлис, 1887.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 1-6. Тифлис,

1887 - 1896.

Хакуашев А. Х. Адыгское просвещение. Нальчик, 1978.

Хамицаева Т. Свадебная обрядовая поэзия Осетии // Эхо Кавказа. 1994. № 2 (5).

Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик, 1978.

Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

Чеченцы: История и современность. М., 1996.

Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

Шахбиев 3. Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996.

Шегрен А. Осстинская грамматика. СПб., 1844. Шигабудинов М. Ш. Аул Обода. Махачкала, 1999.

Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.; Л., 1949.

Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982.

Эвлия Челеби. Книга путешествий. М., 1979.

 $\mathit{Якубов\,M}$. Очерки истории дагестанской советской музыки. Т. 1. 1917-1945. Махачкала, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	6
І. СТРАНА ГОР И ГОРА ЯЗЫКОВ	
Кавказское многолосие Где жили народы История с демографией Северные соседи Русские писатели о горцах	8 9 17 19 21
ІІ. И ХАН, И РАБ, И ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦ	
Правители и их владения В Черкесии В Карачае В Балкарии В Кабарде В Осетии В Чечне и Ингушетии В Дагестане В Абхазии Княжеские люди Рабы патриархальные и трофейные Духовенство Уздень — значит свободный Вольные общества Имамат Послевоенное управление на Кавказе Освобождение зависимых сословий Упразднение феодальных владений	24 25 28 29 30 31 33 45 49 51 52 55 63 65
ІІІ. СЕМЬЯ ГОРЦА	
Семейный уклад Свадебные обычаи Рождение детей Здоровье матери и младенца Наречение имени Обрезание Аталычество Разводы Траурные обряды Наследование IV. ИЗ КАКОГО ТЫ РОДА?	72 74 105 106 108 112 113 116 118 130
	132
Родовая община	135

Старейшины	136 137 139
V. ЗАКОН И СУД	
Адаты Кровная месть Кодекс Шамиля Новые законы Абреки	142 152 160 164 166
VI. ДАРЫ КАВКАЗСКОЙ ПРИРОДЫ	
Земли горцев От борозды до урожая Стада на алыпийских лугах Овцы Козы Коровы, волы и буйволы Ослы и верблюды Кони Собаки Как горцы охотились, ловили рыбу и добывали мед Богатства недр Нефть Уголь Соль Серебро	169 174 189 190 195 197 200 201 210 215 216 216 217 217
VII. PEMECJIA	
Горские умельцы Златокузнецы Оружейники Холодное оружие Огнестрельное оружие Медники Кавказским буркам пули не страшны На заработки VIII. ТОРГОВЛЯ	219 226 228 228 232 238 239 239
Что меняли и как торговали Ярмарки Какие деньги ходили в горах Горские меры	243 252 254 254

ІХ. ЖИЛИЦІА

Дома на скалах	256
х. Одежда горцев	
Мужской костюм Женские наряды и украшения	283 294
ХІ. КАВКАЗСКИЙ СТОЛ	
Пища горцев Абхазские тосты	304 317
XII. РЕЛИГИИ И ВЕРОВАНИЯ	
Ислам Мусульманские праздники Календари Христианство Иудаизм Отголоски древних верований Культы животных Культ плодородия	320 327 328 329 330 332 342 347
ХІІІ. МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ	
Гадания	348 349
хіу, лекари и здоровье	
Горская медицина	352 361 362
XV. ТРАДИЦИИ	
Горский этикет Гостеприимство Куначество	364 368 371
XVI. ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ	
Народные празднества Игры и состязания Канатоходцы Джигитовка	375 380 385 386

XVII. МУЗЫКА ГОР

Музыкальные инструменты	387 391 400 403
ХVIII. ЭПОС И ФОЛЬКЛОР	
Нартский эпос Любовная лирика Сказки Притчи Анекдоты Пословицы и поговорки Загадки Клятвы Проклятия Благопожелания Приметы	405 407 409 412 414 418 421 422 422 423 423
ХІХ. НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ	
Образование у горцев Письменность Светские школы и библиотеки Печать	425 429 431 441
Источники и литература	444

Казиев Ш., Карпеев И.

К 14 Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 452[12] с.: ил. (Живая история: Повседневная жизнь человечества.)

ISBN 5-235-02585-7

Книга открывает читателю колоритную панораму жизни народов Северного Кавказа в XIX вске. На основе разнообразных этнографических и исторических материалов авторы рассказывают о самобытной культуре и древних обычаях, об устройстве горского общества и семьи, уникальных искусствах и ремеслах, костюмах и пище, праздниках и развлечениях, медицине и долгожителях, а также о других сторонах жизни горцев. Многие из описанных традиций сохранились и ярко проявляются в современной жизни горских народов.

По охвату тем и разнообразию материалов издание не имеет аналогов и представляет собой своеобразную энциклопедию о жизни горцев Север-

ного Кавказа.

УДК 39(479) «15/19» ББК 63.529(24)

Казиев Шапи Магомедович, Карпеев Игорь Вячеславович ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ

Главный редактор А. В. Петров Редактор О. И. Ярикова Художественный редактор А. Ю. Никулин Технические редакторы В. В. Пилкова, Н. И. Михайлова Корректоры Т. И. Маляренко, Е. В. Феоктистова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 09.06.2003. Подписано в печать 25.08.2003. Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л. 24,36+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 33785.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127030, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://mg.gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127030, Москва. Сущевская ул., 21.

ISBN 5-235-02585-7

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время представит на суд читателей следующие издания:

Ю. Лощиц «ГОНЧАРОВ»

В. Томсинов «АРАКЧЕЕВ»

М. Дубаев «РЕРИХ»

Н. Старосельская «СУХОВО-КОБЫЛИН»

Л. Выскочков «НИКОЛАЙ I»

В. Андриянов «КОСЫГИН»

А. Варламов «ПРИШВИН»

П. Декс «ГОГЕН»

А. Бегунова «НАДЕЖДА ДУРОВА»

Отзывы, творческие и коммерческие пре стожения: 787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87 http://mg.gyardiya.ru. dsel@gyardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время представит на суд читателей следующие издания:

М. Бувье-Ажан «АТТИЛА»

Н. Черкашин «АДМИРАЛ КОЛЧАК»

М. Вострышев «МОСКОВСКИЕ ОБЫВАТЕЛИ»

К. Жиль «МАКИАВЕЛЛИ»

С. Федякин «СКРЯБИН»

М. Брион «МОЦАРТ»

Ж.-П. Ру «ТАМЕРЛАН»

Р. де Кастр «БОМАРШЕ»

И. Клулас «ДИАНА ПУАТЬЕ»

Отзывы, творческие и коммерческие предложения: 787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87 http://mg.gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

И. Л. Андреев АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Тишайший — с таким прозвищем царь Алексей Михайлович вошел в русскую историю. Но прозвище, как это чаще всего и бывает, обманчиво. Более чем тридцатилетнее правление второго Романова (1645—1676) исполнено бурными событиями: многочисленными войнами и мятежами, воссоединением с Украиной и присоединением к России Сибири, восстанием Степана Разина и расколом Церкви. Автор книги предлагает читателю свой взгляд на личность московского царя и на историю России его царствования.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения ждем по адресу:

127994, Москва, Сущевская ул., 21 Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86 Телефоны для оптовых покупателей: 787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает книжный магазин: 972-05-41:787-64-77

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Ж.-П. Неродо АВГУСТ

(перевод с французского)

Книга французского ученого Ж.-П. Неродо посвящена наследнику и преемнику Гая Юлия Цезаря, известнейшему правителю, создателю Римской империи — принцепсу Августу (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Особенностью ее является то, что автор стремится раскрыть не образ политика, а тайну личности этого загадочного человека. Он срывает маску, которую всю жизнь носил первый император, и делает это с чисто французской легкостью, увлекательно и свободно. Неродо досконально изучил все источники, относящиеся к жизни Гая Октавия — Цезаря Октавиана — Августа, и заглянул во внутренний мир этого человека, имевшего последовательно три имени.

Книга снабжена богатым иллюстративным материалом.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения ждем по адресу:

127994, Москва, Сущевская ул., 21 Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей: 787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает книжный магазин: 972-05-41:787-64-77

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

П. Декс

ГОГЕН

(перевод с французского)

Среди ведущих мастеров постимпрессионизма Поль Гоген занимает особое место и как личность, и как художник, творчество которого получает самые противоречивые оценки специалистов. Свою лепту в «гогениану» внес и известный французский писатель и искусствовед Пьер Декс, автор работ о Делакруа, Мане, Пикассо и др. В этой книге Декс сообщает много новых фактов из жизни Гогена и исправляет ряд ошибочных положений своих предшественников — биографов и исследователей творчества художника.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения ждем по адресу:

127994, Москва, Сущевская ул., 21 Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86 Телефоны для оптовых покупателей: 787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает книжный магазин:

972-05-41;787-64-77

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Е. Н. Цимбаева ГРИБОЕДОВ

Это первая в России научно-художественная биография гениального автора комедии «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова, блестящего музыканта, дипломата, записного острослова и любимца женщин. Книга, написанная на основе архивных документов, представляет собой достоверное описание жизни героя на широком фоне быта и нравов его эпохи, а также общественно-политической обстановки в России и на меж-дународной арене в первой трети XIX века.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения ждем по адресу:

127994, Москва, Сущевская ул., 21 Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86 Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81 При издательстве работает

книжный магазин: 972-05-41;787-64-77

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

И. С. Андреева, А. В. Гулыга ШОПЕНГАУЭР

Это первая в нашей стране подробная биография немецкого философа Артура Шопенгауэра, современника и соперника Гегеля, собеседника Гёте, свидетеля Наполеоновских войн и революций. Судьба его учения складывалась не просто. Его не признавали при жизни, а в нашей стране в советское время его имя упоминалось лишь в негативном смысле, сопровождаемое упреками в субъективизме, пессимизме, иррационализме, волюнтаризме, реакционности, враждебности к революционным преобразованиям мира и прочих смертных грехах.

Этот одинокий угрюмый человек, считавший оптимизм «гнусным воззрением», неотступно думавший о человеческом счастье и изучавший восточную философию, создал собственное учение, в котором человек и природа едины, и обогатил человечество рядом замечательных догадок, далеко опередивших

его время.

Биография Шопенгауэра — последняя работа, которую начал писать для «ЖЗЛ» Арсений Владимирович Гулыга (автор биографий Канта, Гегеля, Шеллинга) и которую завершила его супруга и соавтор Искра Степановна Андреева.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения ждем по адресу:

127994, Москва, Сущевская ул., 21 Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86 Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81 При издательстве работает

книжный магазин: 972-05-41:787-64-77

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Б. Красноглазов СЕРВАНТЕС

Эпоха Возрождения, давшая миру великих мастеров пера и кисти, одарила испанскую землю такой яркой и колоритной фигурой, как Мигель де Сервантес Сааведра. Весь мир знает Сервантеса и его несравненного героя — Дон Кихота. Однако сама жизнь, биография писателя, уже окутанная дымкой веков, мало известна нашему отечественному читателю, хотя герои его бессмертного романа хорошо знакомы каждому. Автор предлагаемой книги в течение многих лет изучал испанские архивные материалы, все публикации и издания, относящиеся к эпохе Сервантеса, и написал первое документальное жизнеописание великого испанского писателя на русском языке, в котором учтены все новейшие изыскания в мировой сервантистике.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения ждем по адресу:

127994, Москва, Сущевская ул., 21 Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей: 787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает книжный магазин:

972-05-41;787-64-77

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутиной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

живая история:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Ги Шоссинан-Ногаре
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕН И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ
ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ»

П. Монтэ

«НЕЗАВОП»

АНЕНДА ЖИЗНЬ

ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ»

В. Марочкин

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОСИЙСКОГО РОК-МУЗЫКАНТА»

Ж. Ленотр

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕРСАЛЯ ПРИ КОРОЛЯХ»

М. Дефурно «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ИСПАНИИ В ЗОЛОТУЮ ЭПОХУ»

Ж. Брюнель-Лобришон, К. Дюамель-Амадо «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЕНА ТРУБАДУРОВ. XII—XIII ВЕКА»

Отзывы, творческие и коммерческие предложения: 787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87 http://mg.gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

живая история:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А.-Г. Аман «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН. 95—197»

Э. Драйтова «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ А. ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ»

П. Фор «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ»

> И. Клулас «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ЗАМКАХ ЛУАРЫ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ»

М. Брион «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»

Ф. Декруазет «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА К. ГОЛЬДОНИ»

Отзывы, творческие и коммерческие предложения: 787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87 http://mg.gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru Всех любителей гуманитарной литературы приглашаем посетить

новый специализированный магазин-салон СПОБОДА

7H3N

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент биографических изданий, книги по истории, философии, психологии и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4. Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы) или «Новослободская».
Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

www://mg.gvardiya.ru book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА МОПАРТА И ПІУБЕРТА

Ж. Марабини

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БЕРЛИНА ПРИ ГИТПЕРЕ

. Фор

ОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Антроевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ В СТАПИНСКУЮ ЭПОХУ

Зверев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПАРИЖА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ